Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

Москва, 20–29 апреля 2021 г.

Тезисы докладов научной конференции

Издательство Московского университета
2021

УДК 908(5/6)(082)
ББК 26.89(5+6)я431
Л75

Рекомендовано к печати Ученым советом
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Ответственный редактор:
доктор философских наук Н.С. Кулешова

Редакционная коллегия:
И.И. Абылгазиев, М.В. Воронцова, Н.В. Громова, В.Б. Иванов,
В.А. Исаев, С.А. Кириллина, Н.С. Кулешова, Л.Т. Нечаева,
О.А. Машкина, М.С. Мейер, В.В. Орлов, К.А. Панченко,
М.Л. Рейснер, А.Л. Сафронова, А.Л. Стремовская,
Ж.С. Сыздыкова, М.Ю. Ульянов, О.В. Демочкина, К.Б. Волкова

Исследование выполнено в рамках Программы развития
Междисциплинарной научно-образовательной школы
Московского университета «Сохранение мирового
культурно-исторического наследия»

Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика
Л75 (Москва, 20–29 апреля 2021 г.) : тезисы докладов научной конференции / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки ; [отв. ред. Н. С. Кулешова]. — Москва : Издательство Московского университета, 2021. — 304 с.

ISBN 978-5-19-011610-6

Предлагаемое издание представляет собой сборник тезисов докладов профессоров, преподавателей и научных сотрудников ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, а также приглашенных специалистов из ряда ведущих академических институтов и общественных организаций РФ.

УДК 908(5/6)(082)
ББК 26.89(5+6)я431

Публикуется в авторской редакции

ISBN 978-5-19-011610-6

© Институт стран Азии и Африки, 2021
© Издательство Московского университета, 2021

Оглавление

Религии, философия и культура на Востоке 11

Бочковская А.В. «Удивительно современный народ»: британские представления о сикхах и сикхизме на рубеже XVIII–XIX вв. 11

Валеев Р.М., *Валеева Р.З.*, *Эрдман А.В.* Немецкий профессор Франц Эрдман и его арабо-мусульманские исследования в Казани (1819–1845 гг.) 12

Валеев Р.М., *Василюк О.Д.*, *Кириллина С.А.* Письма московских востоковедов из Бейрута и Коньи: А.Е. Крымского (1897 г.) и В.А. Гордлевского (1906 и 1909 гг.) из российского и украинского архивов 14

Вогман М.В. Эортологический смысл масоретской версии книги Эсфирь (Эстер) и праздника *Пурим* в контексте календарного раскола в еврейском обществе II–I вв. до х. э. 15

Волхонский Б.М. О растительной образности в сингальской «Джатаке о большом подземном ходе» (XIV в.): «оязычивание» буддийского канона 17

Жантиев Д.Р. Конфессиональный фактор формирования сиро-ливанской диаспоры (вторая половина XIX — начало XX в.) 18

Захарьин Б.А. Начала индийской лингвофилософии: апология грамматики и грамматистов в «Большом Комментарии» Патанджали 20

Кириллина С.А. Мусульманское паломничество (*хадж*) 2020 г. в условиях пандемии COVID-19 21

Кобищанов Т.Ю. Мистический аспект османо-французского противоборства в Сирии и Египте (1798–1801 гг.): рухания против колдовства 23

Краюшкин Н.Р. Полемическая деятельность ‘Абд ал-Гани ан-Наблуси (1641–1731 гг.) по защите культа мусульманских «святых» 25

Мельник М.Н. Отношения саудовских улама к американскому военному присутствию в Саудовской Аравии в 1990–1991 гг. 26

Орлов В.В. Исламская солидарность или геополитические амбиции? Образы Российской и Османской империй в Марокко (XVIII–XIX вв.) 28

Соловьева Д.В. «Султан студентов» (*султан ат-толба*): феномен карнавальной культуры в традиционном Марокко 30

Старикова М.Н. Особенности гражданского законодательства в современной Индии: многоженство в среде индийских мусульман 31

Стрелкова Г.В. Тема индусско-мусульманских отношений в творчестве писателей хинди второй половины XX в. 33

*Хохлова Л.В.*Язык как важный критерий религиозной самоидентификации в Южной Азии 34

Черкасова Т.Д. Культурный феномен ал-Андалуса: роль мусульманского Востока и христианского Запада 36

Якушев М.М. Гастрономическая культура Османской империи в трудах русских богомольцев конца XVIII — начала XIX в. 37

Христианский Восток 40

Башелеишвили Л.О. Примогенитура и ее влияние на формирование церковной элиты Грузии 40

Брюн С.П. Мелькитская элита сиро-палестинского региона XII–XIII вв.: сановники, бюргеры, врачи и философы из числа «греков и сириан» в государствах крестоносцев 41

Войтенко А.А. Культурно-исторические аспекты христологического раскола на Сирийском Востоке V–VI вв. 44

Грацианский М.В. Региональные церковные и гражданские структуры: типология взаимоотношений в позднеантичный период 45

Копоть Е.М. «Шами» и «любнани» в Антиохийском патриархате в конце XIX — начале XX века 47

Литературоведение 49

Акимушкина Е.О. Трансформация мотива болезни восхваляемого в персидской панегирической поэзии XI–XII вв. 49

Ардашникова А.Н. «Песня кучанских девушек» А. Деххода как стимул общественного движения в Иране эпохи *машруте* (1905–1911 гг.) 50

Барабошкин К.Е. Удача-*юй* как один из важнейших факторов для продвижения литераторов по службе в трактате Ван Чуна «Весы суждений» (I в. н. э.) 52

Башелеишвили Л.О. «Космический гимн» — молитва Автандила В поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» 53

Волкова К.Б. Загадки межлитературных контактов: пьеса Вачиравуда «Настоящее приведение» 55

Волхонский Б.М. О трансформации сюжета и системы образов палийской «Джатаки о Кусе» в классической сингальской поэме «Кавусилумина» (XIII в.) . . . 56

Гурия А.Г. Тема леса в санскритской поэзии (на примере жанра литературной джатаки и поэзии малой формы) 58

Ершова Ю.С. Канун подъема женского литературного творчества в Индонезии: проза Нх. Дини 59

Иванова В.А. «Книга по случаю кремации» как особый жанр тайской литературы 60

Кукушкина Е.С. Французские сюжеты в реформистской интерпретации раннесовременной малайской литературы 61

Никольская С.В. История страны в изображении современных китайских писателей 63

Оганова Е.А. Постмодернистская парадигма в произведениях турецкого драматурга Бехича Ака 64

Осипова К.Т. Арабский исторический роман XXI в.: следование глобальным тенденциям в литературе или самобытное осмысление актуальных проблем? 67

Поспелова М.К. Поэтические публикации Лю Баньнуна в журнале «Новая молодежь» (1918–1923 гг.) 69

Рейснер М.Л. Эволюция поэтических фигур «красота перехода» и «красота концовки» в каноне персидской газели (XI–XV вв.): соотношение теории и практики 70

Репенкова М.М. Героиня Серай Шахинер в романе «Раба Божья» (2017 г.) 72
Садокова А.Р. Тотемы-растения в айнской мифологии: традиция и современность 74
Семененко И.И. Патетико-элегические мотивы в китайских «одах о музыке» 75
Стрелкова Г.В. Маратхский писатель Анна Бхау Сатхе и его восприятие России 76
Строганова Н.А. Аспекты рассмотрения дружеского письма в раннесредневековой китайской литературе. Продолжение (часть 2) 78
Фролова М.В. Раксасы как антагонисты индонезийского фольклора: театр *ваянг* и волшебные сказки 80

Новая и Новейшая история стран Азии и Африки 82

Арешидзе Л.Г. Как будут меняться японо-американские отношения в условиях подготовки к третьей мировой войне 82
Бикмаева К.И. Этапы языковой политики в МНР (1941–1992 гг.) 83
Волчкова Е.В. Образ Лондона в китайском поэтическом сборнике первой половины XIX в. «Ланьдунь шиюн» (Десять напевов о Лондоне) 85
Коняшкина Т.А. «Исцеляющая *машруте*» как конституция компромисса 86
Литвинцева Е.Я. Борьба за Ганди в политической культуре современной Индии 88
Наливайко О.А. Китайская кухня в Японии в конце XIX – начале XX в. 89
Новакова О.В. От XII к XIII съезду компартии Вьетнама в контексте политического пространства страны 91
Овчинникова Л.В. Сфера совместного процветания великой Восточной Азии и Кореи 92
Сафронова А.Л. «Палата князей» в политических процессах Южной Азии (первая половина XX в.) 94
Симонова-Гудзенко Е.К. Василий Ловцов (1737–?), капитан галиота «Святая Екатерина» 96
Смирнов В.Е. Социальные практики египетских беев в конце XVIII в. 97
Спектор И.Б. «Мусульманская фракция» в БДП: эволюция политического взаимодействия между индусскими националистами и религиозными меньшинствами 99
Тертицкий К.М. Осада Албазина в «Черепановской летописи» (XVIII в.) 100
Филимонова А.Л. Коронавирус в массовом сознании пакистанцев: традиционные смыслы новой реальности 102
Фурсов К.А. Субхас Чандра Бос и проблема восточного коллаборационизма 103
Шалупенко Е.В. «Гибридные угрозы» безопасности Пакистана в контексте индийского фактора (по данным пакистанского армейского журнала «Грин бук») 105
Шлыков В.И. Турецкий национализм в исторической ретроспективе XX в. и его современное прочтение 106
Шлыков П.В. Политика памяти в современной Турции: дихотомия «реальной» и «официальной» истории 108

Политология 110

Абылгазиев И.И. Геополитические аспекты коронавирусной пандемии 110
Адамс О.Ю. «Две сессии» — 2021: достижения и новые направления антикоррупционной работы в КНР 111
Арсанова Т.Е. ЮНЕСКО на Ближнем Востоке в условиях пандемии 112
Ван, Ян. Цифровизация высшего образования: российско-китайский опыт 114
Васецова Е.С. Сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики в борьбе с терроризмом 115
Жигульская Д.В. Консервативный нарратив в современной политике Партии справедливости и развития в Турции 117
Кулешова Н.С. Миграции в условиях политической неопределенности 118
Кутовая Е.А. Индо-Пасифика и страны АСЕАН 120
Лилеев И.Л. Новые аспекты политики ЕС в Африке в XXI веке 122
Романова И.А. Факторы формирования политической культуры Японии 125
Смирнов Д.А. Особенности социально-политического развития Тайваня как результат эволюции тайваньского общества в XX веке 128
Стремовская А.Л. Роль цифровой дипломатии в современных международных отношениях 130
Реза, Хазели. Социально-политические последствия пандемии на рынке труда 132
Жае Дук, Чой. КНР во внешнеполитической стратегии Южной Кореи 134
Аймалетдинов А.А. Ислам и государство 135
Лян, Цзячу. Новый международный космический порядок и ответственность Китая 136
Джаватханов К.И. Радикализация молодежи Северного Кавказа: причины и последствия 137

Экономика стран Азии и Африки 139

Карамурзов Р.Б. Трудовая миграция странах Азии и Африки в условиях пандемии: предварительные итоги 139
Касимовская Е.Н. Глобализация и экономический рост в странах Тропической Африки: опыт количественного анализа 140
Тимонина И.Л. Экологизация бизнеса в контексте формирования «циркулирующей и экологической экономики» в Японии 142
Сучкова А.А. Некоторые аспекты политики продовольственной безопасности в странах Восточной Африки 144
Мельянцев В.А. Важнейшие тренды, контртренды, факторы и проблемы-противоречия долговременного экономического роста развитых и развивающихся стран 146
Бойцов В.В. Экономический рост и особенности динамики и структуры торгово-экономических связей стран Юго-Восточной Азии на рубеже XX — XXI вв. 148
Бочарова Л.С. Арабские страны в условиях пандемии COVID-19: первые итоги 149

Ульченко Н.Ю. Пандемия как катализатор проявления основных дисбалансов в экономике Турции 151
Барабошкина Т.А. Модернизация агропродовольственной системы Республики Узбекистан в целях устойчивого развития 152

Языкознание 155

Аганина Г.Р. Проблематика звукоучения в «Китаб» Сибавайхи 155
Аскерко Н.А. Основные положения синтаксической теории Сибавайхи 156
Бессонова Е.Ю. Адаптированный контент в сегменте японских онлайн-газет 158
Быкова С.А. Особенности ролевого языка «якувариго» персонажей-иностранцев в виртуальных диалектах 159
Вихрова А.Ю. Особенности произнесения нейтрального тона 轻声 в путунхуа 160
Громова А.В. Категория числа в диалектах Фарса (на примере давани) 163
Захарьин Б.А. Когезия главных составляющих санскритского предложения и принцип единичности выражения 165
Иванов В.Б. Топик как член предложения вместо словосочетаний с местоименной связью в персидском языке 167
Крнета Н.Д. Изменения в восприятии некоторых аспектов вежливой речи в молодежной среде (на материале проведенных опросов) 169
Лебедев В.В. Русская интонация, арабский синтаксис и смысловое значение высказывания (постановка проблемы) 171
Линяев Д.В. Приставочные глаголы русского языка и их японские эквиваленты. Проблематика перевода и преподавания 173
Нечаева Л.Т. Двойные падежи в японском языке 173
Порхомовский М.В. Таксономия такс: к вопросу о наименовании пород собак в турецком языке 176
Савватеева Т.С. Предложения-дейктики как средство выражения модальности в египетском диалекте 177
Хохлова Л.В. Мотивация гиперролей в западных новоиндийских языках (хинди-урду, раджастхани, панджаби и гуджарати) 178

История, источниковедение и историография Древнего и Средневекового Востока 181

Вигасин А.А. Древнеиндийский алкоголь 181
Гордиенко Е.В. Выбор духа-покровителя как веха в истории местности на юге Вьетнама в XIX в. 183
Грачев М.В. Частная торговля с иностранцами в Японии X–XII вв.: государственная политика и реальность 184
Зайцев И.А. Министры-командиры бирманского войска в эпиграфике Пагана XII–XIII вв.: титулы, участие в военных кампаниях 186
Никольская К.Д. У истоков европейского востоковедения: южноиндийские конспекты Георга Якоба Кера 187
Попова Г.С. Краткая история изучения *Чжань-го-цэ* («Стратегии Сражающихся царств», III в. до н. э.) 189

Раимов Р.И. Некоторые замечания по истории судебной системы Тохаристана в V–VIII вв. по материалам рукописей из коллекции Халили (Khalili) 192

Сюннерберг М.А. Проблема имущественных прав женщин в доколониальном Вьетнаме (подходы в современной мировой историографии) 194

Ульянов М.Ю. Жрецы-музыканты *ши* 師 царств Восточной Азии периода Чуньцю (771–453 гг. до н. э.) 196

Ульянов М.Ю. Основные этапы складывания классической яванистики в Нидерландах XIX в. 199

Хазизова К.В. О некоторых причинах вооруженного выступления военных чиновников в государстве Корё в 1170 г. 201

Африканистика 204

Громова Н.В. О неглагольной предикации в языках банту 204

Касимовская Е.Н. Всемирный обзор ценностей в дискурс-анализе современной Африки 206

Кравченко С.Л. Заимствования в амхарском политическом дискурсе 208

Львова Э.С. Первые подходы к преподаванию культуры народов Африки в МГУ (лекции В.Н. Харузиной в начале XX в.) 211

Петренко Н.Т. Современные тенденции в процессе пополнения лексического состава языка суахили 212

Порхомовский В.Я. Хамитская теория в африканском историческом языкознании 214

Ренжин А.П. Дифференцированное маркирование объекта в амхарском языке ... 215

Суетина Ю.Г. Неологизмы в языке СМИ на хауса 217

Урб М.Р. Территориальные варианты языка африкаанс 220

Милюкова О.Э. Распределение сельскохозяйственной лексики по именным классам 222

Шатохина В.С. Пословицы суахили в письменном дискурсе 224

Методика и практика преподавания восточных языков 226

Васильева Л.В. Обновление и переработка учебных материалов для работы в дистанционном формате (на примере преподавания разговорного аспекта) 226

Бессонова Е.Ю. Роль бумажного носителя информации в процессе проведения практических онлайн-занятий по японскому языку 228

Германович А.В. К вопросу о преподавании перевода и формах контроля при дистанционном обучении на 4-м курсе бакалавриата 229

Громова А.В. Путешествие в Персеполь: новые мультимедийные ресурсы для иранистов-историков 231

Захарьин Б.А. Обновление и переработка учебных материалов для преподавания в дистанционном режиме: межъязыковые грамматические аналогии как методический прием 233

Оганова Е.А. О новых принципах взаимодействия студента и преподавателя в процессе обучения восточному (турецкому) языку 235

Напольнова Е.М. Личная сфера говорящего в турецком языке 237
Нечаева Л.Т. Использование эффекта Б.В. Зейгарник в преподавании иностранных языков 238
Поспелова М.К., Самохвалова М.А. О некоторых методических проблемах преподавания китайского языка у студентов 1-го и 2-го курсов бакалавриата 239
Хохлова Л.В. Новая методика преподавания хинди в дистанционном формате: регулярные коллоквиумы с индийскими студентами 241

Преподавание западноевропейских языков студентам-востоковедам: особенности методики на современном этапе 243

Воронцова М.В. Применение дистанционных технологий при работе с текстами по специальности 243
Зиза М.В. Грамматическая компетенция при преподавании в онлайн-формате 244
Клюкина Е.В. Storytelling в онлайн-обучении 246
Шихзаманова Т.Н. Использование метода проектов в группах студентов-востоковедов. 248
Резепова Н.В. Игровой компонент при формировании терминологической компетенции у студентов-востоковедов 249
Шихзаманова Л.Э. Роль культурологического компонента в преподавании английского языка магистрантам-востоковедам 251
Иванова О.А. Дискуссия как метод обучения иностранному языку студентов-политологов 252

Культура Востока. 254

Кириллов А.В. Основной вопрос практической культурологии 254
Солодовник Д.М. К вопросу о культурном разнообразии и межцивилизационном диалоге (на примере ЮНЕСКО и ИСЕСКО) 257
Зайцев В.Н. Устойчивость культурного генотипа как основа исторической долговечности иранского государства 258
Мазурик В.П. О возможности христианско-буддийского диалога в культуре Японии 260
Кудряшова А.В. К вопросу о «поэтических именах» чайной утвари в традиции «Пути Чая» 261
Ермаков К.В. Корейский конфуцианец Чон Дасан о социальной роли музыки . . . 263
Цзе, Юй. Организация обучения китайскому языку при Российской духовной миссии в Китае в XVIII в. 265
Машкина О.А. Эволюция научных подходов к оценке роли «кэцзюй» в жизни императорского Китая 267
Кириллов А.В. Магические символы на тибетских ключах 268
Сергеева А.А. Влияние пандемии на результаты обучения иностранных студентов в ИСАА 270
Кузнецова В.В. Система социального кредита граждан: традиция или «новая реальность» 271

Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа 274

Гаджиева А.А. Языковые особенности казахских пословиц, записанных Н.Н. Пантусовым в Семиреченской области 274

Ганич А.А. Тифлисские мусульманские училища Алиева и Омарова учений: из истории педагогического проекта царской администрации на Кавказе 276

Досова Б.А. Казахстан и Центрально-Азиатский регион через призму теории комплексов региональной безопасности 278

Зайцев И.В. Османские документы по истории Аджарии во Владикавказе 280

Кадырбаев А.Ш. К вопросу о создании Кокандской автономии 282

Караев Т.М. Современные проблемы кавказоведения. Новый «старый» ориентализм 284

Касимовская Е.Н. Гендерный разрыв в странах Центральной Азии 286

Кораев Т.К. Памятники персоязычного историописания Центральной Азии и русский академический перевод: историографический обзор 288

Махаматов Т.М. Поиски основ национальной идентичности центрально-азиатских республик 290

Нурулла-Ходжаева Н.Т. Мусульманский космополитизм 291

Пархимович В.Л. Эволюция конституционного строя государств Южного Кавказа на рубеже XX–XXI вв. 293

Рахаев Д.Я. «Отец нации»: И.Г. Чавчавадзе и грузинское национальное движение во второй половине XIX в. 295

Сыздыкова Ж.С. Центральная Азия между Востоком и Западом 298

Сапрынская Д.В. Исследование мусульманских национальных меньшинств в Центральной Азии: современные подходы и научные направления 299

Хубоншоев Ш.Д. К вопросу о сохранении памирских языков 301

Чедия А.Р. Становление Республики Абхазия и Южной Осетии как независимых государств: 30 лет де-факто, 13 лет де-юре 302

Религии, философия и культура на Востоке

А.В. Бочковская

«Удивительно современный народ»: британские представления о сикхах и сикхизме на рубеже XVIII–XIX вв.

В докладе рассматриваются представления англичан о сикхизме — религии, распространенной в Панджабе (Пятиречье) на северо-западе южноазиатского субконтинента, — в период, непосредственно предшествовавший «открытию» Индии для деятельности христианских миссионеров.

К рубежу XVIII–XIX вв., несмотря на продолжавшуюся дискуссию в Великобритании о целесообразности миссионерства в Индии, география южноазиатского христианства постепенно расширялась, прежде всего за счет восточных (Бенгалия), северных (долина Ганги), а также некоторых центральных районов страны. Северо-запад находился на периферии внимания носителей идей христианства: Панджаб был аннексирован англичанами лишь в 1849 г., а до того времени бóльшая его часть входила в состав государства Ранджита Сингха (правил в 1799–1839 гг.). По Амритсарскому договору 1809 г. граница между владениями «Панджабского/Лахорского льва» и Ост-Индской компании (ОИК) была зафиксирована по р. Сатледж, и англичане, получив доступ в восточную часть Пятиречья, обрели возможность непосредственно знакомиться с ее жителями и их «особой», отличной от индуизма и ислама религией.

К этому времени у британцев уже имелись некоторые представления о сикхизме. Одним из первых, кто системно, хотя и очень кратко, описал сикхов и их учение, был основатель Бенгальского азиатского общества Чарльз Уилкинс. Он встретился с последователями гуру Нанака во время путешествия по Северной Индии, оказавшись в Патне (Бихар), где находилась *гурдвара*, построенная по указанию Ранджита Сингха на месте рождения десятого сикхского гуру Гобинда Сингха, и описал свои впечатления в буклете *The Seeks and their College at Patna* (1781).

В трактате известного предпринимателя и политика Чарльза Гранта *Observations on the State of Society among the Asiatic Subjects of Great Britain* (1792) сикхи упоминались как обладатели несвойственной индусам «относительно простой и рациональной религиозной системы». Для сторонников миссионерской деятельности в Индии важным было

наблюдение Ч. Гранта о некорректности убеждения многих европейцев в том, что все индусы неукоснительно следуют положениям их религии и уверены в ее «исключительности». Он подчеркивал, что в индуизме издавна возникали различные «секты», одной из которых и стали сикхи. Это подтверждало тезис о том, что религиозные воззрения индусов не были непоколебимыми, и, следовательно, распространение идей Евангелия в Индии оказывалось вполне возможным и целесообразным.

Глава фактории в Сурате Джон Гриффитс в переписке (1794) с чиновником ОИК Александром Адамсоном отмечал, что сикхи — «удивительно современный народ» — принимают прозелитов из практически любой касты и в этом вопросе «самым существенным образом отличаются от индусов». Он настаивал на том, что «если верно утверждение, что основополагающим принципом их религии является поклонение единственному Всевышнему во вселенной, то мы вполне можем поставить им в заслугу обладание хорошими качествами рода людского», и усилия по распространению христианских идей в их среде попадут на благодатную почву.

Наиболее обстоятельным описанием сикхов — «уникального народа, населяющего Панджаб» — стала книга представлявшего интересы ОИК в Индии и Иране Джона Малкл(л)ма *Sketch of the Sikhs* (1812), в которой он детально изложил историю правителей Пятиречья, а также проанализировал особенности становления сикхизма как религиозной системы.

В целом на рубеже XVIII–XIX вв. британцы, как и другие европейцы, воспринимали последователей гуру Нанака по-разному: одни рассматривали их как носителей самостоятельной веры, другие — как «своеобразных индусов». Представления о сикхах стали меняться с расширением британского присутствия в Панджабе и в особенности с началом деятельности там протестантских миссионеров в 1830-х годах.

Р.М. Валеев, Р.З. Валеева, А.В. Эрдман

Немецкий профессор Франц Эрдман и его арабо-мусульманские исследования в Казани (1819–1845 гг.)

Важное место в истории российского и европейского востоковедения, в культуре и науке России занимают Казанский и Санкт-Петербургский университеты, Азиатский музей и другие ключевые отечественные научно-просветительские центры с богатыми исследовательскими и гуманистическими традициями изучения Востока. В их формировании большую роль сыграли выдающиеся отечественные

ученые и практики, в том числе немцы по происхождению (Г.З. Байер, Г.-Я. Кер, Г.Ю. Клапрот, Х.Д. Френ, Б.А. Дорн, Ф.И. Эрдман, И.Ф. Готвальд, В.В. Радлов и др.), которые окончили университеты в Германии и связали свою судьбу с Россией. Выпускники университетов Германии внесли существенный вклад в становление и развитие востоковедения в России. Так, профессоры Х.Д. Френ, Ф.И. Эрдман, И.Ф. Готвальд и В.В. Радлов подняли казанское востоковедение на принципиально иной уровень и оставили значимый след в истории Казанского университета.

Профессор Казанского университета Франц Фридрих Людвиг Эрдман / Friedrich Franz Ludwig Erdmann (Федор Иванович Эрдман) (1795–1862) родился в г. Людвигслюсте (Великое герцогство Мекленбург-Шверинское). Его отец Иоганн Эрнст Фридрих Эрдманн, сын богослова и учителя Иоганна Иова Эрдманна, служил до 1798 г. преподавателем в педагогической школе в Людвигслюсте, а затем пастором в Шверине. Мать Франца Эрдмана, Луиза Шарлотта Ульрика Абель, была дочерью композитора, скрипача и капельмейстера Леопольда Абеля, племянницей композитора Карла Фридриха Абеля, внучкой скрипача и композитора Христиана Фердинанда Абеля.

Франц Эрдман до 1808 г. получал домашнее образование. С 1808 по 1812 г. он учился в Катаринеуме, в Любекской гимназии. В 1813 г. он поступил в Ростокский университет на богословский факультет. В числе его преподавателей был О.-Г. Тихсен (1734–1815), который и увлек Франца Эрдмана востоковедением. По окончании Ростокского университета Франц Эрдман продолжил образование в Гёттингенском университете, а после его окончания защитил диссертацию по теологии и получил место помощника преподавателя. В 1816–1817 гг. Франц Эрдман был приглашен в Казанский университет и 4 сентября 1818 г. был утвержден в должности ординарного профессора. Однако приехать в Казань и приступить к работе в Казанском университете он смог только в августе 1819 г. Здесь он трудился до мая 1845 г.

Доклад посвящен обзору наследия Федора Ивановича Эрдмана и изложению основных вех его биографии. При этом основное внимание уделяется анализу его педагогической и научной деятельности в Казанском университете и его вкладу в арабо-мусульманские штудии. Он стал вторым после Х.Д. Френа (1782–1851) приглашенным германским профессором восточной словесности в Казанском университете и одним из последних учеников известного немецкого ориенталиста О.-Г. Тихсена.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00385, и РНФ, проект № 21-18-00124.

Р.М. Валеев, О.Д. Василюк, С.А. Кириллина

Письма московских востоковедов из Бейрута и Коньи: А.Е. Крымского (1897 г.) и В.А. Гордлевского (1906 и 1909 гг.) из российского и украинского архивов

В первой части доклада представлен обзор и анализ двух сохранившихся писем А.Е. Крымского (1871–1942), относящихся к периоду его научной командировки в Бейрут (Ливан), профессору Московского университета и Лазаревского института восточных языков (ЛИВЯ) А.Н. Веселовскому (1843–1918). Эти письма из собраний Российского государственного архива литературы и искусства [1] в значительной степени расширяют наши представления о пребывании А.Е. Крымского в Ливане с октября 1896 г. по май 1898 г. Личные автографы А.Е. Крымского являются ценной составляющей его эпистолярного наследия, содержат оригинальные оценки политической, общественной и культурной обстановки в Бейруте в конце XIX в. Эти письма А.Е. Крымского А.Н. Веселовскому, написанные в январе и июле 1897 г., не вошли в известные работы, посвященные эпистоляриям отечественных ученых.

В связи с положительным решением Совета Лазаревского института восточных языков (от 20 марта 1896 г.) о научной командировке на Ближний Восток А.Е. Крымский в письме своему наставнику — профессору института В.Ф. Миллеру (1848–1913) от 23 марта 1896 г. писал: «Моя давнишняя мечта — посвятить себя востоковедению не урывками, а всецело — теперь уж близка к осуществлению, и скажу без преувеличений: у меня не хватает слов, чтобы вполне Вам выразить свою признательность» [2, с. 234].

Встречи и взаимоотношения А.Е. Крымского и А.Н. Веселовского связаны с Лазаревским институтом восточных языков, где в 1889–1892 гг. учился адресат. В дальнейшем, до 1918 г., они вели совместную педагогическую и научную деятельность. Имя Алексея Николаевича Веселовского (1843–1918) не столь широко известно на фоне его знаменитого брата, академика Петербургской АН, историка литературы Александра Николаевича Веселовского (1838–1906), что ни в коем случае не умаляет значительности его вклада в гуманитарную науку, в том числе в московское востоковедение.

Академики А.Е. Крымский и В.А. Гордлевский (1876–1956) — значимые фигуры в истории отечественной классической ориенталистики, особенно в области академической и университетской тюркологии, османистики, арабистики и иранистики. Вторая часть доклада посвящена обзору деятельности А.Е. Крымского и В.А. Гордлевского

в Лазаревском институте восточных языков (1898–1918) и их дореволюционной личной переписке. Основное внимание в ней уделено двум неизвестным в истории отечественного востоковедения письмам, посланным А.Е. Крымскому В.А. Гордлевским из Коньи (Турция) и Москвы. Оба письма, датируемые соответственно 7 ноября 1906 г. и 20 апреля 1909 г., хранятся в фонде Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (ИР НБУ) (г. Киев) [3, 4]. Письма В.А. Гордлевского профессору Лазаревского института восточных языков А.Е. Крымскому относятся к значимому этапу их научного и личного сотрудничества.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00385, и РНФ, проект № 21-18-00124.

Литература

[1] Два письма А.Е. Крымского профессору Московского университета и его учителю Веселовскому А.Н. 1897 г. РГАЛИ. Ф. 80, оп. 1, ед. хр. 132. 2 письма на 16 л.

[2] *Кримський А.Ю.* Твори в п'яти томах. Т. 5, кн. 1. Листи (1890–1917). Київ, 1973.

[3] Письмо В.А. Гордлевского А.Е. Крымскому из Коньи от 7 ноября 1906 г. ИР НБУ, ф. XXXVI. д. 236. Л. 1–2.

[4] Письмо В.А. Гордлевского А.Е. Крымскому из Москвы от 20 апреля 1909 г. ИР НБУ, ф. XXXVI, д. 237. Л. 1–2.

М.В. Вогман

Эортологический смысл масоретской версии книги Эсфирь (Эстер) и праздника *Пурим* в контексте календарного раскола в еврейском обществе II–I вв. до х. э.

Библейская новелла *Эсфирь* (Эстер) создана между V и I вв. до х. э., скорее, к концу периода. Среди знаменитых трудностей книги — изобилие календарных датировок, в том числе размещение основной перипетии в середине I весеннего месяца *Нисан*, на месте весеннего «нового года» *Песах*.

Ивритская версия — *MT* — не позже II в. х. э. стала основой ритуала праздника Пурим в последнем (XII–XIII) месяце лунно-солнечного еврейского года (*L354*). В библиотеке Кумрана — группы, отколовшейся от иерусалимской храмовой политии в середине II в. до х. э., отсутствует. Итак, *Sitz im Leben* протоверсии должен относиться к эллинистическому периоду. В эту эпоху немыслимо допустить, что праздник *Песах* был неизвестен: элита, санкционировавшая чтение *Эстер в* Пурим, должна была понимать MT каким-то

способом, соответствовавшим ее воззрениям. Объяснением этого представляется наличие в произведении *эортологического смысла* [1, p. 52].

В *MT Эстер* маркировано 8–9 дат (5 групп дней). Календарные формулы распадаются на несколько групп. Продолжительность царского пира в главе 1 — 180 дней, 1/2 *схематического солнечного 360-дневного* года (*S360*). В отношении же героини в следующей главе используются формулы «*6*» и «*12 месяцев*». Это заставляет заподозрить присутствие разных систем исчисления как характеристик идентичности персонажей [1, pp. 55–59, 69–70]. Развернутые календарные датировки фигурируют лишь с главы 3, когда происходит *свадьба* Эстер и царя; эти датировки двойственны — сочетают *порядковые номера* месяцев (характерные для Пятикнижия и *солнечных* календарей) с арамейскими их *именами* в вавилонско-еврейском *лунном 354-дневном* году. Таким образом, соседствуют даты по календарю *L354* (который ассоциируется с евреями) и *S360* (ассоциируется с двором).

Все даты *MT* связаны со значимыми точками календаря. На время Песаха приходится *пост* героев, а три группы дней (23/3, 7–10/7, и 10(?)/10), когда по сюжету *пиры*, совпадают с периодами *поста* как в вавилонской, так и еврейской эортологии [2, с. 26–28] в три сезона эллинистического 4-частного года; четвертый же, весна, маркируется *двумя* группами дат: *пасхальными* 13–16/1 и *пуримскими* 13–16/12. Вместе с логикой числового ряда 1/1–7/7–10/10–13/13 это может указывать на интеркаляцию лунного года — вставку 13-го месяца. Актом «календарной магии» [1, pp. 51–52, 63] праздник Песах переносится на месяц вперед, а нагаданный антагонистами год гибели евреев объявляется ненаступавшим.

Ergo, MT может представлять собой пропаганду подвижного («женского») еврейского лунного календаря с интеркаляцией 13-го месяца (и критику схематического «царского» *S360*).

Такая трактовка вписывает книгу в исторический контекст II–I вв. до х. э., когда оппозиционные к иерусалимскому священству группы подняли на знамена солнечный календарь Еноха (*S360+4*). Кумраниты обвиняли Иерусалим в «*следовании праздникам язычников*» (т. е. *L354*); *MT* же утверждает солнечный календарь как иноземный, а лунный — как «свой». Это значит, что *Пурим* мог быть осмыслен как праздник весенней интеркаляции (а *Эсфирь* — как символическая повесть о спасительной роли «правильно» вычисленной даты Песаха).

Литература

[1] *Jacobus H.* Calendars in the Book of Esther: Purim, Festivals, Cosmology // Studies on Magic and Divination in the Biblical World. New Jersey: Gorgias Press, 2013. P. 69–94.

[2] *Емельянов В.В.* Непонятая весть книги Есфирь: библейский текст глазами ассириолога // Санкт-Петербургский Церковный вестник. 2005. № 3. С. 25–28.

Б.М. Волхонский

О растительной образности в сингальской «Джатаке о большом подземном ходе» (XIV в.): «оязычивание» буддийского канона

Растительная образность пронизывает собой всю традиционную южноазиатскую культуру, подчеркивая разнообразие окружающего мира во всей его полноте. Вместе с тем «чистый» буддизм демонстрирует иной подход к трактовке растительных образов. Так, в «Дхаммападе» (сборнике изречений Будды) образы растений в основном вызывают ассоциации с такими понятиями, как «бренность бытия», «ненадежное убежище», «страсть», «желание» и в конце концов — «гибель».

Жанр буддийских джатак (рассказов о прошлых рождениях Будды) стоит несколько особняком среди произведений буддийского канона. Сами рассказы пришли из фольклорной стихии, при вхождении в канон претерпели изменения в сторону усиления морализаторского начала, но продолжали бытовать и в народном творчестве, порождая многочисленные фольклорные варианты.

Сингальские джатаки («Книга 550 джатак») были переведены (пересказаны) с палийского оригинала в начале XIV в. Одна из самых больших по объему — повествующая об одном из последних земных воплощений Бодхисатвы «Уммагга джатака» («Джатака о большом подземном ходе»). Бодхисатва предстает как мудрец Махаушадха, советник царя Ведехи (из династии Видеха, правившей в Северной Индии в IX–VI вв. до н. э.).

Растительные образы в сингальском варианте фигурируют более сотни раз — упоминается несколько десятков видов растений. Они дают обширный материал об этнологии, демонологии, народной медицине, обрядовой стороне жизни древнеиндийского (и, вероятно, средневекового ланкийского) общества. Здесь будут рассмотрены те образы, которые идут вразрез с трактовкой в раннем буддизме.

В повествовании о чудесном рождении мудреца Махаушадхи говорится, что он появился на свет, держа в руке сандаловую палоч-

ку, которую вложил ему бог Шакра (ведийский Индра, популярный фольклорный персонаж). Этот сандал обладал чудодейственной лекарственной силой и определил собой судьбу Бодхисатвы и его имя (Махаушадха — «Великий целитель»). Между тем в «Дхаммападе» про сандал говорится, что его аромат меркнет перед ароматом добродетели.

Образ Шакры косвенным образом обыгрывается и в других местах произведения. Часто даже в рамках одного описания образы входят в противоречие друг с другом. Так, при описании Будды Гаутамы и сада Джетавана расписывается пышность этого сада (с перечислением нескольких видов растущих там деревьев) и говорится, что он посрамляет собой Сад наслаждений [бога Шакры] (синг. *нандун ваная*, санскр. *нандана вана*). В дальнейшем образ сада наслаждений неоднократно возникает при описании добродетельных деяний Бодхисатвы.

Буддийская сангха, окружающая Будду, уподобляется самым пышным цветам: монахи украшены цветочными гирляндами, облачены в робы, подобные букету цветов *муруты*, увлажненных соком цветов *лакши* (оба цветка — ярко-красного цвета), а сами они подобны букету цветов, подносимому золотой *дагобе*, зарослям красных лотосов или гирлянде красных гибискусов (*вада*), окружающих гору *Читракута*.

Отход образности джатаки XIV в. от раннего буддийского канона может объясняться двумя факторами. С одной стороны, исторической ситуацией (необходимостью обоснования единства государства в гармонии мирской и духовной сторон жизни перед лицом внешней угрозы). С другой — процессом, который в христианстве именуется «оязычиванием», т. е. включением в традицию более древних верований, представлений и обрядов (что отчасти связано и с первым фактором).

Д.Р. Жантиев

Конфессиональный фактор формирования сиро-ливанской диаспоры (вторая половина XIX – начало XX в.)

Во второй половине XIX в. прибрежные районы Османской Сирии и Ливана стали источником нарастающих миграционных потоков местных жителей (как христиан, так и мусульман различных конфессий), направлявшихся в поисках лучшей жизни к берегам Европы и Нового Света. При этом именно страны Северной и Южной Америки (в первую очередь, США, Бразилия, Аргентина, Мексика

и Колумбия) стали объектами наиболее интенсивных миграционных потоков и ареалами наибольшего распространения сиро-ливанской диаспоры.

Важную роль в формировании движущих причин и мотиваций к эмиграции сыграло покровительство, оказывавшееся Францией в отношении маронитской общины, которая воспринималась во французском обществе как часть католического мира. Идея культурной близости маронитов к Франции, поддержанная католическими миссионерами, постепенно распространялась и в самом Ливане как до, так и после французской интервенции 1860–1861 гг. Французское культурное влияние в Горном Ливане укрепляло отчужденность между маронитами, друзами и мусульманами-суннитами [1, с. 240–256]. Друзо-маронитский конфликт, усиливший напряженность в регионе в середине XIX в., создал условия для оттока части местного населения в портовые города (в первую очередь, Бейрут) и далее — за пределы османских владений. При этом каждый из мотивов миграции (социальный, политический и экономический) заключал в себе аспект межконфессиональных отношений [2, с. 113–114].

Рост межконфессиональной отчужденности, вызванный в основном политическими причинами, парадоксальным образом сопровождался расширением горизонтов общественного сознания в арабо-мусульманской культуре и формированием новых подходов к освоению пространственной и социально-политической реальности в процессе модернизации в сирийских провинциях Османской империи [3, с. 251–290]. Получение образования в стенах миссионерских учебных заведений укрепляло религиозную составляющую в сознании выпускников-христиан, побуждая в дальнейшем многих из них к эмиграции.

Формировавшаяся в ходе растущей эмиграции в последней четверти XIX — начале XX в. сиро-ливанская диаспора во многом сохраняла вдали от родины этнокультурную специфику своего традиционного социума. Стремление эмигрировать в Новый Свет помимо демографических и экономических причин в немалой степени мотивировалось стремлением выйти за рамки конфессиональной замкнутости. В то время как эмигранты из числа маронитов и христиан других конфессий рассчитывали обрести более благополучную и безопасную жизнь среди зарубежных единоверцев, эмигрантам из числа мусульман при переезде в Новый Свет приходилось преодолевать вековой стереотипный взгляд на христианские страны как на «земли неверия», посещение которых считалось нежелательным. При этом значительная доля мусульман-шиитов среди эмигрантов указывает на их специфическое отношение к османскому государству, которое в их

глазах (в отличие от мусульман-суннитов) не могло восприниматься как воплощение истинного исламского правления.

Литература

[1] *Жантиев Д.Р.* Межкультурные контакты в ходе французской интервенции в Ливане 1860–1861 гг. // Французский ежегодник. 2018. С. 240–256.
[2] *Сарабьев А.В.* Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX — первая половина XX в.). М.: ИВ РАН, 2012. 324 с.
[3] Освоение мира. Памятные страницы истории Арабского Востока / отв. ред. Д.Е. Мишин, В.В. Орлов. М.: ИВ РАН, 2020. 324 с.

Б.А. Захарьин

Начала индийской лингвофилософии: апология грамматики и грамматистов в «Большом Комментарии» Патанджали

Миф, жертвенный ритуал и комментарий к последнему — три главных основания, на которых покоилась религиозная система ведизма и ее позднейших продолжений. Средоточием указанной троицы выступали тексты священных, созданных «без участия людей» (*apauruṣeya*) Вед, и задаваемая ими эпистема определяла всю структуру древнеиндийского знания и культуры, всех дискурсивных практик, в частности, и считавшуюся одной из «опор Вед» (*vedāṅga*) грамматику. Именно в рамках этой системы представлений во II в. до н. э. жил и работал Патанджали, автор «Большого комментария» (БК) на санскритскую грамматику, созданную Панини в V в. до н. э.

Ко II в. до н. э. монопольное положение в области толкования Вед и соотносимых с ними дискурсивных практик занимала *Mīmāṃsā*, с ее представителем и ведет основную полемику Патанджали. Лингвофилософская тематика затрагивается автором в разных местах БК, но основные идеи концентрированно излагаются им уже в 1-й главе «Обозрение» (*Paspaśā*), служащей введением ко всей работе. Грамматику Патанджали с самого начала определяет как «наставление (в употреблении правильных) слов» (*śabdānuśāsanam*) и далее, указывая на «области применения наставления», утверждает, что важнейшими задачами грамматистов являются «сохранение Вед, поддержание правильных связей между текстом и ритуалом и следование традиции брахманизма» [1, с. 36–40]. Оба эти тезиса Патанджали породили ответную негативную реакцию со стороны адептов Мимансы: по их мнению, положения Патанджали могут относиться лишь к священным и вечным Ведам, а являющаяся лишь «опорой» (*aṅga*) Вед грамматика

не входит в ритуальные обязанности брахманов и не может обеспечивать нерушимость традиции — ни одна из традиционных философских школ никогда не возводила грамматику на такую высоту.

Отвечая оппонентам, Патанджали иллюстрирует то, как незнание грамматики ведет к неверному осмыслению ситуаций и к неправильным действиям индивидов. Например, при употреблении прилагательного *sthūla-pRṣati* как определения к существительному «корова» жертвующий способен ошибиться в расстановке тонов, а это повлечет изменения в семантике: прилагательное может приобрести два значения — и «обильнопятнистая», и «упитанная и пятнистая»; в итоге неверная артикуляция приведет к разрушению жертвоприношения. Приводятся и другие аналогичные примеры и, доказав на их основе, что только знание грамматики позволяет отличать правильные высказывания от неправильных, Патанджали констатирует: «Тот, кто употребляет слова, опираясь на грамматику, обретает воздаяние (*abhyudaya*), и это сопоставимо со словом Вед». Иначе говоря, по конечному результату следование предписаниям Вед приравнивается к владению правилами грамматики — то и другое, пролагая для индивида «путь *дхармы*» (а не оскверняющий «путь *адхармы*»), обеспечивает улучшение кармического статуса в будущих жизнях.

Продолжая полемику, Патанджали рассматривает и другие философские проблемы такие, как соотношение между словом, понятием и референтом или соотношение универсальности и конкретности в семантике имен. При этом он во всех случаях остается почитателем Панини и преданным апологетом его и его последователей.

Литература

[1] *Захарьин Б.А.* Патанджали «Паспаша», или Введение в науку о языке и лингвофилософию Древней Индии. М.: Издатель Степаненко, 2003.

[2] *Kielhorn L.F.* (ed.). The Vyākaraṇa-Mahābhāṣya of Patańjali. Vol. 1–3. Bombay, 1980–1985.

С.А. Кириллина

Мусульманское паломничество (*хадж*) 2020 г. в условиях пандемии COVID-19

Глобальная пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 внесла жесткие коррективы в проведение мусульманского паломничества — *хаджа* 28 июля — 2 августа 2020 г., тем более что на тот момент Саудовская Аравия лидировала по количеству зараженных коронавирусом в арабском регионе и ее границы были наглухо закрыты.

Если в 2019 г. хадж совершили около 2,5 млн паломников, то в 2020 г. их число было сокращено до абсолютного минимума — 1 тыс. чел. (по официальным данным саудовских властей) и 10 тыс. (по данным местных СМИ). Квоты распределялись следующим образом: 70 % «мест» для участия в хадже было отдано проживающим в Саудовской Аравии иностранцам, 30 % — гражданам королевства.

Отбор группы допущенных к совершению хаджа резидентов-иностранцев осуществлялся на официальном интернет-портале. По сообщению министерства хаджа Саудовской Аравии, в отборе в режиме онлайн участвовали представители около 160 стран. К отбору допускались лица возрастом от 20 до 50 лет (по другим данным верхняя возрастная планка составляла 65 лет), без хронических заболеваний, предоставившие документ, подтверждающий отрицательный результат ПЦР-теста на коронавирус, и не совершавшие хадж ранее. Среди саудовских граждан предпочтение отдавалось тем, кто пострадал в борьбе с COVID-19: врачам, медперсоналу, сотрудникам полиции и службы безопасности, перенесшим коронавирус.

Хадж — мероприятие исключительно дорогостоящее, и в 2020 г. саудовское правительство покрыло расходы всех участников хаджа, обеспечив их питанием, проживанием в гостиницах и медицинским обслуживанием.

Допущенных к совершению паломничества снабдили специальными браслетами, позволяющими следить за их перемещением, поскольку до и после хаджа они должны были соблюдать строгий карантин. Паломники также на безвозмездной основе получили «хадж-пакет», включающий молитвенный коврик, особую паломническую одежду — *ихрам* из материи с антибактериальными свойствами, при производстве которой использовалась специальная нанотехнология, простерилизованные камешки для метания в «столбы дьявола», солнцезащитные зонтики, средства дезинфекции и личной гигиены. На различных языках постоянно велись онлайн-трансляции разъяснений правил хаджа в условиях пандемии коронавируса.

В рамках проведения хаджа 3,5 тыс. рабочих обеспечивали массированные мероприятия по дезинфекции как вручную, так и с помощью 95 единиц уборочной и очистительной техники. Ежедневно использовалось 2400 л дезинфицирующих средств всех видов.

Был введен запрет на употребление питьевой воды из кулеров, в том числе воды из источника Замзам. Воду, предварительно обеззараженную ультрафиолетом, раздавали в бутилированном виде. Паломники были обязаны носить маски, им постоянно измеряли температуру и делали контрольные тесты на COVID-19. Особое внимание

уделялось соблюдению полутораметровой социальной дистанции и безопасной рассадке в средствах транспорта.

Введение строгих запретов и мер по охране территории, на которой совершаются обряды паломничества, не ограждало саудовские власти от эксцессов, как случалось и десятилетиями ранее [1, с. 144]. Так, 30 июля было объявлено об аресте 936 человек, пытавшихся самовольно проникнуть в связанные с хаджем святые места.

Хадж 2020 г. в беспрецедентных условиях пандемии COVID-19 стал психологическим потрясением для верующих, лишенных возможности совершить одну из своих главных религиозных обязанностей. В то же время ограничительные меры, обусловленные короновируской опасностью, нанесли ощутимый удар по саудовской экономике, доходы которой от хаджа и малого паломничества (*умры*) в обычное время составляют от 12 до 30 млрд долл. США.

Литература

[1] *Кириллина С.А.*, *Сафронова А.Л.*, *Орлов В.В.* Идея халифата в мусульманском мире (конец XIX — начало XX в.): вызовы и региональные отклики // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2018. Т. 14, № 3. С. 133–150.

Т.Ю. Кобищанов

Мистический аспект османо-французского противоборства в Сирии и Египте (1798–1801 гг.): рухания против колдовства

Османская пропагандистская риторика во время войны с постреволюционной Францией сочетала традиционные исламские и новые привнесенные с Запада элементы. В указах султана Селима III призывы к *джихаду* причудливо переплетались с объяснением норм международной политики, принятой европейскими государствами.

Наряду с идеологией джихада у османской духовной борьбы был еще один, не столь явный уровень: мистический. Залогом успеха мусульманских войск должны были служить как значительный численный перевес, так и высокий боевой дух. Не помешала бы и помощь высших сил. Последних двух преимуществ предполагалось добиться посредством *рухании*.

Рухания (от араб. «духовность») является теургической практикой в суфизме, направленной на получение конкретной помощи от «святых»-*авлия'*. Нормативный ислам руханию не признает, однако в османскую эпоху она была широко распространена среди мусуль-

манских элит и простонародья. Рухания охватывает разнообразные виды мистических и магических обрядов и ритуалов.

Хроника Иззет Хасана-эфенди ад-Дарандали, летописца садразама Йусуфа Зия-паши, дает сведения, к кому обращались за духовной помощью османские вельможи во время похода в Египет. Первый раз термин *рухания* появляется на страницах хроники при посещении близ Коньи *текке* (суфийской обители) выдающегося поэта и мистика Мевланы Джалял ад-Дина ар-Руми. В дальнейшем садразам и его окружение неизменно поклонялись гробницам суфийских святых, «прося их заступничества в рухании» [1, с. 241].

О какой помощи просили османские военачальники, догадаться несложно. При описании сражений с французами ад-Дарандали мало места уделяет военной тактике, делая акцент на боевом духе «единобожников». Именно святые заступники должны были посредством рухании воспламенить и укрепить дух османских солдат, незримо присутствовать рядом с ними, помогая переносить тяготы похода и ужасы битв. На сирийском этапе пути ад-Дарандали упоминает о «славных, преисполненных порыва и силы воинах джихада», описывая их мужество, храбрость и терпение. Это типично и для местных источников [2].

Ситуация изменилась в Египте. В летописи появляются жалобы на то, что «несчастные солдаты не горят ревностью», их «дух пришел в упадок и души ослабли, стали вялыми» [1, с. 289–290]. Этой разительной перемене османское руководство находило и мистическое объяснение. Связано оно было с противостоявшим рухании «недозволенным колдовством» — *сихром*.

Источником черной магии была сочтена креолка с Гаити Мари Тобен де Сент-Обен, жена задержанного османами генерала Франсуа Гальбо Дюфора. Креольский темперамент побудил Мари Тобен проявить немалую активность в османском лагере. Возможно, уроженка Гаити использовала в борьбе за свободу мужа какие-то вудуистские ритуалы. Вскоре османская армия была разгромлена под Каиром. Малодушие своих солдат садразам прямо связал с «чарами профессиональной колдуньи». Турецкое командование было потрясено тем, что армия воинов джихада бежала при звуке французских барабанов и виде колонн синих мундиров. Нужно было найти этому причину, и первым пришедшим на ум объяснением стало колдовство креолки, разрушившее силы рухании.

Литература

[1] *Ад-Дарандали, ‘Иззет Хасан-эфенди*. Зийа-наме. Каир: аль-Гай’а аль-мисрийя аль-’амма ли-ль-китаб, 1999. 518 с.

[2] *Жантиев Д.Р., Кириллина С.А.* «Свои» — «чужие»: французское вторжение в Левант на рубеже XVIII–XIX вв. глазами арабских современников // ЭНОЖ История. 2020. Т. 11, № 98. С. 1–18.

Н.Р. Краюшкин

Полемическая деятельность ʿАбд ал-Гани ан-Наблуси (1641–1731 гг.) по защите культа мусульманских «святых»

Повседневный быт жителей Османской империи претерпел в XVII–XVIII вв. серьезные изменения. Вместе с распространением практик курения табака и питья кофе в обществе утвердились нетрадиционные представления о позволительных с точки зрения норм общественной морали способах проведения свободного времени. Вследствие этого в государстве появились непривычные формы социального активизма. Кофейни и места отдыха на природе (в том числе на кладбищах) наполнялись людьми, желавшими отдохнуть после рабочего дня и обсудить с современниками за чашкой кофе или трубкой *тютюна* наиболее злободневные проблемы эпохи. Тем временем мусульманские мистики пытались утвердить в общественном сознании представление о том, что почитание захоронений мусульманских праведников является наиболее предпочтительным способом проведения досуга, позволявшим «прикоснуться к духовной силе и встать на путь [суфийских подвижников]» [1, p. 92]. Особо прославились на этом поприще, по воспоминаниям турецкого писателя Катиб-челеби (ум. в 1657 г.), члены братств ан-накшбандиййа и ал-халватиййа [1, pp. 92, 132–134]. Суфийским объединениям оказывали покровительство многие высокопоставленные чиновники, в том числе представители влиятельного рода Джамал-заде.

Тем не менее продвигаемая османской элитой религиозная повестка зачастую расходилась с мнением простых слоев населения. Социальное напряжение дало о себе знать в результате ослабления османской боевой машины после ряда поражений на военном поприще. Так, вследствие неудачной польско-турецкой войны 1620–1621 гг. султан Осман II, правивший в 1618–1622 гг., был свергнут и казнен янычарами при попустительстве властных кругов. Это событие стало провозвестником того кризиса, который впоследствии привел к закату империи. Серьезный удар по престижу Османской династии был нанесен затем в 1623 г., когда османы потеряли в ходе турецко-персидской войны 1623–1639 гг. «город халифов» — Багдад. Во время правления молодого султана Мурада IV (1623–1640 гг.) вина за неудачу была возложена на «врагов ислама». В их число входили те мусульмане,

которые «испрашивают помощи у мертвых …, ведь из этого в древние времена выросло идолопоклонство» [2, с. 21]. В роли главных идеологов внутриполитического курса турецких султанов по «очищению исламской общины» от таких нововведений (*бида'*), как культ мусульманских «святых», выступили последователи стамбульского движения кадизадели (тур. *Kadızadeliler*).

В сирийских провинциях Османской империи главным поборником исламского мистицизма стал накшбандийский шайх 'Абд ал-Гани ан-Наблуси (1641–1731). Для подтверждения того, что почитание захоронений мусульманских праведников ни в чем не противоречит нормам Корана и сунны, ан-Наблуси сочинил четыре богословских трактата и оставил воспоминания о своих путешествиях к святыням Великой Сирии, Египта и Хиджаза. Анализ произведений сирийского суфия позволяет говорить об особой актуальности проблем исламской агиологии в османскую эпоху. Всех тех из «братьев-мусульман» (*ал-ихван ал-муслимун*), которые призывали к разрушению исламских памятников, сирийский суфий обвинил в «неверии» (*куфр*) [2, с. 17]. Для оказания противодействия сторонникам Кадизаде ан-Наблуси уточнил различные аспекты мусульманского богословия и установил правила поведения у захоронений «святых». Однако волнения 1711 г. в Каире, спровоцированные речами неизвестного турецкого проповедника, выступившего против народного почитания мусульманских праведников [3, с. 374–376], подтверждают то обстоятельство, что кадизаделитская проблематика имела более глубокие корни.

Литература

[1] *Çelebi Kâtip*, *Hacı Halife*. The Balance of Truth. Trans. Geoffrey L. Lewis. London: George Allen and Unwin, 1957. 160 p.

[2] *Ан-Наблуси*, *'Абд ал-Гани*. Кашф ан-нур 'ан асхаб ал-кубур (Раскрытие света могил исламских праведников). Каир: Дар ас-асар ал-исламиййа, 2007. 71 с.

[3] *Кириллина С.А*. Исламские институты Османского Египта в XVIII — первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000. 466 с.

М.Н. Мельник

Отношения саудовских улама к американскому военному присутствию в Саудовской Аравии в 1990–1991 гг.

Саудовский король Фахд бен Абд аль-Азиз после иракской агрессии против Кувейта в августе 1990 г. согласился на предложение США о размещении на территории КСА около 600 тыс. иностранных воен-

нослужащих коалиционных сил, большую часть из которых составляли американские войска.

Присутствие в Саудовской Аравии полумиллионного американского военного контингента, включая женщин, создало серьезные проблемы для королевства, политическая элита которого считает себя хранителями исламских святынь и самого ислама в его первоначальной чистоте. Многими это было воспринято как оскорбление религиозных чувств, особенно когда американские телекомпании показали выступления танцующих женщин перед американскими солдатами в Дахране [1, p. 74].

Принятое решение о размещении 600-тысячного иностранного контингента способствовало фрагментации единства улама Саудовской Аравии. Разногласия среди саудовских богословов-законоведов никогда не были так сильны, как во время военной кампании 1991 г. (операция «Буря в пустыне»). Многие религиозные авторитеты открыто и прямо критиковали правящую семью Аль Сауд.

Король Фахд бен Абд аль-Азиз привлек к решению проблемы лояльных улама, которые издали фетву о необходимости ведения джихада со стороны истинных мусульман против Саддама Хусейна, так как тот является «безбожником, одержимым дьяволом» [2, с. 191].

В дискуссии по поводу иностранного военного присутствия оказалась втянута значительная часть саудовского общества (служители ислама, студенты религиозных образовательных учреждений, интеллигенция и т. д.). При этом некоторые улама-салафиты, негативно относившиеся к американскому военному присутствию в стране, активно влияли на общественное мнение.

Улама-оппозиционеры основывали свою позицию на доктрине *аль-вала ва-ль-бара* («дружба и вражда», «симпатии и антипатии» — доктрина в исламе салафитского направления, разделяющая человечество на истинных мусульман, которых следует любить — *вала*, и всех остальных людей, к которым следует испытывать отчуждение и враждебность).

Подконтрольные саудовским властям улама, напротив, поддержали принятое королем Фахдом решение, объясняя его принципом *ахаффа ад-дарарайн* («устранение большого вреда меньшим вредом»). В частности, такую фетву издал верховный муфтий КСА Абд аль-Азиз ибн Баз, который объяснял также, что нахождение американских войск в КСА никак не угрожает священным городам Мекке и Медине, и подтверждал роль правительства Саудовской Аравии в защите исламских святынь [3].

Наиболее активные критики правящего режима были арестованы. Например, были заключены в тюрьму популярные улама-участники

оппозиционного движения «ас-Сахва» — Сальман аль-Ауда и Сафар аль-Хавали. Только в конце 1990-х гг. эти богословы были освобождены [3].

Вызванный этими событиями общественный резонанс заставил саудовские власти усилить контроль над богословами, издающими фетвы. В 1993 г. был сформирован высший совет улама, членство в котором напрямую одобрялось властями. Теоретически данный орган должен следить за тем, чтобы правящая семья соблюдала исламские требования и предписания, однако он практически никогда не возражал против политических решений короля, а напротив, поддерживал и обосновывал их.

Литература

[1] *Abir M.* Saudi Arabia: Government, Society, and the Gulf Crisis. London; New York, 1994.

[2] *Родригес А.М.* Кувейтский кризис 1990–1991 гг.: трудный выбор Саудовской Аравии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2014.

[3] *Raihan I.* Saudi Ulama, Guardians of Change // Oasis Center. Available at: https://www.oasiscenter.eu/en/saudi-ulama-guardians-change (accessed March 20, 2021).

В.В. Орлов

Исламская солидарность или геополитические амбиции? Образы Российской и Османской империй в Марокко (XVIII–XIX вв.)

Марокко (Дальний Магриб) — одна из немногих арабских территорий, сохранивших в XVI–XIX вв. суверенитет и не вошедших в состав Османской империи. Первые попытки дипломатических контактов между марокканским султанатом и Россией относятся к 70-м годам XVIII в. В 1782–1783 гг. состоялась переписка между Екатериной II и султаном Марокко Сиди Мухаммадом ибн Абдаллахом, в ходе которой было достигнуто соглашение о «рачительном и твердом сохранении искреннего мира и дружбы» [1, с. 15–16]. В конце XVIII — начале XIX в. у марокканской духовно-политической элиты начинает складываться комплекс представлений о далекой стране *мускуви* — московитов, россиян.

Изучение сведений арабоязычных магрибинских источников позволяет заметить двойственное и дифференцированное отношение марокканской элиты и населения к частым эпизодам противостояния Российской и Османской империй. С одной стороны, образ России

в Марокко предопределялся понятиями и оценочными критериями сугубо религиозного свойства. Как в XVIII, так и в XIX в. столкновения Турции с православной Россией выглядели в сознании марокканцев как священная война (*джихад*) мусульман против «неверных». Для Марокко — образцового «прифронтового» государства — это было не пустым звуком. Историческая память об изнурительной борьбе с агрессией испанцев и португальцев (XV–XVI вв.) и сведения о притеснениях, чинимых Францией во время Восточного похода Бонапарта [2, с. 133–134], вызывали у марокканских лидеров сочувствие Стамбулу и отождествление себя с османами в качестве жертв христианских врагов. В источниках сохранились сведения о марокканцах, сражавшихся за османское дело в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Эта война, закончившаяся неудачно для османского оружия, косвенно способствовала развитию у марокканских правящих кругов некоторой антипатии и даже враждебности ко всему российскому.

С другой стороны, мусульманская солидарность была не единственным приоритетом в представлениях марокканских султанов и их сановников о России. Сочувствие Стамбулу не заслоняло в глазах марокканской элиты иной исторической традиции — соперничества между марокканским государством и алжирской провинцией (*эйалетом*) Османской империи за преобладание в Средиземноморье [3, с. 170–171]. Кроме того, Марокко отличалось от других арабских земель тем, что в нем с XVI в. правили шерифские династии, обосновывавшие свое право на власть почетным происхождением от пророка Мухаммада, — Саадиды (1510–1659), а затем — Алауиты, управляющие Марокко с 1630-х годов по сей день. Османские же султаны, возводившие свою родословную к тюркским корням, всегда страдали, на взгляд марокканцев, дефицитом легитимности, в результате чего в марокканских правящих кругах возникало чувство ревности к Стамбулу и даже симпатии к его победителям, прослеживаемое в источниках.

Литература

[1] *Мусатова Т.Л.* Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. Очерки истории русско-марокканских связей в XVIII — начале XX в. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 204 с.

[2] *Жантиев Д.Р.*, *Кириллина С.А.* Французская политика в отношении христиан Египта и Сирии во время восточной экспедиции Бонапарта. 1798–1801 гг. // Французский ежегодник. 2019. С. 128–147.

[3] *Орлов В.В.* Марокканские элиты и российско-османский конфликт (XVIII–XIX вв.): проблема восприятия // Всматриваясь друг в друга… Россия и арабский мир: взаимное восприятие: сб. ст. / отв. ред. И.М. Смилянская. М.: ИВ РАН, 2013. С. 164–183.

Д.В. Соловьева

«Султан студентов» (*султан ат-толба*): феномен карнавальной культуры в традиционном Марокко

Среди разнообразных традиций марокканской культуры особо выделяется праздник «Султан студентов» (*султан ат-толба*), который ежегодно проходил в Фесе в конце апреля. В крупнейшем исламском университете Марокко — ал-Каравийин — выбирали студента (араб. *талиб*, мн. ч. *талаба,* мар. диал. *толба*), который на две недели получал титул «султана». Новоявленному «монарху» выдавали все соответствующие регалии (одеяние, лошадь и зонтик — главный символ султанской власти в Марокко) [1, p. 284]. Другие студенты изображали высших государственных лиц (вазиров, хаджиба, мухтасиба). В сопровождении свиты, музыкантов и ликующей толпы «султан студентов» ходил по улицам, пародируя монарха и церемониал его двора. Гуляния завершались встречей настоящего султана со своим двойником. Во время этой символичной встречи «султан студентов» как бы возвращал правителю полномочия в обмен на выполнение своих требований, после чего праздник считался оконченным.

В основе этой традиции лежит легенда о Дар Ибн Маш'ал, повествующая об обстоятельствах прихода к власти Алауитской династии (правит с 1631 г. по наст. время). Согласно легенде, будущий султан Мулай Рашид (1664–1772) при помощи сорока *толба* убил влиятельного еврейского коммерсанта Ибн Маш'ала, который якобы притеснял мусульман Тазы и Феса и заставлял их ежегодно отправлять в его гарем самую красивую девушку города. Отправив на тот свет Ибн Маш'ала, Рашид присвоил себе его богатства, что, несомненно, должно было ускорить его приход к власти. После своего вступления на престол в 1664 г. правитель учредил праздник «Султан ат-толба» в память об этих событиях и в знак благодарности *толба*.

«Султан ат-толба» можно рассматривать как часть всемирного феномена карнавальной культуры. В карикатурном изображении султана и высмеивании нравов его придворных просматривается сходство с такими праздниками карнавального типа, как праздники дураков, избрание королей «для смеха» и другие обрядово-зрелищные формы, которые были широко распространены в средневековой Европе [2, с. 9–10].

Можно предположить, что этот праздник представлял собой инверсию социально-политических ролей, а «султан ат-толба» стано-

вился антиподом реального правителя. Подобное противопоставление позволяет говорить и о политическом измерении этого культурного феномена: студенты высмеивали образ султана, чья фигура считалась сакральной, так как алауиты были потомками пророка Мухаммада (*шерифами*). Однако, несмотря на осмеяние священного образа правителя, праздник «Султан ат-толба» каждый год происходил с разрешения двора и при его активном участии. Кроме того, можно предположить, что этот праздник был также призван укрепить связь между династией и *толба*, а следовательно, и *алимами* (мусульманскими правоведами), которые составляли важную часть религиозно-интеллектуальной элиты Дальнего Магриба [3, p. 49].

Таким образом, «Султан ат-толба» — многогранное явление, имеющее не только культурное, но и социальное и политическое измерение, а его изучение в контексте смеховой или карнавальной культуры представляется перспективным полем для дальнейших исследований.

Литература

[1] *Aubin E.* Le Maroc d'aujourd'hui. Paris, 1904. 500 p.
[2] *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
[3] *Azizi S.* Une royauté éphémère: Le sultanat des *Tolba* de Qarawiyine (Fès) // Cahiers de recherche du Centre Jacques Berque. 2005. No. 3. Pp. 45–52.

М.Н. Старикова

Особенности гражданского законодательства в современной Индии: многоженство в среде индийских мусульман

В современной Индии не разработано единое гражданское законодательство. Из-за этого при вынесении решений по вопросам, касающимся семьи в среде мусульман, судам приходится рассматривать отдельные общинные законы. В этой ситуации особенно острым становится вопрос соблюдения прав мусульманок. В последние десятилетия женские организации активно борются со многими религиозными практиками, в том числе и многоженством.

В 1950-е годы государство кодифицировало семейное право индусов, но предпочло предоставить возможность религиозным меньшинствам самим пересматривать свои законы. Лидеры мусульманской общины воспринимали любые попытки «внешних» реформ как нападки на религиозную идентичность. В результате многоженство

в среде индусов было запрещено, у мусульман же такая форма брачных отношений допустима.

Ключевую роль в конфликте вокруг семейных законов играют индийские суды, которые выработали два пути решения вопросов, касающихся религии [1, p. 97]. С одной стороны, они могут определять содержание социальных реформ и законов, имеющих в виду общественное благосостояние (даже если те вступают в конфликт с религиозными практиками). С другой стороны, суды периодически рассматривают, какие практики являются неотъемлемыми элементами религии. Однако несмотря на реализацию такого подхода и петиции с просьбами запрета многоженства, суды десятилетиями продолжали считать его частью права личного статуса в исламе. Такая позиция была наглядно отражена в деле Нарасу Аппа Мали (Narasu Appa Mali) от 1951 г. Бомбейский суд обозначил позитивные стороны запрета многоженства для индусов в штате, но не предложил отменить эту форму брака в среде мусульман. Дело Нарасу Аппа Мали стало подтверждением законности двойного отношения к полигамии в Индии [2, p. 134].

В последующие годы попытки активистов оспорить правомерность общинных норм были неудачны. К примеру, в 1997 г. Верховный суд Индии отказался рассматривать легитимность мусульманских законов, регулирующих семейные отношения, в том числе практики полигамии и «мгновенного» развода («тройной *талак*»).

Но в 2017 г. произошло важное событие для мусульман — Верховный суд запретил практику «тройного *талака*» и тем самым позволил ставить под сомнение положения права личного статуса в исламе. В 2018 г. в суд были направлены прошения как мусульманок, так и члена партии Бхаратия джаната парти признать неконституционными многоженство и *никах халала*. Благодаря решению суда по делу о «мгновенном» разводе и введению уголовного наказания в 2019 г. за применение практики «тройного *талака*» запрет многоженства и пересмотр мусульманского права становятся все более реальными, что не может не беспокоить консервативных лидеров мусульманской общины.

Литература

[1] *Jacobsohn G.J.* The Wheel of Law. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. 344 p.

[2] *Choudhury C.A.* Between Tradition and Progress: A Comparative Perspective on Polygamy in the United States and India // University of Colorado Law Review. 2012. Vol. 83, no. 4. Pp. 101–163.

Г.В. Стрелкова

Тема индусско-мусульманских отношений в творчестве писателей хинди второй половины XX в.

Индусско-мусульманские отношения — одна из важнейших тем в творчестве многих индийских писателей, которые могут принадлежать к разным конфессиям, что отражается в выборе героев, описании среды, в которой те живут, особенностях языка, традициях. Один из ранних примеров — роман П.Б. Угры «Письма нескольких красавиц» — посвящен любви юноши-индуса и мусульманской девушки, чьи взаимоотношения развиваются во время религиозных беспорядков в Калькутте 1926 г. Это роман в письмах, ими обмениваются возлюбленные, их друзья и родственники, которых волнуют отношения близких им мусульманки и индуса. Влюбленная Наргис учит хинди, чтобы читать книги, которые дает ей ее любимый Мурари, а ее отец, протестовавший против отношений дочери с иноверцем, осознает под влиянием песнопений своего учителя — суфия, что выбор дочери верен. Но роман заканчивается трагически — Мурари становится жертвой религиозных беспорядков, а Наргис принимает индуизм и отправляется на север Индии с одним из волонтеров ИНК вести пропаганду против религиозной розни.

Выдающийся писатель хинди К.Б. Вайд (1927–2020) в первом романе автобиографической трилогии («Его детство», «Минувшая эпоха», «Бимал по прозвищу “Пойдешь, так куда”») показывает жизнь небольшого городка Басти, который после раздела страны в 1947 г. на Индию и Пакистан перешел к Пакистану. В Басти живут люди, принадлежащие к трем конфессиям (индусы, сикхи, мусульмане), говорят они на хинди, панджаби и урду. Их жизнь показана сквозь призму восприятия Биру, который взрослеет в самый трагичный период истории своей родины и обретает страшный жизненный опыт. Второй роман, написанный 24 годами позже, показывает панораму индийской жизни разнообразной, переменчивой, в ней сосуществуют и враждуют соседи — индусы, мусульмане и сикхи. Религиозные различия постепенно становятся Биру понятнее, но это понимание трагично. Он видит трагедию раздела страны и невинных детей, убитых фанатиками. Трилогия примечательна тем, что родным языком автора был панджаби, прозу он начинал писать на урду, но сознательно выбрал хинди как язык своего творчества. Тем не менее он продолжал использовать знание и других языков, передавая особенности своих героев с помощью речевой характеристики.

Классик литературы хинди Бхишма Сахни (1915–2003) наиболее полно отразил тему межрелигиозных отношений в своем позднем романе «Тьма». Для писателя эта тема была близкой, он сам прошел через трагедию раздела страны. Герои романа принадлежат четырем разным конфессиям, включая христианство, которое исповедует один из героев — англичанин Ричард. Он искренне интересуется Индией, изучает историю страны и буддизм, полагая, что христианство и буддизм могут противостоять «тамасу» — тьме, которую порождают невежды и фанатики, исповедующие другие религии. Но в его поведении отражается и инертность английских властей, которые не остановили кровавые беспорядки во время раздела страны. Иначе изображает межконфессиональные отношения писатель Камалешвар в романе «Сколько Пакистанов». Он написан в жанре фэнтази, что позволяет рассматривать отношения между разными общинами, переносясь в пространстве и времени — от Древнего Египта до Индии, когда в 1992 г. была разрушена мечеть, построенная на месте особо почитаемого индуистского храма в Айодхъе. Журналист Адиб ведет расследование, выясняя, почему возникают государства, основанные на религиозном принципе. Вывод — решать судьбу той или иной страны или народа, основываясь лишь на религии — ошибка, ее результат — ненависть и разрушения.

Тема межконфессиональных отношений по-прежнему актуальна для литературы хинди.

Л.В. Хохлова

Язык как важный критерий религиозной самоидентификации в Южной Азии

В средневековой Индии двуязычие и многоязычие было непосредственно связано с социально-кастовой структурой общества. Переход из индуизма в ислам, как правило, не изменял существенно ни социального, ни культурно-языкового положения новообращенных. Ситуация изменилась с приходом англичан, так как, во-первых, англичане способствовали конфессиональному размежеванию индийского общества, во-вторых, распространение демократических и эгалитаристских идей привело, как это ни парадоксально, не к стиранию социальных или конфессиональных барьеров, но, напротив, к консолидации общества на конфессиональной и кастовой основе. В то время как феодальное общество было социально стабильным, новая западная система, казалось, давала новые возможности, которыми пытались воспользоваться консолидированные по религиозному или кастовому принципу

группы населения. Например, на выборах в местные и центральные органы власти предпочтение всегда отдавалось представителю своей конфессии или касты.

Для прибрежных регионов Северной Индии (Бенгалии и Гуджарата), где раньше других развились капиталистические отношения, а вместе с ними началось развитие наций, характерен приоритет этнического самосознания над религиозным, в то время как в таких центральных районах Индии, как Панджаб, Раджастхан и Бихар, религиозное самосознание довлело над этническим [1]. Процесс исламизации урду в XVIII–XIX вв. подробно описан в [2].

Преобладанием религиозного сознания над этническим можно объяснить создание Пакистана на основе принципа «одно государство, одна нация (исламская), один язык (урду)», при этом объявленный государственным языком урду был родным для незначительного меньшинства населения. Приоритетом конфессионального самосознания можно объяснить также успех движения за создание штата Панджаб, опиравшегося на религиозное самосознание сикхской общины, и поражение движения за официальное признание раджастхани и майтхили в штатах Раджастхан и Бихар, так как последние не опирались на религиозную основу. Очевидно, этими же причинами можно объяснить неуспех движения за признание языка сирайки в Пакистане [3, pp. 379–403].

Конфессиональное размежевание проникло также в сферу литературы и искусства. Например, в XVII–XIX вв. среди всех трех религиозных общин Панджаба — хинду, мусульман и сикхов — были одинаково популярны как пришедший из персидской поэзии жанр кисса, так и сочинения таких мусульманских прозаиков и поэтов, как Варис Шах, Хафиз Бархурдар, Хашим Шах, Кадарйар. С развитием западного образования возникают новые литературные жанры и появляются новые авторы — хинду и сикхи: Нанак Сингх, Пуран Сингх, Дхани Рам Чатрик, Мохан Сингх и др. Читателями их произведений становятся образованные сикхи и хинду, но не мусульмане.

Позже язык как символ конфессиональной самоидентификации начинает связываться с определенным шрифтом: деванагари для хинди, гурмукхи для панджаби, арабский для урду (ср. с использованием одинакового шрифта различными религиозными общинами, говорящими на бенгали или гуджарати).

Литература

[1] *Brass P.R.* Language, Religion and Politics in North India. London; New York: Cambridge University Press, 1974. 467 p.

[2] *Rahman T.* From Hindi to Urdu: A Social and Political History. Karachi: Oxford University Press, Delhi: Orient Blackswan, 2011. 382 p.
[3] *Shackle C.* Siraiki: A Language Movement in Pakistan // Modern Asian Studies. July 2008. Vol. 11, iss. 3. Pp. 379–403.

Т. Д. Черкасова

Культурный феномен ал-Андалуса: роль мусульманского Востока и христианского Запада

Средневековая арабо-испанская цивилизация ал-Андалуса неповторимо уникальна синтезом культур и традиций Востока и Запада, причудливо соединившихся на территории Пиренейского полуострова. Блестящие произведения архитектуры, поэзии, прозы, музыки, живописи и философии мусульманской Испании, возникшие в результате этого смешения, — яркие доказательства успешного межцивилизационного взаимодействия мусульманского Востока и христианского Запада в естественном природном ареале, весьма удачно очерченном географическими границами.

Становление и развитие самобытной андалусской культуры происходило на основе смешения, слияния и взаимопроникновения мусульманской и иберийской культур, последняя из которых, в свою очередь, формировалась постепенно в результате волнообразных этапов колонизаций и завоеваний Пиренейского полуострова. Иберийская культура, очевидно, изначально обладала известной гибкостью, дающей возможность для культурного обмена, и вместе с тем была достаточно устойчива к агрессивно-навязчивому культурному влиянию извне, благодаря чему не была поглощена или вытеснена культурами завоевателей, равно как и сама не поглотила и не вытеснила инокультурные веяния, а напротив, умело ассимилировала их. С каждым новым актором процесса — той или иной культурой — выстраивался процесс взаимодействия, взаимопроникновения и взаимовлияния. Таким образом, видимо, непосредственно к моменту арабского завоевания (начало VIII в.) накапливаемые веками опыт и умение носителей иберийской культуры открыто принимать новое и взаимодействовать с представителями иных культур гостевых цивилизаций находились на пике максимальной открытости и готовности к восприимчивости внешних веяний. Вполне вероятно, именно в данный временной промежуток и стало возможным возникновение сложной синтетической андалусской (арабо-испанской) цивилизации, феноменального синтеза христианской (западной) и мусульманской (восточной) культур.

Андалусская культура возникла на стыке цивилизаций мусульманского Востока и христианского Запада не только в силу сугубо исторических и географических причин. Равноценное участие в становлении одной из самых блестящих мировых цивилизаций каждого из акторов данного историко-культурного процесса, казалось бы, очевидно и однозначно. Однако нет единого мнения о распределении ролей Запада и Востока в успехе данного сосуществования — кто играл главную роль, кому принадлежала второстепенная роль, какая цивилизация к моменту «встречи» находилась на более высоком уровне развития, какая заметно отставала, Запад или Восток первым проявил способность и готовность к ассимиляции и коммуникации, завоеватели или завоеванные проявили бóльшую терпимость, что привнесли и чему научили иберийцев мусульманские завоеватели, какими знаниями и умениями поделились с арабами представители этнически пестрого населения Пиренейского полуострова, могла ли возникнуть аналогичная ал-Андалусу цивилизация в похожих географических и исторических условиях.

Случайным или закономерным было рождение великой андалусской цивилизации на Пиренейском полуострове — вопрос дискуссионный. Пожалуй, с уверенностью можно предположить, что именно готовность вести диалог, пластичность, гибкость, контактность, восприимчивость, коммуникативность, взаимоуважение, терпимость и открытость, проявленные двумя равновеликими субъектами исторического развития, привели к возникновению, расцвету и существованию на протяжении семи веков, с VIII по XV в., культурного феномена ал-Андалуса, одной из самых блестящих цивилизаций мира.

М.М. Якушев

Гастрономическая культура Османской империи в трудах русских богомольцев конца XVIII – начала XIX в.

Русские православные паломники-писатели, посещавшие Святую землю в конце XVIII — начале XIX в., не только обращали внимание на достопримечательности и святыни, торговлю и ремесла Ближнего Востока, но и подробно описывали гастрономическую культуру арабских провинций Османской империи.

Особое внимание османской гастрономической культуре в своих трудах уделяли русские богомольцы конца XVIII в. иеромонахи Мелетий и Никанор Москвитинов, а также паломники начала

XIX в. дворянин из Калужской губернии прапорщик Иван Вешняков, дворянин г. Старая Русса Новгородской губернии подпоручик Илья Сысоев, крестьянин Нижегородской губернии Кир Бронников и др.

Паломники подробно описывали трапезу в Георгиевском монастыре Яффы (иерусалимское патриаршее подворье. — *М.Я.*), называя его «страннообитательницей Иерусалимской» или «странноприимницей Иерусалимской». Никонор (Москвитинов): изготовлена была «трапеза из сыра и яиц, для мирских же предлагающе и из мяс»; Илья Сысоев: приготовлена была «каша из сарачинского пшена (рис. — *М.Я.*) с коровьим (сливочным. — *М.Я.*) маслом и яишня, а кто хотел, ели баранину»; Иван Вешняков: приготовлен был ужин «из хлеба, сарачинского пшена и баранины»; Кир Бронников: ужин, собранный на тростниковых рогожках, разложенных по полу, состоял «из плова с маслом, сарачинского пшена и сыра».

В Патриаршем монастыре Иерусалима Вешнякову, Сысоеву, Бронникову и их спутникам подносили пшеничный хлеб, сыр, яйца, маслины, плоды, «яишню с коровьим маслом», «плов из сарачинского пшена с коровьим маслом», «суп, приправленный душистыми травами», «манжу, род каши из пшеничных круп, а иногда из сарачинского пшена, уваренную с маслом коровьим или деревянным (оливковым. — *М.Я.*) и другою приправою», «сарачинское пшено, разваренное с приправами», «леблебе, род гороха» (лакомство из нута. — *М.Я.*), «чечевицу, род гороха» и др.

Паломники описывали серебряные столовые приборы, в том числе серебряные ковшички, и медную посуду, разложенные на столах из белого мрамора. Кир Бронников заметил, что за столом ели «на тарелках серебряными российской работы ложками, со скатертями и салфетками, в разные времена российскими поклонниками привезенными». Иван Вешняков и Илья Сысоев отметили, что блюда с едой стояли «на столах белых мраморных как снег и без скатертей», а посуда была вся «из красной меди, кругом полуженная». Вешнякову подносили «водку и старые крепкие вина», «водку и старое белое вино», Сысоеву — «виноградное вино», Бронникову — «белое и красное вино».

Иногда блюда с едой расставлялись «по всем верхам плоским монастырским и церковным на длинных и узких скатертях, расстеленных на коврах», или «раскладывались на площадках монастырских и церковной крыше на рогожках и скатертях».

Богомольцы рассказывали о напитках и закусках в трапезной иерусалимского Патриаршего монастыря, где им подносили чашку кофе, чарку или рюмку виноградной водки, шербет, лимонад, слад-

кие закуски («сладкие заедки»): варенье, мед, сухофрукты («сухие плоды»), сухари, булочки («пряженые пышки») и фрукты: финики, виноград и др.

Подводя итог, следует отметить, что русские православные паломники, побывавшие на Святой земле в конце XVIII — начале XIX в., в описаниях своих паломничеств непременно уделяли внимание османской гастрономической культуре, самобытной, причудливой, диковинной, представляющей очевидный интерес для читателей, особенно тех, кто собирался отправиться в паломничество на Святую землю.

Христианский Восток

Л.О. Башелеишвили

Примогенитура и ее влияние на формирование церковной элиты Грузии

Трансформация древних епархий, когда христианский фем, состоявший иногда из трех человек, мог сам поставить себе епископа, а впоследствии сформировать сонм «князей церкви», уже навсегда связанных с городом, являлся процессом сложным и растянутым во времени, требующим учета сразу нескольких предпосылок, важнейшей среди которых было получение права поставить себе первопастыря. В Мцхете первый архиепископ и епископы появились после обращения святой Нино в христианство царской семьи и, скорее всего, они были греками или грекоязычными поданными Восточноромейской империи. Вначале церковные иерархи не пользовались особой поддержкой влиятельных феодальных домов грузинских эриставов («Обращение Картли»).

В период царствования в Грузии Вахтанга Горгасали (ок. 440–502) проводится масштабная реформа Картлийской Церкви, формально спровоцированная серьезным конфликтом с первосвященником — архиепископом Микаэлом, занимавшим ультрахалкедонитскую позицию. «Сообщения о Субули, сыне Саркиса» и «Ответы Эптвимия Длинного Состэну, наставнику армян» свидетельствуют о тесном взаимодействии архиепископа Микаэла с грузинской элитой, которая не признавала режим Энотикона (482) и жестоко расправилась на горе Кангар с монофизитским епископом Пэтросом, приехавшим из Армении. «И смерть сочлась ему (Микаэлу) правдой». Грузинская светская элита гордилась непримиримой позицией своего архиепископа в борьбе с монофизитством и считала его столпом Православия во всей ойкумене. Неизвестно, были ли родственниками Вахтанга новый кандидат на престол католикоса Пётр и 12 кандидатов на епископство, но будущие «князья церкви», несомненно, находились с монархом в дружеских отношениях. После хиротонии католикоса и получения статуса автокефальной Церкви (ок. 484) картина отношений между духовными и светскими элитами качественно меняется, и причин тому было несколько. Впоследствии епископами становятся представители местных элит, вторые или последующие дети влиятельных эрисмтаваров.

Не только царская власть, но и власть эрисмтаваров превращается со временем в наследственную и переходит от отца к старшему сыну.

Так называемая примогенитура, т. е. право первородства, после распада родового строя продолжало господствовать в грузинской элите, что побуждало вторых и последующих детей аристократов принимать духовный сан. Они часто избирали себе иноческий путь и становились либо епископами, либо архимандритами пустыней. В «Житии св. Григола Ханцтэли» (951 г.) агиограф Гиорги Мерчуле рассказывает историю жизни католикоса Картли Арсена Великого (ок. 820–887, годы католикосства 860–887), младшего сына Мирэана Эрисмтавара, которого в шестилетнем возрасте отец отдал в монастырь Хандзта на воспитание, «чтобы супостаты наши видели и осрамились» [1, с. 270]. Далеко идущие планы вельможи стали понятны лишь тогда, когда он инициировал церковный собор и хиротонисание сына в католикосы Картли простым большинством голосов епископов. Родственные связи отнюдь не исключали возникновение конфликтов между монархом и католикосом, что имело место, например, в период царствования Давида Строителя, царицы Тамары, Деметрэ Самопожертвенного и др.

Знаменательны слова последнего католикоса Картли Антония II (Багратиони) (1762–1827), сына царя Ираклия II, русским чиновникам по поводу раздачи церковных земель и денег крестьянству. «Более 1400 лет, как католикосство в Грузии определено и утверждено; и начиная с того времени все бывшие церкви моей католикосы имели таковую власть и волю, что внутри крестьянам, принадлежащим своей церкви, пожаловали в милость деревни, имение и крестьян… ибо имели католикосы таковые честь и достоинство, каковые цари» [2, с. 240], поскольку сами были плоть от плоти монархов и светской элиты Грузии.

Литература

[1] *Мерчуле Г.* Житие св. Григола Ханцтэли. Кн. 1 (V–X вв.) // ПДГАЛ. Тбилиси, 1964.

[2] Письмо католикоса Антония к ген. Тормасову от 16 сентября 1810 г. // АКАК. IV. Тефлис, 1874.

С.П. Брюн

Мелькитская элита сиро-палестинского региона XII–XIII вв.: сановники, бюргеры, врачи и философы из числа «греков и сириан» в государствах крестоносцев

В истории ближневосточного Православия (как и в истории других христианских церквей Леванта) особую роль — начиная с эпохи арабских завоеваний — играла светская «элита», т. е. представители са-

новных, купеческих и ремесленных династий, выступавшие в роли не только благотворителей, но и заступников за свои общины и епархии пред лицом исламских владык. С падением византийского господства именно местные сановные, купеческие и ремесленные элиты мелькитов взяли на себя роль основного спонсора, защитника и ходатая за святыни и храмы Сирии, Палестины, Египта. В этом отношении VII–VIII вв. — период, предшествующий восстановлению православной патриаршей иерархии в Александрии и Антиохии, — стал временем безусловного господства светских элит в мелькитских общинах, среди которых наиболее известной была дамасская династия Мансур. Позднее светские элиты мелькитов продолжали играть видную (а подчас и доминирующую) роль в церковной жизни Дар аль-Ислама в эпоху как арабского, так и османского владычества.

Однако в данном случае мы рассматриваем историю православной «элиты» (т. е. видных сановников, философов, врачей, представителей торгово-ремесленных объединений) сиро-палестинского региона в эпоху франкского правления. История православных региональных «элит» Латинского Востока в силу потери подавляющего большинства источников — это история фрагментарная, история во многом безымянных объединений и деятелей. К примеру, нам неизвестно ни одно из имен тех «греков», которые на протяжении более чем 70 лет господствовали в Антиохийской коммуне и которые, в числе прочего, смогли добиться восстановления в городе православного патриаршества. Неизвестны и имена тех мелькитов, которые на протяжении XII–XIII вв. играли роль ктиторов в церквях Ливана, восстанавливая и перестраивая (зачастую — руками франкских зодчих) свои храмы и приглашая для их росписи не только кипрских, но и константинопольских иконописцев.

Невзирая на то что история элит «греков и сириан» Латинского Востока — это история стертых общин и утраченных имен, она представляет собой важнейшее звено в истории ближневосточного Православия, занимая промежуток между арабским и османским правлением, промежуток, исторически обособленный в силу последовавшей за ним катастрофы, привнесенной мамлюкскими гонениями.

В рамках доклада предлагается дать реестр известных имен и «безымянных» деятелей из числа мелькитских элит княжества Антиохийского, графств Эдессы и Триполи, королевства Иерусалимского, с указанием их конкретного вклада в историю ближневосточного Православия, а также в социально-политическую и культурную жизнь Латинского Востока.

На основе сохранившихся письменных свидетельств (хартиях, посланиях, фрагментах латинских, старофранцузских, армянских и сирийских хроник) а также исследований, посвященных этнографии и экономике рассматриваемого региона, выявлены основные центры сосредоточения православного населения на Латинском Востоке (Иерусалим и Вифлеем, Газа, Акра, Тир, Триполи, Латакия, Антиохия, Аназарва, Адана, Тарс) и создан реестр, включающий такие фигуры, как Георгий Антиохийский, будущий «аммир аммиров» Сицилийского королевства, и его отец Михаил; эдесский философ Абд аль-Масих, ставший посредником в отношениях между князем Рожером Антиохийским и сиро-яковитским патриархом Афанасием VII; Лев Майополис, почти четверть века занимавший пост дуки Антиохии; триполийский «сирианин» Саис, спонсировавший Ги де Лузиньяна (сира Кипра и бывшего короля Иерусалимского) и князя Боэмунда IV, правителя Антиохии и Триполи.

Данный реестр и источниковая база, на котором он основан, позволяют констатировать, что православное население Латинского Востока (невзирая на то что за пределами королевства Армении оно не имело возможности войти в число нобилитета) играло важную, а в отдельных центрах и доминирующую роль в торгово-экономической и социальной жизни региона. Из числа православных общин выходили видные сановники, врачи, философы, главы торговых и производственных корпораций. Восприняв элементы латинской городской культуры, православное население не просто инкорпорировалось в привнесенный «франками» социальный строй, но сделало возможным зарождение таких объединений, как коммуны Антиохии, Акры и Триполи, а также мелькитское «вифлеемское братство св. Георгия и Белиана». Мелькиты / сириане входили и в число сержантов и туркополов как секулярных, так и орденских контингентов Заморской земли. Однако наилучшим маркером влияния православных на социально-экономическую жизнь Латинского Востока стала церковная жизнь: именно потенциал местных православных общин сделал возможным восстановление православного Антиохийского патриархата и его структур на сиро-ливанском побережье и в Киликии на заре XIII столетия, и поддержание подчас соперничающих епархиальных «центров силы» (таких как Киликия, Тир, Триполи), боровшихся за патриаршество.

История православных Латинского Востока занимает особое место в истории ближневосточного православия, будучи одним из ранних примеров успешной адаптации этих общин и епархий вне пределов Византийской империи, т. е. Byzance après Byzance.

А.А. Войтенко

Культурно-исторические аспекты христологического раскола на Сирийском Востоке V–VI вв.

До сих пор неясным является вопрос, почему во всех областях христианского Востока христологический раскол периода поздней Античности четко очерчивает границы дихотомии «халкидонитство — миафизитство», которую на начальном этапе вполне можно интерпретировать в категориях «центр — периферия», а на последующих этапах объяснить тем, что христианизация отдельных областей Pax Christiana Orientalia шло из районов с уже четкой христологической ориентацией, которые служили для первых своеобразным миссионерским центром, и только сирийцы демонстрируют уникальный случай. Их христология вращается в кругу тройственного выбора: «халкидонитство» — «миафизитство» — «несторианство». Если все другие регионы христианского Востока постепенно приходят к унификации (в областях с утвердившимся миафизитством халкидонские общины постепенно маргинализируются или вовсе исчезают, а области, где в конце концов побеждают сторонники Халкидона, демонстрируют абсолютно зеркальную картину), то у сирийцев мы видим (при явной маргинализации здесь «халкидонитства») углубление христологической дихотомии до такой степени, что она институционализируется и порождает две отдельные исторически устойчивые традиции: Сиро-яковитскую церковь и Ассирийскую церковь Востока.

Суть проблемы лежит в геополитических и культурных особенностях того региона, который получил название «Сирийский Восток». В период поздней Античности, времени структурного генезиса основных ориентальных церквей, Сирийский Восток оказался не единым, а двойственным, ясно разделенным на Запад и Восток, а ментальные особенности проживающих на этих землях сирийцев (западных и восточных), вероятно, были сходными с ситуацией немецких Ossi и Wessi второй половины XX в. Если земли Приморской («внутренней») Сирии с периода эллинизма представляют собой место глубокого синтеза «автохтонной» и эллинской традиций, то области Верхней Месопотамии (Сирии «внешней») — это почти не эллинизированная арамеоязычная зона, культурно тяготеющая к арамеоязычным общинам Палестины, а геополитически вынужденная «взаимодействовать» с парфяно-персидской религиозной, культурной и политической реальностью.

По сути модель Приморской Сирии в греко-римский период и период поздней Античности во многом сходна с моделью египетской:

это пространство классического эллинизма. И там и тут имеет место классическая диглоссия, породившая сложную лингвосоциальную структуру. Александрия и Антиохия — это два великих космополитичных эллинистических центра, оспаривающих друг у друга пальму первенства. Логично предположить, что те христологические модели, которые потом будут генерировать два этих интеллектуальных «центра силы», и те сценарии культурно-религиозной ориентации, которые они предложат, будут сходны по своим основным параметрам.

К египетской реакции на Халкидон привела сложная конфигурация факторов, в основе которой лежали богословские и культурно-географические индикации «свой — чужой». Александрийская богословская школа — это почти прямая наследница традиций эллинизированного иудаизма, интеллектуальной основой которого был платонизм. Исходя из этого александрийская христологическая мысль неизбежно должна была прийти к парадигме «одна ипостась — одна (но сложная) природа», всячески избегая формулировки вопроса христологии в категории «двух природ».

Казалось бы, богословы Антиохийской школы при сходстве культурно-исторических моделей Египта и Приморской Сирии должны были бы предложить сходные миафизитские христологические модели. Однако этого не происходит. Почему? В докладе предложены ответы на этот и некоторые другие вопросы, связанные с данной темой.

М.В. Грацианский

Региональные церковные и гражданские структуры: типология взаимоотношений в позднеантичный период

Одним из наиболее ярких феноменов поздней античности (конец III — начало VIII в.) является христианство, становящееся в этот период официальной, а затем государственной религией. Христианизация государственно-административных и гражданских институтов позднеантичного общества является характерным процессом данного периода. Между тем речь может идти о христианизации уже имевшихся античных институтов, развивавшихся на протяжении классического, эллинистического и римского периодов [1, с. 7–26; 2, с. 31–85].

Восходящее к классическому периоду объединение греческих полисов на основе племенной (ethnē) близости в союзы (koina) было распространено римлянами на территории, выходящие за пределы греческого мира и увязано с римской провинциальной системой [2, с. 86–129; 3, с. 37–360]. Каждый союз имел главный город (митрополию), в котором проводились регулярные съезды представителей

городов. В императорский период эта система получает оформление в рамках римский провинций и объединяется вокруг императорского культа. Римские провинции тем самым начинают мыслится как объединяющие определенный ethnos. Функции объединений провинциальных городов (koinon — на Востоке, concilium — на Западе) при этом расширяются: помимо решения сугубо внутренних дел они отвечают за взаимодействие с римскими наместниками и с императором [1, с. 137–172; 2, с. 141–191].

Полисное представительство в рамках koina (concilia — на Западе) уже с первого века по большей части осуществляется местными священниками (жрецами — hiereis, sacerdotes) императорского культа. Во главе koinon'а стоит первосвященник (arhiereus) митрополии, который помимо координации провинциальных съездов (synodoi, syneleuseis, conventus) отвечает за контакты с императором и осуществляет посольства к нему [1, с. 36–60].

В IV в. данная система начинает быстро христианизироваться. Место священников (жрецов) императорского культа на полисном и провинциальном (в митрополиях) уровне занимают христианские епископы, а их собрания приобретают черты соборов (synodoi, concilia). Тем не менее соборы епископов (архиереев) не утратили функций гражданского взаимодействия полисов и в этот период, поскольку проводились в присутствии императорских чиновников и светских представителей городов. Изначальный гражданский аспект деятельности соборов отражается и в позднеантичных императорских эдиктах.

В период поздней античности выбор полисного архиерея оставался прерогативой городской общественности (прежде всего членов городской курии) и клира. Рукоположение городского архиерея осуществлялось провинциальными архиереями и утверждалось первенствующим (prōtos, primus) архиереем, т. е. первосвященником митрополии — столицы koinon'а и резиденции императорского наместника. Архиерея митрополии утверждал к тому же император.

Таким образом, в позднеантичный период христианский архиерей (епископ) рассматривался как естественный представитель города в представительных общественных органах (соборах), как посол и ходатай перед провинциальными и центральным властями, не исключая и особы императора. Для крупных и влиятельных городов епископ был защитником полисных прав и представителем интересов граждан города, прежде всего куриалов. Применительно к малым городам, в которых куриалы были бедны, а представители императорской власти отсутствовали, епископ фактически выступал как градоначальник.

Литература

[1] *Deininger J.* Die Provinziallandtage der römischen Kaiserzeit von Augustus bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr. München; Berlin: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1965. XVI + 220 p.

[2] *Edelmann-Singer B.* Koina und Concilia. Genese, Organisation und sozioökonomische Funktion der Provinziallandtage im römischen Reich. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. 363 p.

[3] *Haensch R.* Capita provinciarum. Statthaltersitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1997. 861 p.

Е.М. Копоть

«Шами» и «любнани» в Антиохийском патриархате в конце XIX — начале XX века

На протяжении двух веков (с середины XVIII в.) избрание патриархов в Антиохийской церкви контролировали сначала фанариотские греки, используя столичное положение, а с 1850 г. — выходцы из среды иерусалимского Святогробского братства, не только взявшие под свой контроль значимые святыни христианского мира, но и аккумулировавшие в своих руках огромные состояния. Патриарший кризис (1897–1899) стал финалом двухвекового противостояния, когда за престол боролись греческая и арабская партии. При активной поддержке российской дипломатии и участии Императорского православного палестинского общества в 1899 г. состоялось избрание на антиохийский престол местного уроженца лаодикийского митрополита Мелетия II (Думани).

С окончанием эпохи греческой ксенократии борьба за патриаршество сместилась на региональный уровень. Недолгое правление Мелетия II (1899–1906) ознаменовалось двумя конфликтами: бейрутским вопросом и выделением горного Ливана в независимую епархию. С 1830 по 1900 г. население Бейрута увеличилось в 10 раз и достигло более чем 100 тыс. жителей. Экономический рост отразился в административном отношении в появлении в 1888 г. Бейрутского вилайета. Эти изменения ознаменовались распространением идей арабского национализма и усилением амбиций местной элиты.

После смерти в 1901 г. бейрутского митрополита Гавриила (Шатилла) на его место православной общиной Бейрута (вопреки воле патриарха и российской дипломатии) в 1902 г. был избран архимандрит Герасим (Мсарра). Ответным шагом Дамаска стало раздробление Бейрутской митрополии с выделением из ее состава горных территорий и монастырей, находящихся там. Образование Ливанской митрополии

стало первым актом борьбы между столичной — дамасской — партией и набиравшим силу Бейрутом.

Вторым центром ливанской оппозиции Дамаску стала Триполийская митрополия. Обладая значительными средствами, местный архиерей Григорий (Хаддад) стремился рассадить своих сторонников на вакантные кафедры: так, митрополитом аркадийским (Аккар) в 1903 г. стал его бывший диакон, бейрутский уроженец Василий (Дибс), а митрополитом лаодикийским — Арсений (Хаддад). После смерти Мелетия II в 1906 г. претендентами на патриарший престол стали Григорий (Хаддад), Герасим (Мсарра) и митрополит Хомса Афанасий (Аталла). Благодаря предварительной сделке о передаче 29 деревень Ливана в ведение Бейрутской епархии Герасим (Мсарра) поддержал Григория (Хаддада), и представитель Триполи был избран антиохийским патриархом (на кафедре 1906–1928). Поддержку Григорию также оказал его родственник митрополит Арсений (Хаддад), ставший викарием нового патриарха. Объединенная ливанская партия одержала победу в борьбе за доминирование в патриархате.

В 1908 г. по соглашению с Григорием IV в Триполи был переведен киликийский митрополит Александр (Таххан), изначально бывший противником патриарха. Именно он спустя четверть века бросит вызов клану Хаддад. После смерти Григория IV в 1928 г. борьбу за патриаршество повели Арсений (Хаддад) и триполийский митрополит Александр, что привело к избранию двух патриархов и попытке переноса патриархии в Бейрут.

Литературоведение

Е.О. Акимушкина

Трансформация мотива болезни восхваляемого в персидской панегирической поэзии XI–XII вв.

Персидские придворные поэты откликались в своих произведениях на многие события из жизни сюзерена: так, они слагали стихи по случаю его восшествия на престол, рождения наследника, проведения успешной военной кампании, возведения новых дворцов, а также его выздоровления после болезни. Болезнь восхваляемого как таковая в произведениях персидских поэтов указанного периода не описывается, встречаются лишь отдельные упоминания о ней, основное внимание поэта сфокусировано на выздоровлении восхваляемого. Такое смещение акцента выглядит вполне логичным, особенно в том случае, если в роли восхваляемого выступает государь, поскольку он, «тень Бога на земле», не может описываться страдающим от болезни, он должен излучать силу и мощь и сам выступать в роли врачевателя своего государства.

Мотивы болезни и выздоровления восхваляемого довольно редко встречаются в персидской поэзии XI–XII вв. (десять произведений — девять касыд и одно стихотворение-кыт'а) и до настоящего времени не получили освещения в иранистике. Материалом нашего исследования послужили произведения Фаррухи Систани (ум. 1037/38), Катрана Табризи (ум. 1072), Амира Муиззи (1048/49 — между 1126 и 1152), Анвари Абиварди (1115–1191), Сайида Хасана Газнави (ум. ок. 1160/62) и Сузани Самарканди (ум. 1179).

В данном сообщении предпринимается попытка выявить общие принципы изображения болезни и выздоровления восхваляемого в персидской панегирической поэзии XI–XII вв., что позволит нам сформировать более полное представление о характере трансформаций мотивов восхваления (*мадх*), а также о тематическом репертуаре панегирика в классической персидской касыде. Это сообщение продолжает наши исследования образов восхваляемых, не вполне стандартных для нормативной персидской поэтики, — правителя, находящегося в плену [1, с. 85–94], и представительницы правящей семьи (супруги, матери, сестры, дочери государя) [2, с. 25–35].

Персидские поэты указанного периода пытаются описать болезнь и выздоровление восхваляемого с помощью различных тематико-ком-

позиционных схем, имеющихся в арсенале персидской поэзии, в частности, восходящих к мифу о смерти и воскресении божества плодородия, а также мотивов, относящихся практически ко всем основным жанрам персидской классической поэзии. Универсальным приемом для изображения выздоровления восхваляемого выступает транспозиция (*накл*), в частности, перенос мотивов из жанра в жанр: например, в регистр панегирической поэзии переносятся мотивы календарной и любовной лирики.

В произведениях указанного периода, написанных по случаю выздоровления восхваляемого, наблюдается постепенное расширение набора восхваляемых: если в XI в. таковыми являются исключительно государь и его родственники, то в XII в. к ним добавляются и высшие сановники. Заметим, что чем выше статус восхваляемого, тем ниже вероятность наличия в касыде подробностей о его болезни и процессе выздоровления, что, по всей видимости, свидетельствует о значительной степени табуированности этой темы в персидской придворной поэзии.

Литература

[1] *Акимушкина Е. О.* Жанр *хабсиййат* в персоязычной поэзии XI–XIV вв.: генезис и эволюция. М.: Наталис, 2006. 175 с.

[2] *Акимушкина Е. О.* Образ «восхваляемой» в персоязычной панегирической поэзии классического периода (к проблеме изучения жанра *мадх*) // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2020. № 1. С. 25–37.

А.Н. Ардашникова

«Песня кучанских девушек» А. Деххода как стимул общественного движения в Иране эпохи *машруте* (1905–1911 гг.)

20 июня 1907 г. в № 4 популярной тегеранской газеты «Сур-е Эсрафил» (Труба архангела Исрафила), флагмане иранской демократической прессы периода борьбы за конституцию, была опубликована песня-плач кучанских девушек с рефреном «Боже, никто не думает о нас» авторства одного из редакторов этой газеты Али-Акбара Деххода (1880–1956): «Ты видел, что небосвод с нами сделал? — Боже, никто не думает о нас. // Он разлучил нас с семьей и родными — Боже, никто не думает о нас. // Он взирает на мучения, которые нам причинили, — Боже, никто не думает о нас… // Замри, дыхание в груди, ведь кажется — Боже, никто не думает о нас. //

Что ветерок несет аромат нашего квартала — Боже, никто не думает о нас. // Что это за прекрасный аромат и что за земля! — Боже, никто не думает о нас… // Аромат нашего края приводил нас в восторг — Боже, никто не думает о нас. // Воздух его животворен, он уносит печали — Боже, никто не думает о нас. // Но увы, в нем кроется и разлука — Боже, никто не думает о нас» [1].

На первый взгляд, это непритязательное стихотворение по набору используемых мотивов и их образных воплощений мало чем отличается и от традиционных фольклорных «чужбинных» песен, и от схожей по тематике классической средневековой лирики. Событие, которое вызвало к жизни это стихотворение, также относится к разряду вполне обыденных для описываемого времени: оставшись без урожая в «голодном» 1905 г., крестьяне деревень в северных районах Хорасана по границе с туркменскими кочевьями продали своих дочерей туркменам, которые впоследствии через армянских купцов переправили их в увеселительные заведения Тифлиса.

Тем не менее в стране, где поэзия испокон веков является символом и выражением национальной идентичности, стихотворная история страданий «наших дочерей» из Кучана превратилась в своего рода общеиранский мем: ее обсуждали в уличных кофейнях и на базарных площадях, упоминали с минбара мечетей как символ потери национальной, религиозной и семейной чести. Муджтахид сеид М. Табатабаи, сыгравший одну из главных ролей в мобилизации иранцев на борьбу с каджарским деспотизмом и возглавивший многотысячные бесты населения Тегерана, утверждал, что это происшествие нанесло удар по самим принципам правосудия, и требовал справедливости и исполнения законов [2]. Трагедия кучанских девушек, естественно, не могла оставить равнодушными и «людей базара» — торговцев и ремесленников, вызвав у них гораздо больший эмоциональный отклик, чем различные дискуссии или даже проповеди, в которых поднимались общественно-политические вопросы. В эпоху *машруте* поэзия прочно заняла свою нишу как форма политической пропаганды и средство моментального комментирования социально-политических событий. Стихотворения на остроактуальные темы стали бытовать в виде своеобразных листовок-прокламаций, публично исполняться на собраниях революционных комитетов-*анджуманов*, неформальных митингах и во время шествий. Сопереживание горькой судьбе кучанских девушек в иранском обществе эпохи *машруте*, рождающее чувство национальной общности, по заложенной в нем мобилизующей силе можно сопоставить с коллективным оплакиванием шиитами трагической гибели имама Хусейна и мучеников Кербелы.

Литература

[1] «Сур-е Эсрафил». 1907. № 4 // Архив иранской прессы периода *машрутe*. URL: https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/4287107 (дата обращения 12.02.2021).

[2] *Bayat M.* Iran's First Revolution. Shi'ism and the Constitutional Revolution of 1905–1909. New York; Oxford: Oxford University Press. 1991. 316 p.

К.Е. Барабошкин

Удача-*юй* как один из важнейших факторов для продвижения литераторов по службе в трактате Ван Чуна «Весы суждений» (I в. н. э.)

Проблема, которую озвучивает автор в первой главе трактата «Весы суждений» (*Луньхэн*), является крайне болезненной для него самого — несмотря на все свои усилия мыслителю так и не удалось реализовать себя в служении императору, он не поднимался выше низовых должностей вдали от двора и часто уходил с них. Через весь его труд красной нитью проходит идея о необходимости служения правящему дому. Знаменательным в этом плане кажется уже само название данной главы. *Фэн юй* Альфред Форке в начале XX в. перевел как "Success and luck", однако, на наш взгляд, исходя из содержания главы, ее лучше перевести как «О случайности и удаче [в назначении на должности]».

Собственно, начинает свою главу Ван Чун именно с основного тезиса, который далее будет подробно разбирать на примерах. «*В совершении поступков присутствует постоянный [путь к тому, чтобы стать] достойным, в служении не существует постоянного пути [к тому, чтобы быть успешным и] удачливым. Достойность и недостойность [определяется] талантом, а удачливость и неудачливость [в продвижении по службе] — моментом*» [1, с. 21]. И проблема заключается как раз в том, что человек талантливый далеко не всегда будет человеком успешным: «*У некоторых талант высок, а поступки чисты, [однако они сталкиваются] с неудачей, уходят со службы и остаются в низовьях рек*» [1, с. 22]. Здесь автор отсылает нас также к 19-й главе *Луньюя:* «*Цзыгун заметил: — Чжоу не был уж таким плохим. Поэтому и избегает благородный муж низовий, где к нему липнет все дурное в Поднебесной*» [2, с. 181].

Ван Чун утверждает, что даже если человек — *цзюньцзы* (благородный муж) по своим устремлениям, вне его власти оказывается не только его карьера, но и его честное имя. Стоит учитывать, что польза от достойных-*сянь*, талантливых-*цай* людей при дворе, согласно Ван

Чуну, заключается именно в силе воздействия их речей и трудов на правителя, что способствует благостным изменениям в Поднебесной. Однако определяющим фактором в принятии или непринятии литератора при дворе является не глубина мысли, а удача-*юй*, которая напрямую зависит от времени-*ши* его рождения. Поэтому даже грамотно построенная с точки зрения риторики речь не способна переломить ход мыслей правителя-*вана* или императора-*ди,* если его помыслы будут направленны в совершенно другую сторону. Таким образом, Ван Чун в этой главе обозначил ключевой вопрос, на который он пытается дать ответ на протяжении всего трактата: как соотносятся талант-*цай* и удача-*юй* и есть ли хоть какой-то способ повлиять на оба этих фактора?

Литература

[1] Хуачжун Ю., Цзячан Ф. Перевод «Весов суждений»: в 3 т. Гуйян: Гуйчжоу Жэньминь Чубаньшэ, 1993. 1861 с.

[2] *Семененко И.И.* Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй». «Мэнцзы». М.: Издательство восточной литературы, 2016. 375 с.

Л.О. Башелеишвили

«Космический гимн» – молитва Автандила в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»

Поэтический текст любовно-героической поэмы «Витязь в тигровой шкуре» («Вепхисткаосани») является наглядным примером того, что в устах гениального грузинского поэта Шота Руставели (XII в.) язык вездесущ и «имеет способность выходить за свои собственные границы и достичь возвышенного…». Для поэта границы языка (перефразируя Гадамера) как раз и есть «границы мира» [1, с. 328], в котором слово имеет неограниченную мистическую силу воздействия.

В молитве Автандила, так называемом космическом гимне, перечислены семь светил: Солнце (*мзэ*), Сатурн (*зуал* араб.), Юпитер (муштар араб.), Марс (*марих* пер.-араб.), Венера (*аспироз*), Меркурий (*отарид* араб.) и Луна (*мтварэ*), которые и являются адресатами мольбы и молитвы влюбленного рыцаря (строфы 837–840). Согласно академику Э. Хинтибидзе, в 965-й строфе все планеты уже представлены в другой последовательности: *мзэ*, *отарид*, *муштар*, *зуал*, *мтварэ*, *аспироз*, *марих*. В первом ряду находятся светила, возглавляемые солнцем, которые, согласно астрологическим воззрениям Средневековья, благоприятны днем, а во втором ряду перечислены планеты, возглавляемые Луной, которые, напротив, благоприятны ночью.

«Вепхисткаосани» является мегатекстом, имеющим множество языковых контекстов, одним из которых, несомненно, является арабский язык. Заимствованные лексемы — названия планет (кроме Луны и Солнца) — указывают на то, откуда поэт черпал свои космографические взгляды и астрологические познания. То, что грузины были знакомы с геоцентрической системой Птолемея (II в.) и пользовались греческими названиями планет, не вызывает сомнения, но контекст поэмы такой, какой он есть, и указывает на знакомство грузин с арабской космографией того времени, где было переосмыслено место Солнца в перечне планет.

Руставели — в первую очередь поэт, и его задача заключается в создании поэтических образов и метафор, которые усиливали бы эмоциональное воздействие поэмы на читателя. Несмотря на то что он прибегает в поэме к методу сюжетного отчуждения, а действия формально переносит в исламский мир, его творение изобилует христианскими контекстами и тропами. Даже такой «особый» отрезок, как «гимн звездам», (общеизвестно, как христианство относилось к астрологии), опирается на христианскую эстетику света и солнца, в которой образом Бога (скорее всего, Бога-Отца) является «Солнечная ночь», в которой очень много поэтических аллюзий как катафатического, так и апофатического характера, перекликающихся со сложнейшими сочинениями Псевдо-Дионисия Ареопагита. Моление восходящему солнцу с воздетыми к небу руками (так называемый жест оранты), в принципе, является обрядом языческим, непосредственно связанным с культом Солнца, который нашел свое отражение и в христианском богослужении. К сожалению, в переводах был утерян смысл этой прекрасной молитвы, полной христианских символов.

«Космический гимн» оказался самой труднопереводимой частью поэмы. С ним обходились часто очень свободно и просто опускали даже такие талантливые переводчики, как К. Бальмонт, Н. Заболоцкий, П. Петренко. Ш. Нуцубидзе. И это очень печально, поскольку «гимн звездам» есть продолжение молитвы Автандила, без которого трудно осмыслить всю красоту картины мира, сотворенную поэтом. Автандил в этом эпизоде предстает перед читателем как микрокосмос в макрокосмосе, как частица, несущая в себе все элементы необъятной Вселенной, сотканной и объединенной всеобъемлющей любовью.

Литература

[1] *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. С. 328–329.

К.Б. Волкова

Загадки межлитературных контактов: пьеса Вачиравуда «Настоящее приведение»

В Таиланде, как и в других восточных странах, процесс восприятия инонациональной литературы шел приблизительно по одной схеме: перевод — адаптация — подражание. Перевод — самая ранняя форма литературных контактов с западными странами. Причем переводчик мог переделать, дополнить или сократить оригинал, изменить имена героев на местные, привнести реалии в соответствии с традициями своей национальной литературы. Следующим этапом стала «адаптация», в которой автор перерабатывал произведение иностранного автора и приспосабливал его к предпочтениям и пониманию местной публики.

В этом смысле несомненный интерес представляет тайскоязычная пьеса короля Рамы VI Вачиравуда «Настоящее привидение» (1913), которая занимает особое место в наследии монарха-драматурга. Несмотря на то что по всем параметрам это вольный перевод (адаптация) рассказа английского писателя У.У. Джейкобса «Призрак Джерри Бандлера» (1902), автор настаивал на том, что это оригинальное, самостоятельное произведение. Об этом он сообщает читателю в самом начале повествования.

Чем же так привлек Вачиравуда рассказ У.У. Джейкобса, что он выполнил не только его английскую инсценировку, но позднее и вольный перевод на тайский перевод? Смеем предположить, что у Вачиравуда-драматурга возникла собственная оригинальная сверхзадача, которую он реализовал.

В центре сюжета пьесы Вачиравуда, как это было и в рассказе У.У. Джейкобса, — герои (Ед, Пот, Джейкоб и др.), не верящие в приведения: они приезжают в провинциальную гостиницу, где им рассказывают историю о приведении, которое в течение последнего пятидесятилетия терроризирует постояльцев. Джейкоб решает проучить неверующих, и это заканчивается трагично: его по ошибке убивают.

В своей адаптации Вачиравуд следует сюжету английского оригинала, преобразовывая текст для полного и адекватного его восприятия тайским читателем / зрителем, заменяя английские культурные реалии тайскими. Драматург оставил лишь ироничный сюжет. Радикально изменился адресат иронии: если у У.У. Джейкобса это была романтическая традиция английской литературы о призраках, то Вачиравуд иронизировал над невежественным суеверием тайцев.

Основная цель адаптации — подключение развивающихся национальных литератур к мировому художественному процессу. Кроме этой общей задачи король-драматург, сочиняя пьесу «Настоящее привидение», преследовал и другую цель — высмеять предрассудки простых тайцев, их укоренившуюся веру в духов. Благодаря своей просветительской задаче Вачиравуд одновременно стремится включить мировоззрение тайцев в ареал западноевропейской культуры.

Литература

[1] *พระบาทสมเด็จพระมงกุฎเกล้าเจ้าอยู่หัว*., ผีจริง. กรุงเทพ. 2456 (Вачиравуд, «Настоящее приведение», Бангкок, 1913). 64 с.

[2] *Jacobs W.W.* The ghost of Jerry Bundler, 1903. Available at: https://americanliterature.com/author/w-w-jacobs/short-story/jerry-bundler (accessed March 28, 2021).

Б.М. Волхонский

О трансформации сюжета и системы образов палийской «Джатаки о Кусе» в классической сингальской поэме «Кавусилумина» (XIII в.)

В докладе предпринимается попытка сравнить сюжетные линии и образную систему классической сингальской поэмы «Кавусилумина» (Драгоценный венец поэзии, XIII в.) с палийским источником — «Джатакой о [царе] Кусе» (Kusa-Jātaka). Цель — продемонстрировать, как трансформации сюжета и система поэтических образов работают на решение определенных идеологических задач — не столько в русле буддийской традиции, сколько в свете конкретных исторических условий Ланки XIII в.

Поэма «Кавусилумина» считается одной из вершин сингальской классической поэзии, ее автор — царь Паракрамабаху II, правивший с 1234 по 1269 г. Сюжет палийской «Джатаки о Кусе» считается источником общемирового сюжета о «красавице и чудовище». И хотя сюжет поэмы взят из буддийского канона, образность следует принципам построения *махакавьи* — «большой поэтической формы», строящейся по законам санскритской поэтики.

Первая глава поэмы полностью посвящена описанию города и правящего в нем царя Кусы, который, будучи *бодхисатвой* (будущим Буддой), предстает как идеальный правитель. Здесь уже наличествует целый ряд отклонений от исходного палийского текста.

Во-первых, подробное описание города в палийской джатаке отсутствует, а описание в поэме строится на образах, весьма далеких

от буддизма. Город представлен как пространство, где жизнь во всех ее мирских проявлениях бьет ключом: музыка, танцы, драгоценное убранство домов и жителей, красавицы, любовные утехи (в том числе тайные) и т. п. Таким образом, поэма с первых строф очерчивает некое гармоничное жизненное пространство, в центре которого — фигура царя.

Во-вторых, в отличие от палийской джатаки, где Куса не является правящим царем (его отец только собирается передать власть сыну после его женитьбы), в поэме главный герой уже обладает всей полнотой власти и описывается как идеальный правитель, наделенный всеми царскими и воинскими достоинствами, среди которых особенно выделяются *теджас* (сияние, блеск; синг. *teda*), и слава (санскр. *yaśas*, синг. *yasa*).

В-третьих, в поэме отсутствует ключевая для развития сюжета джатаки предыстория: рассказ о появлении Кусы на свет и объяснение того, почему он родился уродливым на вид (в джатаке это объясняется некими проступками, совершенными в одном из прошлых рождений). Более того, при описании внешности царя в поэме упоминается, что для женских сердец облик царя, сравнимый с обликом Ананги (бога любви), подобен сосуду с *амритой* (напитком бессмертия), таящемуся в молочном океане.

Строго говоря, отсутствие упоминания об уродливом внешнем облике царя Кусы делает не вполне логичной дальнейшую цепочку событий, когда выданная за него замуж принцесса Прабхавати (пали *Pabhāvatī*, синг. *Pabavat*), увидев истинный облик мужа, покидает его дом, а Куса лишь за счет доблести и добродетели завоевывает ее любовь и восстанавливает семейную гармонию.

Однако эта кажущаяся нелогичность объясняется тем, что лежащая в основе джатаки этическая схема «грех — воздаяние — добродетель — искупление / награда» в поэме, созданной в иное время и в иных исторических условиях, отходит на второй план, уступая место идее «идеальный царь как основа благосостояния государства». Автор поэмы царь Паракрамабаху II известен тем, что сумел объединить разрозненные сингальские царства и вполне успешно противостоял иноземным (южноиндийским) захватчикам. Именно целям формирования образа идеального государства во главе с идеальным правителем и подчинены сюжет и образная структура поэмы.

А.Г. Гурия

Тема леса в санскритской поэзии (на примере жанра литературной джатаки и поэзии малой формы)

Лес как локус подвижничества в древнеиндийской культуре. Оппозиция понятий «лес — город». Круг мотивов, связанных с обителью подвижников (*ашрама*) в эпосе и придворной литературе I–V вв. Образ отрешившегося и его обители, данный извне в долитературной и литературной джатаке. Стихи отрешившихся от мира: тематика, стилевые особенности. «Лесная» тема у Бхартрихари (первая половина I тыс. н. э.). Похвала лесу (т. е. пустынножительству в противовес городской суете) в литературной санскритской джатаке III–V вв. (Арья Шура, Харибхатта).

Отрешение от мира как один из важнейших сюжетов буддийской литературы. Плач по уходящему в лес герою в махакавьях Ашвагхоши (I–II вв.) как модификация сходных плачей в «Рамаяне». Аналогичные плачи в литературнй джатаке. Образ леса как места, непригодного для жизни и полного опасностей. Противопоставление лесной и дворцовой жизни.

Лес как событийное пространство. Ритуалы перехода, сюжетные схемы, коренящиеся в архетипе обрядов инициации. Роль этих сюжетных схем в основном сюжете санскритского эпоса («Махабхараты» и «Рамаяны»), во вставных сказаниях. Лес как место завязки сюжетных линий в авторской литературе. Столкновение двух миров: конфликт царя и подвижника. Два вида подвижников (тапасвинов) в небуддийских текстах древности: грозный и благостный. Связанный с ними круг сюжетов. Джатаки о таких конфликтах у Арья Шуры и Харибхатты. «Джатака о Шьенаке» Харибхатты: уход царя в лесную обитель, где его бывший министр уже обрел могущество превыше войск и царств.

Лес как декорация. Эпические описания-каталоги (перечисление пород деревьев и животных), отличие чудесного пейзажа от обычного (исполинские размеры, упорядоченность). Описания лесного пейзажа в придворной литературе (эпическая поэма-*махакавья*, средневековый роман): структура и мотивный состав. Сопряжение отдельных элементов описания в сценки при сохранении глубинной схемы каталога. Сведение описания леса либо к описанию окультуренного парка, состоящего из цветущих деревьев, либо к описанию сезона, во время которого герой посещает его (весны, лета). Описания леса как экспозиция «лесных» джатак в составе сборников Арьяшуры и Харибхатты.

Ю.С. Ершова

Канун подъема женского литературного творчества в Индонезии: проза Нх. Дини

В 1950-х годах состоялся дебют одной из самых известных писательниц Индонезии XX в. Нурхаяти Сри Хардини Сити Нукатин, писавшей под псевдонимом Нх. Дини (*Nh. Dini*; 1936–2018). Глубоко национальный автор, воспитанная в традиционной яванской культуре, она одновременно характеризуется исследователями как «аристократка-феминистка». Творческая жизнь Дини оказалась долгой и насыщенной: она писала почти до самой своей кончины, оставаясь верной своей позиции. Опубликовано более 20 книг писательницы, большинство из которых феминистской направленности. Кроме того, она занималась переводами французской художественной литературы.

Нх. Дини была свидетельницей смены власти в результате кровопролитного переворота 1965 г. В жизни страны наступил период правления военных и репрессий инакомыслящих, были введены жесткие ограничения гражданских свобод. Общественно-политическая жизнь строго контролировалась, многие организации оказались под запретом. Это коснулось и ряда женских объединений.

Официальным идеалом так называемого Нового порядка была провозглашена носительница традиционного мировоззрения, целомудренная и преданная супруга и мать, хранительница обычаев и семейного очага, удовлетворенная традиционно устоявшими представлениями о женской доле. Это время оказалось не слишком щедрым на новые имена писательниц и открытые проявления феминистских настроений.

Тем не менее с 1970-х годов начали обозначаться важные тенденции, подготовившие бум женской литературы конца XX — начала XXI в. В этот период наметился активный рост популярности женских журналов, которые стали площадкой для публикации произведений, написанных в том числе авторами-женщинами. В одном из таких журналов («Фемина» (*Femina*)) свои первые рассказы и стихи и опубликовала Нх. Дини.

В 1956 г. писательница опубликовала первый сборник рассказов «Два мира» (*Dua Dunia*). Именно тогда определилось дальнейшее направление и основная тематика ее творчества. В основу большинства ее произведений легла тема борьбы женщин за равноправие в разных сферах жизни. По оценке литературоведов, Нх. Дини отстаивала справедливость по отношению к женщинам.

Также важной темой для писательницы стало сохранение яванских культурных ценностей в процессе глобализации и меняющем-

ся социуме. Сама Дини была замужем за французским дипломатом и долгое время жила в Японии, Камбодже, во Франции, на Филиппинах, в США. Ее творчество во многом автобиографично, а в силу жизненного опыта писательница постоянно стремилась утверждать ценности своей национальной культуры, помня свои яванские корни. Примерами могут служить романы «На корабле» (*Pada Sebuah Kapal*), «Отправление» (*Keberangkatan*).

Нх. Дини долго оставалась на литературной арене Индонезии. С одной стороны, ее повышенное внимание к культурному наследию Индонезии органично вписывалось в общую неотрадиционалистскую тенденцию 1960-х — 1980-х годов. С другой стороны, ее творчество можно рассматривать в качестве основы для дальнейшего развития индонезийской женской прозы, которая оказалась в центре литературного развития на рубеже тысячелетий, как только ситуация в стране изменилась, предоставив гражданам гораздо бóльшие возможности для самовыражения.

В.А. Иванова

«Книга по случаю кремации» как особый жанр тайской литературы

У представителей среднего и высшего классов тайского общества один из способов, с помощью которого буддисты передают заслуги покойному, воплощен в традиции дарения специальной книги по случаю кремации усопшего, называемой по-тайски *нангсы анусон нган сон*. Такая книга подготавливается семьей умершего и вручается всем пришедшим почтить память покойного до церемонии кремации.

Вопрос о происхождении первой книги жанра *нангсы анусон нган сон* до сих пор остается открытым и дискуссионным в исследовательских кругах. «До 2006 года считалось, что первой кремационной книгой в стране являлась книга молитв, использованная на королевской кремации королевы Сунандхи в 1880 году. Однако [позже появились сведения, что. — *В.И.*] группа коллекционера обнаружила более старую кремационную книгу под названием «Пхра Апхаймани», изданную по случаю королевской кремации Рамы IV 18 марта 1869 года» [1].

Структура книг *нангсы анусон нган сон* XX–XXI вв., как правило, содержит два раздела. Первый посвящен поминовению усопшего и представляет собой описание жизни покойного, его заслуг перед обществом, полученных наград (текст может быть сопровожден фотоснимками). Здесь же публикуется траурная речь родственников или близких друзей, содержащая похвальные слова в адрес усопшего.

Составители кремационной книги указывают информацию о спонсоре издания и о полученном от королевской библиотеки разрешении публиковать во второй части книги выбранную семьей покойного рукопись религиозного (буддийские песнопения, джатаки) или светского (классические поэмы) содержания, а также тексты фольклорных жанров (сказки), лечебные и кулинарные рецепты. «Переиздание давно вышедших из печати материалов [в кремационной книге. — *В.И.*] было задумано как вклад в сохранение тайской литературы» [2, p. 284], однако получить такое разрешение на переиздание от королевской библиотеки оказывалось не всегда просто.

Наиболее ранние образцы книг *нангсы анусон нган соп* по своей структуре отличны от современных. В них, в частности, как таковая отсутствовала биография усопшего, являвшаяся основополагающей частью первого раздела более поздних кремационных книг. Вместо нее на первой странице книги печаталась информация, отдаленно напоминающая некролог с указанием имени, фамилии покойного, его фотографией, далее публиковался текст молитв, читаемых монахами в дни похорон, либо текст поэтического произведения, который и становился основой *нангсы анусон нган соп*.

Книга по случаю кремации представляет собой «уникальный жанр исторического ресурса» [3, p. 23] и вместе с тем, сочетая в своей структуре два разнотипных раздела, в которых наблюдается жанрово-стилевое разнообразие, является жанром, междисциплинарно взаимодействующим с чрезвычайно широким спектром сфер человеческого знания.

Литература

[1] *Pichaya Svasti.* Cremation books bring history to life Available at: https://www.bangkokpost.com/life/social-and-lifestyle/439824/cremation-books-bring-history-to-life (accessed March 25, 2021).

[2] *Olson G.A.* Cremation Volumes A Brief History of a Unique Genre of Literature // Asian Folklore Studies. 1992. Vol. 51. Pp. 279–294.

[3] *Preedee Hongsaton L.* Cremation Volumes as a study of Thai society // Southeast Asia Library Group Newsletter. 2018. No. 50. Pp. 23–33.

Е.С. Кукушкина

Французские сюжеты в реформистской интерпретации раннесовременной малайской литературы

Литературные связи малайской словесности в этот период были скудны по причине малой образованности авторов. Там же, где контакты имели место, они завязывались главным образом с англоязыч-

ными литературами. Тем не менее обнаруживается и французское влияние, пусть чаще опосредованное.

Проникновение французских просветительских идей и литературных сюжетов шло двумя путями: через Ближний Восток (прежде всего Египет) и через соседнюю Нидерландскую Ост-Индию, где переводческая деятельность была чрезвычайно активной. Нередко отдать предпочтение тому или другому источнику заимствования трудно. Однако в обоих случаях воздействие воспринималось литературой, окрашенной реформистской мыслью. Идеи реформизма получили широкое хождение в Британской Малайе первых десятилетий XX в., и развитие современных жанров прозы происходило под их влиянием.

Наиболее ранний французский след прослеживается в детективном жанре. Хронологически первый малайский роман, а также целый ряд довоенных прозаических произведений представляют собой переводы (или близкие имитации) американской серии о сыщике Нике Картере. Сама серия также не оригинальна и в конечном счете восходит к романам-фельетонам XIX в. о благородном авантюристе Рокамболе французского писателя П.А. Понсона дю Терайля (1829–1871). При этом в малайской литературе существовали и прямые переводы этих романов. Их автором был основоположник малайской романистики Съед Шейх Ахмад аль-Хади (1867–1934), один из главных глашатаев малайского реформизма в художественной прозе и публицистике.

Таким образом, жанр детектива в малайской литературе имеет французские корни. Реформистов этот жанр интересовал по причине необходимости окупать затраты на идеологическую борьбу. Кроме того, реформисты придавали большое значение идее общественного прогресса, а избавление от преступности, несомненно, ей соответствовало.

Французская публицистика также оставила свой след в ранней малайской романистике. Арабский роман, вероятно, ставший образцом для первого малайского произведения этого жанра, нес печать влияния Ж.-Ж. Руссо. Известный малайский писатель Абдул Кадир Адаби (1901–1941) перевел труд Г. Лебона «Психология масс». Правда, судя по рассуждениям героев в его собственных романах, он не вполне понял мысль француза, сочтя массы созидательной, а не разрушительной силой.

Особенно интересным примером восприятия малайским автором французского произведения стал рассказ Юсуфа Адила «Бедная студентка Хиндун» (1941). Этот рассказ представляет собой адаптацию «Ожерелья» Ги де Мопассана. Юсуф сохранил историю потери взятой взаймы драгоценности, из-за которой герои терпят лишения. Однако

во времена популярности реформистских идей малайский автор совершенно не воспринял смысл концовки рассказа Мопассана, когда выясняется, что жертвы героев были напрасны — утраченные бриллианты были фальшивыми. Для Юсуфа Адила важно показать, во-первых, торжество упорного труда (денежный ущерб удается компенсировать), а во-вторых, перевоспитание героини, которая отказывается от погони за роскошью и начинает уважать супруга.

Все известные на сегодня примеры проникновения французского влияния в малайскую прозу подтверждают активную роль литературы-реципиента, перерабатывающей заимствованный материал по своим культурным лекалам. Можно также предположить, что круг затронутых этим влиянием произведений может быть существенно расширен в результате дальнейших исследований.

Литература

[1] *Al-Ahmadi A.R*. Perancis dalam sastera Melayu // Sastera Melayu dan tradisi kosmopolitan. Kertas Kerja Hari Sastera ‘85. Kuala Lumpur, Dewan Bahasa dan Pustaka, 1987. Ms. 51–66.

[2] *Kukushkina E.S*. Evolution of a borrowed genre in Malay literature (1922–1941): The case of crime fiction in Malaysia // SARE. 2020. Vol. 57, iss. 20. Pp. 36–52.

[3] *Adil Yu*. Intan // Rintisan. Antologi cherita pencek Melayu sa-belum Perang Dunia Kedua — Kuala Lumpur, Dewan Bahasa dan Pustaka, 1964. Ms. 20–31.

С.В. Никольская

История страны в изображении современных китайских писателей

Китайские писатели всегда испытывали огромный интерес к истории своей страны. Достаточно вспомнить средневековую эпопею «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна и роман Ши Найаня «Речные заводи», которые сейчас иногда воспринимаются как своеобразные учебники истории.

В первой половине XX в. исторический материал дал возможность китайским драматургам не только рассказать о делах «давно минувших дней», но и провести параллели с современностью, что отразилось на трагической судьбе некоторых из них, например, Тянь Ханя.

В конце XX в., времени экспериментов и поисков, многовековая история Китая вызвала к жизни появление нового жанра — неоисторической (или псевдоисторической) прозы. Самым ярким примером до сих пор остается написанный в 1982 г. роман Су Туна «Моя императорская жизнь», в предисловии к которому он призывал читателей

не относиться к этому произведению как к историческому роману, ведь речь в нем идет о несуществующей империи Се и ее бездарном правителе, получившем власть волею случая и приведшем страну к гибели. Су Тун не скрывает, что классика завораживает его, побуждает к размышлениям о судьбе человечества. Автор пренебрегает исторической достоверностью, но в полной мере передаёт дух эпохи.

В конце XX — начале XXI в. наблюдается тенденция к осмыслению событий не столь отдаленного времени, но тоже эпохальных по своей сути, например, агрессия Японии и культурная революция в Китае. Писатели не стремятся воссоздать ход истории в масштабах всей страны, а выбирают ограниченную локацию, где произошли конкретные, значимые события. Название места или его отличительная особенность часто выносится прямо в заголовок. Происходящие исторические события подаются на фоне жизни семьи или конкретного персонажа. При этом авторы не расширяют границы повествования за рамки выбранного места. Известный прием показа истории страны через судьбу человека, встречающийся в литературе разных стран, характерен и для современного Китая. В этом случае читателю приходится самому восстанавливать ход истории по вехам, обозначенным автором.

Менее традиционный, но более яркий и запоминающийся прием — вкрапление в историческую канву вымышленного эпизода, якобы произошедшего в конкретной географической точке. Накал страстей достигает кульминации, патриотические чувства нации проявляются в полной мере, что соответствует духу времени.

Исторический материал позволяет художнику акцентировать внимание не только на глобальных политических проблемах. Гораздо важнее показать связь судьбы страны с судьбой каждого человека, влияние общей ситуации на конкретного человека для того, чтобы воссоздать не хронологию событий, а дух эпохи.

Е.А. Оганова

Постмодернистская парадигма в произведениях турецкого драматурга Бехича Ака

Данный доклад посвящен анализу пьес современного турецкого драматурга Бехича Ака (р. 1956) с точки зрения выявления в них признаков постмодернистской парадигмы, что является весьма актуальным, так как до настоящего времени в отечественном литературоведении постмодернистские драматургические произведения не становились объектом научного анализа. В докладе также делается

попытка сопоставить основные концептуальные установки абсурдистского и постмодернистского театра.

Теоретической базой исследования послужили положения, изложенные в монографии известного отечественного литературоведа-тюрколога М.М. Репенковой [1]; определенный вклад в разработку этого вопроса внесла статья турецкого исследователя Э. Энгина «Театр Бехича Ака» [2], насколько можно судить, являющаяся единственным исследованием по данной теме.

В 1980-е годы появляется целая плеяда молодых турецких драматургов, в творчестве которых наблюдается разрыв с принципами аристотелевского театра (Озен Юла, Орхан Гюнер, Дживан Джанова, Муратхан Мунган и др.)

Постмодернистские пьесы непосредственно связаны с абсурдистским театром, пик интереса к которому пришелся в Турции на 1960-е годы (С.К. Аксал, М.Дж. Андай и др.): отсутствие причинно-следственной связи между событиями, обезличивание персонажей, отсутствие коммуникации между ними. Но если в абсурдистской драме на первый план выводилась абсурдность человеческого существования как проблема, обсуждались способы выходы из этой тупиковой ситуации, то в постмодернисткой драме абсурдность жизни современного человека принимается как данность и не рассматривается в экзистенциальном ключе. Абсурдное существование человека вписывается в новую «постмодернистскую» художественную парадигму (нарративизация действительности, знаки-симулякры, гиперреальность, интертекстуальность, «мерцающие» персонажи, персонажи-гипермаски и пр.).

Важное место среди турецких драматургов-постмодернистов занимает Бехич Ак — известный турецкий карикатурист, романист, драматург, режиссер, автор рассказов для детей, произведения которого (главным образом детская литература) пользуются большой популярностью за рубежом.

Все пьесы Б. Ака в той или иной степени подчинены постмодернистским принципам построения, но наиболее ярко постмодернистские черты проявились в таких его пьесах, как «Больница» (Hastane, 1999), «Город одного человека» (Tek Kişilik Şehir, 2002) и «Убийца образов» (İmaj Katili, 2005).

В большинстве его пьес наблюдается децентрированная структура (отсутствие развития действия и соответственно отсутствие кульминации, несвязанность событий друг с другом, отсутствие мотивированной связи между эпизодами, «закольцованность» действия: начало является концом, а конец является началом — как, например, в пьесе

«Расставание» (Ayrılık, 1997)), драматургическое действие не выстраивается в плоскости причинно-следственных связей, соответственно, действия, мысли и слова персонажей алогичны.

В силу жанровых особенностей основные концептуальные установки (в данном случае постмодернистсткие) в пьесах выражаются в первую очередь через образы персонажей. Субъект действия в пьесах Б. Ака также децентрирован, что проявляется в его деперсонализации. В большинстве пьес драматурга персонажи никак не названы (обычно это просто мужчина и женщина), они лишены каких-то примет социального статуса, являют собой усредненный пример определенного стереотипа поведения. Но в отличие от произведений традиционного театра, где персонажи также могут быть не названы, персонажи постмодернистской пьесы отличаются тем, что их внутренний мир фрагментарен и непонятен, их действия не мотивированы и случайны.

Персонажи в пьесах Б. Ака «расщепляются»: они «рассеиваются» в виде образов на постерах, майках и пр. («Убийца образов»), «мерцают» и постоянно меняются местами («Убийца образов», «Дважды два» (İki Çarpı İki, 2009)), клонируются («Больница» (Hastane)) и т. д. часто без какого-либо маркированного перехода от одного персонажа к другому.

Они уже не пытаются отчаянно установить коммуникацию и хотя бы как-то разобраться в «неправильности» окружающей их действительности, отсутствие коммуникации между персонажами уже не связывается, как в абсурдистской драме, с недостаточностью речевых возможностей человека (для абсурдистской драмы характерно нагромождение ничего не значащих слов и звуков, повторы, «речевой мусор» и пр.). Внешне каналы коммуникации у персонажей Б. Ака не нарушены: они слышат друг друга и достаточно связно могут поддерживать диалог, однако слова говорящего никак не отзываются на его собеседнике, не создают никаких новых сюжетных ходов (сюжета как такого в пьесах Б. Ака вообще нет).

Пьесы «Город одного человека» и «Убийца образов» воплощают постмодернистскую концепцию «симулякра» — пустого, ни к чему не отсылающего знака (Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида); в этих пьесах симулякр становится самостоятельным персонажем (еще один постмодернистский прием, когда «героем» может стать кто и что угодно: мифологема, культурный код, идеология и пр.)

Хронотоп большинства пьес Б. Ака также выдержан в постмодернистском ключе. Пространство, как и время, дисперсно и живет своей собственной жизнью (это особенно характерно для пьесы «Здание»

(Bina, 1984): строение, возведенное как спортивный комплекс, все делится и делится на мелкие площади, используемые для чего угодно, только не для занятий спортом: для лепки традиционных турецких котлет *кёфте*, проведения свадеб и пр., здание не имеет жестких границ, оно надстраивается и перестраивается, рушится с разных сторон, через дыры в стенах и потолке в помещение залетают разные предметы).

Временной план многих пьес организован таким образом, чтобы полностью дезориентировать зрителя (особенно это характерно для пьес «Город одного человека», где сезоны сменяют друг друга с калейдоскопичной скоростью, и «Здание», где герои долго обсуждают, сколько же сейчас времени, но никак не могут этого определить).

Таким образом, в пьесах Б. Ака постмодернистская парадигма проявляется на уровне сюжета, персонажей и их речевых характеристик, временной и пространственной организации.

Литература

[1] *Репенкова М.М.* Вращающиеся зеркала. Постмодернизм в литературе Турции. М.: Восточная литература, 2010. 240 с.

[2] *Erkan E.* Behiç Ak Tiyatrosu // Tiyatro Araştırmaları Dergisi. 2010. Vol. 30, iss. 30. Pp. 79–91. Available at: https://dergipark.org.tr/en/pub/tad/issue/11469/136718 (accessed February 21, 20201).

К.Т. Осипова

Арабский исторический роман XXI в.: следование глобальным тенденциям в литературе или самобытное осмысление актуальных проблем?

С начала XXI в. исторический роман переживает небывалый подъем. В разных стилях и формах повествования к нему обращаются как зрелые мастера арабской художественной прозы, так и молодые яркие писатели: Баха’ Тахир (р. 1935), Йусуф Зайдан (р. 1958), Уасини ал-’Арадж (р. 1954), Джабур ад-Дуайхи (р. 1949), Илйас ал-Хури (р. 1948), Ин’ам Качачи (р. 1952), Лина Хауйан ал-Хассан (р. 1977), Раби’ Джабир (р. 1972), Ахмад Мурад (р. 1978), Хаммур Зийада (р. 1979), Мухаммад Хасан ‘Алуан (р. 1979) и др.

Исследователи современной литературы задаются вопросами: стоит ли говорить о новом жанровом явлении? Как соотносятся в этих романах историческая правда и художественный вымысел? Почему такая роль отводится документальным фактам? Как прошлое предстает в литературе и почему?

Престижные премии последних лет, в частности Международная литературная премия в области арабской художественной литературы (IPAF), больше известная как «Арабский Букер», неизменно выделяет в шорт-листах романы, действие которых происходит на фоне исторических событий. Среди призеров данной авторитетной премии в течение 12 лет ее существования — пять произведений в жанре исторического романа. Так, лауреатом в первый год ее присуждения (2008) стал «Оазис, где заходит солнце» Баха' Тахира. Это роман о переживающем тяжелейшую депрессию майоре, которого из-за участия в восстании Ораби-паши направляют с опасной миссией собирать налоги. В прошлом году главный приз получил молодой алжирского писатель ʻАбд ал-Ваххаба ʻИсауи (р. 1985) за роман «Спартанский диван», в котором в форме размышлений и переживаний пяти персонажей (двоих французов и троих алжирцев) дается осмысление французской и османской политики в Алжире в период с 1815 по 1833 г.

Характерно, что и сами писатели в интервью указывают на актуальность исторического романа: «Сегодня востребованы истории о сломленном человеке на фоне разрушительных событий» (Джабур ад-Дуайхи); «Надо ответить на актуальные острые вопросы в том контексте, в котором они изначально возникли» (ʻАбд ал-Ваххаб ʻИсауи); «История никогда не дремлет, хотя кажется, что она где-то в прошлом» (Лина Хауйан ал-Хассан); «Да, мы нуждаемся в документальных фактах. Да, мы обращаемся к архивным материалам. Нет, мы не пишем реестры» (Хаммур Зийада).

От основателя исторического романа на арабском языке Джирджи Зайдана до реалистов-экспериментаторов Гамаля ал-Гитани и Нагиба Махфуза исторические параллели и события прошлого становятся лучшим способом порассуждать над актуальными вопросами современности. Среди поднимаемых писателями XXI в. тем: история простого человека в противовес истории «официальной», этноконфессиональные противоречия, столкновение Востока с Западом, поиск самоидентичности, гибридность, гендерное неравенство, интеграция фольклорного наследия, путь выдающейся исторической личности, отражение социальных и политических изменений в жизни каждого нового поколения.

Вместе с тем исследователи поднимают важный вопрос о том, насколько писатели, отвечая на побуждение престижными премиями создавать литературу на арабском языке, следуют определенным тенденциям и негласным требованиям рынка, регулируемого в основном вкусами англоязычной аудитории.

М.К. Поспелова

Поэтические публикации Лю Баньнуна в журнале «Новая молодежь» (1918–1923 гг.)

Лю Баньнун (1891–1934) — одна из важнейших фигур в истории Новой китайской литературы. Наряду с Чэнь Дусю, Ху Ши и Лу Синем Лю Баньнун сыграл ключевую роль в Движении за новую культуру (4 мая 1919 г.) [1]. Важным событием также стало появление в 1915 г. в Шанхае издания, консолидировавшего авторов, выступавших за обновление общественной и культурной жизни Китая, — журнала «Новая молодежь». Структура издания менялась на протяжении своего существования до 1925 г., публицистические статьи соседствовали с переводами зарубежных произведений художественной литературы, на страницах журнала появлялись образцы творчества на разговорном языке «байхуа». Именно в «Новой молодежи» были опубликованы первые манифесты литературной реформы 1919 г. (Ху Ши, Чэнь Дусю, Лю Баньнун), а также поэтические и прозаические произведения, коренным образом изменившие облик китайской литературы [2].

В конце 1916 г. в журнале были опубликованы «Восемь стихотворений на байхуа» Ху Ши, положившие начало поэтической рубрике, просуществовавшей до 1923 г. Начиная с 1918 г. одним из активных авторов этой рубрики становится Лю Баньнун, чей вклад в формирование новой китайской поэзии заслуживает отдельного внимания. Первым произведением, с которым Лю Баньнун выступил в поэтической рубрике в 1918 г., стало стихотворение «Между ними лишь слой бумаги» (пер. Л.Е. Черкасского) [3]. Произведение отличает свободная форма: присутствует рифма, не стесненная ограничениями, свойственными классическому китайскому стиху, количество иероглифов в строках не нормировано, язык предельно прост и приближен к разговорному. Двухчастная композиция стихотворения, построенная на контрасте, служит раскрытию остросоциальной темы произведения — бедственное положение простого народа в Китае. Эта тема станет одной из наиболее важных для Лю Баньнуна в его дальнейшем поэтическом творчестве.

Кроме социальной темы Лю Баньнун также обращался к философской, любовной, пейзажной лирике, отдельно можно выделить стихотворения о путешествии вдали от родного края (опубликованы после начала пятилетней поездки автора за рубеж в 1920 г.). Для Лю Баньнуна одним из ключевых аспектов поэтического творчества стал поиск новых стихотворных форм. В его произведениях нашли отражение и так называемый свободный стих (цзыюши), и эксперименты на

основе старых классических жанров. За период 1918–1923 гг. в журнале «Новая молодежь» всего было опубликовано 24 стихотворения Лю Баньнуна, в них нашли отражение как интерес автора к китайской поэтической классике, так и внимание к новым тенденциям западной лирики. Таким образом, поэтические эксперименты Лю Баньнуна в журнале «Новая молодежь» являют собой синтез национальной китайской и европейской поэтической традиции.

Литература

[1] *Hockx M.* Liu Bannong and the forms of new poetry // Journal of Modern Literature in Chinese. 2000. Vol. 3 (2). Pp. 83–117/

[2] Синь Циннянь (Новая молодежь). Номера с 1915 по 1923 гг. (оцифровка 2011 г.)

[3] Поэзия и проза Китая XX века. О прошлом для будущего: сборник / сост. Г.Б. Ярославцев, Н.В. Захарова. М.: Центрполиграф, 2002. 687 с.

М.Л. Рейснер

Эволюция поэтических фигур «красота перехода» и «красота концовки» в каноне персидской газели (XI–XV вв.): соотношение теории и практики

В эпоху становления персидской классической литературы (IX–XV вв.) поэтическая практика, опиравшаяся на свод правил заимствованной арабской поэтики, не могла целиком подчиниться ее нормам, поскольку словесная традиция иранцев имела генетические корни в доисламском прошлом. В период древности и раннего Средневековья, несмотря на отсутствие собственно художественного творчества и преобладание текстов функциональной направленности, складывались представления иранцев об эстетике текста, которые не совпадали с канонами, закрепленными в арабских трактатах. Изменения, происходившие в поэзии на новой языковой почве, со временем трансформировали ряд положений исходной теоретической системы.

Специфика производной поэтики проявилась в складывании раздела о поэтических формах, отсутствовавшего в арабской «науке о стихе» (*‘илм аш-ши’р*), в чем немалую роль сыграло установление единообразного порядка оформления композиционной структуры стиха. Тенденция наблюдается во всех основных формах классического стиха — маснави, касыде, газели. Процесс четко прослеживается в области выработки способов реализации традиционных украшающих фигур арабской поэтики, обозначаемых терминами

«красота перехода» (*хусн ат-тахаллус*) и «красота концовки» (*хусн ал-макта'*). Эти приемы, зафиксированные в арабских трактатах, относились к касыде, которая являлась в них основным объектом теоретического описания.

В поэтической практике на новоперсидском языке выработка способов маркировки элементов структуры стиха на первых порах также происходила в касыде. Уже в одной из ранних дошедших до нас касыд «Адама поэтов Ирана» Рудаки (860–941) появляется «маркер» границы между вступительными частями и панегириком — имя (титул) восхваляемого лица. С этого времени за именем закрепляется функция одного из способов разграничения тематически разнородных частей касыды, а через некоторое время появляются примеры авторской «подписи» в концовках касыд.

В таком виде прием переходит в газель, став в ней постоянным формальным признаком и устойчивой реализацией фигуры «красота концовки», благодаря чему и произошло превращение газели из тематической категории (любовная лирика) в категорию формы. В ходе эволюции газели в период XI–XII вв. в среде поэтов формируются второе значения термина *тахаллус*, хотя в теории сохраняется его исходное толкование в составе фигуры «красота перехода».

Два наиболее авторитетных персоязычных трактата по поэтике, созданные Рашид-ад-Дином Ватватом в XII в. и Шамс-и Кайсом Рази XIII в., отражают только арабское значение термина *тахаллус*. В трактате Шамс-и Кайса соответствующий прием именуется «изяществом перехода» (*лутф ат-тахаллус*), а упоминание имени адресата панегирика в этой части касыды, распространенное на практике, расценивается как «неодобряемое».

В трактатах XV — начала XVI в., принадлежащих ʻАтааллаху Хусайни и Хусайну Ва'изу Кашифи, термин *тахаллус* закрепляется уже в двух значениях — арабском и персидском. В описании приема Атааллах Хусайни приводит пример из касыды с включением собственного, а не чужого имени в текст. Хусайн Ва'из придерживается арабского толкования термина, но отмечает и второе значение, характеризуя его как распространенное в «общепринятой практике» (*урф-и ʻам*). Он подчеркивает, что прием наиболее употребителен в концовках газелей и в этой разновидности в примерах не нуждается.

Вошедшая в норму на практике «подпись» поэта как стандартный способ реализации фигуры «красота концовки» отражения в теории не получила, хотя именно этот прием обеспечил превращение газели в четко осознаваемую поэтическую форму, став одним из ее постоянных признаков.

Литература

[1] *Шамс ад-Дин Мухаммад Ибн Кайс ар-Рази*. Свод правил персидской поэзии (Ал-Му'джам фӣ ма'āйӣр аш'āр ал-'аджам) / пер. с перс., исследование и комментарий Н.Ю. Чалисовой. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 470 с.

[2] *Хусайни А*. Бадоеъ-ус-саноеъ. / Бо сарсухан, тавзехот ва тахрири Рахим Мусулмонкулов (Чудеса [поэтических] приемов. / Предисловие, комментарии и редакция Рахима Мусульманкулова). — Душанбе: Нашриёти «Ирфон», 1976. — 222 с. (на тадж. яз.)

[3] *Камал ад-Дин Хусайн Ва'иза Кашифи*. Бадāӣ' ал-афкāр фи санāӣ' ал-аш'āр (Новые мысли о поэтическом искусстве) / изд. текста, предисл. и указатели Р. Мусульманкулова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1977. 233 с.

М.М. Репенкова

Героиня Серай Шахинер в романе «Раба Божья» (2017 г.)

Известная новеллистка Серай Шахинер родилась в 1984 г. в Бурсе. Затем ее семья переехала в Стамбул, где девочка окончила в районе Фатих начальную школу Оручгази и лицей Пертевнийал. С. Шахинер стала выпускницей кафедры журналистики факультета коммуникаций Стамбульского университета. Затем последовали годы учебы в магистратуре университета Мармара, которая была успешно завершена в 2011 г. по специальности «Кинематография». С. Шахинер работала корреспондентом в газете Birgün Gazetesi и в журналах Hayvan, Aylık Paldır Kültür Dergisi. Писала очерки и рассказы для журнала OT и газеты Birgün Gazetesi. Активно печататься она начала с 2007 г., когда вышел ее первый сборник рассказов «Голова невесты» (Gelin Başı). За ним в 2011 г. последовал сборник «Вниманию женщин» (Hanımların Dikkatine), а в 2014 г. был опубликован ее роман «Антабус» (Antabus). Далее книги следовали одна за другой: в 2015 г. книга очерков «Пропусти рекламу» (Reklamı Atla), в 2017 г. роман «Раба Божья» (Kul), в 2019 г. книга рассказов «Один: один / положение костей при игре в нарды» (Heryek).

В 2006 г. журнал Varlık организовал конкурс для молодых писателей имени Яшара Наби Наира. На этом конкурсе рассказ С. Шахинер «Голова невесты» был отмечен как «достойный внимания». В 2012 г. книга рассказов «Вниманию женщин» получила премию в области новеллистики имени Юнуса Нади, а в 2018 г. роман «Раба Божья» получил премию в области романистики имени Орхана Кемаля.

Роман «Раба Божья» состоит из двух частей. Повествование ведется от третьего лица. Повествуется о женщине-уборщице Мерджан, от которой ушел муж и у которой нет детей, но она очень хочет, чтобы муж вернулся и у них родился ребенок. Мерджан живет в Стамбуле, в районе Саматья, в подвальном этаже многоквартирного дома. Хозяин дома недавно сказал ей, что в течение трех месяцев ей нужно освободить квартиру, так как муниципалитет проводит программу реновации района и этот дом попадает под снос. Идти ей некуда. Работает Мерджан совсем в другом доме, моет подъезд и выполняет некоторые обязанности капыджи-привратника: разносит воду, почту и т. п.

Мерджан, чтобы вернуть домой мужа, ходит по мечетям, церквям и тюрбе. Она отпрашивается для этого с работы. Например, ездит на остров Бююк Ада в церковь Святого Георгия. Говорят, что ставящие там свечку, пишущие там записки и привязывающие ленточку к дереву около церкви обязательно получат желаемое. Мерджан постоянно ходит к гадалке и оставляет у нее последние деньги. Та убеждает героиню, что муж вернется, и даже называет дату, когда это произойдет. Мерджан готовится встретить мужа, одевается, накрывает на стол, но тот не приходит.

Вторая часть небольшого романа имеет подзаголовки: пятый этаж, четвертый этаж, третий этаж, второй этаж, первый этаж, вход, подвальный этаж, перед дверью подъезда. Женщина моет этажи, думает о своем, ругает за неаккуратность жильцов, прощает им, что они не оплачивают ей ее работу и другие мелкие услуги, борется со светом, который автоматически загорается и гаснет при появлении человека, думает об ушедшем муже. Писательница использует короткие, часто инверсионные предложения, передающие напряженное и усталое состояние Мерджан: «Она поднялась на второй этаж, вымыла тряпку в ведре и начала мыть перед дверью. Свет погас. Она подняла руку. Свет загорелся. Продолжила мыть. Еще в прошлом месяце она сказала управляющему, что на этом втором этаже сенсорное освещение быстро гаснет. Ей богу, свалюсь с лестницы, говорила… А он талдычит, что если она не хочет работать, то пусть болтает. Она не хотела работать. Она ничего не успевала — ни себе время уделить, ни к бакалейщику сходить. Дела… Они были плохими» [1, с. 146–147].

В общем в романе ничего не происходит. Простая неграмотная женщина-уборщица ждет домой мужа. Он не приходит. Героиня показана в повседневной будничности. Трагедия будничности, рутинного существования и составляет основную проблему романа. Неслучайно роман получил премию имени Орхана Кемаля, в произведениях ко-

торого также показаны трагические моменты повседневности. В тексте С. Шахинер просматриваются традиции социального реализма, у истоков которого стоял Орхан Кемаль.

Литература

[1] *Şahiner S.* Kul. İstanbul: Everest, 2019. 154 s.

А.Р. Садокова

Тотемы-растения в айнской мифологии: традиция и современность

В богатой мифологии айнов (народа, проживающего вместе с японцами на Японских островах) большое место занимают тотемические мифы. Принято считать, что мифы этой категории в основном связаны с животными тотемами, однако встречаются примеры, когда в роли тотема выступает растение.

Айны традиционно занимались охотой, рыболовством и собирательством, поэтому придавали особое значение не только промысловым животным, но и дарам леса. И животные, и растения были мифологизированы, воспринимались как тотемы, которые стояли на страже благополучия своих потомков, но также «были рады», когда их употребляли в пищу. В айнской мифологии сохранились уникальные мифы о растениях — тотемных предках отдельных групп или всего народа в целом.

Одним из общих айнских тотемов считается лилия *юри*, корневища которой съедобны. Она представлялась айнам в виде красивой молодой женщины, которая заботилась о том, чтобы ее потомки — «благородные айны» — не голодали в зимнее время. Именно она научила айнов собирать и обрабатывать клубни лилий, о чем сохранились интересные по сюжету мифологические повествования. Они постепенно контаминировались с другими жанрами фольклора, перешли в категорию несказочной прозы, которая, как известно, ориентирована на «правдивость» рассказа.

Обращает на себя внимание тот факт, что традиция употреблять эти клубни в пищу сохранилась до сих пор. Более того, сегодня клубни лилии, произрастающей на острове Хоккайдо, — это деликатес, ценный продукт, который употребляется внутри страны. Экономическая и фольклорная составляющая слились в этом явлении: даже сейчас эти клубни лилии рассматриваются как «дар богов», а в фольклорно-мифологическом смысле произошло слияние тотемического и культурологического мифов.

И.И. Семененко

Патетико-элегические мотивы в китайских «одах о музыке»

В классической китайской поэтике одной из ведущих категорий начиная с античной эпохи становится категория *фэнь* (愤). Она прошла несколько этапов своего формирования. Терминологически ее впервые стал использовать Конфуций. Но, упомянув о ней в «Изречениях» *Луньюе* два раза (7.8, 7.19), он определил ее только в самых общих чертах. *Фэнь* подразумевает у него некую очень сильную неудовлетворенность, которая возникает на основе переживания разного рода «трудностей», связывается с необходимостью быть «выраженной» *фа* (发) и признается обязательным предварительным условием обучения. Как термин она была, видимо, его изобретением. Ни раньше, ни после Конфуция до эпохи Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.) не встречаются попытки осмыслить эту категорию. Она крайне редко появляется и в памятниках того времени: по одному разу с негативной коннотацией — в *Цзочжуань*, *Чжуанцзы*, *Лецзы*, с положительной — в *Гоюй и у* Цюй Юаня.

Отношение к *фэнь* резко меняется в эпоху Хань. Со II в. до н. э. к ней начинают обращаться в литературе гораздо чаще, и она становится предметом теоретического изучения. Прорывом в этом аспекте стал созданный тогда философский памятник *Хуайнаньцзы*, превзошедший по частотности *фэнь* (10 раз) все вместе взятые предшествующие памятники. В нем *фэнь* уже системно оформилась как категория китайской культуры. Авторы *Хуайнаньцзы* придают ей онтологический статус, представляя ее в качестве потенции бытия, «еще не проявившейся», но исполненной «желания рождать и создавать». На этот онтологизм у них накладывается вся остальная семантика *фэнь*: то, что «испытывает» *гань* человек, его чувства, включая нравственные, причем не только печальные, но и радостные, которые долго накапливаются и сдерживаются, пока не находят выхода вовне, в том числи и в музыке.

Существенное развитие в данную концепцию вносит автор первой сводной истории Китая Сыма Цянь (II–I вв. до н. э.). Он впервые рассматривает *фэнь в* применении к литературному творчеству (при еще достаточно широкой трактовке литературы). Выявленная выше начальная история *фэнь* подтверждает наше давнее наблюдение о том, что эта категория в значительной мере перекрещивается с древнегреческим понятием пафоса. Она тоже означает какое-либо «претерпевание», очень сильную эмоцию, страсть и ее выражение,

и также может охватывать различные чувства: от радости до печали и гнева.

Но в семантике *фэнь* с ханьского времени возобладало значение страдания, о чем свидетельствует *Хуайнаньцзы*, в котором страданию отводится место предпосылки и источника *фэнь*. Этот акцент восходит к архетипичной для китайской культуры мысли о страдании как импульсе творчества и жизни, сформулированной наиболее четко еще в доханьскую эпоху Мэнцзы. Исходно творческий характер *фэнь* определяется именно страданием. И по той же причине существенным признаком китайского пафоса становится эмоция печали *бэй* (悲). Так сформировалась философская основа патетико-элегических мотивов в жанре оды *фу* (赋) ханьского и последующего времени. Эти мотивы, например, стали ведущими в ряде од о музыкальных инструментах I в. до н. э. — III в. н. э., размещенных в «Литературном изборнике» *Вэньсюань* VI в. н. э. Они определяли в этих произведениях образы природы, музыкантов, музыки и слушателей. И благодаря особенностям одической дескрипции были также своеобразной скрытой рефлексией над музыкальным искусством, способствовавшей развитию эстетических учений того времени.

Литература

[1] Вэньсюань (Литературный изборник): в 2 т. / сост. Сяо Тун. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1959. 1545 с.

[2] *Сыма Цянь*. Шицзи (Исторические записки): в 10 т. / сводн. коммент. Пэй Иня. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2018. 3322 с.

[3] Хуайнань хунле цзицзе (Великий свет Хуайнани со сводн. коммент.): в 2 т. / сост. Лю Вэньдянь. Пекин, Чжунхуа шуцзюй, 2016. 1099 с.

Г.В. Стрелкова

Маратхский писатель Анна Бхау Сатхе и его восприятие России

В 2020 г. в Индии широко отмечали 100-летие со дня рождения маратхского писателя, поэта, одного из основателей Ассоциации народных театров Индии Анна Бхау Сатхе (1920–1969). Его общественная деятельность и творчество до сих пор привлекают внимание тысяч читателей. Написанные им произведения были известны и в нашей стране, куда Сатхе совершил путешествие в начале 1960-х годов. Еще раньше, начиная с 1951 г., были изданы в русском переводе его романы «Читра» и «В долине Вараны», а также несколько рассказов. Своеобразие его творчества отразилось в отношении к СССР, его

восприятии нашей страны, а также его песне о России, ее красоте и огромных просторах, но главное — в травелоге «Мое путешествие в Россию». Это произведение вызывает интерес как подлинно автобиографическая книга Сатхе, в которой ярко, талантливо описана и жизнь его родной общины *мангов* — неприкасаемых, занимавших очень низкое социальное положение, и то, как ему пришлось бороться за жизнь после побега из дома, работать, стать членом культурного отделения Индийской компартии, а спустя годы побывать в стране своей мечты — СССР.

Сатхе удалось в детстве получить начальное образование, потом он пешком добрался до Бомбея, работал и получил богатый опыт классовой борьбы. Главное — он был очень одаренным человеком, обладавшим разнообразными талантами: певца, актера, писателя и поэта. Сатхе оставил большое наследие: 15 романов и повестей, десятки сборников рассказов, стихов и народных баллад — *повад*. Многие из его произведений были переведены с маратхи не только на другие индийские языки, но и европейские. На русский язык переведены два его романа — «Читра» и в «Долине Вараны». Он писал также пьесы, киносценарии и до сих пор вызывающую интерес книгу «Моя поездка в Россию». Травелог начинается с трогательного описания всех чувств, которые Сатхе испытывал по отношению к Советскому Союзу. С нашей страной он познакомился по устным рассказам и книгам. Это были книги по истории России и биография Ленина, прочитанная Сатхе еще в 1934 г. Ему было всего 14 лет, когда он начал мечтать о поездке в эту далекую страну.

Во время Великой Отечественной войны Стахе написал ставшую очень популярной *поваду* — балладу о победе Советской армии в Сталинградской битве. Об этой балладе стало известно и в СССР. Он мог бы побывать в нашей стране еще в 1948 г., но лишь в 1961 г. по инициативе индийско-советского культурного общества и материальной помощи друзей смог осуществить свою мечту.

Все события и детали этой поездки подробно описаны, начиная с посадки в Дели, где он остановился в бунгало члена парламента Индии, генерального секретаря компартии Индии Данге, пересадки в Ташкенте, где он встретился с узбекскими друзьями и индологами, и прибытия в Москву. Столица СССР вызвала его удивление и восторг, что ярко описано: от счастья он даже не ощущал холода, хотя при дыхании шел пар изо рта. У Сатхе отличная память даже на незнакомые фамилии людей, с которыми встречался во время поездки. Примечательно, что при описании встречи с академиком А.П. Баранниковым, переведшим литературный эпос «Рамачарита

манаса» Тульсидаса, он не упомянул Рахула Санкритьяяна, индийского писателя и путешественника, который преподавал в ЛГУ и помогал Баранникову.

Ярко, с массой деталей описаны поездки в Баку и Ташкент, где Сатхе остается поэтом: «Смотри на Москву вечером, Ленинград — днем, мужество Сталинграда — во время войны, а Баку — в красоте ночи», и эти стихи звучали по радио. Завершается книга словами: «Я верю, что поездка по России — это главное свершение в моей жизни».

Н.А. Строганова

Аспекты рассмотрения дружеского письма в раннесредневековой китайской литературе. Продолжение (часть 2)

Тезисы второй части доклада, первая часть которого была представлена на научной конференции «Ломоносовские чтения 2020».

По Деметрию, «письмо — это сжатое выражение дружеского расположения» [1, с. 274].

Прозаическая эпистола дружеского содержания (равно как и стихотворная) — та разновидность эпистолярного жанра, которая, будучи универсалией, встречается фактически во всех мировых литературах.

Характеристики дружеского письма в раннесредневековой китайской литературе будут рассмотрены нами на примере семи сочинений, написанных в период *Цзяньань* (196–220 гг.). Это «Письмо Ян Дэцзу» (Цао Чжи), «Отвечаю на письмо Чжан Хуна» (Чэнь Линь), «Письмо к Вэй Вэньди, [написанное] за Цао Хуна» (Чэнь Линь), «От имени Лю Бяо пишу Юань Таню письмо с наставлениями» (Ван Цань), «От имени Лю Бяо пишу письмо Юань Шану» (Ван Цань), «Письмо-увещевание, адресованное Пинъюань-*хоу* Чжи» (Лю Чжэнь), «Письмо Линьцзы-*хоу* Цао Чжи» (Лю Чжэнь). Рассмотрение основывается на наших собственных переводах, комментариях, анализах [2, с. 294–549].

Аспекты рассмотрения следующие (*продолжение*):

8. *Инвенция*. Предмет, тема, проблема, тезис, цель, идея эпистолярной речи; стратегия убеждения.

9. *Выбранная автором стратегия убеждения*.

10. *Аргументация*. Риторико-эмоциональная; логико-рациональная; задействование одновременно двух типов аргументации.

11. *Диспозиция*. Композиционная структура.

12. *Элокуция*. Средства художественной выразительности.

13. *Диалогическое vs. монологическое начало*. Как писал древнегреческий грамматик Артемон, письмо — «половина диалога» [3, с. 6]. Применим ли этот тезис к рассматриваемым нами раннесредневековым китайским прозаическим эпистолам?

14. *Наличие стандартного эпистолярного оформления*. В большинстве писем отсутствуют стандартные формулы и клишированные обороты, что способствует восприятию этих писем как записанных речей, допускающих устное произнесение. Это подкрепляет нашу мысль о таких типологических особенностях раннесредневековых китайских прозаических посланий, как риторичность, ораторский потенциал, эффект живой речи.

15. *Ключевое звено эпистолярной ситуации*. Какое из трех звеньев эпистолярной ситуации (автор — сообщение — адресат) оказывается превалирующим?

16. *Мотивы*. Выделяем ли их? В некоторых письмах мотивы выделяются наряду с риторическими коммуникативными узлами; в отдельных письмах прослеживаются только вторые. Этот вывод говорит о двойственной природе литературного послания — оно может восприниматься и как [художественный] текст, и как ораторская речь, изложенная на письме (и в письме!).

17. *Обстоятельства, послужившие импульсом для написания письма*. Общественно-политические, военно-политические события того времени; обстоятельства личного характера; события и явления в литературно-творческой жизни той эпохи и т. д.

18. *Соблюдение правил эпистолярного этикета*. Например, соответствующий выбор местоимений первого и второго лица, принижение автором себя и возвышение им адресата и т. п.

19. *Тематика*.

20. *Цель*. Главная — убеждение.

21. *Этопея*. Наблюдается ли в послании риторическое воспроизведение характера его автора?

22. *Идея*.

23. *Письмо, являющееся фрагментом переписки двух лиц vs. одиночное послание.*

Сравнив вышеупомянутые эпистолярные сочинения по перечисленным пунктам, можно сделать выводы, позволяющие представить многоликий облик раннесредневекового китайского дружеского прозаического послания, которое обнаруживает немало схожих черт с подобными посланиями, созданными в другое время в других уголках Земли.

Литература

[1] Деметрий. О стиле // Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 236–296.

[2] Строганова Н.А. Литературное послание в Китае на рубеже Древности и Средних веков: дис. … магистра востоковедения и африканистики. М.: ИСАА МГУ, 2018. 590 с.

[3] *Миллер Т.А.* Античные теории эпистолярного стиля // Античная эпистолография / отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1967. С. 5–26.

М.В. Фролова

Раксасы как антагонисты индонезийского фольклора: театр *ваянг* и волшебные сказки

Исходное яванское слово *ваянг* означало «тень» (*bayang*), и со временем оно стало названием народного силуэтного театра, а после и иных зрелищных форм — не только у яванцев, но и у других народов малайско-индонезийского региона. Кукловод *даланг* одновременно выступает как актер, драматург и режиссер пьесы-*лакона*. Представление с незафиксированным в письменном виде текстом, за исключением кратких сценариев-*пакемов*, основано на импровизации. Все персонажи *ваянга* подразделяются на несколько групп. *Deus ex machina* — божества индуистского происхождения. Протагонистами обычно выступают раджи, их дети, министры, придворные. К особам царских кровей приставлены комически выглядящие слуги-*пунокаваны*. Антагонисты — демонические гиганты-людоеды, получившие название *раксасы* (от санскр. *rākṣasaḥ* — проклинать, бранить). Их фигуры большие, красного цвета, с клыками и вытаращенными глазами; они отличаются прожорливостью, кровожадностью, не очень умны.

Слуги *раксас* тоже *раксасы*. Уродливый великан Тогог — верный прислужник Раваны. Билунг — низкорослый *раксаса*, который все время сопровождает Тогога. Внешность Билунга, как и других *пунокаванов*, также гротескна и комична: в голове Билунга полно вшей, у него хныкающий гнусавый голосок. Билунг произошел из кусочка зуба Тогога, отколовшегося во время состязания последнего с Семаром (слуга Пандавов). Слуги Пандавов и Куравов находятся во враждебных отношениях, Тогог выходит на словесную перепалку и драку с Семаром, а личным врагом Билунга зачастую выступает другой *пунокаван* Арджуны, Петрук. Встретив Петрука, Билунг обычно призывно кукарекает, а потом, когда его побили, плачет.

Помимо слуг во вселенной *ваянга* есть четверка главных *раксас* (*buta prepat*): Огненная Грива, Клык Чакил, Великан Баклажан и Пра-

голбо Коло. Благодаря помощи верных слуг шайка *раксас*-разбойников всегда терпит поражение от благородного принца (*ксатрии*).

Постановка *лаконов* о демонах-*раксасах* тесно связана с ритуалом экзорцизма. Имя демона «Коло» (*Kala, Batara Kala*) означает либо «время», либо «черный», он символизирует саму смерть. *Лакон* **«Мурвоколо»** («Рождение демона Коло») сопровождает ритуал *руватан* — изгнание злых духов. Иконография Коло широко представлена на Яве и Бали и имеет апотропический характер.

Театр *ваянг* находится в тесной взаимосвязи с иными формами фольклора, в том числе с волшебными сказками. В сказках тех народов Индонезии, которые в наибольшей степени испытали на себе индийское влияние, функцию вредителя по синтагматике волшебной сказки Проппа берут на себя великаны-людоеды *раксасы*, образы которых так живо представляются из-за *ваянга*. Например, это балийские сказки «Бинтанг Лара», «Хи Лингга», «Необыкновенный пастушок», «Пропавшая принцесса», яванские «Си Пенидур и Великан», даякский цикл (о. Калиматан) об орангутанге-оборотне Кичапи.

Новая и Новейшая история стран Азии и Африки

Л.Г. Арешидзе

Как будут меняться японо-американские отношения в условиях подготовки к третьей мировой войне

Власти Японии не исключают, что к середине XXI в. характер японо-американских союзнических отношений может измениться до неузнаваемости.

Во-первых, если в период «холодной войны» Америка нуждалась в Японии как в своем «непотопляемом авианосце» в западной части Тихого океана на направлениях сдерживания своих стратегических противников в лице Советского Союза и КНР и потому США были заинтересованы в предоставлении им полных гарантий доступа к источникам сырья и к пользованию стратегическими проливами, то в пост-биполярном миропорядке XXI в. интересы США были скорректированы: в условиях, когда Япония становится «нормальным государством», продолжает наращивать свою военную мощь на Дальневосточных рубежах на границе с Россией и Китаем, США хотят, чтобы Япония и дальше обслуживала американские военные базы на своей территории.

Во-вторых, власти Японии должны будут готовиться к тому, что в новом мировом порядке XXI в. власти США не дадут втянуть себя в вооруженные конфликты в Азии ради защиты японских национальных интересов. До окончания войны с международным терроризмом в 2018–2019 гг. Вашингтон не шел на обострение отношений с Японией и не ставил под угрозу террористических атак такие жизненно важные маршруты поставок нефти в Японию, как Малаккский и Ормузский проливы. Однако ситуация может измениться в случае, если поведение Японии пойдет вразрез с американскими интересами и она откажется выполнять свои союзнические обязательства перед США. В этом случае американцы смогут принять решение о блокировке проливов и перекрытии путей транспортировки нефти в Японию, что для нее будет означать национальную катастрофу.

В-третьих, нарастание противоречий в отношениях с США может подтолкнуть власти Япония сместить акценты в своей торговой политике — с преимущественной ориентации на рынки США в пользу

рынков Евразии, включая рынки Китая, Кореи и даже России. К тому же в XXI в. экономика Японии будет остро нуждаться в дешевой рабочей силе по причине ускоренного развития неблагоприятной демографической ситуации в стране. Япония, как известно, уже в конце XX в. оказалась в положении государства с быстро стареющим населением и объективной необходимостью в большом притоке рабочих мигрантов.

В-четвертых, японским властям, возможно, придется использовать политическое давление на США, когда станет окончательно ясно, что Америка не намерена выводить свои военные базы с территории Окинавы за пределы острова, так как для японцев это будет означать, что они оставляют свои базы на японской территории в качестве потенциальных объектов для нанесения ракетных атак противников Америки в Восточной Азии со стороны Китая, Северной Кореи или России.

В-пятых, Япония может ожидать обострения японо-американских отношений к середине XXI в. и по причине экономического ослабления соседнего Китая. Ведь сильный и стабильный Китай начала XXI в. был способен не только сдерживать японский силовой потенциал, но и создавать помехи на пути ее экономической экспансии в страны Азии в рамках реализации «паназиатского проекта».

Правда, США даже в случае серьезного обострения своих отношений с Японией будут делать вид, что сохраняют с Токио доверительные отношения. В свою очередь, и Токио не будет заинтересован демонстрировать всему миру свою враждебность по отношению к Америке, особенно если получит твердые заверения от Вашингтона, что американцы обеспечат ей защиту стратегически важных проливов в Тихом океане.

К.И. Бикмаева

Этапы языковой политики в МНР (1941–1992 гг.)

Отличительной чертой языковой политики в Монголии является ориентированность на вопросы национальной письменности. Процессы унификации и реформирования письма происходили и в средние века, а особое развитие получили в XX в.

Важнейшим этапом в оформлении и проведении национальной политики в МНР стало реформирование монгольского языка. Впервые вопрос отказа от монгольской национальной письменности и перехода на латиницу был поставлен 10–17 января 1931 г. в Москве на конференции о проблемах языка и письменности монгольских народов. Но только в 1940 году было выпущено постановление о повсеместном употреблении латинского алфавита, а в июле был создан Комитет

латинского алфавита [1, с. 92]. Однако в марте 1941 г. было объявлено о прекращении реформы языка и разработке проекта перехода на кириллический алфавит.

25 марта 1941 г. Совет министров и ЦК МНРП приняли постановление № 22/18 «О введении нового монгольского алфавита». Данное постановление было принято в разгар кампании по переходу на латиницу, уже издавались учебники, газеты. Однако несмотря на то что латинский алфавит в какой-то степени больше соответствовал грамматическим стандартам монгольского языка, для укрепления монголо-советских отношений было решено проводить реформу именно в направлении кириллического алфавита. В выступлении Х. Чойбалсана на заседании правительства были озвучены следующие аргументы: отсутствие единых норм правописания монгольского языка, трудности в записи современных научных терминов, сложности в обучении населения. Таким образом, переход на кириллицу с 1 января 1946 г. сыграл определяющую роль в развитии Монголии в XX в.

Второй этап языковой политики МНР отличается меньшей наполненностью реформами, однако имеет большое значение. Начиная с 1950-х годов в Монголии широко разворачивались культурные кампании, одной из целей которых была ликвидация безграмотности и обучение кочевого населения монгольскому языку. В то же время в городе увеличивалось присутствие советских граждан, что проявлялось в росте употребления русского языка, изучении его в школах наравне с монгольским [2, с. 156]. С одной стороны, это способствовало еще большему сближению двух стран. Но, с другой стороны, в обществе стал подниматься вопрос о национальной идентичности.

С середины 1980-х годов языковая политика постепенно стала разворачиваться в сторону восстановления изучения и употребления монгольской национальной письменности. В некоторых школах в старших классах началось ее преподавание. Основным толчком к возрождению монгольской письменности стало демократическое движение начала 1990-х годов. В 1991 г. было выпущено 36-е постановление Малого государственного хурала о «О подготовке работы по переходу к обеспечению ведения всей официальной документации на монгольской национальной письменности». Также в планах было введение с 1 сентября 1991 г. занятий по монгольской письменности с первого класса и использование ее в печати всех государственных учреждений, почты. Ожидалось, что переход произойдет быстро, однако при осуществлении реформы пришлось столкнуться с дефицитом кадров, владеющих национальным письмом, в результате чего процесс возвращения к монгольской национальной письменности не завершен до сих пор.

Литература

[1] *Kapisovska V.* Language Planning in Mongolia II // Mongolica Pragensia. 2006. No. 6. Pp. 89–114.

[2] *Marzluf P.* Language, Literacy and Social Change in Mongolia: Traditionalist, Socialist and Post-Socialist Identities. Md.: Lexington Books, 2017. 234 p.

Е.В. Волчкова

Образ Лондона в китайском поэтическом сборнике первой половины XIX в. «Ланьдунь шиюн» (Десять напевов о Лондоне)

Первое из известных поэтических описаний столицы Великобритании на китайском языке — сборник «Ланьдунь шиюн» (Десять напевов о Лондоне) — увидело свет в 1829 г. в работе Джона Фрэнсиса Дэвиса «О китайской поэзии», где автор привел китайский текст сборника целиком вместе со своим переводом на английский язык. Дж.Ф. Дэвис сделал карьеру, служа на фактории Британской Ост-Индской компании в Гуанчжоу, а затем занимал посты старшего суперинтенданта британской торговой миссии в Китае и губернатора Гонконга; он блестяще владел китайским языком, что позволило ему выполнить серию переводов литературных текстов, а также стать автором ряда работ о Китае.

По свидетельству Дж.Ф. Дэвиса, сборник «Ланьдунь шиюн» был написан примерно в 1813 г. китайцем «уважаемого положения, человеком с хорошими познаниями, который сопровождал английского джентльмена домой в качестве наставника в языке» [1, p. 443]. Имя автора сборника осталось неизвестным — возможно, с целью защитить его от преследования китайскими властями, запрещавшими своим подданным покидать территорию страны.

Сборник состоит из десяти пятисловных восьмистиший, в которых описываются впечатления автора об Англии, облике Лондона, нравах и обычаях горожан. Автор отмечает холодный климат Англии, не позволяющий заниматься рисоводством, и описывает хозяйство, основанное на животноводстве и выращивании пшеницы. Лондон в его описании предстает шумным оживленным городом, в котором автора особенно поражают многоэтажные дома, «столь высокие, что можно достать до звезд» [1, p. 444], система водоснабжения жилищ, мосты через Темзу, гладкие мощеные улицы, уличные фонари, обилие лошадей и женщины-прохожие. Автор упоминает о набожности англичан, их ненависти к Франции, с которой во время написания сборника шли военные действия, уважении к институту брака и моногамии, любви

к прогулкам в предместьях и загородным поездкам, странных предпочтениях в еде и застольном этикете, а также о склонности к разного рода увеселениям. В целом оставаясь благосклонным и заинтересованным наблюдателем, автор не удерживается, однако, от завуалированной критики распущенности нравов — критики, которую, впрочем, Дж.Ф. Дэвис в своем переводе предпочел не заметить.

Сборник «Ланьдунь шиюн» был тепло принят английской читающей публикой — еще до его публикации, в 1817 г., его содержание пересказывалось на страницах The Quarterly Review в рецензии на переведенную Дж.Ф. Дэвисом китайскую пьесу, а в 1834 г. его перевод был перепечатан The Penny Magazine с подробным комментарием. «Ланьдунь шиюн» был также первым поэтическим текстом, опубликованным в китайской периодической печати — в том же 1834 г. оригинальный текст появился в «Ежемесячном собрании записей о разысканиях касательно Восточных и Западных морей» (Дунсиян као мэйюэ тунцзи чжуань), журнале, издававшемся в Гуанчжоу миссионером Карлом Гюцлафом на китайском языке. К. Гюцлаф, много лет пытавшийся создать альтернативу образу «западных варваров» в сознании образованных китайцев, счел комплиментарное описание британской столицы, выполненное в классической поэтической форме, удачным инструментом для достижения своей цели. Таким образом, сборник «Ланьдунь шиюн», зажив независимой от своего анонимного автора жизнью, стал частью интересного и до сих пор не изученного эпизода в многогранном межкультурном диалоге Запада и Востока в XIX столетии.

Литература

[1] *Davis J.F.* On the poetry of the Chinese // Transactions of the Royal Asiatic Society for Great Britain and Ireland. 1830. Vol. II. Pp. 393–461.

Т.А. Коняшкина

«Исцеляющая *машруте*» как конституция компромисса

Общественно-политические события начала XX в. стимулировали возникновение новых концепций развития Ирана, актуальность которых со временем не только не уменьшалась, но и возрастала. Носителями новых идей выступали как интеллектуалы-реформаторы светского круга, так и шиитское духовенство, активно участвовавшее в политике. Именно в это время в политический лексикон вошло новое понятие — *машруте* (в значении «конституционное правление»), которое как самостоятельная языковая единица в персидском языке

отсутствует и используется только для обозначения событий иранской революции 1906–1911 гг.

Происхождение этого термина неясно. Преобладает мнение, что *машрутийат* / *машруте* является производным от арабского *шарт* — (букв.) «условие»: обращение к языку Корана должно было подчеркнуть самостоятельный, а не заемный характер новых политических принципов. Но существовала и другая точка зрения, из политических соображений удлинявшая цепочку заимствований и возводившая основу к французскому *le charte* (устав, хартия, соглашение). Далекий от умозрительных словопрений, этот спор касался сути будущих реформ, что хорошо понимали участники событий.

К лету 1906 г. стало ясно, что речь может идти о двух конкурирующих проектах представительного института — меджлиса, основанного на исламских принципах (машруйе), на чем настаивали шиитские лидеры, подкрепившие своим авторитетом борьбу за ограничение шахской власти, или как аналога представительной структуры европейского типа, каким его видели реформаторы, ориентированные на построение светской модели государства. Весной и летом 1906 г., когда движение *машруте* постепенно набирало силу, агенты новых политических идей обоих направлений предпочитали хранить единство, но начало работы парламента грозило разрушить этот хрупкий союз.

Самым острым в его работе стал период февраля-сентября 1907 г., когда депутаты были заняты подготовкой главной части иранской конституции — Дополнений к Основному закону, отразивших противоречивый характер его текста. Предметом самых жарких споров стала статья 2, в соответствии с которой комиссия, состоящая из авторитетных улемов, имела право наложить вето на любое решение меджлиса как на несоответствующее шариату, так как, по мнению духовенства, во время «великого скрывания» до пришествия Махди именно носители сокровенного знания имели право контролировать действия мирской власти.

Оценивая политическое лидерство в категориях результата, а двойственный характер иранской конституции 1907 г. — как своеобразный договор «добра со злом», вызванный соотношением сил в меджлисе, мы невольно сужаем масштаб исследовательского поля. Мерилом же соответствия иранской конституции умонастроениям общества могут служить политические клубы — *анджоманы*, десятки которых действовали в каждом городе Ирана. Часть из них, особенно в Иранском Азербайджане, была ориентирована на поддержку конституции как светского закона, другая шла вслед за авторитетными вероучителями, видевшими в ней осуществление принципов исламской справедливо-

сти, но никто из них не оспаривал торжественно прокламированный меджлисом 7 октября 1907 г. — в день своей первой годовщины — текст Основного закона, видя в нем главное достижение революции.

Литература

[1] Архив внешней политики Российской империи. Ф. Персидский стол, 1906, д. 907.
[2] *Дехкода А*. Логатнаме (Словарь). Тегеран, 1373/1994. Дж. 12. С. 18500.
[3] *Bayat M.* Iran's First Revolution. Shi'ism and the Constitutional Revolution of 1905–1909. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. 263 p.

Е.Я. Литвинцева

Борьба за Ганди в политической культуре современной Индии

Отношение к Мохандасу Карамчанду Ганди со стороны индийских политиков стало маркером, позволяющим выявить политико-экономические, социальные и культурные проблемы страны и заострить внимание общества на нерешенных вопросах истории. С наибольшей очевидностью это проявилось в 2019 г., когда праздновалось 150-летие со дня рождения Махатмы. По всей стране прошло множество мероприятий. Ганди Джаянти отметили все политические силы Индии, но наибольший интерес вызывают акции, инициированные Бхаратия джаната парти (БДП).

Правящая партия, по самой своей природе далекая от философии «отца нации», претендует на роль продолжателя принципов Ганди, однако делает это весьма своеобразно. Так, премьер-министр страны и член БДП Нарендра Моди в своих выступлениях в рамках Ганди Джаянти акцентировал внимание на кампании «Очистим Индию» (Clean India Mission), развернутой им в 2014 г., и воздавал почести Ганди как национальному лидеру, боровшемуся за улучшение санитарных условий в стране. Именно эту мысль Моди выбрал как ключевую во всем наследии Ганди. Интересно, что в качестве логотипа кампании использовалось изображение круглых очков — узнаваемый символ, ассоциирующийся с Ганди. Кампания вызвала неоднозначную реакцию. Видные индийские публицисты и общественные деятели с грустью констатировали, что Ганди в современной Индии внезапно оказался борцом за чистоту туалетов.

Моди настойчиво проводит идею преемственности принципов, сформулированных знаковыми фигурами недавней истории страны, со стороны БДП. Политические воззрения Ганди, не имеющие ничего

общего с идеологической базой БДП, парадоксальным образом оказываются на службе государственной идеологии, а сам Моди нередко делает попытку «примерить» на себя образ Ганди.

Отметим, однако, что внимание премьер-министра к фигуре Ганди не столь велико, как внимание к другому крупнейшему политическому деятелю, соратнику и последователю Махатмы (не согласному с ним, тем не менее, по ряду вопросов) Валлабхаи Пателю, занимавшему в 1947–1950 гг. должности заместителя премьер-министра Индии и министра внутренних дел. В 2018 г. в Гуджарате, родном штате Ганди и Моди, была возведена и торжественно открыта самая высокая статуя в мире — каменное изваяние Сардара Валлабхаи Пателя, получившее название «Статуя единства». С этого времени каждый год в годовщину смерти Пателя Моди проводит пуджу у его статуи. Конгрессист Патель, по инициативе которого в 1948 г. после убийства Махатмы была запрещена (запрет был снят 11 июля 1949 г.) Раштрия сваямсевак сангх (РСС) — организация, членом которой был убийца Ганди Натхурам Годсе и из которой впоследствии «выросла» БДП, оказался идеологическим ориентиром для выходца из РСС и члена БДП Моди. Свою принадлежность к «идеологической семье» Пателя Моди подчеркнул и совсем недавно, в феврале 2021 г., когда расположенный в Гуджарате крикетный Стадион имени Сардара Пателя был переименован в Стадион имени Нарендры Моди. Сам спортивный комплекс, к которому относится стадион, сохранил при этом в своем названии «имени Сардара Пателя».

Эти и другие факты позволяют говорить о сложном процессе переосмысления истории и «перетрактовки» исторических событий и фактов, происходящем в Индии. Немаловажную роль в этом играет деятельность правящей партии страны и в частности премьер-министра Моди. Постоянная активность премьера в отношении ключевых для индийской истории фигур направлена на размывание четких различий между воззрениями последних и показывает стремление БДП стать правопреемницей их идеологического наследия.

О.А. Наливайко

Китайская кухня в Японии в конце XIX — начале XX в.

Многовековая история взаимодействия Японии с Китаем и западными странами, происходившего с разной степенью интенсивности в различные исторические периоды, привела к тому, что многие элементы иноземной культуры питания стали частью японской национальной кухни. «Ва ё: тю:» — термин, указывающий на то, что

японская кухня состоит из трех компонентов (японского, западного, китайского), окончательно сложился в 1920-х годах, когда к идеограммам «ва» и «ё:» добавился китайский компонент «тю:». Подобная последовательность противоречит исторической действительности, так как знакомство японцев с китайской культурой состоялось задолго до прибытия первых европейцев на японский архипелаг, а китайские кулинарные заимствования принято относить к эпохе древности. Однако подобная расстановка идеограмм может свидетельствовать об отношении японцев к китайским блюдам в конце XIX — начале XX в.

За исключением китайских ингредиентов, которые к началу эпохи Мэйдзи уже стали частью японской культуры питания и/или региональной кухни г. Нагасаки (*сиппоку-рё:ри*), японцы до последней четверти XIX в. не сталкивались с аутентичными китайскими блюдами. О неоднозначном отношении японцев к китайской кухне и о преимуществе западных рецептов в эпоху Мэйдзи свидетельствуют некоторые факты: на первых женских кулинарных курсах, организованных Минэкити Акахонэ в Токио в 1882 г., в первую очередь учили готовить блюда японской и европейской кухни — лишь спустя несколько лет в программе появились китайские рецепты; известно, что в 1880-х годах в Токио насчитывалось лишь три дорогих ресторана «высокой» китайской кухни; первая кулинарная книга, в которой приводятся несколько китайских рецептов, была издана Ёсида Сэйтаро лишь в 1884 г. (*Нихон сина сэё: рё:ри хитори аннай*); впервые рестораны китайской кухни в Токио были упомянуты в 1903 г. в романе Гэнсай Мураи (1863–1927) «Наслаждение от приема пищи» (*Куй до:раку*) — это считается первой рекламой китайских ресторанов, размещенной в японской периодике; численное превосходство китайских торговцев и предпринимателей среди иностранцев в японских портовых городах не способствовало росту популярности китайских блюд, до 1920-х годов китайские кварталы считались средоточием преступности, грязи и болезней [1, p. 143].

Кардинальные изменения произошли в первые десятилетия XX в.: с 1906 по 1923 г. количество ресторанов в Токио, предлагающих своим посетителям китайские блюда, увеличилось с двух заведений до полутора тысяч. В зарубежной историографии распространена точка зрения, что внешняя политика страны оказывала сильное влияние на пищевые пристрастия японцев, исследователи японской культуры питания часто связывают популярность китайской еды в Японии с политикой милитаризма, империалистическими амбициями страны и идеями паназиатизма [2, pp. 138–148].

Цель данного доклада — опираясь на информацию, полученную из письменных и изобразительных источников конца XIX — начала XX в., проследить историю отдельных китайских блюд и ресторанов в Токио, выявить особенности китайской культуры питания на японском архипелаге, а также проанализировать изменение отношения широких масс к китайским блюдам в историческом контексте.

Литература

[1] *Ishige N.* The History and Culture of Japanese Food. London; New York: Routledge, 2011. 273 p.
[2] *Cwiertka K.* Modern Japanese Cuisine: Food, Power and National Identity. London: Reaktion Books / University of Chicago Press, 2006. 240 p.

О.В. Новакова

От XII к XIII съезду компартии Вьетнама в контексте политического пространства страны

Новый курс Вьетнама, известный как политика «обновления», провозглашенный в декабре 1986 г. на VI съезде КПВ, впервые после 1954 г. опирался на традиционную для вьетнамского социума идеологию, где главными были стабильность и всенародная сплоченность. Эта идеологическая установка подкреплена также в национальном масштабе апелляцией к идеологическому наследию президента Хо Ши Мина. В течение 30 с лишним лет, прошедших после провозглашения политики «обновления», основные ее положения находили свое подтверждение и одобрение всеми последующими партийными съездами, вплоть до последнего по времени XIII съезда КПВ (январь 2021).

Определенный парадокс заключается в том, что существующая во Вьетнаме традиционно большая роль государства как контролера всех областей общественной жизни способствовала ренессансу традиционных ценностей и включения их в политический багаж истеблишмента. Надо также отметить, что в ментальном плане идеология, на которую опирается современное руководство Вьетнама, повернута в прошлое с тенденцией его возвеличивания, что дает определенную рефлексию в проводимой политике.

В настоящее время во Вьетнаме в контексте его политического развития происходит консолидация традиционной культуры, когда на официальном уровне признаются наследием локальные верования, характерные исключительно для Вьетнама, имеющие автохтонное вьетнамское происхождение. Это относится, прежде всего, к возрастающей роли культа предков и определенной его идеализации как глав-

ного «заслона» в деле защиты нации от экспансии массовой культуры Запада. Тем самым ему придается функция сохранения культурной и религиозной идентичности, поддерживаемой на высоком партийном и государственном уровне.

Представляет интерес анализ тех процессов, которые происходят в идейно-политическом пространстве Вьетнама в XXI в., в эпоху неолиберализма, когда «угрозы извне» обрастают множеством экономических, политических и культурных подтекстов и, как следствие, возрастает роль национальных традиций, верований и религий на внутреннюю жизнь вьетнамского общества, поскольку национальные традиции выступают как системообразующие духовные ценности.

Поворот политики КПВ к опоре на национальные ценности и традиции есть ответ руководства Вьетнама — страны, отмеченной влиянием дальневосточной цивилизации, на сложные вызовы глобального мира, главным из которых является опасность утраты национальной идентичности.

Ради сохранения социально-политической стабильности новый курс определил политику КПВ, где присутствуют элементы терпимости и компромисса, что можно проследить на примере двух последних по времени партийных съездов КПВ — XII (январь 2016) и XIII (январь 2021). Четыре слогана определили суть XII съезда как съезда «Солидарности, Демократии, Дисциплины и Обновления», генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг подтвердил, что всенародная солидарность является стратегическим курсом вьетнамской революции, а также служит движущей силой для строительства и защиты Отечества. XIII съезд прошел под пятью лозунгами «Единство — Демократия — Дисциплина — Креативность — Развитие», в которых отражается традиционное единство внутри партии и ее ответственность перед страной [Нянзан онлайн, 1 февраля 2021].

Литература

[1] Нянзан онлайн, 1 февраля 2021 г. URL: https://ru.nhandan.com.vn (дата обращения 01.02.2021).

Л.В. Овчинникова

Сфера совместного процветания великой Восточной Азии и Кореи

Тема колониальной политики Японии в Азии, в частности в Корее, продолжает оставаться актуальной и в наши дни. Во второй половине 1930-х годов методы управления в колонии стали приоб-

ретать новые черты. Усиление милитаризации Японии, захват ею Маньчжурии, подготовка к большой войне в Китае диктовали необходимость дальнейшего превращения Кореи в плацдарм для продвижения на материк. В конце 1930-х годов стал широко использоваться термин «Корея как передовая база на континенте». Со времени присоединения к Японии за Кореей было признано важное значение как первой линии национальной обороны на материке. Однако с образованием Маньчжоу-го государственные границы отодвинулись к Амуру и ценность Кореи в национальной обороне понизилась. В новых условиях было принято решение о перестройки корейской экономики с упором на промышленность; подчеркивалось и сырьевое значения Кореи.

В конце 1930-х — начале 1940-х годов широкие масштабы приобрела пропаганда создания Сферы совместного процветания великой Восточной Азии. Идеологи этой теории разделяли эту ее на две части: северную и южную. Руководить ими и объединять их должна была Япония. Географически четкие границы сфер не обозначались, но считалось, что в северную сферу входят Корея, Маньчжурия и Китай, а в южную — оккупированные районы Южных морей. Проходило деление на две зоны: сферу континентальной экономики и сферу экономики морей. Первая должна была стать оплотом сухопутных сил; вторая — служить основой для морских маневренных сил. Миссия континентальной экономики заключалась в совершенствовании национальной обороны на основе промышленности, а экономика Южных морей должна развиваться в качестве аграрного и сырьевого придатка. Северная сфера являлась наиболее важным звеном в Сфере совместного процветания, а именно Корея была ее передовой континентальной базой. Целью было учреждение «нового порядка» в Восточной Азии, одним из принципов которого была идея «восьми углов под одной крышей», т. е. поглощение Японией других народов, прежде всего народов Восточной Азии. Говорилось о специфическом «духе Ямато», в котором они должны были ассимилироваться.

В изданиях генерал-губернаторства проводится мысль, что Корея была для Японии первой своеобразной пробой методов «руководства народами Азии», «испытательным полигоном», что позволило бы ответить на вопрос о том, как культивировать там японские нравы, этику, нормы жизни, воспитывать верноподданнические чувства, как использовать литературу, искусство, все сферы духовной жизни для «внедрения японского духа». Преследовались цели создания базы, накопления опыта для того, чтобы эта культура стала источником

культуры всего Востока. Говорилось, что долгое время японская культура испытывала влияние Китая и Индии, и именно Корея играла большую роль как проводник их воздействия на Японию. Теперь же японская культура должна распространиться на Запад как новый «светоч Востока». Корея должна снова выступить в роли проводника, что является «блестящим повторением истории». В управлении Кореей Япония ранее не имела опыта; присоединение к империи были «пробным камнем» политических способностей Японии в возрождении азиатских народов.

Итак, положение Кореи как «передовой базы», как части японской империи на материке приобрело в конце 1930-х — первой половине 1940-х годов еще бóльшую важность. Корея, являясь базой для распространения «императорского пути» на материке, имела специфический характер среди других азиатских народов и выполняла особую миссию в создании Сферы совместного процветания в Восточной Азии.

А.Л. Сафронова

«Палата князей» в политических процессах Южной Азии (первая половина XX в.)

Индийские князья, традиционно стремившиеся обособить собственные владения от влияния политических процессов в провинциях Британской Индии, с начала XX в. стали проявлять растущий интерес к событиям в них. Особое внимание в княжествах вызвали реформы Морли — Минто (1909–1910) и реформы Монтегю — Челмсфорда (1918–1919), результатом которых стало подключение элитарных слоев индийского общества к системе управления Британской Индией.

В 1921 г. была образована Палата князей, ставшая совещательным органом при вице-короле. При общем числе княжеств, приближавшемся к 600, она состояла из 120 членов, из них 108 членов представляли наиболее значимые княжества, а оставшиеся двенадцать мест предназначались для коллективного представительства других менее крупных княжеств. Наиболее мелкие княжества представительства в Палате не имели. Не вошли в нее и правители ряда влиятельных княжеств, таких как Барода, Гвалиор, Майсур, Джамму и Кашмир, Хайдарабад. Интересно отметить, что низам Хайдарабада, крупнейшего княжества на Декане, рассчитывал на уникальный статус своего княжества, не нуждавшийся в поисках союзников в среде других князей, и был одержим идеей преобразования его княжества в государ-

ство Османистан. Сходные идеи разрабатывал и махараджа Джамму и Кашмира, который вынашивал идею создания на землях своего княжества «нейтральной территории».

Председательство в Палате князей последовательно осуществляли князья Биканера, Патиалы, Наванагара, Бхопала. Княжеская палата обычно собиралась ежегодно. Председателем ее считался вице-король, однако реальное управление находилось в руках канцлера, избираемого постоянно действующим комитетом.

Деятели Палаты князей принимала участие в конференциях «круглого стола» в Лондоне, проводившихся в 1930–1932 гг., на которых обсуждались вопросы перспектив дальнейшего конституционного развития британских владений на Индостане, зафиксированные затем в Законе об управлении Индией 1935 г.

Князья искали оптимальную модель правления, сообразную современному развитию мировых держав. Демократия не обладала в их глазах привлекательностью, так как не сочеталась с идеей наследственной передачи власти. Монархии в своем традиционном виде не соотносились с процессами модернизации. Именно в этом контексте проявился их интерес в 1930-е годы к идеям авторитаризма и тоталитаризма, к Германии и Италии с установившимися в них диктаторскими режимами (во время Второй мировой войны князья поддержали военные усилия Великобритании). Некоторые индийские князья искали встречи с Гитлером и Муссолини.

В 1940-е годы деятельность ряда правителей княжеств, входивших в Палату князей, была связана с идеей создания Федерации княжеств как отдельного государственного образования, проектируемого на территории Южной Азии в процессе деколонизации субконтинента наряду с образованием независимых доминионов — Индийского союза и Пакистана. К идее создания Федерации княжеств склонялся глава Политического департамента по делам княжеств Конрад Корфилд, ставший оппонентом в «княжеском вопросе» последнему вице-королю Британской Индии лорду Маунтбэттену, отстаивавшему принцип обязательного присоединения княжеств к одному их двух доминионов.

Принятие «Плана Маунтбэттена» применительно к княжествам перечеркивало возможность создания независимых княжеских образований и «балканизации» Индии. «Закон о независимости Индии» 1947 г. предоставлял княжествам право войти в состав одного из доминионов — Индийского Союза или Пакистана. В процессе интеграции «Палата князей» прекратила свое существование.

Е.К. Симонова-Гудзенко

Василий Ловцов (1737–?), капитан галиота «Святая Екатерина»

Первые сведения о Японии проникают в Россию из Европы XVI в., а во второй половине XVII в. появляются довольно подробные описания в первых русских космографиях. В конце XVII в. Россия выходит к берегам Тихого океана и почти сразу начинает искать путь в Японию. В это время многие европейские страны, включая Великобританию, Францию и др., активно исследовали и осваивали северную часть Тихого океана. Россия была одной из них. Кроме того, поиск пути в Японию диктовали и вполне прагматические причины: снабжение продовольствием русских поселенцев, а также поиски новых торговых партнеров.

В XVII–XVIII вв. на камчатском и охотском побережьях возникают первые поселения, основанные казаками-землепроходцами и мореплавателями. Они осваивают акваторию, составляют карты северной части Тихого океана. Составление и издание карты впервые открытых территорий было одним из важных элементов «оповещения» иностранных государств о праве на данную территорию. Одним из мореходов, картографов этого времени был и герой нашего исследования Василий Федорович Ловцов.

В отечественной историографии он долгое время был известен как капитан судна «Святая Екатерина», на котором первое русское посольство отправилось в Японию, возвращало на родину японских моряков, потерпевших крушение у одного из Алеутских островов. Их почти 11-летняя жизнь в России и возвращение на родину затмили историю судьбы и деятельности Василия Федоровича Ловцова. Возможно, немаловажной причиной было и распространенное в правительственных кругах России мнение, что посольство не выполнило поставленные задачи. Даже обнаруженный и опубликованный в 1991 г. Атлас северной части Тихого океана, выполненный В.Ф. Ловцовым в 1782 г., с включенной в него картой Японии, не подтолкнул исследователей через более чем 200 лет пристальнее взглянуть на жизнь и деятельность мореплавателя.

Хотелось бы обратить внимание на примечательный эпизод, связанный с личностью В. Ловцова, его случайную встречу с А.Н. Радищевым (1749–1802) в городе Тара 22 марта 1797 г. Этот эпизод жизни известный русский мыслитель упоминает в «Записках путешествия в Сибирь». Специалисты творчества и жизни Радищева, как и исследователи истории освоения Тихого океана, отмечали этот эпизод,

однако в отечественном японоведении не удалось обнаружить даже упоминания этого события. В то время, пребывая в ссылке в Илимске в 1792–1797 гг., Радищев встречался с ученым-естествоиспытателем и инициатором отправки первого посольства в Японию Эриком Лаксманом (1737–1796), с купцом Г.И. Шелиховым (1747–1795) и другими предприимчивыми людьми Восточной Сибири; интересовался вопросами развития торговых отношений России со странами Востока, конкретно — торговлей с китайцами в Кяхте. Если о встрече писателя с Ловцовым сохранилось лишь краткое упоминание в его заметках, то о встрече с Шелеховым подробно рассказано в письмах писателя А.Р. Воронцову (1741–1805), которые он отправлял регулярно и подробно на протяжении всей 5-летней сибирской ссылки.

Таким образом, представляется, что внимательное исследование судьбы и деятельности В.Ф. Ловцова не только сделают образ мореходa более объемным, но и добавят знаний о людях и событиях в восточной Сибири и северной части Тихого океана в XVIII — начале XIX вв.

Литература

[1] The Lovtsov atlas of the North Pacific Ocean: compiled at Bol'sheretsk, Kamchatka, in 1782 from discoveries made by Russian mariners and Captain James Cook and his officers. Kingston Fairbanks: Limestone Press, 1991.

[2] *Радищев А.Н.* Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938–1952. Т. 3 (1952). С. 251–266.

В.Е. Смирнов

Социальные практики египетских беев в конце XVIII в.

В центре внимания настоящего исследования — египетские санджакбеи, которые значительно отличались от носителей подобного титула в других провинциях Османской империи. В Египте так называли высокопоставленных персон при дворе египетского наместника. По сути, они стали институционными преемниками эмиров сотни Мамлюкского султаната, титул которых соответствовал тюркскому титулу «бей».

К концу XVIII в. исторически сложившийся механизм властвования в египетском эялете держался на крупнейших «домах» неомамлюкского типа. Стоявшие во главе эти бейтов египетские беи преимущественно мамлюкского происхождения входили в состав Большого дивана — управленческого органа при османском наместнике, на заседаниях которого обсуждались и решались важнейшие дела провинции.

Они принимали участие в издании законов, решениях высшего суда, распределении доходов и назначении на государственные посты, а их неформальный лидер, именовавшийся термином «шейх ал-балад», являлся фактическим властителем страны.

Особую организацию времени египетских беев формировали служебные и зачастую связанные с ними экономические практики. Беи занимали важнейшие должности в государственном аппарате египетской провинции, многие из которых предполагали курирование и контролирование различного рода хозяйственных служб. Наряду с этим они являлись крупнейшими землевладельцами и составляли привилегированную часть городского населения Египта, игравшую заметную роль в экономической жизни страны.

Политическая история османского Египта была наполнена соперничеством лидеров крупнейших мамлюкских «партий», обусловленным в конечном итоге борьбой за те или иные источники дохода. В этих условиях значительная часть повседневной жизни египетских беев приходилась на участие в заговорах, интригах, которые нередко перерастали в прямые вооружённые столкновения.

После изучения некрологов видных представителей египетских беев был сделан вывод о том, что большинство из них почитались как носители традиционных исламских ценностей. Будучи правоверными мусульманами, беи не только сами совершали паломничество к святым местам Мекки и Медины, но и руководили самим процессом. Возглавлявший ежегодный караван паломников эмир ал-хадж считался второй по значимости фигурой в неомамлюкской иерархии. Впрочем, скорее можно говорить об их религиозном синкретизме, включавшем в себя элементы суннитского ислама, суфизма, а также народных верований и культов.

Некоторые из беев были широко образованными для своего времени людьми, оказывали покровительство ученым и сами занимались науками. Впрочем, важно было соблюдать определенный баланс между научными изысканиями и традиционной линией поведения, характерной для правящей элиты египетского общества.

Таким образом, египетские беи составляли высшую прослойку египетского общества и являлись носителями довольно своеобразного образа жизни со свойственной ему спецификой организации социального времени и пространства.

Литература

[1] *Ал-Джабарти ‘Абд ар-Рахман.* Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий. Т. 2. Египет в канун экспедиции Бонапарта

(1776–1798) / пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М.: Наука, 1978. 496 с.

[2] *Вольней К.Ф.* Путешествие Волнея в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784, 1785 годах. Ч. 1. М., 1791. 610 с.

[3] *Люзиньян С.* История о возмущении Али-бея против оттоманской Порты с различными новыми известиями о Египте, Палестине, Сирии и Турецком государстве, також о путешествиях из Алеппа в Бальзору. СПб., М.: Универ. типография у Н. Новикова, 1789. 175 с.

И.Б. Спектор

«Мусульманская фракция» в БДП: эволюция политического взаимодействия между индусскими националистами и религиозными меньшинствами

Взаимодействие между правящей в Индии Бхаратия джаната парти (БДП) и мусульманской общиной отличаются противоречивостью. С одной стороны, БДП всегда воспринималась как партия индусских националистов. Идеологические предшественники современной партии в начале XX века в принципе не считали, что для мусульман может найтись место в будущем «индусском государстве». В период после 1947 г. партии Хинду махасабха и Бхаратия джана сангх (БДС), основные политические силы индусских националистов, воспринимали мусульманскую общину как угрозу индийской государственности, но не как своих потенциальных избирателей. Вместе с тем после принятия конституции в 1950 г. все политические силы были вынуждены формально завить о своей открытости для любых общин.

Сближение индусских националистов и некоторых представителей мусульманской общины началось в 1970-е годы БДС стал выходить из политической изоляции, сотрудничая с различными группами и движениями, оппозиционными Индийскому национальному конгрессу (ИНК), в том числе с мусульманами. В период чрезвычайного положения (1975–1977) под запретом оказались и БДС, и мусульманские организации, а после победы оппозиционной Джаната парти на выборах лидеры индусских националистов А.Б. Ваджпаи и Л.К. Адвани работали в правительстве вместе с министрами-мусульманами.

После возвращения к власти ИНК в 1980 г. бывшие руководители БДС создали новую политическую силу — Бхаратия джаната парти. В партию вошли некоторые союзники националистов по политической борьбе 1970-х годов, в том числе некоторые мусульмане. С этого момента националисты, стремящиеся к улучшению собственной поли-

тической репутации, начинают менять свою риторику по отношению к религиозным меньшинствам. Идеологи БДП стали говорить о том, «истинный секуляризм», который должен заменить собой «псевдосекуляризм» ИНК.

Данные социологических опросов показывают, что начиная с 2000-х годов сохраняется достаточно стабильная доля мусульман, голосующих за БДП на общенациональных выборах, — от 6 до 8 %. Можно выделить несколько причин, побуждающих представителей мусульманской общины голосовать за БДП. Прежде всего, причина в недостаточной представленности мусульман в руководстве других общенациональных политических партий. Отдельно следует отметить работу БДП с шиитской общиной, которую националисты стремятся отделить от суннитского большинства.

Мусульмане — деятели БДП должны постоянно доказывать руководству партии свою полезность и необходимость сотрудничества с религиозными меньшинствами и вместе с тем показывать избирателям-мусульманам свою относительную самостоятельность от партийного руководства. Особенно осложнились отношения между руководством БДП и «мусульманской фракцией» партии после ряда шагов, предпринятых правительством Нарендры Моди, — прежде всего отмены особого статуса Джамму и Кашмира и принятия «Акта о гражданстве» в 2019 г.

К.М. Тертицкий

Осада Албазина в «Черепановской летописи» (XVIII в.)

Осада Албазина была одним из наиболее важных эпизодов в истории российско-китайских отношений XVII в. Строго говоря, речь должна идти о двух военных кампаниях — краткой осаде и штурме Албазина в 1685 г. и длительной осаде 1686–1687 гг., после которой окрестности острога еще некоторое время подвергались нападениям со стороны цинских сил. Эти события достаточно хорошо изучены, в последние годы опубликован сборник документов и целый ряд работ, где рассматривается как история Албазина в целом, так и сама осада. Вне внимания исследователей, однако, остался весьма интересный свод сведений по истории Сибири и взаимоотношений местных властей с сопредельными народами в XVI–XVIII вв. — «Черепановская летопись» (XVIII в.). Она была составлена тобольским ямщиком И.Л. Черепановым с использованием имевшихся в то время книг по истории Сибири, неопубликованных рукописей, документов и устной традиции.

В летописи имеется и раздел, касающиеся Албазинской осады. Впервые на него обратил внимание еще Г.И. Спасский в 1821 г., однако анализа приведенных там сведений не последовало до сих пор. Одна из причин этого заключается в том, что «Черепановская летопись» до сих пор остается неопубликованной. По приведенной там версии, после того как «с российской стороны на китайской границе начали умножаться народы, крепости остроги строиться», китайский правитель принял решение послать войска к Албазину. Предложил совершить этот поход «изменник Иван Роспутин», который «похвалялся пред китайским ханом, что Албазин взять может небольшими людьми без всякие трудности». В летописи сообщалось, что осаждавшие после вылазки албазинцев и подрыва подкопа, который вели цинские силы, понесли большие потери («тысячи с две» человек), а сам Роспутин (Распутин) был отозван в Пекин и там казнен.

Эти сведения соответствуют версии событий, приводимой в опубликованном только в XX в. «Статейном списке» Ф.А. Головина, где также говорится о показаниях уже китайского перебежчика, сообщившего, что с китайскими «полковыми воеводы был изменник руской человек, и им де, полковым воеводам, говорил, также и в Китаях похвалился, что Албазин возьмет безо всякие трудности», однако затем, по его словам, «под Албазиным де китайских и всяких чинов людей побито и померло тысечи з 2 и больши» и «бугдыхан де того изменника велел казнить смертью». Сверив этот отрывок с имеющимися сибирскими летописями (прежде всего, с версиями «Сибирского летописного свода»), нетрудно увидеть, что бóльшая часть подобных сведений там отсутствует. Таким образом, при подготовке своей летописи Черепанов либо пользовался еще каким-то летописным сводом, который до настоящего времени не сохранился, либо имел доступ к «Статейному списку» или лежавшим в его основе документам, что маловероятно.

Упоминание в «Черепановской летописи» конкретного имени «изменника» связано со следующими обстоятельствами. В это время на службе у цинских властей состоял перебежчик Иван Артемьев, переводивший, в частности, «подзывной лист», адресованный китайскими властями албазинцам и посланный к ним с ранее захваченными пленными. Иван Артемьев также действовал как цинский переводчик во время боевых действий на Амуре и как разведчик во время осады Албазина. Некоторые современники, видимо, ошибочно отождествили его с Иваном Артемьевым Роспутиным (Распутиным), подьячим Илимской съезжей избы, судя по всему, оставившим службу как раз в начале 1680-х годов.

В целом есть основания предполагать, что в «Черепановской летописи» могут иметься и другие уникальные сведения о сопредельных странах, восходящие либо к несохранившимся документам, либо к устной традиции того времени.

А.Л. Филимонова

Коронавирус в массовом сознании пакистанцев: традиционные смыслы новой реальности

Распространение COVID-19 стремительно превратилось в глобальную проблему, которая так или иначе затронула абсолютно все государства. При этом, оказывая схожее воздействие на физическое здоровье, данная болезнь имеет разный резонанс в разных обществах, активизируя уникальные для той или иной культурной среды механизмы осмысления и противодействия угрозам.

В этом отношении пример Пакистана показателен: как интерпретация нового вируса, так и выработка методов борьбы с ним происходят по универсальным для Пакистана алгоритмам, исторически задействуемым в серьезных для страны ситуациях.

Цель данного исследования — проанализировать, как в Пакистане в свете коронавирусной угрозы под новым углом преломляются традиционные для общественного сознания темы: отношение к Индии, исламская идентичность, восприятие своего колониального прошлого.

В рамках проблематики коронавируса нами были выделены три аспекта, в которых вышеназванные темы транслируются с наибольшей очевидностью.

Прежде всего, это интерпретация коронавируса: поиск его истоков и определение причин его появления. Значительное число пакистанцев убеждены в том, что COVID-19 является продуктом заговора иностранных держав, среди которых как страны Запада, так и соседняя Индия. Альтернативная точка зрения толкует новый вирус как «гнев Божий», т. е. наказание, посланное Аллахом за недостаточную религиозность.

Другим важным аспектом коронавирусного дискурса является отношение к вакцинации. В этой плоскости осмысление ситуации через конспиративные теории приобретает особый размах, поскольку вера в искусственную этиологию коронавируса накладывается на исторически скептическое отношение пакистанцев к вакцинам в принципе как к антиисламскому продукту западного мира. Ситуацию осложняет также и то, что основным производителем европейских и американских вакцин в регионе выступает Индия. Соответственно, в пакистанских

социальных сетях и СМИ наблюдается обращение к привычной антииндийской риторике, которая в данном случае выливается в призыв бойкотировать вакцинацию вообще или, как минимум, отказаться от «индийских» (т. е. западных) вакцин в пользу российских и китайских.

Не меньший интерес с исследовательской точки зрения представляет и то, какими видятся пути выхода из сложившегося кризиса. Эпидемия наглядно продемонстрировала, как в Пакистане антизападные настроения сочетаются с глубоко укоренившимся восприятием себя как правопреемника Британской империи. Бороться с пандемией страна начала, руководствуясь Актом об эпидемических заболеваниях, который был принят в Британской Индии в 1897 г. (примечательно, что на такой же шаг пошла и Индия). Дискуссии, проводимые на различных общественных площадках, показали, что основная масса населения поддерживает такую стратегию. Обращение к колониальным законам хотя и вызывает определенные вопросы, но в целом воспринимается как естественное поведение. Не меньшее признание получает также использование традиционных исламских методов лечения, среди которых чтение особых аятов Корана и пожертвования суфийским старейшинам, пропагандирующим собственные навыки исцеления, в том числе от коронавируса.

Можно сделать вывод, что адаптация к такой уникальной жизненной ситуации, как пандемия, происходит в значительной мере посредством типичных для пакистанского общества когнитивных предубеждений. Среди них — распространенный в исламском мире антизападный настрой, укоренившийся антииндийский дискурс, а также поиск решений в своем культурно-историческом опыте (будь то колониальное наследие или ислам).

К.А. Фурсов

Субхас Чандра Бос и проблема восточного коллаборационизма

Субхас Чандра Бос (1897–1945?) — выдающийся левый политик из Бенгалии, один из лидеров Индийского национального конгресса. В мире он более всего известен своей позицией в годы Второй мировой войны, когда бежал в Германию и развернул пропаганду против Раджа (британского правления в Индии). С 1943 г. он продолжил антиколониальную деятельность под эгидой Японии в Юго-Восточной Азии.

Деятельность Боса в годы войны — часть проблемы восточного коллаборационизма, т. е. сотрудничества доли азиатских элит с держа-

вами «оси». Среди главных коллаборационистов — великий муфтий Иерусалима А. аль-Хусейни, премьер Ирака Р.А. аль-Гайлани, адипади Бирмы Ба Мо, президент Филиппин Х. Лаурель и др. После войны таких деятелей безоговорочно клеймили как предателей. К концу XX в. к проблеме стали подходить взвешеннее, в том числе под влиянием работ Э. Саида.

Проблема восточного коллаборационизма неоднозначна. С одной стороны, союз таких фигур, как Бос, со странами нацистского блока вносил вклад в укрепление позиций этих стран. К тому же коллаборационисты не сознавали, что победа «оси» могла принести их странам еще худшие страдания. С другой стороны, вменение в вину антиколониальным деятелям сотрудничества с «осью» чревато европоцентризмом. Он заключается в соблазне оценивать отношение колониальных народов Азии и Африки к Райху и его союзникам через отношение к этим державам народов Европы и Северной Америки, которые против них боролись.

Восточный коллаборационизм был предсказуемой реакцией колониальных обществ на тяготы империализма. Мировоззрение борцов с ним было сформировано десятилетиями гнета, хуже которого они ничего не видели. Относительно нацистов, фашистов и японских милитаристов Бос почти не питал иллюзий, но считал, что едва ли не единственный шанс сбросить иго Британии — заручиться помощью сопоставимых по силе держав.

Союз Боса с «осью» был не идеологическим, а лишь геополитическим. К тому же он ограничил союз действиями против Раджа. Конечно, действовал Бос в «коридоре», который ему отвели. И все же называть его марионеткой едва ли правомерно. Помощь Германии и Японии Бос воспринимал как займы, которые Индия погасит, чтобы не быть никому обязанной. Более того, он повторял: если Индийская национальная армия обнаружит, что они хотят заменить собой британцев, придется воевать с ними.

Клеймо коллаборациониста служит не столько причиной неприятия Боса, сколько предлогом. Британцы не прощают ему того, что, по сути, именно он стал могильщиком их империи. Конгрессистские лидеры замалчивали заслуги Боса, так как его образ выставлял в невыгодном свете их самих как соглашателей с уходящей колониальной державой. Вообще коллаборационизм — понятие относительное. Если записывать туда Боса, по ряду критериев туда же попадет Ш. де Голль.

Если расставлять точки над i, выбор Босом союзников все равно представляется неверным. Последовательность завела его не туда: стремясь к свободе Родины, Бос «сформировал туннельное видение»

[1, p. 231]. В этом его трагизм. Вместе с тем можно осуждать его «за стратегически ошибочную тактику сотрудничества…, но нельзя зачеркнуть энтузиазм сотен тысяч индийцев, взрыв патриотических чувств, побудивших их… откликнуться на призыв Боса» [2, с. 56–57].

Литература

[1] *Mukherjee R.* Nehru & Bose: Parallel Lives. New Delhi: Penguin / Viking, 2014. XIV, 265 p.

[2] *Райков А.В.* Индийское «государство» в Юго-Восточной Азии в годы Второй мировой войны // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.* 1997. № 2. С. 51–62.

Е.В. Шалупенко

«Гибридные угрозы» безопасности Пакистана в контексте индийского фактора (по данным пакистанского армейского журнала «Грин бук»)

Индийско-пакистанский конфликт — один из самых продолжительных в Новейшей истории: между странами произошли три крупных вооруженных конфликта (1947–1948, 1965, 1971 гг.), а также многочисленные пограничные столкновения, которые не прекращаются по сей день.

Из содержания журнала Генерального штаба пакистанской армии «Грин бук» (Green Book — «Зеленая книга»), отражающего события 2019–2020 гг. [1], следует, что в стратегическом планировании Пакистана приоритет сохраняется за гибридной войной.

Основная тематика «Грин бук» — актуальные угрозы национальной безопасности, а также стратегии, направленные на их отражение. Традиционно в журнале публикуются статьи действующих офицеров армии, а также гражданских специалистов, политиков и дипломатов. В выпуске 2020 г. опубликовано 16 статей. В 12 из них присутствует упоминание Индии.

14 статей издания посвящены вызовам национальной безопасности Пакистана, которые относятся к понятию «гибридная война». Из них 8 статей повествуют о том, что главную угрозу представляет Индия. Специфика гибридной войны заключается в сочетании конвенциональных и неконвенциональных методов нанесения ущерба противнику.

Авторы журнала выделяют следующие проявления неконвенциональной войны со стороны Индии: оказание поддержки силам, представляющим угрозу для национальной безопасности Пакистана, например, центробежному движению в Белуджистане; гонка воору-

жений, в частности ядерная; ведение информационной войны против Пакистана; действия, направленные на дестабилизацию пакистанской экономики и дискредитацию его имиджа на международной арене.

Так, в «Грин бук» значительное внимание уделяется «угрозе терроризма в Белуджистане». Ряд авторов утверждает, что Индия принимала непосредственное участие в разжигании беспорядков в этой провинции. Деятельность белуджистанских организаций серьезно дестабилизирует обстановку в Пакистане.

В качестве еще одного проявления гибридной войны со стороны Индии авторы рассматривают военные столкновения в Кашмире, способствующие истощению экономических ресурсов Пакистана.

Часть статей «Грин бук» за 2020 г. отводится ядерной проблематике. При этом авторы сходятся во мнении, что в условиях ведения гибридной войны наличие ядерного оружия уже не является гарантией выживания и экономического процветания того или иного государства.

Часть авторов также указывает на возможность конвенциональной войны между двумя странами. Вероятность такой войны обусловлена разработанной Индией еще в 2001 г. доктриной «холодного старта». Согласно этой доктрине, Индия готовилась к быстрой мобилизации своих войск и военной техники на границе с Пакистаном с целью предупредить ядерный удар с его стороны.

Среди статей «Грин бук» 2020 г., посвященных проявлениям индийско-пакистанского конфликта, 58 % отмечают поддержку, оказываемую индийской стороной белуджистанским сепаратистским группировкам; 67 % — кашмирскую проблему; еще 67 % — гибридную войну между Индией и Пакистаном; в 75 % статей упоминается об угрозе ядерного конфликта. Авторы всего 33 % статей пишут о возможности конвенциональной войны между Индией и Пакистаном.

Таким образом, очевидно, что Пакистан ориентирует свое военно-стратегическое планирование преимущественно на Индию.

Литература

[1] Pakistan Army Green Book. Islamabad, 2020. 2027 p.

В.И. Шлыков

Турецкий национализм в исторической ретроспективе XX в. и его современное прочтение

В докладе представлены результаты анализа трансформации идейного содержания турецкого национализма и стратегий его политического использования на разных этапах новейшей истории. Работа

построена на детальном изучении текстов идеологов турецкого национализма, материалов прессы и знаковых публичных выступлений государственных и политических деятелей дореспубликанской и республиканской Турции.

Временем наступательного проникновения идей национализма в Османскую Турцию стал XIX в. Танзиматские реформы предполагали отказ от «конфессионального» принципа классификации подданных в пользу «гражданского». Однако доктрина «османизма» (И. Шинаси, Н. Кемаля и др.) и концепт «османского гражданства» были приняты в штыки как правящей мусульманской элитой, так и христианским населением, которое было уже во власти идей этнического национализма.

Первые ростки тюркского этнического национализма в Турции появились в конце XIX — начале XX в. Тюркские эмигранты из России (Ю. Акчурин, А. Агаев и др.) предложили идеологию нового тюркизма, сочетающую элементы трех конкурирующих национальных проектов: османизма, панисламизма и «старого» тюркизма (т. е. три трудно совместимых концепции нации — территориальной, этнической и религиозной).

Младотурки, установившие в 1913 г. режим своей диктатуры, превратили доктрину тюркизма из неафишируемой политической программы в государственную идеологию с центральной идеей строительства этнического мегагосударства — «Великого Турана», объединяющего всех турок-мусульман как Османской, так и Российской империи. Поражение в Первой мировой заставило забыть о химерической идее Турана.

Кемалистский национализм далеко ушел от принципов классического тюркизма. В теории кемалисты не оставляли за рамками турецкой нации даже христианские меньшинства. Надир Нади (Абалыоглу) писал о «научно доказанном факте единых расовых корней турок и армян». Кемалистский национализм не носил расистского характера, не был «ирредентным», не направлялся против какого-либо этноса, а имел объединяющий характер, указывал на единство и неделимость нации и страны, направлял усилия турок на достижение общенациональных целей.

Ускорившиеся процессы урбанизации и переход к конкурентной политической системе во второй половине XX в. трансформировали не только турецкое общество, но и политико-идеологический ландшафт в Турции. Создавалась ситуация перекрестного опыления, когда, с одной стороны, консервативная часть турецкого общества оказывалась под прямым воздействием кемалистской идеологии и начинала

пропускать через себя основные ее принципы и постулаты (национализм, лаицизм и т. д.), с другой — городская секуляризованная культура, опора кемалистского режима, попадала под воздействие и обаяние традиционных ценностей суннитского ислама.

К концу XX в. идеология турецкого национализма оказалась раздробленной, и сейчас в Турции можно наблюдать соревнование конкурирующих национальных проектов, которые перманентно находятся в состоянии колебательной конфронтации. Идеологически кемалистский национализм сохраняет неприкосновенность как великое наследие Ататюрка, но его трактовки становятся более расплывчатыми, а социальная база поддержки сужается. Исламская идентичность, наоборот, обретает больший вес, активно поддерживается правящим режимом. Наименьшим ресурсом влияния обладает этнический ультранационализм — в форме нового издания панисламизма, который остается сугубо периферийным явлением и не в состоянии как-либо серьезно воздействовать на общественно-политическую жизнь.

П.В. Шлыков

Политика памяти в современной Турции: дихотомия «реальной» и «официальной» истории

В докладе представлены результаты исследования стратегии политики памяти в Турции на разных этапах новейшей истории страны. Работа построена на анализе текстов исторических работ и научной публицистики 1930–1940-х годов, материалов прессы второй половины XX — нач. XXI в. и выступлений государственных и политических деятелей, озабоченных вопросами исторической памяти (от К. Ататюрка до Р.Т. Эрдогана).

Процессы политизации истории были характерны для Турции на всем протяжении XX и начала XXI в. Однако если на этапе становления кемалистской Турции их основной вектор развития был направлен в сторону негативной ревизии османского прошлого в форме насильственной культурной амнезии, а впоследствии — его тотальной национализации, выражавшейся в виде своеобразного ребрендинга «османского наследия» в «истинно турецкое», то на рубеже веков ситуация кардинальным образом изменилась. Теперь уже объектом негативной ревизии стали создатели светской Турецкой Республики. Османская империя, наоборот, предстала колыбелью мировой цивилизации, наиболее успешным примером исламской империи и уникальным образцом либерального многонационального государства, опирающегося на ценности мультикультурализма.

В отличие от кемалистов, которые ради нивелирования исторических обид и преодоления исторических травм от поражения в Первой мировой войне и потери Османской империи обратились сначала к конструированию исторического мифа о тюрках как создателях мировой цивилизации, а затем к национализации блистательных страниц османского прошлого, идеологи эрдогановской Турции иначе подошли к решению задачи «примирения» с историческим прошлым. Реабилитация позднеосманского периода и особенно одиозного султана Абдулхамида II фактически перевернула с ног на голову весь предшествующий исторический нарратив, заклейменный как «официально искаженный». Из виновника крушения Османской империи Абдулхамид II превратился в радетеля Османской империи как мировой державы и мудрого правителя, который мог бы увести страну от гибели в Первой мировой, если бы его не свергли младотурки. Последние, в свою очередь, оказались виновны не только в распаде империи, но и во внедрении пагубной ментальности — источника всех бед и проблем Турции в XX и XXI в. Все это давало возможность Партии справедливости и развития (ПСР) представлять свое противостояние оппозиции внутри страны и критикам за пределами Турции как борьбу за историческую справедливость. Ведь главным внутренним врагом в лице НРП стала не просто оппозиционная партия, а наследница пагубной «младотурецкой ментальности».

Построение исторической политики на основе бинарной оппозиции добра и зла, справедливого и несправедливого, прозападного и антизападного давало возможность ПСР представить политический процесс в Турции в совершенно иной плоскости — как идеологическое противостояние и борьбу с искаженным кемалистами «официальным» историческим нарративом.

По своему содержанию и направленности историческая политика Эрдогана и предложенные методы преодоления исторических травм оказались повторением пройденного в 1920–1930-е годы. Критикуя установленную кемалистами на заре республики монополию на «официальную историю» и необходимость заменить ее на «реальную», Эрдоган не стал создавать условия для конкуренции разных подходов и трактовок исторического прошлого, а взялся за внедрение своей «реальной истории» как новой «официальной». В итоге долгожданное примирение с османской историей обернулось новым витком политической приватизации истории.

Политология

И.И. Абылгазиев

Геополитические аспекты коронавирусной пандемии

Пандемия и ее социально-политические последствия требуют осмысления как специфического этапа в развитии современных государств и процесса глобализации. Формирующиеся политические риски влияют на все сферы человеческой жизнедеятельности, определяют новые тенденции в общественном развитии.

1. Распространение коронавирусной инфекции — побочный продукт глобализации.

2. Информационная и медицинская составляющие пандемии.

3. Кризис глобального здравоохранения: ВОЗ перед лицом глобального вызова.

4. Кризис региональных интеграционных объединений: Северная и Южная Америка, Европа, Азия.

5. Обострение глобального конфликта «Север — Юг».

6. Национальные программы борьбы с коронавирусной инфекцией.

7. Самоизоляция государств и ее последствия:

– экономические;

– политические;

– социальные.

8. Китай в борьбе с пандемией и ее последствиями:

– национальная программа борьбы с пандемией;

– экономические последствия;

– международные экономические программы Китая в условиях глобальной пандемии и их перспективы;

– обострение китайско-американских торговых и политических противоречий.

9. Пандемия в странах Азии и Африки:

– Северо-Восточная Азия;

– Юго-Восточная Азия;

– Индия и Южная Азия;

– Израиль и Ближний Восток;

– Африка.

10. Россия и СНГ: последствия и уроки пандемии.

11. Геополитические вызовы национальной безопасности России в условиях глобальной пандемии.

О.Ю. Адамс

«Две сессии» — 2021: достижения и новые направления антикоррупционной работы в КНР

В отчетном докладе председатель Верховного народного суда Чжоу Цян отметил, что в 2020 г. судами всех уровней было рассмотрено 22 тыс. дел о коррупции, взяточничестве и пренебрежении служебными обязанностями. Глава Верховной народной прокуратуры КНР Чжан Цзюнь подчеркнул, что органы прокуратуры уделяют особое внимание борьбе с нарушениями дисциплины и закона работниками правоохранительных органов. В течение 2020 г. были рассмотрены случаи злоупотребления властью 1550 представителями закона всех уровней. Из них 346 были привлечены к уголовной ответственности.

Член Народного политического консультативного совета Китая, заместитель председателя Народного суда Шэньси Гун Фувэнь в прениях по докладу подчеркнул, что вынесение смертной казни наказания с отсрочкой на 2 года Чжао Чжэнъюну и приведение в исполнение высшей меры наказания в отношении Лай Сяомина подтверждает «непреклонное намерение продолжать наказывать политические и экономические проступки, которые тесно переплетены в уголовных делах о коррупции».

Бывший секретарь партийной организации провинции Шэньси и председатель провинциального собрания народных представителей Чжао Чжэнъюн был признан виновным в злоупотреблении служебным положением в 2003–2017 гг. для выдачи разрешений на строительство, одобрении других бизнеспроектов, а также «оказания услуг посторонним лицам в принятии и продвижении по службе». В качестве вознаграждения за незаконные действия им было получено 717 млн юаней. Чжао пожизненно лишен политических прав, его имущество конфисковано, после завершения 2-летней отсрочки приговора он будет пожизненно лишен свободы без возможности пересмотра дела. Лай Сяомин — бывший председатель Фонда управления активами «Хуажун», был признан виновным в получении взяток на сумму 1,8 млрд юаней, что «нанесло значительный ущерб государственной финансовой безопасности и стабильности».

В своем докладе глава Верховной народной прокуратуры также уделил большое внимание «созданию мощной антикоррупционной силы», которая включает надзорные, прокурорские и судебные органы. Их тесное сотрудничество — необходимое условие успеха. Также подчеркивалась необходимость дальнейшего развития международного сотрудничества в борьбе с коррупцией: выдаче преступников,

скрывающихся за пределами страны, и возвращении похищенных ценностей. В 2020 г. судебные органы Китая впервые рассматривали и выносили решения по делам о коррупции заочно — в отсутствие обвиняемых, скрывающихся за границей.

Т. Е. Арсанова

ЮНЕСКО на Ближнем Востоке в условиях пандемии

Совершенно очевидно, что пандемия COVID-19 нанесла серьезный урон всем сферам жизнедеятельности человека. Не стала исключением и область образования. Как отмечает ООН, произошел крупнейший за всю историю сбой в образовательных системах. Случившийся кризис еще более обострил существовавшие проблемы и выявил новые, затронув 190 стран мира. С точки зрения образовательных потерь наиболее уязвимыми оказались категории детей, молодых людей и взрослых, которые проживают в бедных или сельских районах, беженцы, инвалиды. Наиболее сильно пострадало население стран с низким уровнем дохода.

Для оперативной и скоординированной поддержки стран в период нарушения образовательного процесса по причине закрытия школ в связи с пандемией COVID-19 ЮНЕСКО сформировала Глобальную коалицию по вопросам образования. Главной целью этого партнерства, которое объединило международные организации, частный сектор, средства массовой информации и представителей гражданского общества, было предоставление возможностей непрерывного и справедливого образовательного процесса для всех стран с учетом потребностей каждой из них в сложившихся чрезвычайных обстоятельствах.

22 октября 2020 г. ЮНЕСКО провело внеочередное глобальное совещание по вопросам образования. Главы государств и правительств всех континентов, министры образования выразили намерение сохранить финансирование образования в период пандемии и после нее. При этом страны с низким уровнем дохода сократили расходы на образование уже с начала пандемии.

В странах Ближнего Востока, по данным глобального мониторинга, где и ранее около 13 млн детей и молодых людей не посещали школу из-за конфликтов, проблема непосещения школы коснулась более чем 100 млн учащихся. В этой связи Региональное бюро ЮНЕСКО по образованию в арабских странах (Бейрут) совместно с кластерными бюро региона приняли ряд мер, призывая смягчить воздействие пандемии на сферу образования. Была сформирована

региональная рабочая группа по разработке плана реагирования на кризис в арабских странах при активном участии министерств образования.

ЮНЕСКО совместно с ЮНИСЕФ и Всемирным банком подготовило доклад по итогам обзора национальных ответных мер в области образования в связи с пандемией. В опросе, проведенном в период с июня по октябрь 2020 г., приняли участие около 150 стран.

Согласно докладу, именно страны с низким уровнем дохода имели меньше шансов получить доступ к дистанционному обучению; в четверти стран школы открылись позднее, чем было запланировано; в 40 % стран с низким уровнем дохода объем финансирования на образование уже сократился; в четверти стран с низким уровнем дохода контроль за уровнем успеваемости вовсе не осуществлялся; в трети стран никакой поддержки лицам с ограниченными возможностями не оказывалось.

Вместе с тем результаты опроса показали, что почти все страны предприняли соответствующие меры и использовали различные методы дистанционного обучения; в большинстве стран доступ обучающихся к онлайн-сервисам был организован с помощью мобильных телефонов или посредством предоставления доступа к интернету по нулевой или субсидируемой стоимости; чуть более половины стран получили методические инструкции по дистанционному обучению. И только в странах с высоким уровнем дохода было организовано психологическое консультирование.

Поскольку проблема в обучении детей и подростков в странах с низким уровнем дохода наблюдалась и до пандемии, ждать каких-либо изменений в столь критической ситуации, как пандемия коронавируса, не приходится. При этом разрыв между странами с низким и высоким доходом может еще увеличиться и достичь критических значений.

На данный момент можно констатировать тот факт, что пандемия усугубила проблемы, существующие в области образования, но вместе с тем необходимо признать роль ЮНЕСКО в улучшении глобальной координации в области образования в сложившихся беспрецедентных обстоятельствах, а также то, что кризис послужил стимулом для развития инноваций и формирования новых подходов в сфере образования.

Литература

[1] https://ar.unesco.org/fieldoffice/beirut (accessed February 1, 2021).

Ян Ван

Цифровизация высшего образования: российско-китайский опыт

Китайская система высшего образования активно интегрируется в мировую систему. Современный Китай развивает и расширяет российско-китайское сотрудничество в области образования. КНР занимает первое место в мире по количеству граждан, направляемых на учебу за границу. Также растет количество иностранцев, получающих образование в КНР.

Признав образование стратегически важным для социально экономического развития страны, китайское правительство выбрало курс развития народного образования: «В развитии образования — лицом к модернизации, к внешнему миру, к будущему».

Благодаря цифровой революции, прежде всего в экономике, возникают новые направления и профессии, новые запросы, а у системы образования появляются новые возможности.

В цифровизации образования двух стран много общего, причем в обоих случаях на государственном уровне признается ее важность, с ней связывают рост доступности и качества образования.

В образовании наших стран наблюдается использование новых технологий, онлайн-формата, облачных технологий, больших данных, искусственного интеллекта и других новаций. При этом выдвигается задача в условиях цифровой трансформации сохранить необходимую традиционность как системы образования, так и в широком национально-культурном понимании особенности развития стран. Особенно важно в связи с последним тезисом, что основной задачей для экономической стратегии государств является не рост валового внутреннего продукта, а развитие, способствующее обеспечению социальных, экологических и гуманитарных приоритетов в наших странах.

Глобальные изменения и разразившаяся коронавирусная пандемия существенно ускорили многие процессы, меняя современные реалии. Касается это и цифровой трансформации системы образования. Цифровизация направлена на стимулирование сферы образования, стимулирование образовательных услуг. Конечно, цифровизация — это новый вектор, цифровые технологии начинают играть ключевую роль в стимулировании всех сфер жизнедеятельности обществ, повышении конкурентоспособности экономики многих стран и систем образования, особенно высшего. Должны развиваться инновации, цифровые платформы.

Важная задача — это и повышение результативности, эффективности системы образования, способность на новом уровне решать

проблемы повышения качества обучения и воспитания. Для решения данной задачи специалистами формируется персонализированно-результативное направление, что на практике означает переход к персонилизированно-результативнной деятельности.

В этих целях РФ и КНР реализуют масштабные программы и проекты. Цифровизация рассматривается как основа успешной реализации других национальных программ, а развитие цифровых технологий предполагает мультипликативный эффект для развития в целом. Роль высшего образования в этой связи существенно возрастает.

Национальные стратегии цифровизации обязательно должны учитывать образовательный аспект. Необходимо разработать целостную концепцию цифровизации образовательной сферы, которая должна включать формулировку конкретных, а не декларативных целей и задач; структурную цифровизацию, разработать систему целевых показателей и индикаторов для оценки объективности измерения достигнутых значений и их отличий от предыдущих.

Е.С. Васецова

Сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики в борьбе с терроризмом

Российская Федерация и КНР имеют богатый опыт двустороннего сотрудничества в области борьбы с терроризмом. В основе сотрудничества сторон лежит нормативно-правовая база, свидетельствующая о том, что отношения между Москвой и Пекином находятся на беспрецедентно высоком уровне. Российско-китайское коммюнике, подписанное в сентябре 2003 г., содержит соглашение о совместном противодействии международному терроризму, этническому сепаратизму и религиозному экстремизму [1]. Нормативно-правовая база российско-китайского сотрудничества в области борьбы с терроризмом регулярно дополняется и совершенствуется. Неизменной остается приверженность сторон принципу невмешательства во внутренние дела друг друга и третьих государств.

Важнейшим событием в деле укрепления нормативно-правовой базы двустороннего сотрудничества стало подписание Соглашения о создании правовой базы двустороннего контртеррористического сотрудничества (27 сентября 2010 г.). Россия ратифицировала данный документ в ноябре 2016 г. На приведение законодательств России и Китая в данной сфере к необходимому единообразию потребовалось шесть лет напряженной работы. Соглашение является уникаль-

ным документом, в рамках которого стороны предусмотрели тесную работу спецслужб в противодействии терроризму. Москва и Пекин договорились обмениваться информацией об источниках и каналах финансирования террористической деятельности, установили нормы по содействию в расследовании уголовных дел по запросу одной из сторон, определись с проведением регулярных встреч и консультаций, совместных мероприятий в приграничных районах, условились о развитии научно-исследовательской деятельности, обмене техникой [1].

Сторонам удалось создать систему антитеррористической деятельности. Перечислим основные меры, реализуемые в рамках данной системы: осуществление пограничного контроля, патрулирование границ; борьба с источниками финансирования террористической деятельности; обмен информацией; противодействие кибертерроризму; борьба с террористической пропагандой в сети Интернет; развитие научно-практического сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом; проведение регулярных антитеррористических военных учений; установление контактов и их поддержание на уровне руководства соответствующих органов РФ и КНР; развитие двусторонних отношений в области борьбы с терроризмом в рамках международных межправительственных и региональных организаций.

Пандемия COVID-19 не помешала развитию сотрудничества сторон в области борьбы с терроризмом. Укрепление взаимодействия Москвы и Пекина в данном вопросе осуществлялось в рамках деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Заседание Совета глав государств — членов ШОС было проведено 10 ноября 2020 г. в онлайн-формате под председательством Президента Российской Федерации В.В. Путина. Российская и китайская стороны отметили важность процесса межафганского урегулирования, расширения сотрудничества с Афганистаном в области борьбы с террористической угрозой, усиления работы контактной группы «ШОС — Афганистан».

В результате проведенного заседания Совета глав государств — членов ШОС было принято Заявление о противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет [2]. Приоритетной задачей стороны обозначили наращивание совместных усилий в целях эффективной борьбы с терроризмом, использованием террористами сети Интернет. Согласно Заявлению, деятельность стран — участниц ШОС направлена на создание атмосферы мирного, ответственного и безопасного использования сети Интернет, категорического отторжения террористических, сепаратистских и экстремистских идей. Стороны отметили важность осуществляемого по линии Региональной антитеррористи-

ческой структуры ШОС обмена информацией о выявленных в сети Интернет материалах, пропагандирующих террористическую, сепаратистскую и экстремистскую деятельность, и выступили за углубление сотрудничества между компетентными органами в рамках Региональной антитеррористической структуры ШОС в данной сфере.

Литература

[1] *Никитин К.* Сенаторы одобрили совместную борьбу России и Китая с терроризмом. 14.11.2016. URL: https://www.pnp.ru/politics/2016/11/14/senatory-odobrili-sovmestnuyu-borbu-rossii-i-kitaya-s-terrorizmom.html (дата обращения 02.02.2021).

[2] Заявление Совета глав — государств ШОС о противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет. 10.11.2020. URL: 1084438.pdf (sco-russia2020.ru) (дата обращения 02.02.2021).

Д.В. Жигульская

Консервативный нарратив в современной политике Партии справедливости и развития в Турции

В раннереспубликанский период в Турции не существовало политической оппозиции, в связи с этим консервативная мысль в стране долгое время была вытеснена из общественной жизни. Только с установлением режима многопартийности и приходом к власти Демократической партии (ДП) консерваторы смогли открыто заявить о себе. Так, консервативная мысль в республиканской Турции заняла видное место в политике страны в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Однако политическое давление раннереспубликанского периода до сих пор является важным источником политической риторики для консерваторов.

Консервативный нарратив в турецкой политике был сформулирован исламистами, традиционалистами и частью националистов. Это был конкурирующий с официальным дискурс, стремящийся предложить новое прочтение истории позднеосманского и раннереспубликанского периодов. Консервативная философия заключала в себе критику османской модернизации, младотурецкого движения и Мустафы Кемаля Ататюрка.

Консервативная мысль в Турции видоизменялась на протяжении XX–XXI вв. под влиянием исторических и общественных событий. При этом ее важнейшей составляющей стоит считать религиозную. Еще одна отличительная черта турецкого консерватизма — связь с национализмом. Например, концепция *турецко-исламского синте-*

за может быть воспринята как традиционалистская интерпретация национализма. Консервативная политическая культура и сегодня продолжает быть движущей силой политики правого крыла в Турции. Ее наиболее ярким актуальным проявлением можно считать деятельность правящей Партии справедливости и развития (ПСР), пришедшей к власти в стране в 2002 г.

Так, в докладе приводится анализ политической риторики лидеров ПСР, которую можно охарактеризовать как попытку переосмысления и реинтерпретации османского прошлого. В этой связи подробно исследуется роль философии Неджипа Фазыла Кысакюрека (1904–1983) — идеолога консервативной мысли в республиканской Турции, оказавшего существенное влияние на руководство ПСР в его стремлении создать новую посткемалистскую Турцию. Кысакюрек распространял свои взгляды с помощью журнала «Большой / Великий Восток» (тур. Büyük Doğu), который издавался с перерывами с 1943 по 1978 г. Идеолог консервативной мысли широко известен своей критикой слепого подражательства Западу, начавшегося, согласно его взглядам, в эпоху *Танзимата* и спровоцировавшего культурный и нравственный кризис в обществе. В роли идеальной цивилизации он видел цивилизацию ислама с присущими ей социальными и политическими нормами. Кысакюрек восхвалял султана Абдулхамита II и изображал его как героя, альтернативного Ататюрку. Примечательно, что личность этого султана до сих пор занимает центральное место в консервативном нарративе ПСР, нередки сравнения Р.Т. Эрдогана с султаном.

Справедливо утверждать, что руководство ПСР прилагает усилия для создания новой турецкой идентичности и национальной истории, основываясь и переосмысляя идеи Неджипа Фазыла Кысакюрека. Этот процесс борьбы за формирование новой общественной культуры может иметь самые разнообразные и далеко идущие политические последствия.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-636.2020.6.

Н.С. Кулешова

Миграции в условиях политической неопределенности

Условия современной глобализации формируют специфические тенденции миграционных перемещений. Миграции существенно влияют на краткосрочные и среднесрочные прогнозы развития госу-

дарств, что во многом актуализирует необходимость их исследования. Объем современной внешней миграции сопоставим с естественным приростом населения, и поэтому миграцию следует считать одним из главных факторов неопределенности будущего.

Количественные оценки миграционных процессов помогают понять масштабы миграции и оценить социально-политические последствия страны исхода и назначения.

Миграционные процессы влияют на динамику численности населения, демографические характеристики, национальный и религиозный состав, экономическую ситуацию; сегодня их рассматривают в контексте безопасности — политической, социальной, экономической.

В настоящее время в условиях пандемии COVID-19 отмечается сложность получения статистики миграции, социальной и демографической статистики. Эпидемия коронавируса, введенные карантинные меры, постпандемийный период серьезнейшим образом влияют на положение мигрантов в различных странах.

В этой связи отсутствие количественных показателей миграции не позволяет строить корректные прогнозы, оценивать последствия и риски миграций, что крайне важно учитывать в реализуемой политике социальной поддержки населения. Новые вызовы требуют изменений в управлении миграциями.

Многократные попытки ученых теоретического осмысления миграционных процессов и их типологизации (первым из которых был В. Зомбарт) должны быть дополнены изучением миграций на таком специфическом этапе нашего развития, как пандемия, что позволит не только оценить совокупное число мигрантов (или миграций) в течение определенного отрезка времени по различным параметрам, но и рассмотреть сложный общественный разнонаправленный процесс, который вызывает разноуровневые социальные изменения и имеет характер долгосрочного влияния на социально-экономическое развитие. Условия пандемии определяют наряду с экономическим аспектом проблемы ее социально-политическую заостренность.

Мы столкнулись с ситуацией введенного механизма неравномерного развития — экономические, социально-политические последствия имеют различный масштаб для стран с разным уровнем развития. Сегодня политические риски пандемии сложно оценить, но ее влияние на социально-политическую стабильность внутри государств не вызывает сомнений. Множество факторов оказывают и будут оказывать негативное влияние на устойчивое развитие, формирование тенденций и качественных характеристик человеческого капитала. Безработица среди мигрантов, возросшая в условиях пандемии, служит одним из

детерминантов преступности. Экономические трудности пандемийного этапа формируют рост теневой составляющей рынка труда.

Безусловно, миграционная политика должна быть направлена на стимулирование притока трудоспособного населения, но с учетом возникающих при этом проблем социально-политического характера.

Миграции представляют собой процесс непосредственного реагирования населения на резко изменяющуюся экономическую или социально-политическую ситуацию в местах проживания, но связанное с миграцией напряжение в принимающем обществе не должно превратиться в «выталкивающий» фактор для местного населения.

Таким образом, для современных обществ — «обществ риска» — этап пандемии выступает дополнительным фактором влияния на социально-политическую стабильность. Особенность современного этапа заключается в большой неопределенности рисков.

Е.А. Кутовая

Индо-Пасифика и страны АСЕАН

Авторство концепции «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион», как известно, принадлежит бывшему премьер-министру Японии Синдзо Абэ, провозгласившему ее в 2007 г. Ставшая достоянием гласности американская стратегия вырабатывалась в течение 201 7г. и была официально провозглашена президентом США в 2018 г. Одновременно в политический оборот было введено название Quad, подразумевающее формат сотрудничества четырех государств: США, Японии, Австралии и Индии. Речь шла о налаживании тесного сотрудничества между четырьмя государствами в геополитическом пространстве Индо-Тихоокеанского региона. Главная цель формирования Quad — политическое и военно-стратегическое сдерживание Китая.

Представители АСЕАН выступают против жесткого противостояния США и Китая в регионе, стремятся поддерживать баланс в отношениях с США и Китаем. При этом американо-китайская торговая война уже нанесла большой ущерб экономике стран региона. С Китаем у стран Ассоциации налажены тесные торгово-экономические связи, он является крупным инвестором в экономику региона. Сильное давление на Китай со стороны четверки Quad членами Ассоциации не поддерживается. Администрация Байдена подтвердила свою приверженность концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». США традиционно осуществляют свое влияние в регионе через двусторонние и многосторонние системы безопасности со своими союзниками и партнерами. Заметно повысился уровень отношений

США с Мьянмой, Камбоджей, Индонезией и Вьетнамом в областях нетрадиционной безопасности (здравоохранение, гуманитарная помощь, энергетика, окружающая среда, трансграничная преступность, морская сфера). В то же время следует отметить, что американское участие в регионе сфокусировано преимущественно на проблемах безопасности.

По поручению членов АСЕАН индонезийскими внешнеполитическими стратегами была разработана концепция «Взгляд АСЕАН на Индо-Пасифику». Ее авторы отмечают, что она основывается на четырех столпах:

1) подход к Азиатско-Тихоокеанскому региону и региону Индийского океана не только как к смежным регионам, а как к тесно интегрированному и связанному пространству, где центральную и стратегическую роль играет АСЕАН;

2) развитие и процветание для всех;

3) признание важности морского сотрудничества и строительства региональной архитектуры;

4) возможность сотрудничества с другими региональными институтами.

На саммите АСЕАН в Бангкоке в 2019 г. концепция «Взгляд АСЕАН на Индо-Пасифику» была принята его участниками. В целом поддерживая тему «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», государства АСЕАН не могут не выражать озабоченности возможной потерей принципа асеаноцентричности, которой Ассоциация обладает в многосторонних форумах региона, таких как Региональный форум АСЕАН (АРФ), Восточно-Азиатские саммиты (ВАС), Совещание министров обороны с партнерами (СМОА+). Несмотря на заверения участников Quad в обратном, такая возможность вполне реальна.

Интересно отметить, что с тремя участниками Quad (США, Индией и Японией), а также с Китаем у Индонезии подписаны соглашения о всеобъемлющем стратегическом партнерстве.

За последние годы можно говорить об определенном росте интереса к сотрудничеству стран Quad. Появилась площадка Quad+, намерение о своем участии в ней заявили Новая Зеландия, Республика Корея, а также член АСЕАН — Вьетнам. К концепции Индо-Пасифика проявляют интерес Великобритания, Германия, Франция.

В то же время не могут не настораживать те направления, которые предлагаются для реализации деятельности данного формата. Они включают повышение совместимости флотов и войск, взаимодействие в сферах коммуникации и логистики, борьбу с терроризмом, обмен

разведданными, обеспечение кибербезопасности и др. Речь может идти о появлении «азиатского НАТО». Совместные военные учения и морские операции уже проводятся.

В пространстве Quad АСЕАН непросто определить свое место. Асеановцы по-прежнему придерживаются принципа поддержания баланса в своей политике. Члены Quad — Япония и Индия — призывают страны АСЕАН к более тесному вовлечению в Индо-Тихоокеанскую повестку.

Со стороны государств АСЕАН на разных уровнях звучат призывы к России принимать более активное участие в делах региона, повысить уровень российской «мягкой силы».

И.Л. Лилеев

Новые аспекты политики ЕС в Африке в XXI веке

Политика Европейского Союза в отношении африканских стран во второй половине 1920-х годов обусловлена глобальными изменениями геополитического характера в том числе и меняющейся ролью африканских стран на мировой арене. Здесь все более явственно звучит тезис о пересмотре сложившейся на протяжении десятилетий модели европейско-африканского общения по типу «богатого господина» и «бедного иждивенца», стремлению Африки по крайней мере в лице своих наиболее развитых экономически государств — инициаторов программы Нового партнерства для развития Африки (НЕПАД) видеть себя в качестве равных партнеров с европейскими странами, развивая взаимовыгодное партнерство. Для этого у государств Африки есть сегодня и определенные объективные основания.

Здесь достаточно оценить демографические прогнозы в отношении континента. По данным экспертов ООН, к середине XXI в. население Африки составит 2,5 млрд человек, или 26 % общемирового населения, а к 2100 г. — уже 4,8 млрд, или 40 % жителей Земли. Если три десятилетия назад эти прогнозы звучали бы для Африки фатально с учетом показателей голодной смертности и смерти от болезней в беднейших регионах континента, то сегодня успехи в борьбе с детской смертностью дают возможность оценивать будущее континента с оптимизмом.

Речь идет в первую очередь о востребованности Африки в качестве главного потенциального рынка трудовых ресурсов на планете. Как известно, логика любого предпринимателя сводится к стремлению произвести товар там, где это можно сделать максимально дешево, а продать там, где это можно сделать максимально дорого. Соответ-

ственно, единственный регион Земли, где имеется значительный резерв дешевой рабочей силы, способной работать на промышленных предприятиях, в том числе и сборочных, — это именно Африка. Кроме того, значительную часть экспорта большинства африканских стран составляют сырьевые товары. А это сулит континенту невиданные ранее перспективы. По мнению экспертов ООН, начиная с 2030-х годов Африка превратится в наибольший (а можно сказать, и уникальный) глобальный стратегический резерв источников сырья в рамках грядущей новой технической революции. Дело в том, что африканский континент занимает сегодня ведущие позиции в мире именно по экспорту тех сырьевых товаров, которые не имеют аналогов и жизненно необходимы для развития оборонных и инновационных технологий в XXI в. Иными словами, целый ряд металлов, импортируемых авангардными экономиками мира для новых технологий, такие как кобальт, литий, ниобий, колтан, иридий и др., приобретают особую стратегическую значимость, а это значит, что африканский континент получит значительные финансовые средства для потенциального развития. Это делает континент инвестиционно привлекательным, ведет к росту валового внутреннего продукта с невиданными ранее темпами до 7 % ежегодно, а это означает, что у Европейского Союза появляются здесь опасные конкуренты. Первым из них, безусловно, стоит считать Китай, уже не одно десятилетие вкладывающий все большие средства в экономику «черного континента».

Все это наряду с возрождением в глобальном масштабе влияния «черного императива» на внутреннюю политическую жизнь не только США, но и всего коллективного «квазисевера» позволяет уже нынешнему руководству ведущих африканских стран, Африканскому союзу как консолидированному голосу африканского сообщества государств выступать не в качестве объекта, а в качестве влиятельного субъекта международных отношений, формируя и реализуя политику в отношении ЕС с собственными приоритетами и разработанными стратагемами. Это соответствует и ментальному настрою нового поколения африканских лидеров, которых называют сегодня «поколением гепардов».

В отличие от своих предшественников, которых в Африке называют «поколением гиппопотамов» — несменяемых десятилетиями политических лидеров, грабивших путем откатов свой народ в условиях авторитарного правления и диктаторский политических моделей и присваивавших себе международную помощь «на бедность», новые руководители видят мир уже несколько иначе. Эти молодые лидеры, получившие хорошее образование в Европе или США, мыслят уже

совершенно иными категориями в сфере экономики и политики. Они, как правило, искренне заинтересованы в реализации разработанных и реализуемых сегодня стратегий развития своих государств, готовы работать на благо своих народов, не забывая в разумных пределах и о своем интересе.

Конечно, вся эта вдохновляющая картина могла бы говорить о совершенно новой странице истории Африки и ее большом будущем и настоящем, если бы не одно существенное «но»: сегодняшние успехи даже в наиболее экономически развитых африканских странах мало повлияли на уровень жизни самих африканцев и особенно наиболее бедной их части. Без помощи извне многим африканским странам не обойтись и по сей день. ЕС был и остается крупнейшим источником такой помощи. На государства Евросоюза приходится 56 % всей мировой официальной помощи развитию (ОПР) Африке. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, ежегодно Африка получала по этой линии около 25 млрд евро. Эта работа по предоставлению помощи совпадает и с глобальным трендом общемировых финансовых институтов (в частности, Всемирного банка) по борьбе с бедностью как главной цели своей деятельности. Столь же значительное место уделяется этой тематике в ходе реализации разработанных в последние годы во многих африканских странах национальных стратегий развития и во взаимодействии на «межконтинентальном уровне». С начала XXI в. на регулярных встречах ЕС — Африка тема борьбы ЕС с бедностью традиционно занимает одно из основных мест. 9 марта 2020 г. Европейская комиссия (ЕК) и верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Урсула ванн дер Ляйн представили Сообщение «ЕС на пути к всеобъемлющей стратегии в отношениях с Африкой» [1], которое должно послужить основой для новой стратегии Евросоюза. Слово было подкреплено и делом и в трагический период распространения COVID-19.

Уже в апреле 2020 г. ЕС выделил около 20 млрд евро на помощь развивающимся и наиболее уязвимым странам и регионам мира в связи с пандемией (3,25 млрд предусмотрено при этом для стран Африки).

По мнению российской ученой Л.Б. Биссон, «глобальный ответ ЕС на COVID-19» представляет собой реализованный внешнеполитический интерес реагирования Евросоюза на гуманитарный и экономический кризис, вызванный распространением коронавирусной инфекции. Здесь можно выделить две главные стратегические цели этого глобального ответа: во-первых, это демонстрация единства и солидарности внутри Евросоюза, что отражено в подходе в рамках

программы «Команда Европы». Последнее представляет собой сбор средств в единую кассу как со стороны структур ЕС, так и дополнительно со стороны отдельных европейских государств для помощи беднейшим государствам [2].

Все это говорит о неразрывности стратегий и устремлений ЕС в отношении Африки, носящих по-прежнему долговременный и стратегический характер.

Литература

[1] JOIN (2020) 4 final, Brussels, 09.03.2020. P. 1.

[2] *Биссон Л.Б.* Новая стратегия ЕС для Африки: в поисках подлинного партнерства // Современная Европа. 2020. № 3. DOI: 10.15211/soveurope320203950

И.А. Романова

Факторы формирования политической культуры Японии

Политическая культура — это присущий тому или иному сообществу людей набор характеристик, который включает в себя общую историческую память, идентичность, нормы и ценности, верования и предпочтения, социальные практики и обычаи. Формирование политической культуры Японии обусловлено множеством факторов. Прежде всего это ее географическое расположение, а точнее — островное. Замкнутость, закрытость, ощущение собственной страны как «дома», защищающегося от внешнего врага, — все это присуще японскому типу мышления. Далее климатические условия. Частые катаклизмы — тайфуны, цунами, землетрясения — выработали у японцев «адаптивное» и толерантное мышление, умение приспосабливаться к неизбежной действительности, дисциплинированность. Например, в политической сфере это выражается в законопослушании, стремлении играть по правилам, вырабатывать компромиссные решения.

Важным фактором формирования политической культуры Японии является религиозная традиция, играющая в определенные исторические отрезки времени развития японского государства роль идеологии. Древней и самобытной религией Японии, определившей в целом мировоззрение и мироощущение японцев, является синтоизм. *Синто* означает «путь богов». Основной смысл синтоизма заключается в почитании традиций и утверждении божественного происхождения японского императора, а также всего японского народа. В конце XIX в. в Японии сформировался «государственный синто» — по сути, нацио-

нальная идеология, которая устанавливала приоритет императорского дома и способствовала политической централизации государственной власти в Японии. После Второй мировой войны «государственный синто» был отменен, но в современной Японии он, по существу, лег в основу идеологии государственного национализма.

Буддизм, пришедший в Японию из Китая в VI в., также повлиял на формирование некоторых особенностей в политической культуре японцев, которые проявляются, например, в личной ответственности за содеянное, политике лавирования, гибкости.

Япония на протяжении всей своей истории испытывала влияние различных культур: сначала китайской, затем западной. В VI–VII вв. Япония экспортировала из Китая принципы организации общества и государства, буддизм, даосизм, конфуцианство, которые во многом оказали влияние на формирование политической культуры Японии. Проявление, например, конфуцианских идей мы можем наблюдать и в современной Японии, где и в семье, и на работе сохраняется почтение к старшим, иерархия в социальных и политических отношениях, которая проявляет себя в преданности вышестоящему, взаимное доверие и патернализм.

Коллективное, или групповое, мышление — *сюдан исики* — происходит из идеи о том, что все в мире взаимообусловлено и взаимосвязано, поэтому успех самого человека зависит от успеха группы, членом которой он является. В то же время японцы воспринимают мир как постоянно меняющуюся череду событий, что в политике, например, проявляется в отсутствии четкой политической линии. Ярким примером этого является, в частности, деятельность правящей Либерально-демократической партии (ЛДП). Программные установки ЛДП размыты, она не ориентирована на какой-то определенный электорат, пытается привлечь к своей деятельности самые различные слои населения.

На формирование политической культуры Японии большое влияние оказал Запад. Можно выделить три этапа интернационализации Японии, когда страна подверглась мощному натиску со стороны западных ценностей: эпоха Мэйдзи (1868–1912), когда Япония импортировала многие новшества европейской культуры; период после Второй мировой войны, когда страна, по сути, американизировалась; период конца XX — начала XXI в., когда Япония активно вступила в процесс глобализации и натиска так называемых универсальных ценностей. В каждый из этих периодов Япония заимствовала из западной культуры политические ценности, которые адаптировались к японским традициям и обычаям.

Все эти исторические события демонстрировали адаптивность японской культуры, способность Японии заимствовать чужие идеи и приспосабливать их к своим традициям. В результате возникли такие элементы японской политической культуры, как гармония *ва*, принципы коммуникации *ути* и *сото, амаэ*. Гармония *ва* означает стремление избегать конфликтных ситуаций и конфронтации, поэтому японцы ставят сотрудничество превыше конкуренции и всегда стремятся найти компромисс с противоположной стороной, поскольку, согласно принципам буддизма, благополучие человека зависит от благополучия его окружения. Также Японии, являющейся островной страной с длительной эпохой самоизоляции — *сакоку* — присуще разделение на *ути* (своих) и *сото* (чужих). Эти принципы ярко проявляются в современном японском обществе, где отношение, например, к иностранцам остается настороженным и где очень тяжело попасть внутрь «своей» группы человеку со стороны. Принцип *амаэ* (чувство зависимости от благожелательности других) проявляется внутри японского общества в том, как строятся социальные отношения. Общественные отношения строятся исходя из конфуцианского принципа иерархии — *оябун-кобун* — «отец», или «вышестоящий», и «дети», или «нижестоящие». *Амаэ* пронизывает эти отношения: «отец» должен заботиться о своих детях, а дети — подчиняться авторитету «отца». Принцип *амаэ* часто проявляется на международных переговорах, в которых участвуют японцы. В процессе переговоров японцы описывают существующие проблемы, ища понимания противоположной стороны. К примеру, будучи неспособным справиться в одиночку с проблемой похищенных Северной Кореей японских граждан, японский премьер Абэ Синдзо неоднократно поднимал эту проблему на международных переговорах, а также в приватных беседах с главами государств, в частности, с американским президентом Д. Трампом, ища с их стороны сочувствия и поддержки.

С институциональной точки зрения Япония в современном мире не имеет каких-то принципиальных отличий от западных стран. Страна усвоила и ввела в свою политическую жизнь систему разделения властей, в основе которой лежит принцип «сдержек и противовесов», систему многопартийности, процесс демократических выборов и пр. Однако если проанализировать работу этих демократических институтов, особенности их функционирования, то становится очевидным, что Япония наложила на них традиционные черты своей политической культуры. Например, можно отметить закулисное решение вопросов лидерами партийных фракций, которые в неформальной обстановке путем согласования вырабатывают определенные решения, уже после

этого официально принимаемые в парламенте. Можно сказать, что в Японии сложилась двуединая политическая культура: внешняя — западная и внутренняя — дальневосточная, чьи элементы органично взаимодействую друг с другом. Таким образом, в современном мире японская политическая культура продолжает сохранять элементы традиционализма на фоне продолжающегося проникновения в страну западных ценностей в условиях развивающегося активно процесса глобализации.

Литература

[1] *Рут Б.* Хризантема и меч: модели японской культуры М., 2004.
[2] *Пронников В.А.*, *Ладанов И.Д.* Японцы. М., 2008.
[3] Японский феномен. М., 2018.
[4] *Такэо Д.* Амаэ-но кодзо (Структура амаэ). Токио, 1971.
[5] *Тиэ Н.* Татэсякай-но нингэн канкэй (Человеческие отношения в обществе с вертикальными связями). Токио, 1967.
[6] *Richardson B.M.* The Political Culture of Japan. Berceley (Calif.), 1974.

Д.А. Смирнов

Особенности социально-политического развития Тайваня как результат эволюции тайваньского общества в XX веке

В период японской оккупации острова происходила ускоренная интеграция тайваньского социума в японскую империю. Полувековое колониальное управление японцев оставило значительный след в культуре и менталитете жителей острова, свыше половины которых в 1940-е годы владело японским языком.

После капитуляции японских войск остров на короткое время вернулся под власть правительства Китая, проявлявшего недоверие к тайваньцам в силу той роли, которую играл Тайвань в качестве опорной базы японской армии. Это отношение наглядно проявилось во время трагических событий в феврале 1947 г. и последовавшего за ними введения на острове длившегося 40 лет режима чрезвычайного положения, что положило начало системе социально-политической дискриминации гоминьдановскими властями коренного населения острова.

После эвакуации на Тайвань остатков гоминьдановской армии и аппарата органов власти переселившиеся туда около двух миллионов выходцев из материкового Китая составили социальную опору диктатуры Гоминьдана, при которой сохранялось неравноправное положение коренного населения. Этому способствовала мобилизационная политика властей, нацеленная на подготовку к вооруженному

«возвращению» в Китай, сопровождавшаяся усиленной «китаизацией» образования и культуры и подавлением любых проявлений тайваньской идентичности, что сохраняло в латентном состоянии главное внутреннее противоречие на острове — между обладавшими всей полнотой власти выходцами с материка и коренными тайваньцами.

Процесс демократизации Тайваня был обусловлен, на наш взгляд, сочетанием ряда факторов: формированием в ходе проведения индустриализации и модернизации экономики массового среднего класса, прежде всего из представителей коренного населения; неуклонно нараставшим с 1970-х годов движением тайваньской интеллигенции за демократические права и свободы; влиянием общемирового подъема движения за демократию в 1970–1980-е годы, завершившегося крахом мировой системы социализма во главе с Советским Союзом и событиями на площади Тяньаньмэнь в Китае, а на Тайване — отменой закона о чрезвычайном положении, открывшей процесс демократизации политической системы Тайваня. Последний фактор (а может, и первый по значимости) — сосредоточенность руководства Коммунистической партии Китая (КПК) в тот период на решении задач четырех модернизаций, сопровождавшимся выдвижением в отношении Тайваня курса «одно государство — два строя» и последующим вовлечением тайваньского капитала в экономику материкового Китая, что отодвинуло на неопределенное время угрозу военного решения «тайваньской проблемы». В то же время демократизация стала рассматриваться на Тайване в качестве важного преимущества в политико-идеологическом соперничестве с КПК и, по сути, дополнительного препятствия для воссоединения с материковым Китаем под предлогом «недемократичности» правления КПК.

В процессе демократизации Тайваня сформировался механизм сменяемости партий у власти в рамках фактически двухпартийной системы, выражающей интересы основных групп населения — коренных тайваньцев, выходцев с материка и их потомков, жителей богатого Севера и менее развитого Юга острова. При этом старое противоречие между пришельцами с материка и коренными жителями в значительной мере было разрешено, но вряд ли до конца (с учетом финансово-экономической составляющей этой проблемы и ряда других факторов). Чередование Гоминьдана (Китайской националистической партии, ГМД) и Демократической прогрессивной партии у власти влечет за собой разнонаправленные векторы политики в межбереговых отношениях и в проводимой ими внутренней политике, в которой «тайванизация» сменяется «китаизацией» и наоборот. На это накладывается проблема обострения социальных противоречий

вследствие мирового финансово-экономического кризиса последних лет, несомненно, повлиявшего и на политическую ситуацию на острове, характеризующуюся значительной активизацией протестного молодежного движения и выходом на политическую арену его лидеров и новых политических сил. Это происходит на фоне постоянно усиливающегося в последнее время военно-политического давления со стороны материкового Китая.

А.Л. Стремовская

Роль цифровой дипломатии в современных международных отношениях

В последние годы в современных международных отношениях растет значимость цифровой дипломатии. Как пишет К. Бьиола (C. Bjola), цифровую дипломатию можно понимать как «использование социальных сетей в дипломатических целях» [1]. В настоящее время цифровая дипломатия включает не только использование социальных сетей, но и коммуникацию с использованием таких платформ как, например, Zoom, Skype и Google Meet. К. Бьиола отмечает, что «внедрение цифровой дипломатии… может изменить практику участия дипломатов в управлении информацией, публичной дипломатии, выработке стратегии, международных переговорах или даже управлении кризисом» [1].

Пандемия COVID-19 еще больше поспособствовала развитию цифровой дипломатии. Как пишут авторы доклада Twiplomacy Study 2020, «дипломатия стала по-настоящему цифровой» [2]. В 2020 г. даже такие крупные мероприятия, как сессия Генеральной Ассамблеи ООН и саммит АСЕАН прошли в режиме онлайн.

В докладе Twiplomacy Study 2020, опубликованном в июле 2020 г., аналитики компании Burson Cohn & Wolfe изучили тенденции, связанные с использованием Twitter мировыми лидерами в первой половине 2020 г. На момент публикации доклада у правительств и лидеров 189 стран были страницы в Twitter, что составило «98 процентов от 193 государств — членов ООН» [2, с. 2]. Только у правительств четырех стран не было страниц в Twitter — Лаоса, Северной Кореи, Демократической Республики Сан-Томе и Принсипи, а также Туркменистана [2, с. 2]. Кроме того, в отчете отмечается наличие личных страниц в Twitter у глав государств и правительств 163 стран и 132 министров иностранных дел [2, с. 2].

Развитие цифровой дипломатии также сопряжено с вопросом поддержания дипломатического престижа. Как пишут И. Манор

и Дж. Пэммент (I. Manor & J. Pamment), проанализировавшие страницы 67 министерств иностранных дел и 33 представительств стран в штаб-квартирах ООН в Нью-Йорке и Женеве в Twitter, «традиционные маркеры дипломатического престижа» не всегда «автоматически переходят в онлайн», и необходимы значительные усилия «для поддержания престижа» в интернете [3, с. 93].

Вместе с тем наряду с развитием цифровой дипломатии острой становится проблема влияния «цифровой дезинформации» на дипломатическую практику [4, с. 93; 5]. Для решения данной проблемы предпринимаются определенные меры. Так, министерство иностранных дел Израиля и министерство иностранных дел Великобритании (теперь — министерство иностранных дел и международного развития Великобритании) создали подразделения для выявления ботов в социальных сетях и сайтов с недостоверной информацией. Помимо этого некоторые министерства иностранных дел делятся с другими странами опытом противодействия распространению ложных данных. Так, англичане обучают сотрудников подразделений, занимающихся цифровыми технологиями, министерств иностранных дел стран Балтии способам выявления и нейтрализации кампаний по дезинформации [4, с. 93].

Как пишет И. Манор (I. Manor), для концептуализации использования интернета в публичной дипломатии появились такие термины, как «публичная дипломатия 2.0», «виртуальная дипломатия», «сетевая дипломатия» и «цифровая дипломатия». Вместе с тем, по мнению данного ученого, «ни один из этих терминов полностью не охватывает влияние цифровых технологий» на публичную дипломатию [6]. Манор справедливо отмечает, что «цифровые технологии используются министерствами иностранных дел и дипломатами для достижения определенных дипломатических целей» [6]. Участники форумов в ООН «используют группы в WhatsApp для координации их голосов по различным резолюциям» [6]. Наряду с этим пресс-атташе общаются с журналистами посредством Twitter. Таким образом, заключает Манор, «цифровые технологии… используются для реализации дипломатической практики, но не являются формой “дипломатической практики”» [6]. В этой связи Манор предлагает использовать термин «цифровизация публичной дипломатии», под которым подразумевается длительный процесс, в котором, в частности, «цифровые технологии влияют на нормы, ценности, рабочие рутины и структуры дипломатических институтов» [6].

В заключение отметим, что на сегодняшний день мы наблюдаем процесс цифровизации публичной дипломатии, который, безусловно,

влияет на формирование международных отношений. Вместе с тем роль этого процесса в международных отношениях еще недостаточно изучена и необходимо проведение более глубоких исследований для выявления степени его значимости.

Литература

[1] Digital Diplomacy: Theory and Practice / eds. by C. Bjola, M. Holmes. Routledge, 2015. Kindle Edition.
[2] Twiplomacy Study 2020. Burson Cohn & Wolfe. July 20, 2020. Available at: https://twiplomacy.com/blog/twiplomacy-study-2020/ (accessed March 12, 2021).
[3] *Manor I., Pamment J.* Towards Prestige Mobility? Diplomatic Prestige and Digital Diplomacy // Cambridge Review of International Affairs. Vol. 32, no. 2. Pp. 93–131.
[4] *Bjola C.*, *Cassidy J.*, *Manor I.* Public Diplomacy in the Digital Age // The Hague Journal of Diplomacy. 2019. No 14. Pp. 83–101.
[5] Digital Diplomacy and International Organizations / eds. by C. Bjola, R. Zaiotti. Routledge, 2021. Kindle Edition.
[6] *Manor I.* The Digitalization of Public Diplomacy. Palgrave Macmillan, 2019. Kindle Edition.

Хазели Реза

Социально-политические последствия пандемии на рынке труда

Комплексный анализ международной трудовой миграционной ситуации, оценка реалий и перспектив трудовой миграции в Российской Федерации позволяют говорить о важнейшем влиянии пандемии и в этом направлении. Политико-статистический анализ внешней трудовой миграции по федеральным округам РФ за период 2017–2020 гг., оценка социальных перспектив и миграционных рисков подтверждают это.

Доказано, что массовая внешняя миграция в России позволяет избежать депопуляции населения, стабилизировать демографическое падение, является главным источником пополнения трудовых ресурсов, предотвращает спад в экономике в силу недостатка внутренних трудовых ресурсов, является важным стратегическим фактором развития человеческого потенциала для страны.

Совокупность положительных и негативных последствий миграции в современных политических условиях заслуживает предметного изучения.

Существуют различные подходы к оценке последствий трудовой миграции, выдвигаются различные показатели для оценивания (оче-

видно, что это должен быть комплексный показатель, учитывающий численность населения, долю и время проживания, степень участия мигрантов в различных сферах общественной жизни, т. е. он должен охватывать экономическое, социальное, культурное и политическое измерения). Хотя четко разделить виды последствий трудно. Например, трудовая миграция как экономический фактор может не только стимулировать рост какой-либо отрасли производства, но и влиять на социальную мобильность населения. Работающий мигрант может приобретать знания и опыт в профессиональной деятельности, что влияет на развитие человеческого капитала региона и субъекта.

Полномасштабное влияние пондемии COVID-19 еще предстоит оценить. Современную ситуацию обоснованно сравнивают с мировым кризисом. Закрытие границ между странами, экономический кризис, ограничение международной торговли, политические меры — все это не могло не отразиться на миграционных процессах. Сегодня отмечают «нелинейное» влияние пандемии на демографическую составляющую и, как следствие, на развитие человеческого капитала в странах исхода и в принимающих странах.

Российская Федерация остается крупнейшим государством по приему внешних трудовых мигрантов, что продиктовано необходимостью сохранения и развития экономической системы. В условиях демографических проблем, продолжающегося старения трудоспособного населения, естественной убыли населения, низкого коэффициента рождаемости, наличия огромных экономически неосвоенных территорий экономическая потребность во внешних трудовых мигрантах в ближайшие годы будет только возрастать. Так, анализ данных Федеральной службы государственной статистики показывает снижение коэффициента рождаемости в 2019 г. (10,1) по сравнению с 2018 г. на 0,8. Это подтверждает и оценка Росстата численности населения в России на 1 января 2021 г. — 146 171 015 в сравнении с показателем за 2020 г. — 146 459 803.

К последствиям пандемии следует отнести: негативные явления в экономике; рост безработицы; рост смертности; снижение рождаемости; усиливающуюся социально-политическую встревоженность населения; нестабильность, вызванную экономическими мерами в период пандемии (потеря работы); рост теневой занятости.

Анализ данных, учет различных сценариев развития российской политики и экономики позволяют оценить коронавирусную пандемию как фактор влияния на социально-политическую стабильность, на спрос на рабочую силу.

Чой Жае Дук

КНР во внешнеполитической стратегии Южной Кореи

Процесс становления многополярной международной системы будет небыстрым и наверняка продлится несколько десятилетий. Государства будут напрягаться в поисках наилучшей стратегии развития как всего человечества, так и отдельных стран.

Стратегия государства всегда направлена на успешное и устойчивое развитие общества, экономики, на обеспечение безопасности. Поэтому важное значение в государственной стратегии имеет выбор правильного вектора развития как внутренней, так и внешней политики, всегда представляется труднейшей задачей. Выбор вектора развития имеет в этом смысле стратегическое значение.

Дипломатические отношения между КНР и Республикой Корея были установлены в 1992 г. Хотя и до этого момента китайское направление сохраняло свою важность, между странами активно развивалась торговые отношения, однако официальный статус дипломатических отношений ускорил рост объемов торговли.

Китайский проект «Один пояс, один путь» (ОПОП) представляет собой геополитическую и геоэкономическую стратегию для создания богатой и влиятельной социалистической державы к 2049 г., включающую в себя заявку Китая на региональную гегемонию, возрождение синоцентризма и претворение в жизнь «китайской мечты», поиск практических решений для развития национальной экономики, установление дипломатических связей в качестве великой державы, обладание стабильными энергоресурсами и доминирование на море.

С точки зрения взаимодействия геополитики и геоэкономики необходимо обратить внимание на систематические последствия усиления Китая. Развитие КНР явно послужило катализатором экономической интеграции на региональном уровне в Восточной Азии.

Предложенные Си Цзиньпином стратегия ОПОП и создание большого интеграционного экономического пространства, соединяющего сухопутную часть Восточной Азии с морской, предоставят мировой экономике новые возможности на базе принципов совместных реформ, открытости экономики и сотрудничества со странами союзниками.

В марте 2019 г. 127 государств и 29 международных организаций подписали меморандум о сотрудничестве в рамках данной стратегии.

Выполнение стратегии также требует следования принципам совместных консультаций, совместного строительства и совместного использования. Стратегия ОПОП, с момента введения которой про-

шло уже пять лет, на 2017 г. насчитывает 200 тыс. судебных исков, связанных со спорами по поводу нарушений договора и распределения прибыли.

Росту влияния Китая могут противостоять США и Россия, в противном случае это сделают США, используя Японию. Это станет фактором, сдерживающим формирование мира на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии.

А.А. Аймалетдинов

Ислам и государство

Ислам с момента своего возникновения представляет идеологическую и политическую основу социально-экономического и государственного строя, формирует институт единоличной верховной власти. Фундаментальные положения государственно-политической идеологии мусульманской уммы и сегодня влияют на современные государственно-правовые и политические представления людей и научные теории.

Исходя из мусульманского подхода к анализу института власти, мы можем выделить основные отличительные черты исламской формы правления (вне зависимости от того, осуществляется она в форме государства, общины или в какой-либо другой форме):

– политическое сообщество строится на принципах исламского права (шариата);

– глава сообщества является одновременно духовным руководителем, поэтому он обязан быть праведником;

– цель существования политического сообщества заключается в создании оптимальных условий для спасения душ верующих;

– сообщество осознает свою обособленность и воспринимает окружающий мир как враждебный.

В сущности, ислам не делит мир на светский и духовный, не различает политику и религию. По исламу есть лишь один мир, который должен существовать, действовать по священному религиозному закону, дарованному человечеству в Коране, который воплощен в Сунне пророка и истолкован в мусульманском праве.

Политическая система ислама может быть представлена тремя концепциями: таухид (единобожие), рисаля (наличие у Бога посланников) и хиляфа (наместничество). Построенное на основе этой политической теории государство является халифатом — государством, где Богу принадлежат верховная власть и суверенитет.

Источником конституции и законов мусульманских государств также служит исламское вероучение.

Закрепления за исламом и шариатом функций единого законодательства предусматривает исламская правовая доктрина. Для мусульманства не существует свободной от религии юриспруденции.

Не вызывает сомнений тот факт, что исламская концепция власти сегодня является проблемой, которая имеет высокую степень актуальности как для самих мусульман, так и для представителей других культур, других государств.

Следует вспомнить, что современный ислам создал уникальную межгосударственную организацию, объединяющую 57 стран, — Организацию «Исламская конференция» (Организация исламского сотрудничества — ОИС). Действуют и другие исламские структуры — Исламский Банк развития, Исламская организация по культуре, науке и образованию, Олимпийский комитет, Красный полумесяц и др.

Цзячу Лян

Новый международный космический порядок и ответственность Китая

В современном мире важность космоса становится все более очевидной. В коммерческой, гражданской, научной и военной сферах космос является стратегическим активом, который в середине XX в. был доступен лишь единицам стран. В отличие от космической полярной системы, существовавшей после холодной войны, быстрый технический прогресс создал условия для выхода в космос многих стран. Это способствовало созданию новой многополярной космической модели. В результате космическое пространство становится все более переполненным, а космическая конфронтация — все более очевидной.

Новый международный космический порядок — это проекция международного порядка в космосе. Космическая конкуренция между странами создает потенциальную угрозу для глобальной стабильности. Осознавая это, ООН приняла ряд мер по контролю действий стран в космосе. Как страна, развивающаяся в космическом пространстве, Китай исполняет свои обязанности в соответствии с директивой ООН в целях поддержания стабильности нового космического порядка и содействия стабильности и сбалансированности международного развития. Поддержание стабильности развития нового космического порядка является долгосрочной и трудной задачей, стоящей перед международным сообществом. Китай достиг высоких результатов в освоении космоса. Он является важной силой в формировании нового космического порядка. Однако Китай — всего лишь один из акторов космического пространства и не может самостоятельно решать

проблемы глобального характера, возникающие в процессе создания нового космического порядка. В то же время формирование этого порядка невозможно без участия Китая.

В течение многих лет китайское космическое агентство призывало Китай и США к международному космическому сотрудничеству в целях содействия взаимопониманию и достижению взаимного доверия в космосе между двумя странами, но США много лет отвергали предложения Китая. В седьмом раунде китайско-американского стратегического и экономического диалога было принято решение о создании двустороннего межправительственного механизма регулярных консультаций по вопросам сотрудничества в космическом пространстве. Однако в США неоднозначно оценивают перспективы китайско-американского космического сотрудничества, отмечая, что это расширит возможности Китая по краже космических технологий США. Несмотря на это, китайское правительство намерено продолжать совместные встречи с правительством США с целью укрепления взаимного доверия и содействия развитию стабильности двусторонних космических отношений, тем самым внося свой вклад в построение нового международного космического порядка и глобальной стабильности.

Таким образом, в настоящее время формируется новый международный космический порядок и Китай, обладая высоким космическим потенциалом, осознает свою ответственность, призывая страны к прекращению гонки вооружения в космосе и использования космического оружия. Тем не менее ряд стран, включая США, негативно относится к инициативам китайского правительства по созданию условий стабильного развития освоения космического пространства. До тех пор пока США и Китай не выйдут на определенный уровень доверия в космическом сотрудничестве, невозможно будет достичь стабильности нового международного космического порядка.

К.И. Джаватханов

Радикализация молодежи Северного Кавказа: причины и последствия

Одним из последствий развала СССР является интенсивное этно-религиозное возрождение постсоветского общества. В таких условиях возрастает роль ислама как глобального политического фактора, и особое место в этом процессе занимает радикальная «суннитская» идеология, которая проявляет особую активность в процессе исламского возрождения.

Специфический опыт интерпретации ислама радикалами, их идеологическое и духовное влияние на исламский мир, политическое

воздействие на ситуацию в разных странах мира и их особая роль в международных отношениях представляют собой уникальное явление. Мощный идейно-политический потенциал экстремистов оказывает непосредственное влияние на религиозно-правовые институты мусульманских стран, которые практикуют и пропагандируют агрессивный экспансионизм. Размах этой деятельности и вовлеченность в него разных государств и народов делает современный исламский радикализм влиятельным субъектом в мировой политике.

Во многих регионах России, где компактно проживают мусульмане, распространяются идеи религиозно-политического экстремизма. Особенно внимание следует обращать на СКФО РФ, в котором сосредоточено множество мусульман и где существуют серьезные предпосылки для возникновения внутриконфессиональных и межконфессиональных конфликтов, что требует системной комплексной профилактической работы.

Распространение идей исламского радикализма на территории России происходит в том числе с помощью непосредственного влияния из-за рубежа.

Сравнительный и системный анализ религиозно-политического экстремизма (непримиримость к другим сектам;собственное толкование Корана; строгая внутренняя иерархия; внешние отличительные признаки; уверенность, переходящая в фанатизм, в собственной избранности и истинности своего пути; собственная особая обрядность; собственное специфическое мировоззрение) дает возможность квалифицировать его как сектантское движение.

Вместе с этим исламский религиозно-политический радикализм можно квалифицировать как движение религиозно-политического характера в его следующих аспектах: однозначно отрицательное отношение к существующей власти, стремление к власти как основная стратегическая цель деятельности, наличие идеологии формирования политической системы, наличие программы государственного строительства, тактики борьбы, развитый пропагандистский аппарат и средства агитации.

Радикализация молодежи на Северном Кавказе стала следствием ряда комплексных противоречий в политической и религиозной сферах. Немаловажную роль играют заинтересованность внешних сил в дестабилизации обстановки в регионе, а также ухудшение социально-экономической ситуации, этнополитические проблемы, рост исламского самосознания при высокой конфессиональной безграмотности, отсутствие четкой национальной политики и полиэтнической структуры населения в регионе.

Экономика стран Азии и Африки

Р.Б. Карамурзов

Трудовая миграция странах Азии и Африки в условиях пандемии: предварительные итоги

Граждане стран Азии и Африки на протяжении многих десятилетий составляют бóльшую часть общемировой численности трудовых мигрантов. Совокупный объем переводов трудовых мигрантов в страны Востока в 2019 г. превышал 397 млрд долл. США, что было больше размера ВВП 157 (т. е. около 3/4) отдельно взятых государств мира.

Есть основания полагать, что переводами трудовых мигрантов «финансируется» значительная часть потребительских расходов населения афроазиатских стран. Принимая во внимание большую долю этих расходов в общем объеме ВВП государств Востока (в среднем около 62 %, по данным раунда 2017 г. Программы международных сопоставлений), можно утверждать, что роль переводов исключительно важна для стран, население которых массово выезжает на заработки за границу.

Уже в первые месяцы 2020 г. стало очевидным негативное влияние последствий пандемии на хозяйственные процессы различных регионов мира. Несмотря на то что данные об изменении мирового объема производства товаров и услуг будут опубликованы не ранее апреля — мая 2021, уже появились предварительные количественные оценки переводов трудовых мигрантов в 2020 г. Так, согласно данным Глобального партнерства по распространению знаний о миграции и развитии Всемирного банка (KNOMAD), снижение сумм переводов трудовых мигрантов в 2020 г. по сравнению с 2019 г. может достигать 20…25 % (около 110 млрд долл. США).

Страны Востока составляют половину или даже бóльшую часть среди государств и территорий, у которых размер переводов трудовых мигрантов в 2020 г. превышал 5, 10, 15, 20, 25 или 30 % ВВП. При прочих равных такая высокая зависимость отдельных народных хозяйств от переводов из-за рубежа является признаком недостаточно устойчивого характера экономического развития.

Особенно значимыми и внушающими опасения являются оценки масштабов сокращения переводов трудовых мигрантов в ряде бывших советских республик. На Южном Кавказе значения этого показателя

сократилось на 11 % в Азербайджане, на 34 % в Армении и на 17 % в Грузии. В государствах Центральной Азии особенно заметно снизились показатели Таджикистана, Узбекистана и Киргизии: на 12, 25 и 28 % соответственно. Помимо прочего можно полагать, что снижение доходов населения (из-за сокращений переводов мигрантов, трудящихся в России) стало одним из катализаторов политического кризиса в Киргизской республике в октябре 2020 г.

Несмотря на то что приведенные данные опубликованы авторитетной международной организацией, важно иметь в виду, что это только предварительные оценки, полученные еще до окончания 2020 г. (соответствующая публикация появилась на сайте Всемирного банка в ноябре 2020 г.). Более обоснованные выводы об истинном положении дел в данной сфере можно будет сделать не ранее второго квартала 2021 г., когда в нашем распоряжении будут сведения о фактическом объеме средств, переводившихся в страны Востока в 2020 г., об изменении численности трудовых мигрантов в условиях пандемии и расчеты базовых макроэкономических индикаторов.

Е.Н. Касимовская

Глобализация и экономический рост в странах Тропической Африки: опыт количественного анализа

Воздействие процессов глобализации на динамику экономического развития является объектом внимания ученых с начала 90-х годов прошлого столетия.

Процессы глобализации, их направленность и последствия для национального развития, в том числе и для стран Тропической Африки, изучаются достаточно давно и под различными углами зрения. В широком смысле под глобализацией понимается процесс экономической интеграции стран посредством увеличения потока товаров, услуг, капитала и рабочей силы между ними. Именно так определил глобализацию Дж. Стиглиц в 2003 г. Однако если говорить об экономическом росте, последствия интеграции ранее относительно изолированных национальных рынков товаров и факторов производства в единое мировое хозяйство для различных стран и групп стран неоднозначны. По мере углубления исследований, применения новых методов обработки данных, вовлечения в оборот количественной информации о все более широком круге стран формируется понимание, что последствия интеграции в мировую экономику для страны могут быть как позитивными, так и негативными. Важно различать формы

вовлечения страны в мировую экономику, уровень развития рынков и многие другие факторы.

Особой вехой в изучении воздействия глобализации на экономическое развитие стран стал разработанный группой ученых под руководством Акселя Дреера в 2002 г. новый интегральный индекс глобализации (сокращенно KOF), на данный момент являющийся наиболее распространенным показателем уровня глобализации страны [1, 2006]. Отметим, что данный индекс, композитный по своей природе, охватывает три группы показателей — экономические, политические и социальные — и, таким образом, отражает некоторые качественные составляющие социально-экономических процессов.

Общепринятым количественным экономическим индикатором развития страны за определенный период является показатель ВВП / ВВП на душу населения, темпы его изменения. Представляется любопытным проверить взаимозависимость степени включенности в мировое хозяйство стран Тропической Африки и результатов их экономического развития, измеренных показателями ВВП и ВВП на душу населения. Источниками статистической информации послужили онлайн-базы данных Всемирного Банка (http://databank.worldbank.org), регулярная статистика по индексу глобализации (http://globalization.kof.ethz.ch).

Проведенные автором ранее расчеты по 29 странам Азии и Африки на массиве панельных данных выявили статистически значимую отрицательную связь между вышеозначенными показателями. Однако в данную выборку входили лишь две страны Африки южнее Сахары — Ботсвана и ЮАР [2, с. 63]. Дополнительный корреляционный анализ уровня глобализации и подушевого ВВП за период с 1991 по 2019 г. по 27 странам Тропической Африки позволил провести различие между теми из них, где характер связи противоположен по направленности. В частности, для Бурунди, Гамбии, Мадагаскара и Зимбабве работает отрицательная зависимость степени глобализации и уровня экономического развития, а для Гвинеи-Биссау, Кении и Того связь оказалась статистически незначимой. Остальные страны демонстрируют положительную корреляцию подушевого показателя ВВП и индекса глобализации.

Регрессионный анализ данных по таким странам, как Мадагаскар, Кения, Камерун, Бурунди и Буркина-Фасо, не только подтвердил общие выводы корреляционного анализа о неоднозначности влияния глобализации (регрессор) на подушевой ВВП, но и позволил выявить в большинстве случаев статистически значимую нелинейную зависимость рассматриваемых переменных. Для Кении значение F-теста (2,48) оказалось ниже критического. Для Камеруна выявлена поло-

жительная связь между переменными на уровне значимости 99 %, причем степень чувствительности ВВП на душу населения к уровню глобализации достаточно высока. Однако коэффициент детерминации составил лишь 0,7, а график остатков однозначно свидетельствует о нелинейной зависимости рассматриваемых переменных. Буркина-Фасо демонстрирует очевидный линейный характер (R^2 = 0,99) связи положительной направленности с очень высокой степенью чувствительности ВВП к индексу глобализации: рост индекса на один пункт влечет увеличение подушевого ВВП на 63 единицы. И Бурунди, и Мадагаскар демонстрируют статистически значимую нелинейную зависимость рассматриваемых параметров отрицательной направленности.

Литература

[1] *Dreher A*. Does Globalization Affect Growth? Evidence from a new Index of Globalization // Applied Economics. 2006. Vol. 38 (10). Pp. 1091–1110.

[2] *Касимовская Е.Н.*, *Диденко М.П.*, *Кобозев Я.С.* Глобализация, страновые риски и экономический рост в странах Азии и Африки: количественные сравнения // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2017. № 4. С. 56–67.

И.Л. Тимонина

Экологизация бизнеса в контексте формирования «циркулирующей и экологической экономики» в Японии

Проблемы окружающей среды, обеспечения устойчивого производства и потребления, сохранения и рационального использования экосистем остаются приоритетными как для отдельных стран, так и для всего мирового сообщества.

Современная концепция взаимоотношений общества и природы, принятая в Японии и опирающаяся на идеи устойчивого роста, предполагает создание встроенных механизмов экологического регулирования в рамках формирования модели экологически дружественной экономики замкнутого цикла (Circulating and Ecological Economy). В рамках этой модели обеспечивается циркуляция энергии и углерода и осуществляется постепенный переход к декарбонизированному, или низкоуглеродному, обществу; создается замкнутый цикл циркуляции и рециркуляции всех материальных ресурсов; общество существует в гармонии с природой [1, pp. 8–10].

Реализация данной концепции опирается на принцип солидарной ответственности бизнеса, государства и общества (all stakeholders)

и требует изменения поведенческих моделей всех акторов, в том числе и определенной корректировки философии бизнеса, качества корпоративного управления.

Происходит экологизация самого бизнеса (использование экологически нейтральных технологий и оборудования, производство экодружественной продукции, экологически ответственное финансирование и т. п.), расширяется «зеленый рынок» товаров и услуг, обеспечивающих экологически устойчивое развитие (предложение экодружественных потребительских товаров, технологий и оборудования, экомониторинг, экообразование, экоинфраструктура, услуги по хранению и переработке отходов и др.).

Перестройка моделей бизнеса, в которую активно и при поддержке государства включились японские компании различных отраслей, происходит по трем основным направлениям [2].

1. *Внедрение «экоменеджмента»*: добровольные усилия компаний, направленные на учет экологических проблем при принятии бизнес-решений. Использование практики экологически чистых закупок и предоставление экологически чистых товаров и услуг. Развитие новых направлений экобизнеса и экологических технологий. Экобизнес в настоящее время превратился в привлекательную для предпринимательства сферу, это новый сегмент рынка с перспективой роста и внутреннего спроса, а также возможностей экспорта, в него вовлечены компании практически всех отраслей промышленности и сферы услуг.

Соблюдение экологических стандартов, защита среды являются неотъемлемой частью принимаемых компаниями обязательств по социальной ответственности. Примером может служить компания Toyota, которая разработала свою долгосрочную экологическую стратегию “2030 Milestone Set in Order to Achieve the Toyota Environmental Challenge 2050”, нацеленную на снижение воздействия на окружающую среду и предусматривает широкий спектр видов деятельности, имеющей «чистый положительный социальный эффект» [3].

2. *Экологическая отчетность*: публикация компаниями информации об экологической нагрузке, связанной с их деятельностью, состоянии своих природоохранных усилий. Экологическая отчетность, по мнению правительственных экспертов, — это способ для компаний быть подотчетными обществу в отношении природных ресурсов, которые они используют в ходе своей предпринимательской деятельности.

3. *Экологически дружественные финансы*: изменение финансовых потоков таким образом, чтобы они стали совместимыми с целями построения устойчивого общества; применение финансовых механизмов, побуждающих компании и отдельных лиц действовать с учетом

интересов окружающей среды (инвестиции и кредиты для проектов, обеспечивающих снижение экологической нагрузки; для поддержки организаций, которые стремятся поощрять «экологически чистое» корпоративное поведение).

Литература

[1] *Takeuchi K.*, *Fujino J.*, *Ortiz-Moya F.*, *Mitra B. K.*, *Watabe A.*, *Takeda T.*, *Jin Z.*, *Nugroho S.B.*, *Koike H.*, *Kataoka Y.* Circulating and Ecological Economy — Regional and Local CES, pp. 8–10. 2019. Institute for Global Environmental Strategies. Available at: https://www.iges.or.jp/en/publication_documents/pub/discussionpaper/en/6744/Circulating+and+Ecological+Economy+-+Regional+and+Local+CES%2C+An+IGES+Proposal. pdf (accessed March 10, 2021).

[2] Web Portal for Eco-Minded Business. Available at: http://www.env.go.jp/policy/keiei_portal/index-en.html (accessed March 10, 2021).

[3] Environmental Report. 2019. Available at: https://global.toyota/pages/global_toyota/sustainability/ report/er/er19_en.pdf (accessed March 12, 2021).

А.А. Сучкова

Некоторые аспекты политики продовольственной безопасности в странах Восточной Африки

По данным доклада «Состояние продовольственной безопасности и питания в мире 2020», в настоящее время голодает 690 млн человек, или 8,9 % населения планеты. Пандемия COVID-19 усилила тревожный тренд роста численности голодающих, который обозначился с 2014 г. За пять лет их количество увеличилось на 60 млн [1]. По предварительным оценкам, пандемия может добавить к числу голодающих от 83 до 132 млн человек, захватив те страны и группы населения, которые до этого не испытывали острых проблем нехватки продовольствия.

Более трети всех голодающих мира живет в Африке к югу от Сахары, однако ситуация существенно различается по регионам и странам. Больше всего их в Восточной Африке, хотя по доле в численности населения (27,2 %) регион уступает Центральной Африке, где недостаток в еде испытывает 29,8 %. Положение в странах Восточной Африки тоже разнится. В Танзании недоедает около 10 % населения, в Эфиопии — 16,4 %, Кении — около 18 %, Судане — 25 %, Руанде — 28,5 %, Уганде — 31,6 %, Бурунди — 35 %, Джибути — 40 %, Сомали — 41 %, на Коморах — 37,5 %, в Южном Судане — 54,5 % [2].

Высокий уровень продовольственной необеспеченности в Восточной Африке является результатом сложного сочетания факторов:

нестабильной социально-политической обстановки, низкой продуктивности сельского хозяйства, проблем в торговле сельхозпродуктами. Продовольственная безопасность поставлена под угрозу неблагоприятными изменениями климата, которые выражаются в повышении средней температуры, более частых засухах и наводнениях.

Страны региона применяют ряд мер, которые условно можно подразделить на три группы: 1) поддержка населения, испытывающего недостаток в продовольствии; 2) поддержка производителей, в том числе мерами по адаптации к изменениям климата; 3) стимулирование развития рынков сельхозпродукции, поощрение региональной торговли. Примером первой группы мер могут служить денежные трансферты населению. Так, в Кении более 500 тыс. домохозяйств получают помощь через организацию Hunger Safety Net Cash Transfer. Адаптация к изменениям климата предполагает, в частности, развитие систем мониторинга и раннего оповещения о неблагоприятных природных явлениях. Деятельность Службы информации о пустынной саранче сохранила 1,7 млн т зерна и спасла от разорения 350 тыс. домохозяйств [3].

Несмотря на многочисленные программы, добиться кардинальных изменений в Восточной Африке не удается. Многие меры применяются эпизодически, по мере появления средств. Ни одна страна региона не обеспечила выполнение целевого показателя в 10 % бюджетных расходов на сельское хозяйство, предусмотренных Комплексной программой развития сельского хозяйства в Африке. Тарифные и нетарифные барьеры в торговле продуктами аграрного сектора остаются очень высокими. В отдельных странах (например, в Уганде) неформально торгуемая сельскохозяйственная продукция составляет около 75 % официального экспорта.

Для повышения эффективности программ в условиях ограниченных ресурсов настоятельно требуются критерии выделения приоритетных целей и последовательное выполнение этих целей.

Литература

[1] The State of Food Security and Nutrition in the World 2020. Available at: http://www.fao.org/3/ca9692en/online/ca9692en.html#chapter-1_1 (accessed March 26, 2021).

[2] HangerMap. Available at: https://hungermap.wfp.org (accessed March 26, 2021).

[3] Официальное представление Доклада о состоянии климатического обслуживания за 2020 год. URL: http://www.fao.org/director-general/speeches/detail/ru/c/1314482 (дата обращения 26.03.2021).

В.А. Мельянцев

Важнейшие тренды, контртренды, факторы и проблемы-противоречия долговременного экономического роста развитых и развивающихся стран

Мы живем в турбулентную эпоху, нелегкую для многих землян и сложную для диагностики макротенденций развития (кстати, согласно ряду исследований, мы находимся одновременно в конце малого и большого межледниковых периодов). Хотя общая смертность от пандемии невелика (менее 0,1 % мирового населения, что в десятки и сотни раз меньше, чем от от «испанки» и «черной смерти» соответственно), она, несмотря на ряд принятых мер, никуда не уходит, а ее вирус продолжает мутировать. Это усиливает и без того высокие риски и неопределенности в мировой экономике и политике. Несмотря на значительную финансовую накачку и ряд других противокризисных действий, в 2020 г. подушевой валовой внешний продукт (ПВВП) в мире сократился на беспрецедентное значение за последние 3/4 века — примерно на 5 % (на 6 % в развитых государствах (РГ) и на 4 % в развивающихся странах (РС)).

Если же, пытаясь уйти от грустных тем, использовать броделевскую парадигму и дать оценку итогов развития мира в формате longue durée за время действия первых трех-четырех промышленных революций (ПР), можно обнаружить немалый, хотя и неравный по РГ и РС, прогресс. В 1800–2020 гг., несмотря на длительный период колониализма, две мировые войны и депрессию, ПВВП землян вырос в 19–20 раз (в ныне РГ — в 26–27 раз, в РС — в 9–10 раз), совокупная факторная производительность (СФП) — соответственно в 5; 9–10 и (всего) 2,3–2,5 раза, а ИЧР — примерно в 9; 9,5 и 7 раз. При этом доля критически бедного населения на планете сократилась с 90 до 10 %.

Однако во время третьей и четвертой ПР (1950–2020 гг.) в мире, несмотря на трехкратное (по сравнению с 1800–1950 гг.) повышение совокупной нормы капиталовложений, увеличение мощности компьютеров более чем 10 трлн раз, двузначный (в 2000–2010 гг.) среднегодовой темп прироста (СГТП) интернетизации и роботизации, интенсификацию внешнеэкономических связей, снижение СГТП численности населения (в 1980–2020 гг. по сравнению с 1950–1980 гг. более чем на 1/4 и составил 1,4 %), СГТП ПВВП парадоксально сократился примерно с 2,8 % в 1950–1980 гг. до 2,0 % в 1980–2020 гг. (в РГ — с 3,6 до 1,5 %; в РС — с 2,6 до 2,5 %), а СФП — с 1,9 до 0,9 % (в РС ненамного — с 0,9 до 0,8%, а в РГ резко — с 2,5 до 1 %).

Это отчасти можно объяснить: а) возможным недоучетом роста качества продукции и услуг, а также, судя по ряду наших расчетов и моделей; б) потерей РГ демографического дивиденда; в) эффектом Баумоля — перераспределением большей части ресурсов в целом в менее динамичный третичный сектор экономики и существенной части динамичных бизнесов в РС; г) чрезмерной финансиализацией экономики РГ и недоинвестированием в физический и человеческий капитал их реального сектора (обесценение которого в условиях НТП идет быстро); д) усилением в РГ олигополизации и углублением неравенства доходов, сдерживающим рост эффективного спроса.

В РС ситуация не менее противоречивая. В нескольких десятках из них вследствие проведения прагматичных реформ, наращивания вложений в физический и человеческий капитал, расширения мирохозяйственных связей СГТП их ПВВП заметно вырос, в результате чего доля РС в глобальном ВВП в 1950–2020 гг. увеличилась в 1,5 раза (до 3/5), а разрыв в уровне ИЧР между РГ и РС сократился примерно на 2/5 (до 2,2). Однако вклад СФП в прирост ВВП РС в 1950–2020 гг. был в целом (1/5) втрое меньше, чем в РГ, их средний уровень СФП от РГ в 2019 г. не превышал 1/4 (без КНР — около 1/6), совокупный долг РС к их ВВП вырос в 2000–2020 гг. почти вдвое до 250 % (в КНР — в 2,3 раза (до 340 %); в РГ — на 2/5 (до 420 %)).

Хотя в РС в 1990–2020 гг. доля критически бедных (дневн. подушевое потребление до 1,9 долл. в ППС 2011 г.) сократилась вчетверо до 1/10, доля других бедных (соответственно от 2 до 10 долл.) выросла на 2/5 (до 70 %), а их число увеличилось более чем вдвое до 4,6 млрд человек. Коэффициент Джини (КД) по распределению располагаемых доходов оказался в 2014-2019 гг. в среднем по странам БРИКС (0,46) на 1/3 выше, чем по ведущим РГ (0,35). В КНР, стремящейся построить гармоничное общество, КД в 1980–2018/19 гг. вырос, по обследованиям, примерно в 1,5 раза (до 0,45–0,47), а прирост числа долларовых миллиардеров в 2010-е годы был в 1,5 раза больше, чем в США. В среднем по странам БРИКС доля национального богатства, приходящаяся на топовый 1 % населения, выросла в 2000–2020 гг. примерно на 1/4 (до 35 %) и оказалась на 1/5 больше, чем в среднем по ведущим РГ.

За последние два десятилетия, вследствие заметного усиления во многих РГ и РС финансово-экономической неустойчивости и социальной поляризации, снижения в них эффективности госуправления, политическая нестабильность в мире выросла не менее чем на 1/10 (что много). Прогресс в нем за последние тысячелетия, движимый не только конкуренцией, но и масштабированием кооперации и сотруд-

ничества внутри и между разными группами инноваторов, предпринимателей, торговцев и потребителей, ныне, в условиях частичной деглобализации мира и нарастающей геополитической конфронтации внутри него, подвергается серьезным испытаниям.

Рассчитано по данным из публикаций автора и международной статистики.

В.В. Бойцов

Экономический рост и особенности динамики и структуры торгово-экономических связей стран Юго-Восточной Азии на рубеже XX — XXI вв.

Регион Юго-Восточной Азии (ЮВА) представляет собой наиболее успешно развивающийся вслед за Восточной Азией крупный регион развивающихся стран. Большинство из этих стран отличают высокие среднегодовые темпы роста их экономики и динамичная модернизация ее отраслевой структуры. Как правило, среднегодовые темпы прироста ВВП в этих странах на рубеже XX–XXI вв. превышали соответствующие показатели для всего мирового хозяйства, а также средний для всех развивающихся стран вместе взятых, а ведущие позиции в материальном производстве почти во всех странах этого региона, за исключением Сингапура, занял индустриальный сектор.

Изменения в сфере производства вызвали соответствующие изменения в объеме и структуре торгово-экономических связей. Прежде всего, во всех странах ЮВА заметно вырос абсолютный объем внешней торговли. Среднегодовые темпы прироста экспорта товаров и услуг в этих странах, за исключением Брунея и Индонезии, превысили темпы прироста их ВВП, а темпы прироста импорта превысили темпы прироста ВВП во всех странах региона без исключения. Следствием этого стало многократное увеличение объема их экспорта и импорта на душу населения, в большинстве случаев превышающее соответствующие показатели мирового хозяйства в целом. В результате в половине стран региона объемы экспортных и импортных операций превысили соответствующие средние показатели для мирового хозяйства.

Опережающие темпы прироста внешнеторговых операций в странах ЮВА были вызваны прежде всего развитием индустриального сектора преимущественно за счет экспорториентированных отраслей, а также необходимостью ввоза инвестиционных товаров для их использования в хозяйственном строительстве. Расширившаяся благодаря индустриализации номенклатура промышленных товаров

позволила этим странам диверсифицировать свою экспортную продукцию главным образом за счет товаров, производство которых было перенесено туда из индустриально развитых стран. Наконец, вместе с ростом объема внешней торговли стран региона увеличился и вклад внешнеторговых операций этих стран в международную торговлю.

Следствием высоких темпов развития внешнеторговых связей и значительного увеличения их абсолютных масштабов в большинстве стран ЮВА стало не только возрастание их удельного веса в мировой торговле, но и увеличение вклада в национальную экономику. В результате заметно увеличилась доля экспортной торговли товарами и услугами в их ВВП, а также вклад импортных товаров и услуг как в ВВП, так и в совокупное предложение в этих странах, превышая, за редкими исключениями, соответствующие индикаторы мирового хозяйства в целом.

Таким образом, почти для всех стран ЮВА характерна не только особо важная и, как правило, возрастающая роль внешней торговли для их хозяйства, но и исключительно высокая и неослабевающая зависимость от мирового рынка.

В то же время в конце XX — начале XXI в. эта зависимость приобрела новые территориальные очертания в связи с постепенной переориентации внешней торговли стран региона с традиционных центров экономического развития на развивающиеся страны, что объясняется главным образом отраслевой перестройкой хозяйственной структуры как в самих странах ЮВА, так и в большинстве других развивающихся экономик.

Л.С. Бочарова

Арабские страны в условиях пандемии COVID-19: первые итоги

Данные по коронавирусу говорят о том, что на начало марта 2021 г. в регионе МЕНА было зафиксировано 4,3 млн случаев заболевания, 3,8 млн выздоровевших, 72,8 тыс. умерших и 345 тыс. находились в активной стадии болезни. При этом на Ирак, Саудовскую Аравию. Марокко и ОАЭ приходился 51 % всех заболевших новой инфекцией, а на группу наименее развитых в экономическом отношении стран — Джибути, Йемен, Коморские острова и Сомали — только 4,5 %. Эти же страны демонстрируют и одни из самых низких относительных показателей болезни. На каждые 100 тыс. жителей в Джибути приходится 632,5 человека, на Коморские островах — 429,2 человека. При этом в Саудовской Аравии значение аналогичного индикатора подни-

мается до 1,1 тыс. человек, в Марокко — до 1,4 тыс., в Ираке — до 1,8 тыс., а в ОАЭ — до 3,9 тыс. человек. Первые больные были зарегистрированы в ОАЭ в конце января 2020 г. (8080 чел.), а через год их число выросло в 76 раз. Однако самое большое число заболевших в Ираке. За год оно увеличилось в 464 раза.

По замечанию наблюдателей за распространением COVID-19, жители арабских стран меньше подвержены смертельному вирусу, чем представители европейских или восточноазиатских стран. Основываясь на этом факте, группа генетиков Фонда научных исследований Министерства высшего образования Иордании провела исследование, согласно которому у арабского населения Ближнего Востока обнаружился однонуклеотидный полиморфизм, генетически отличающий их от представителей Восточной Азии и Европы. Результаты показали, что клетки легкого у арабов содержат в 1000 раз меньше ACE-2 (фермента, являющегося входными воротами для коронавируса), чем у населения Восточной Азии и Европы. Это и позволяет организму жителей арабского региона переносить болезнь в более легкой форме.

Пандемия привела к серьезным сбоям в развитии арабского региона, и без того отягощенного структурными проблемами. ЛАГ оценивает экономические потери в 150 млрд долл. США, отмечая сокращение ВВП на 6 %, а рост внешней задолженности — на 220 млрд долл. Специалисты утверждают, что армия безработных выросла на 17 млн человек, а за порогом нищеты оказались 15 млн жителей стран региона МЕНА.

Предварительные оценки экономических последствий COVID-19 опубликованы и в докладе Экономической и социальной комиссии для Западной Азии (ЭСКЗА). В нем подчеркивается, что в результате пандемии в гуманитарной помощи будут нуждаться 50 млн человек, среди которых не менее 24 млн человек — это беженцы и внутренне перемещенные лица. При этом с дефицитом продуктов питания столкнутся 1,9 млн человек.

Для того чтобы смягчить негативные экономические последствия, арабские страны приняли ряд мер, существенно дифференцированных в зависимости от масштабов наполнения бюджета. Для стимулирования частного сектора экономики и социальной поддержки населения Объединенные Арабские Эмираты выделили 27 млрд долл. США, включая субсидии на воду и электричество. Катар сформировал пакет в 23 млрд долл. для поддержки промышленной и коммерческой деятельности. Аналогичные финансовые и экономические стимулы для частного сектора разработало Королевство Саудовская Аравия в размере 13 млрд долл. США. План поддержки компаний, малых

и средних предприятий обнародовал Египет, выделив на его реализацию около 6 млрд долл.

Приведенные данные отражают предварительные оценки сложившейся ситуации. По ходу ее изменения они будут унифицироваться, подвергаться пересмотру и корректироваться, вероятно, в сторону их увеличения.

Н.Ю. Ульченко

Пандемия как катализатор проявления основных дисбалансов в экономике Турции

В докладе анализируется развитие ситуации в турецкой экономике в период пандемии COVID-19. Основные трудности, с которыми столкнулась Турция, были обусловлены использованием в предшествующие годы модели роста, основанной на значительном по объемам привлечении внешнего кредитования. Таким образом, финансирование мер по поддержке экономики в условиях пандемии было изначально ограничено сокращением доступности ресурсов с погрузившегося в кризис неопределенности и общий спад международного финансового рынка.

Сокращение предложения валюты на внутреннем рынке предопределило устойчивый тренд на обесценение турецкой лиры и вынудило Центральный банк Турецкой Республики (ЦБТР) прибегнуть к тактике защиты национальной валюты посредством снижения резервов. В итоге, по оценкам рейтингового агентства *Moody's,* за первые 5 месяцев 2020 г. они уменьшились наполовину [1], составив к маю 2020 г. лишь в 84 млрд долл. США.

В то же время использование альтернативных внешних источников в лице кредитов МВФ остается крайне нежелательным для властей страны. Эрдоган имеет имидж сильного лидера, который не сгибается перед внешними силами и международными финансовыми организациями. Важная часть его политической карьеры — принятое в 2010 г. решение о разрыве кредитного сотрудничества с МВФ, начавшегося еще до прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР). Что касается поиска иных (не частных) источников финансирования за рубежом, то достижение соглашения с Катаром об открытии своп-линии на 10 млрд долл. США [2] вряд ли способно компенсировать сокращение его прежних гораздо более значительных и являвшихся жизненно важными для турецкой экономики объемов. В результате турецкому правительству приходится делать сложный выбор между самофинансированием антикризисных мер (ростом масштабов эмис-

сии турецкой лиры) и довольно скудными возможностями получения внешнего финансирования.

Снижение интереса иностранных инвесторов к турецкой экономике в сочетании с увеличением объема денежной массы в турецких лирах, эмитирующейся для покрытия чрезвычайных экономических потребностей, привело к существенной девальвации национальной валюты и угрожает финансовой стабилизации, достигнутой значительными усилиями правительства в предыдущие годы правления ПСР. Но попытка защитить национальную валюту путем жесткого решения центрального банка страны повысить ключевую процентную ставку создает опасные предпосылки для стагнации экономики в условиях снижения доступности кредита.

Дороговизна кредитов и довольно слабое пока укрепление лиры означают сокращение возможностей импорта и ограничение потенциала роста турецкой экономики. Но параллельно открываются и некоторые перспективы. Обесценившаяся лира создает предпосылки для более успешного экспорта, а высокие процентные ставки способны вновь привлечь в страну иностранных инвесторов. В будущем на фоне роста валютных доходов можно ожидать укрепления лиры. Тогда проблема обретения временных драйверов экономического восстановления будет решена.

Литература

[1] Moody's'ten kritik Türkiye açıklaması: Döviz rezervlerinin yarısını tüketti. Available at: https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/moodysten-kritik-turkiye-aciklamasi-doviz-rezervlerinin-yarisini-tuketti-1743760 (accessed June 8, 2020).

[2] Kısa vadeli dış borç Merkez'le arttı. Available at: https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/kisa-vadeli-dis-borc-merkezle-artti-1752809 (accessed Jule, 20, 2020).

Т.А. Барабошкина

Модернизация агропродовольственной системы Республики Узбекистан в целях устойчивого развития

Реформирование агропродовольственной системы в Республике Узбекистан в XXI в. позволило в сопоставлении с концом XX в. (1991 г.) увеличить объем производства сельхозпродукции в 2 раза и в сфере АПК и войти в топ-50 стран-экспортеров. Сегодня более 80 государств являются импортерами 150 видов узбекской плодоовощной продукции. Экспортный потенциал отрасли оценивается более чем в 5 млрд долл. США, 90 % производимой сельхозпродукции приходится на

негосударственный сектор. В 2018 г. доля сельского хозяйства в ВВП Узбекистана составила 32,4 % [1].

В целях диверсификации производства, совершенствования земельных и водных отношений, агробизнес-климата была разработана Стратегия развития сельского хозяйства Республики Узбекистан на 2020–2030 годы, базирующаяся на 59 целевых показателях и индикаторах. Ее реализация обеспечит ежегодный рост добавленной стоимости в аграрном секторе экономики в пределах 3…5 %. Для успешной реализации планов экономического развития в стране формируется 47 кластеров. Кластерный подход уже позволил дополнительно создать 1150 постоянных и 1085 сезонных рабочих мест. Для маркировки плодоовощной продукции разработан единый товарный бренд UzAgro. Вектор гармонизации прохождения сельскохозяйственной продукции фитосанитарного контроля при таможенном оформлении в рамках «зеленого коридора» успешно реализован с Россией. Опыт планируется тиражировать и в контактах с другими надежными социально-экономическими партнерами: Беларусью, Кыргызстаном, Казахстаном и странами Балтии [1, 2].

Министерство сельского хозяйства Республики Узбекистан с агентством «Узстандарт» в дехканских и фермерских хозяйствах, агрокластерах синхронно ведут комплексную работу по актуализации стандартов Global GAP, Organic и внедрению современных агротехнологий. Например, в ряде фермерских хозяйств Андижанской, Навоийской, Наманганской, Самаркандской и Сурхандарьинской областей освоили применение капельного орошения, оптимизировав таким образом потребление в агросекторе количества воды и минеральных удобрений (до 40 %) [1].

Систематика междисциплинарных данных показала, что природно-ресурсный потенциал некоторых из указанных сельских территорий характеризуется дисбалансом биофильных элементов в компонентах экогеосистем. Данные георискы, диагностированные Проблемной лабораторией микроэлементов Самаркандского государственного университета и ряда институтов Академии наук [3, с. 33], были положены в обоснование выбора экономически эффективных видов сельскохозяйственной деятельности в регионах рискованного земледелия. На этапе совершенствования агропродовольственной системы принципиально важно на государственном уровне учитывать опыт самаркандской школы при формировании современной структуры АПК страны.

Для развития межгосударственного партнерства в аграрном секторе экономики Республики Узбекистан важно опираться на накопленный потенциал научных школ Евразии и исторические социаль-

но-экономические связи, что позволит ускорить достижение целей продовольственной безопасности страны и расширить экспортные поставки качественной узбекской сельхозпродукции в различные регионы евразийского континента.

Литература

[1] *Ходжаев Ж.* Аграрный сектор поддержит новая стратегия // Российская газета. 2019. Спецвыпуск № 193 (7951). URL: https://rg.ru/2019/08/29/eksportnyj-potencial-uzbekistana-v-apk-prevyshaet-5-milliardov-dollarov.html (дата обращения 12.03.2021).

[2] Социально-экономическое положение Республики Узбекистан. Сельское, лесное и рыбное хозяйство / Государственный комитет РУ по статистике. URL: https://stat.uz/ru/default/ezhekvartal-nye-doklady/5860-2020 (дата обращения 12.03.2021).

[3] *Риш М.А.*, *Абдуллаев Д.В.*, *Тешабаев С.*, *Даминов Р.А.* Биогеохимическое районирование Узбекской ССР. Биогеохимическое районирование — метод изучения экологического строения биосферы // Труды Биогеохимической лаборатории. Т. XV. М.: Наука. 1978. С. 33–35.

Языкознание

Г.Р. Аганина

Проблематика звукоучения в «Китаб» Сибавайхи

Используемый в названии доклада термин «звукоучение» заимствован у В.Ф. Гиргаса. Он точно отражает круг проблем, рассматриваемых в арабской лингвистической традиции, поскольку охватывает не только фонетику / фонологию, но и просодию.

1. Общепризнанным в истории лингвистических учений является высокий уровень фонетических исследований в арабской лингвистической традиции и менее известны освящаемые ими вопросы просодии.

2. Помимо теоретической значимости изучения наследия арабских филологов в вопросах звукоучения как для арабистики, так и для общего языкознания его актуальность связана с тем, что арабский язык как объект классического арабского языкознания не является архаичной формой литературного языка, включая сформулированные в его рамках положения о звучащей речи.

3. Арабские филологи, опираясь на чтение Корана, поэзию и речь носителей так называемого правильного языка как на источники формируемого ими представления о произносительной языковой норме, дали исчерпывающее описание фонемного состава арабского нормативного языка, его фонетической реализации и просодической организации звучащей речи.

4. Системное и всестороннее изложение вопросов звукоучения впервые изложено в грамматическом трактате Сибавайхи (ок. 796) «Китаб». Композиционно главы, посвященные базовым вопросам фонетики и фонологии, выделяются в самостоятельный раздел. Просодическая проблематика рассматривается среди различных вопросов морфологии, что можно объяснить тесно связанной между собой просодической и морфологической структурой слова и объединяющей их минимальной единицей анализа (*ḥarf*). Там же помещены две темы, касающиеся вариантной артикуляции двух нормативных фонем: долгого гласного [а] и гортанной смычки *hamza*, обусловленных территориальным варьированием.

5. Фонетическое учение Сибавайхи охватывает:

– обзор фонемного состава арабского языка и выделение нормативных и окказиональных аллофонов (*aṣl ḥurūf al-'arabiyya wa-furū'uhā*);

– классификацию согласных фонем по месту образования (*makhārij al-ḥurūf*) с учетом активного и пассивного органов речи, представляющую собой переработанную классификацию Ал-Халила ибн Ахмада (718–786/789/791);

– классификацию согласных фонем по способу артикуляции (*ṣifāt al-ḥurūf*), включая характеристики, отражающие характер преодоления преграды, участие голосовых связок, дополнительную артикуляцию велярности и эмфатичности, акустическую характеристику свистящих, голосовой резонатор, выделение полугласных;

– комбинаторное явление ассимиляции согласных (*idghām*);

– комбинаторную ассимиляцию долгого гласного [а];

– позиционно обусловленную вариантную артикуляцию гортанной смычки.

Ориентированное на чтение и связную речь просодическое учение Сибавайхи опирается на разные функциональные свойства двух типов «харфа» (*mutaḥarrik* и *sākin*) и касается различных характеристик просодической структуры слова:

– количественной характеристики слова, измеряемой в «харфах» (*ʻiddat mā yakūn ʻalayh al-kalim*);

– паузальной формы слова, регулирующей его исход в предпаузальной позиции (*waqf*);

– протетической гортанной смычки, позволяющей избежать консонантный кластер в его зачине (*alif al-waṣl)*

– варианты разрешения ситуации скопления двух так называемых неогласованных харфов (*iltiqā' as-sākinayn*).

Н.А. Аскерко

Основные положения синтаксической теории Сибавайхи

«Книга» Сибавайхи (VIII в.) — самый ранний дошедший до нас грамматический трактат арабов, роль которого для арабской науки о языке сопоставима с местом Панини в индийской лингвистической традиции. Он заложил фундамент синтаксической теории, которую впоследствии дополняли и комментировали поколения арабских филологов. Вопросам синтаксиса посвящено более половины трактата (281 глава). Синтаксическая модель, построенная Сибавайхи, на протяжении веков претерпела значительную эволюцию, в ходе которой был реализован потенциал первоначального учения.

1. Основным объектом исследования для Сибавайхи является речь (*kalām*), понимаемая как процесс, т. е. звучащая речь. Синтаксическая

структура строго линейна и однонаправлена. Все аспекты построения высказывания понимаются через призму процессуальности и имеют соответствующие названия, выраженные масдарами или словами с масдарным значением: *ʻisnād* — опора / опирание (название для предикативной связи), *ʻiḍāfa* — прибавление (название для связи между членами генитивной конструкции), *tabʼ* — следование (название для атрибутивной связи).

2. Единственной единицей, на которые членится речь в понимании Сибавайхи, является слово (*kalim* — слова (собир.)). В «Книге» нет понятия, которое обозначало бы предложение или конструкцию. Термин *jumla*, который в дальнейшей грамматической традиции будет употребляться для обозначения предикативного комплекса, встречается в трактате 8 раз, но используется в общеязыковом значении — как «комплекс». При этом Сибавайхи анализирует несколько видов управления и выделяет пары слов, названных по виду связи между ними: *al-musnad wa-l-musnad ilayh* — опирающееся и опора (термин для предикативного комплекса, например, *ʻabdu-l-lāhi akhū-ka* — ʻАбдаллах — твой брат), *al-muḍāf wa-l-muḍāf ilayh* — прибавленное и то, к чему прибавляют (термин для генитивной конструкции, например, *ḥimāru zaydin* — осел Зайда); *aṣ-ṣifa wa-l-mawṣūf* — определение и определяемое (термин для атрибутивной конструкции, например, *rajulun ẓarīfun* — остроумный мужчина) [1, с. 23].

Несмотря на то что Сибавайхи строит свою синтаксическую теорию, не оперируя понятиями предложения и конструкции, он сталкивается с ситуациями, когда вместо отдельного слова в какой-либо синтаксической позиции в высказывании стоит несколько слов. Например, *in taʼti-nī fa-ʼanā karīmun* — если ты ко мне придешь, то я буду щедр, где во второй части условного предложения в роли глагола в усеченном наклонении выступает именная предикативная конструкция [2, с. 435]. В большинстве таких случаев Сибавайхи называет эти комплексы термином *kalām* (речь). О неоднозначности этого термина писали многие отечественные и западные арабисты (Д.В. Фролов, Ж-П. Гийом, Р. Тальмон, Ж. Трупо, М. Картер и др.).

3. Одним из центральных понятий синтаксической теории Сибавайхи является словоизменение (*ʻiʼrāb*). Грамматист приводит обобщающую классификацию всех возможных вариантов огласовок конца слов, которые выражают ту или иную словоизменительную форму. Форму слова детерминирует один из факторов (*ʻāmil*) — слово, которое управляет последующим (предлоги, частицы, глаголы и т. д.). Весь синтаксический раздел своего трактата Сибавайхи строит исходя

из анализа позиций слов, в которых они имеют одну из словоизменительных форм, последовательно разбирая все позиции.

Литература

[1] *Фролов Д.В*. К вопросу о понятии предложения в арабской грамматике // Арабская филология. Грамматика. Стихосложение. Корановедение. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 17–33.

[2] *Сибавайхи*. Китаб. Каир: Булак, 1898. Т. 1. 507 с.

Е.Ю. Бессонова

Адаптированный контент в сегменте японских онлайн-газет

Японские средства массовой информации оказывают влияние на свою аудиторию, формируют информационное поле и общественное мнение. Крупные медиакомпании стремятся расширить свою аудиторию, предлагая контент, рассчитанный на учащихся младшей и средней школы [1]. За последние годы нами были проведены исследования адаптированных текстов в различных сегментах японского языкового интернет-пространства.

В рамках доклада рассматривается контент японских адаптированных онлайн-газет: «Газета Майнити для учеников начальной школы», специально разработанная для школьников и издаваемая как в бумажном, так и в электронном виде общенациональной японской газетой «Майнити симбун» [2] и «Газета Асахи для учеников начальной школы» [3], предлагаемая также в бумажном и электронном виде газетой «Асахи симбун».

Газеты «Майнити» и «Асахи» имеют долгую историю и уже на протяжении многих лет печатали адаптированные под языковые возможности школьников бумажные издания. Так, газета «Майнити» начинает печатать специальные выпуски для школьников с 1936 г., а газета «Асахи» — с 1967 г. Однако под влиянием технического прогресса и возможностей интернет-пространства эти газеты перешли и в электронный формат, размещая на специальных сайтах информационный и развлекательный контент для детей. Газеты предполагают подписку, но также фрагментарно представлены и в свободном доступе.

Тексты газет для школьной аудитории в первую очередь выделяются подачей языкового материала с обязательным наличием фуриганы, что в целом характерно для всех адаптированных японских текстов новостной тематики. Изучение адаптированного контента японских

газет интересно и с точки зрения выявления лексических и грамматических особенностей текста, определения основных тематических направлений, но также этот контент может быть рассмотрен и с точки зрения введения аутентичного текста в процесс обучения японскому языку на начальном и среднем этапах.

Литература

[1] *Бессонова Е.Ю.* К вопросу взаимодействия с аудиторией японских средств массовой информации // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тез. док. науч. конф. М.: Тезаурус, Языки народов мира, 2018. С. 337–339.
[2] Сайт газеты «Асахи симбун», раздел «Газета для учеников начальной школы». URL: https://www.asagaku.com/ (дата обращения 12.09.2020).
[3] Сайт газеты «Майнити симбун», раздел «Газета для учеников начальной школы». URL: http://mainichi.jp/maisho/ (дата обращения 12.09.2020).

С.А. Быкова

Особенности ролевого языка «якувариго» персонажей-иностранцев в виртуальных диалектах

Ролевой язык якувариго, на котором говорят персонажи произведений японской массовой культуры, аниме, косплей, манги, должен соответствовать имиджу носителя того или иного диалекта, представителя какой-либо социальной группы и т. д., сложившемуся в обществе. Существуют различные стереотипы, или стереотипные преставления, персонажей *кяра* (от англ. *character*), которые подразумевают не только использование персонажем определенных языковых форм, но также надлежащего костюма и обладание определенными личностными качествами. Диалекты, на которых говорят японские персонажи, определяются в японской диалектологии как виртуальные в отличие от функционирующих в действительности в современном японском языке территориальных диалектов. Японский язык, на котором говорят персонажи-иностранцы, не является территориальным диалектом, но также виртуален, соответствует представлению рядового японца о носителях тех или иных языков и, как представляется, может рассматриваться как своеобразный социальный диалект, поскольку на нем говорят персонажи, олицетворяющие определенную социальную группу и живущие в Японии.

Персонажи-иностранцы представляют различные страны мира, при этом довольно значительное место отводится англоязычным персонажам. Наряду с ними в произведениях массовой культуры действуют французы, китайцы и представители других стран. Тот язык *якувариго*, на котором они говорят, имеет ряд особенностей у каждой группы

соответственно национальной принадлежности персонажа, но в целом этот язык определяется в трудах по японской диалектологии как *катакото нихонго* (ломаный японский). Анализ особенностей англоязычных персонажей, проведенный японскими лингвистами, позволил выделить следующие особенности их *якувариго* [1, с. 213–222].

1. Повышенная частотность употребления заключительной частицы *нэ*, сопровождающаяся неправильностью ее употребления. В соответствии с нормами стандартного японского языка частица *нэ* употребляется говорящим с целью подтверждения собеседником факта, известного им обоим. Персонажи-европейцы употребляют эту частицу при указании на факт, неизвестный собеседнику, что является ошибкой.

2. Удлинение гласных звуков и появление дополнительных мор в слогах, где это в стандартном языке отсутствует, по типу *Нанимоно дэ:су ка*? Как [это] называется? (удлинение гласного *э* в связке *дэс*).

3. Вкрапление в речь на японском языке междометий Oh, Ah и отдельных слов английского языка *бэри* (= very «очень»), *ю:* (-you «вы»), *но:* (= no «нет»): *Нихонго бэри мудзукасий дэ:су* «Японский язык трудный».

К вышеуказанным особенностям следует добавить частое отсутствие в речи персонажей-европейцев необходимых служебных формантов и частиц, о чем свидетельствует как раз последний пример, где после подлежащего *нихонго* они отсутствуют.

Литература

[1] *Кинсуй Сатоси*. Якувариго кэнкю: но тэнкай (Развитие исследований ролевого языка). Токио: Куросио сюппан, 2018. 319 с.

А.Ю. Вихрова

Особенности произнесения нейтрального тона 轻声 в путунхуа

1. В последнее время интерес лингвистов в фонетических и фонологических исследованиях сместился в сторону просодических явлений. И если раньше на первый план выходили сегментные единицы (звуки, слоги, фонетические слова), то теперь все чаще исследователи направляют свой взор в сторону суперсегментных единиц (ударение, тон, интонация).

2. Тон — это мелодическое варьирование высоты звука (звуковысотных характеристик) при произнесении слогов, фонологически значимое в языке. Тон реализуется в виде повышения или понижения голоса, которое может быть либо неизменным (равновысотным)

на протяжении слога, либо изменяться от одного высотного уровня к другому. Число таких уровней (регистров) в разных языках различно. Тоны, не изменяющие регистра на протяжении слога, называются ровными; изменяющие регистр — скользящими (контурными).

3. В современном китайском языке, в его разговорной форме путунхуа, насчитывают четыре тона: 1) ровный, 2) восходящий, 3) нисходяще-восходящий, 4) нисходящий. Однако существует еще один тон, которому уделено явно недостаточно внимания. Это нейтральный тон. По-китайски он называется 轻声 (*qīngshēng* — легкий тон). Этот тон не имеет ярко выраженного тонового рисунка и фиксированной высоты. Нейтральным тоном произносятся либо вторые слоги в двусложных словах, либо, чаще всего, вспомогательные частицы, которые стоят в конце предложения. Они уже частично или полностью утратили свое лексическое значение, постепенно превращаясь в грамматические показатели. 轻声 появился примерно в XVII–XVIII вв. и в некоторой степени поколебал всю просодическую систему китайского языка.

4. В процессе обучения китайскому языку обучающиеся часто сталкиваются с проблемой неправильного произнесения легкого тона. Для того чтобы наглядно увидеть, как работает легкий тон, какой у него мелодический контур, было проведено исследование с применением инструментального анализа. Методология исследования следующая: носителей китайского языка (3 мужчин и 2 женщины в возрасте 20–38 лет) попросили произнести 5 заранее отобранных предложений, в которых присутствовали морфемы нейтрального тона. Их произнесения были записаны и обработаны в программе для анализа и обработки речи Praat 6.1.05. Далее они же произнесли и записали другие 5 предложений, в которых присутствовали такие же по звучанию морфемы, но произнесенные уже другими тонами.

Первые пять предложений:

1) 他去过北京。Tā qù**guo** Běijīng. «Он ездил в Пекин»;

2) 爸爸看见了熊猫。Bàba kàn**jian** le xióngmāo. «Папа увидел панду»;

3) 他们怎么出来了？Tāmen zénme chū**lai** le? «Почему они уже вышли?»;

4) 我们是中国人。Wǒ**men** shì Zhōngguó rén. «Мы китайцы»;

5) 你认识他吗？Nǐ rèn**shi** tā ma? «Ты его знаешь?»

Вторые 5 предложений:

6) 小马过河。Xiǎo mǎ **guò** hé. «Маленькая лошадка переходит реку»;

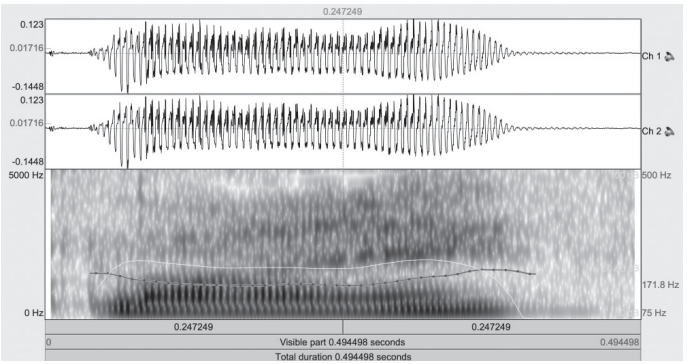
7) 奶奶见不见老虎？Nǎinai **jiàn** bú jiàn lǎohǔ? «Бабушка видела или нет тигра?»;

8) 妈妈今天晚上九点来了。Māma jīntiān wǎnshang jiǔ diǎn **lái** le. “Мама сегодня вечером пришла в 9 часов”;

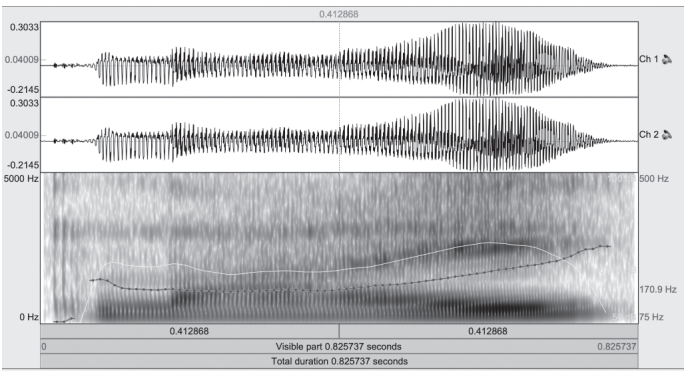
9) 你房子的门真大！ Nǐ fángzi de **mén** zhēn dà! «Двери твоего дома такие большие!»;

10) 这次比赛哥哥失败了。Zhè cì bǐsài gēge **shī**bài le. «В этот раз старший брат проиграл на соревнованиях».

5. После этого все записи были представлены в виде спектрограмм и проанализированы с помощью инструментального анализа. Приведем примеры нескольких удачных реализаций.

Lai (легкий тон)

Lái (второй тон)

6. В результате анализа спектрограмм и инструментального анализа мы пришли к выводу, что время произнесения слов с легким тоном меньше, чем слов с остальными тонами, средняя частота F_0 также заметно ниже у слов, произнесенных нейтральным тоном. Что

касается интенсивности, то этот параметр варьируется в зависимости от звукового окружения. Наиболее показательной является лини на спектрограмме, которая демонстрирует движение мелодики (частоты F_0). У слогов, тонированных нейтральным тоном, она остается практически на одном уровне.

А.В. Громова

Категория числа в диалектах Фарса (на примере давани)

Для анализа выражения категории числа на морфологическом уровне были использованы: 1) диалектальные тексты на давани — рассказ [1, pp. 337–339], стихи, пословицы и поговорки, сказки [2, pp. 489–536], 2) 100 предложений на давани [3, pp. 264–317], взятые Академией персидского языка как модель описания миноритарных языков и диалектов Ирана, 3) 181 предложение с созданного исследователем и носителем диалекта давани А. Салами сайта davanpars.com (дата обращения 04.08.2015), в которых иллюстрируются основные грамматические черты данного идиома, распространенного в одноименном селении остана Фарс и находящегося сейчас под угрозой исчезновения.

Выражение категории числа в давани можно проследить в тех же механизмах, что и в современном персидском языке. Во-первых, у существительного это противопоставление нуля в общем (1) и единственном (2) числе и показателя множественного числа —gal, который может быть суффиксом или проявлять свойства групповой флексии (3). Во-вторых, это отсутствие (4) или наличие (5) согласования по числу в предиктно-аргументной структуре.

Tu letta-mu **bālang-o tamāta** kištese ‘В огороде мы посадили огурцы и помидоры’. Tu bāγ **gondzisk-o gondz** ziyāð-ā ‘В саду много ос и шершней’.

Xoða-š biyāmorzāt, **āðam**-e vā’ensāf-i bi ‘Да помилует его Всевышний, он был честным человеком’.

Ma-m a: **āðam<u>gal</u>**-e dorang-o dorugō hec xaš nemā ‘Мне очень не нравятся двуличные и лживые люди’. Reva:-š a-**mor-o xurus<u>gal</u>** tāpni ‘Лиса набросилась на кур и петухов’.

Ce **ces<u>ā</u>gal**-e ju-yi an injo-**hā** (3SG) ‘Какие красивые тут вещи’! **Gol<u>gal</u>**-e bāγča-mu zard-o sorx-**ā** (3SG) ‘Цветы в нашем саду желтые и красные’. **Zuni<u>gal</u>**-om māli dard mēku-**0** (3SG). ‘У меня сильно болят колени’. A: sarmā ser-o ri-š-**eš** yax ze (3SG) ‘От холода у него закоченели голова и лицо’. An-tu dē pa:n-so duku **he** (3SG) ‘В деревне есть пять лавок’.

Inā mors**en** (3PL) ‘Они умерли’. Unā ziring-**en** (3PL). ‘Они хитрые’.

Оба явления связаны также с принадлежностью имени к определенному лексико-грамматическому классу (конкретные существительные, вещественные/*mass noun*, собирательные/*collective noun*), его месту в иерархии одушевленности (говорящий — адресат — 3 лицо ед.ч. — родственник — человек — живое существо — неодушевленный объект), а также с интерпретацией ситуации: коллективной или дистрибутивной.

Нейтральное в отношении выражения количества реально существующих объектов общее число (*general number*) соотносимо с некой совокупностью класса предметов (6). Именно оно используется в составе глагольных коллокаций, когда смысловой акцент ставится на процесс, а не на объект, над которым совершается действие (7). Используемое в «чистой» форме существительное (bare noun) нейтрально также в отношении категории выделенности, в отличие от формы имени во множественном числе (8).

Gor māli ni. **Gor** kem-ā ‘Кислого винограда немного (мало)’. Šumu tovessu bošter **miva** mē-sen-i yā zemessu ‘Вы летом больше покупаете фруктов или зимой’? Tu tovessu nemēvu **levās**-e koloft bokoren a bar. ‘Летом не надо носить теплую одежду’. Omšō hama-š (feqat) **āš** boxu. ‘Сегодня вечером ешь только аш’.

Xarveza-m qāš mē-ke ǩe-m pinja-m ham bori. ‘В то время как я резал дыню, я порезал себе палец’. Aso **levās**-om mē-kor-a bar ‘Я сейчас надеваю одежду’.

Savā bāyas beš[e]a **ko** ‘Завтра мне нужно идти в горы’. Atu dē teγerg ame, omo ri **ko:** ba:l tsessā ‘В деревне был град, а в горах выпал снег’ vs. Tu **ko:gal**-e dovu nundza:-to eškat he ‘В горах Давана есть девятнадцать пещер’. **Bozgal** bova kola ‘Загони коз в стойло’. **Sēvgale**-šu a: bona veravā ‘Яблоки сняли (собрали) с дерева’ (контекстно заданная определенность).

Единственное число, в отличие от использования существительного в обобщенно-множественном значении, сочетается с постпозитивным артиклем или используемом в качестве неопределенного артикля числительным ya: ‘один’ (9).

Ya: ruz-**i ya:** merd-**i** vo **ya:** sarvāz-**i** amrey beðen. ‘Однажды один человек и один солдат шли вместе по дороге’.

При вещественных существительных часто используются единицы измерения и счетные слова (10), а употребление формы множественного числа подчеркивает большое количество вещества (11).

Dig-om **ya: kilu** berendz ese. ‘Вчера я купил один килограмм риса’. **Ya gilās-e** ov-i hāða (hā) ma. ‘Дай мне один стакан воды’.

Kolik a: dass-eš a vel oftā vo xā gel] vo **māsgal**-eš rōt a-ri zimi. Sarvāz-eš gā **māš**-e ma-t si ce rōt-ā? ‘Кувшин выскользнул у него из рук и упал на землю, и вся простокваша разлилась по земле. Солдат сказал: «Почему ты пролил мою простоквашу?»’

При коллективном имени, обозначающем группу людей, используется форма глагола во множественном числе (12).

Bačvār an lav-e hōz hāyessa(cessa)ð-**en** (3PL) vo **šu** hey ō mē-pešingeni (3PL) a ser-o ri yakoða ‘Дети сидели у бассейна и брызгались водой’. **Mardom** harsāl ganom-o jo mēkar-**en** (3PL) ‘Каждый год люди сажают пшеницу и ячмень’.

Литература

[1] *Kalbāssi I.* Farhang-e towsifi-ye gunehā-ya zabāni-ye irān. Tehrān: Pažuhegh-e olum-e ensāni va motāle’t-e farhangi, 1388 (2009). 893 p.

[2] *Salāmi A.* Farhang-e guyeš-e davāni. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, Našr-e āsār, 1381 (2002). 367 p.

[3] *Salāmi A.* Ganjine-ye guyeššenāsi-ye Fārs. Vol. 1. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, Našr-e āsār, 1383 (2004). 537 p.

Б.А. Захарьин

Когезия главных составляющих санскритского предложения и принцип единичности выражения

Термин ‘*когезия*’, заимствованный из лингвистики текста, трактуется максимально узко: как необходимый и достаточный набор семантических и формальных средств, обеспечивающий связанность компонентов в слове, словосочетании и предложении. Здесь рассматриваются важнейшие средства обеспечения *когезии* в ‘***Aṣṭādhyāyī***’, санскритской грамматике, созданной Панини в V в. до н. э. Ими являются: упорядоченные перечни глагольных корней, характеризующие именные актанты глубинно-синтаксические роли, наборы первичных категорий глагола, списки морфологических маркеров.

Сведенные в перечни глагольные корни (***dhātu***), соответствующие разным классам спряжения, анализируются в ***Dhātupāṭha***, служащем приложением к ‘***Aṣṭādhyāyī***’.

Набор ролей (***kāraka***) в грамматике Панини представлен шестью членами. Главные из них: ***kartṛ*** — АКТОР (и обычно Агенс) и ***karman*** — ПРЕТЕРПЕВАЮЩИЙ (и обычно Пациенс или Тема); прочие роли: ***karaṇa*** — Инструмент, ***adhikaraṇa*** — Место, ***saṃpradāna*** — Цель и ***apādāna*** —Источник.

Первичные ***L-***категории глагола (***Laḥ*** или ***Lakāraḥ***) составляют множество, каждый из компонентов которого предполагает многофакторную когезию оппозиций и грамматических категорий, выражаемых наборами аффиксов. В плане содержания для ***Laḥ*** значимы: репрезентирующая тип предиката оппозиция «финитность — инфинитность»; характеризующая конкретный глагол лексико-грамматическая оппозиция «транзитивность — интранзитивность»; граммемы «актив — пассив — имперсонал» морфосинтаксической категории залога и 10 граммем категорий времени и наклонения. Формула любой из ***L***-категорий имеет вид «***L*** + различительная гласная + согласный *Ṯ* или *Ṅ*». Например, ***LaṮ*** указывает прежде всего на «презенс», он отличен от означающего «аорист» ***LuṄ***, и оба они как принадлежащие к «индикативу» противостоят ***LoṮ*** «императиву» и остальным членам ***Laḥ***.

Сведенные в списки суффиксы (***vikaraṇa***) и флексии (***vibhakti***) маркируют роли и ***L-***категории.

‘***Aṣṭādhyāyī***’ как «грамматика говорящего» предполагает, что порождение высказывания начинается с семантики — с представления о ситуации и ее типовых участниках. Затем говорящий определяется с временно́й отнесенностью ситуации и с возможной ее финитной или инфинитной репрезентацией. Далее выбираются: конкретный глагол вместе с его ролевым фреймом, спряжением и имплицируемым соотнесенностью с оппозицией «транзитивности» типом конструкции (активным, пассивным или имперсональным); после этого осуществляется процесс распределения морфологических маркеров.

Каждая из задаваемых фреймом и приписываемых актантам ролей облигаторно, но только единожды (по правилу 2.3.1 Панини) обозначается аффиксами. Принцип единичности выражения распространяется и на кореферентные и корреспондирующие по ролевой организации пары вида «главный актант — глагол». При обозначенности Актора или Претерпевающего в глаголе соотносимый именной актант маркируется только «нейтральным» по отношению к ролям номинативом — сравни:

а) *bāla-ḥ kaṭa-ṃ kar-o-ti*

юноша — Nom Sg. **АКТ** циновка — Acc Sg.**ПРЕТ** делать — PRES — 3Sg. **АКТ**

«Юноша циновку делает» — активное, т. е. ориентированное на **АКТОР** предложение;

б) *bāl-ena kaṭa-ḥ kri-ya-te*

юноша – Instr Sg. **АКТ** циновка – Nom Sg. **ПРЕТ** делать – Pass – 3Sg. **ПРЕТ**

«Юношей циновка делается» — пассивное, т. е. ориентированное на **ПРЕТЕРПЕВАЮЩЕГО** предложение.

Литература

[1] *Katre S.M. Aṣṭādhyāī* of Pāṇini (Roman transliteration and Englisи мh translation). 1st Indian ed. Delhi: Motilal Banarsidass, 1989.

В.Б. Иванов

Топик как член предложения вместо словосочетаний с местоименной связью в персидском языке

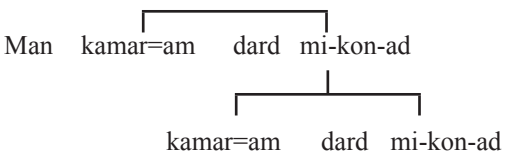
В книге Л.С. Пейсикова [1, с. 187–194] были введены словосочетания с местоименной связью, которые встречаются во многих языках, особенно часто в тюркских:

Man	kamar=am	dard	mi-kon-ad
Я	поясница=1SG	боль	TAM-делать.PRS-3SG

У меня болит поясница.

По Л.С. Пейсикову здесь словосочетание с местоименной связью man kamar=am (букв. *я моя поясница*). В нем существительные связываются друг с другом местоименной энклитикой -am. Она согласуется в лице и числе с первым элементом словом *man* (я). Причем Л.С. Пейсикова не смущало то, что этот тип словосочетания не соответствовал его определению словосочетаний, а именно тому, что словосочетание не вычленяется из предложения, а служит материалом для его построения. Вне предложения этот тип словосочетаний превращается в бессмыслицу.

В приведенном предложении формальным подлежащим является слово *kamar* (поясница). С ним согласуется глагол *mikonad* (делает). Возникает вопрос: каким членом предложения является слово *man* (я)? По Л.С. Пейсикову именно оно является подлежащим, а всё остальное (включая формальное подлежащее) — это синтаксическая предикативная группа, выступающая в роли сказуемого [1, с. 228]. Эта противоречивость в дефинициях побудила Б.Я. Островского назвать такие конструкции ступенчатыми. То есть анализ такого рода предложений надо проводить в два этапа. Сначала мы считаем слово *man* (я) подлежащим, а все остальное — сказуемым (первая ступень). А потом, анализируя сказуемое, находим в нем свои подлежащее и сказуемое (вторая ступень):

Такой подход также отличается противоречивостью. На первой ступени сказуемое не согласовано с подлежащим. Оно согласуется с ним только во второй ступени. Этот подход также не соответствует принципу линейности речи. Получается, что на первой ступени многословное сказуемое получается скачком, сразу целиком. И только на второй степени внутри сказуемого речь начинает разворачиваться линейно.

Эти трудности можно решить, введя еще один член предложения — топик, как он понимается в австронезийских языках, в частности в тагальском. Там он одновременно и элемент актуального членения предложения, и член предложения. Здесь мы основываемся на замечании о том, что есть языки, для которых понятия подлежащего и дополнения нерелевантны [2, с. 274, 3, pp. 396–397]. В тагальском синтаксисе есть специализированный маркер топика *ang*, например:

Sumulat	ang	bata
AT:PFV-писать	TOP	ребёнок

Ребёнок написал.

В отличие от тагальского мы предлагаем в персидском, добавляя топик, сохранить и старые члены предложения — подлежащее и дополнение. В этом случае схема персидского предложения будет выглядеть так:

Man	kamar=am	dard	mi-kon-ad
(топик)	(подлежащее)	(сказуемое)	
Я	поясница=1SG	боль	TAM-делать.PRS-3SG

У меня болит поясница.

Топик является главным членом предложения. В персидском специализированного показателя топика нет. Подлежащее согласуется с топиком с помощью местоименной энклитики в числе и лице. Местоименная энклитика является показателем связи топика с подлежащим. В свою очередь, сказуемое также согласуется с подлежащим (без местоименной энклитики) с помощью личного окончания в числе и лице.

Введение дополнительного члена предложения — топика — вписывается в рамки линейной развертываемости речи и позволяет нам последовательно проводить разбор предложения по членам, не прибегая к ступенчатым конструкциям.

Литература

[1] *Пейсиков Л.С.* Вопросы синтаксиса персидского языка. М.: ИМО, 1959. 412 с.

[2] *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

[3] *Gil D.* Tagalog semantics // Proceedings of the Nineteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics; Society: General Session and Parasession on Semantic Typology and Semantic Universals. 1993. Pp. 390–403. Available at: http://linguistics.berkeley.edu/bls/ (accessed September 12, 2020).

Н.Д. Крнета

Изменения в восприятии некоторых аспектов вежливой речи в молодежной среде (на материале проведенных опросов)

Вежливая речь в японском языке является сложной лексико-грамматической системой, влияние на которую на протяжении истории оказывали не столько внутриязыковые, сколько экстралингвистические факторы. В зависимости от изменений структуры общества и преобладающих в нем системе ценностей и идеологии система вежливой речи усложнялась либо упрощалась.

По мере демократизации общества и упрощения вертикальных связей в современном японском обществе система вежливой речи тоже упрощается, например, наиболее скромные и вежливые формы постепенно выходят из употребления. В то же время меняется и восприятие вежливой речи разными группами. Молодежь в Японии является главным инициатором и источником изменений в современном языке. Поэтому представляется интересным рассмотреть изменения отношения к некоторым языковым стереотипам в молодежной среде на протяжении длительного времени.

Объектом данного исследования является существующее на протяжении длительного времени в японском времени предположение, что женщины должны говорить, используя более вежливую речь, чем мужчины. В исследовании были использованы результаты опроса, проведенного нами в 2019 г. (г. Саппоро). Полученные результаты были сравнены с результатами исследования «Опрос на тему восприятия вежливой речи» (*Гэндай но кэйго исики ни кансуру анкэ:то тё:са*), проведенного Исследовательским институтом родного языка (*Кокурицу кокуго кэнкю:дзё*) в 1965 г. [1, 1965]. В качестве сравнительного материала были использованы данные анкетирования, проведенного нами в 2000 г. (г. Токио). Полученные результаты дают вспомогательные сведения, что обусловлено небольшим числом анкетированных нужной целевой группы.

Целью исследования являлась проверка гипотезы об изменении отношения молодежи (возрастная группа до 30 лет) к стереотипному представлению о необходимости использования женщинами более

вежливой речи. Изменения в стиле жизни и образе мышления молодого поколения в Японии обусловлены экономическими и общественными переменами, изменениями в статусе женщин в японском обществе, новыми образами и веяниями в массовой культуре. Все это влияет и на речевое поведение и, предположительно, относительно быстро меняет и существующие стереотипы.

В опросе 1965 г. приняли участие 116 респондентов моложе 30 лет, из них 44 юношей и 73 девушки. В 2019 г. участниками анкетирования были 36 девушек и 27 юношей, а в 2000 г. из 38 анкетируемых было трое юношей и четыре девушки моложе 30 лет.

Во всех трех опросах респондентам был поставлен вопрос «Существует мнение, что женщины должны говорить более вежливо, чем мужчины. Что Вы об этом думаете?» и предложены ответы: «1. Женщины должны использовать более вежливую речь, чем мужчины; 2. Женщинам не обязательно (нет необходимости) использовать более вежливую речь; 3. Затрудняюсь ответить; 4. Другое». Результаты представлены в виде таблицы.

Номер ответа	Опрос 1965 г.	Опрос 2019 г.	Опрос 2000 г.
	Число ответивших		
1	45 (38,5 %)	3 (4,7 %)	1 (14 %)
2	49 (41,9 %)	52 (82 %)	5 (71 %)
3	14 (12 %)	6 (9,5 %)	1 (14 %)
4	8 (6,8 %)	2 (3 %)	0

Проведенное нами исследование следует рассматривать как предварительное, требующее дополнительных более объемных данных, но тем не менее оно позволяет предположить, что выдвинутая гипотеза является обоснованной. В современном японском обществе молодое поколение не поддерживает традиционную точку зрения, что свидетельствует об изменениях в образе мышления и речевого поведения данной возрастной группы.

Литература

[1] *Гэндай но кэйго исики ни кансуру анкэ:то тё:са.* Япония: Кокурицу кокуго кэнкю:дзё, 1965. Available at: https://repository.ninjal.ac.jp/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=2402&item_no=1&page_id=13&block_id=21 (accessed September 12. 2020).

В.В. Лебедев

Русская интонация, арабский синтаксис и смысловое значение высказывания (постановка проблемы)

1. Объектом исследования являются параллельные тексты богослужебных книг православных христиан Арабского Востока и Русской православной церкви, которые функционируют как в письменной, так и в устной речи.

2. Предметом исследования является смысловое значение сообщений, передаваемых богослужебными текстами в их звуковой форме. За исходные принимаются следующие положения:

1) звучащая единица сообщения **всегда интонационно окрашена**. Интонация **сопровождает и оформляет** любое сообщение (русский / арабский);

2) интонация — это система звуковых средств, которые функционируют **во взаимодействии с синтаксическим** строением высказывания и его **лексическим** составом (русский / арабский);

3) к интонационным средствам относятся, в том числе, **синтагматическое членение и пауза** (русский / арабский);

4) соотношение синтаксических, лексических и интонационных средств высказывания может быть различным. Этим определяются **смыслоразличительные возможности интонации** (русский);

5) эти возможности минимальны, если взаимодействие синтаксического строения и лексического состава достаточно для выражения **однозначной информации**. Они возрастают, если это взаимодействие оставляет возможность для выражения **неоднозначной информации** (русский);

6) интонация **различает** высказывания:

а) по цели (например, вопросительные ←→ невопросительные) (русский);

б) по семантической структуре /русский/;

в) по степени смысловой нагрузки отдельных частей предложения (русский);

г) по выделению главного в сообщении (русский);

д) по характеру отношения говорящего к высказываемому (русский /арабский);

е) по стилистической окраске (русский /арабский);

7) интонация **выражает** вопросительность и невопросительность — в сочетании с определенным словопорядком и специальными

частицами (русский); **акцентирует** значение тех или иных форм предложения (русский / арабский); **сопровождает** синтаксическую структуру предложения (русский / арабский); **оформляет** его актуальное членение и его субъективно-модальные характеристики (русский); **соотносится с** определенными коммуникативными типами предложений (русский); **соответствует** данной конкретной задаче предложения, его коммуникативному заданию (русский / арабский).

3. Целями исследования служат:

1) выявление и описание таких арабско-русских / церковнославянских пар предложений, которые принадлежат к одному и тому же коммуникативному типу, но при этом используют различительные возможности интонации в разной степени: от решающей до нулевой;

2) разработка методики проведения сопоставительных русско-арабских исследований в области синтаксиса предложения с учетом фактора интонации;

3) выработка рекомендаций для обучения и практики письменного перевода с русского на арабский.

4. Предварительный анализ материала параллельных текстов дает основания выдвинуть следующую гипотезу: роль интонации в выражении смыслового значения сообщения, включающего в себя выражение однозначной информации, ее коммуникативной нерасчлененности или расчлененности на данное (тема) и новое (рема), т. е. в оформлении актуального членения, выделении главного в предложении или словосочетании в русском значительно выше, чем в арабском: в нем эти функции берет на себя синтаксис предложения и синтаксис словосочетания, а также отбор лексики. Пользующийся русским языком для выявления указанных параметров речи нуждается в контексте и конситуации каждого предложения в значительно большей степени, чем пользующийся арабским.

4. Типичной для сопоставления рассматриваемых языков является высказывание: *Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас* = *quddūs*^{umi} *l-llāhu* *quddūs*^{umi} *l-qawiyy*^{u} *quddūs*^{umi} *l-laz̲ī* *lā* *yamūt*^{u} *‘irḥam-nā*.
Арабский аналог состоит из четырех высказываний. При этом в именных предложениях (три) исходная коммуникативная часть (тема) следует за его главной частью (ремой); глагольное предложение (одно) представлено глагольной повелительной формой и двумя личными местоимениями. Коммуникативные центры каждого предложения (выделенные подчеркиванием) в русской устной речи были бы выделены интонационно, так называемым логическим ударением.

Д.В. Линяев

Приставочные глаголы русского языка и их японские эквиваленты. Проблематика перевода и преподавания

Приставочные глаголы — многочисленная группа единиц в составе лексики русского языка. Глагольные приставки (префиксы) используются как деривационные морфемы, выражающие смысловые коннотации, семантически отличающие производные глаголы от исходных, например, есть и доесть.

Общими характеристиками корпуса приставочных глаголов русского языка являются, среди прочего, его обширность, разнообразие единиц, а также наличие приставок-омонимов, имеющих одинаковое звучание, но разные значения, например, перепрыгнуть — направление действия через (сквозь) какой-либо предмет; переписываться, переглядываться, перешептываться — длительное взаимное действие; переписать — повторное действие и т. п.

В японском языке для передачи значений, аналогичных смысловым коннотациям, выражаемым русскими глагольными приставками, используются как синтетические (ТОБИКОЭРУ — перепрыгнуть, КАКИНАОСУ — переписать), так и аналитические (ДЭТЭ ИКУ, ЯТТЭ МИРУ) средства. К синтетическим средствам передачи коннотаций можно отнести сложные глаголы — многочисленную группу в составе глагольной лексики японского языка. В сложных глаголах часто второй глагольный компонент выражает смысловую коннотацию, выражаемую в русском языке приставкой. Очевидно, что для передачи значений, выражаемых омонимичными приставками, в японском языке используются разные глагольные компоненты, поэтому омонимичность аффиксов в переводе утрачивается.

Работа может вызвать интерес у преподавателей японского языка, а также у переводчиков-практиков.

Л.Т. Нечаева

Двойные падежи в японском языке

В японском языке существуют двойные падежи. Роль двойного падежа — обозначить подчинение дополнения-существительного в косвенном падеже другому существительному. При этом перевод полученных словосочетаний имеет широкий спектр значений, отличающийся от привычных значений употребляемых показателей косвенных падежей.

Двойной падеж образуется путем присоединения показателя родительного падежа の (*но*) к существительному в форме любого падежа, кроме именительного на が (*га*), винительного на を (*о*), дательного на に (*ни*).

Интерес представляет перевод слов в двойном падеже, поскольку он значительно отличается от перевода слова в том падеже, к которому присоединяется показатель родительного падежа の (*но*). Это не учитывается в учебниках при рассмотрении системы падежей, поэтому у учащихся часто возникает непонимание. В связи с этим необходимо рассмотреть переводы двойных падежей на русский язык.

Рассмотрим возможные варианты переводов слов в форме двойных падежей на русский язык. Примеры приводятся из газет «Майнити», «Асахи», «Ёмиури».

I. Двойной падеж с показателем направления へ *э*.

1. Перевод без предлога в форме родительного падежа.

次に「習体制」への評価だ。 *Цуги-ни «сю:тайсэй»-э-но хё:ка.* Далее оценка системы обучения.

2. Перевод дательным падежом с предлогом «к».

復興への道を、国と地方の関係を見直す機会にすべきだ。 *Фукко:-э-но мити-о, куни то тихо:-но канкэй-о минаосу кикай субэки да.* Дорога к возрождению должна стать благоприятным моментом к пересмотру отношений между государством и регионами.

3. Перевод предложным падежом с предлогом «о».

見守りや相談だけでは、高齢者やその家族が抱く将来への不安に応えられない。 *Мимамори я со:дан дакэ-дэ ва, ко:рэйся я соно кадзоку-га даку сё:рай-э-но фуан-ни котаэрарэнай.* Только наблюдение и советы не могут ответить на беспокойство о будущем, охватывающее пожилых людей и их семьи.

4. Дательным падежом без предлога.

衆院選での政権公約（マニフェスト）への過度のこだわりや、官僚組織を排除する「政治主導」の弊害は大きい。 *Сю:инсэндэ-но сэйкэн ко:яку (манифэсуто)-э-но кадо-но кодовари я, канрё: со:сики-о хайдзё-суру (сэйдзи сю:до:)-но хэйгай ва о:кий.* Чрезмерная приверженность обещаниям (манифесту) власти на выборах в палату представителей и «политическая инициатива» по устранению бюрократических организаций приносят большой вред.

II. Двойной падеж с показателем творительного падежа で*дэ*.

1. Перевод творительным падежом с предлогом «по».

民間交流の促進や、経済分野を含めた地球規模の問題での協力強化も確認した。 *Минкан ко:рю:-но сокусин я, кэйдзай бунъя-о фукумэта тикю: кибо:-но мондай-дэ-но кё:рёку кё:ка мо какунин-сита.*

Подтвердили сотрудничество по мировым проблемам, включая развитие обменов, развитие в экономической области.

2. Перевод творительным падежом с предлогом «на».

高いレベルでの政治対話がなく、日本政府はロシア要人の北方領土訪問を止める手だてを持てずにいる。 *Такай рэбэру-дэ-но сэйдзи тайва-га наку, нихон сэйфу ва росиа ё:дзин-но хоппо: рё:до хо:мон-о томэру тэдатэ-о мотэдзу-ни иру.* Нет политического диалога на высшем уровне, и у японского правительства нет способа прекратить визиты российских высокопоставленных лиц на «северные территории».

III. Двойной падеж с показателем совместного падежа と (*то*).

1. Перевод творительным падежом с предлогом «с».

米欧諸国との共同開発が実現すれば、日米同盟の深化や欧州との安保協力の強化にもつながる。 *О:бэй сёкоку-то-но кё:до: кайхацу-га дзицугэн-сурэба, нитибэй до:мэй-но синка я о:сю:-то-но ампо кёрёку-но кё:ка-ни мо цунагару.* Если реализуется совместное развитие с Америкой и странами Европы, то это будет связано с усилением японо-американского союза и сотрудничества в области безопасности со странами Европы.

IV. Двойной падеж с показателем сравнительного падежа より (*ёри*).

1. Перевод родительным падежом с предлогом «из».

最後に、耳よりの情報をお話ししましょう。 *Сайго-ни, мими-ёри-но дзё:хо:-о оханаси-симасё:.* В конце поговорим об услышанной информации. (информации из уха).

2. Перевод родительным падежом с предлогом «от».

その時の印象と、トルーマン大統領よりの指令とで、マッカーサーはこの確言が出来たのであろう。 *Соно токи-но инсё: то, тору:ман дайторё:-ёри-но симэй-то дэ, макка:са: ва коно какусин-га дэта-но даро:.* Эта уверенность у Маккартура появилась от впечатлений в то время и указаний президента Трумана.

V. Двойной падеж с показателем исходного падежа から (*кара*).

1. Перевод родительным падежом с предлогом «с».

頂上からの市内全景の眺めは最高です。 *Тё:дзё:-кара-но синай кэмбуцу-но нагамэ ва сайко: дэсу.* Самый лучший вид пейзажа всего города был с вершины горы.

VI. Двойной падеж с показателем предельного падежа まで (*мадэ*).

1. Перевод родительным падежом с предлогом «до».

中国国防費は、一昨年までの２１年間、２ケタ増を記録し、海、空軍の装備も大幅に強化された。 *Тюгоку кокубо:хи вы, иссакунэн-мадэ-но 21 нэнкан. 2 кэтадзо:-о кироку-сита.* Военные расходы Китая увеличились за 21 год до позапрошлого года в 2 раза.

М.В. Порхомовский

Таксономия такс: к вопросу о наименовании пород собак в турецком языке

В докладе рассматривается фрагмент особой терминологической системы, а именно названия пород собак в турецком языке.

По итогам анализа корпуса из 51 наименования пород собак, фотографии которых приводятся в поисковой программе Google (турецкоязычная версия) при запросе «породы собак», можно сделать вывод, что различные варианты названий конкретной породы наиболее ярко проявляются на примере таксы.

В турецком языке существуют три различных варианта наименования этой породы: *dachshund / dakhund / daksund*, *porsuk köpeği* (барсучья собака), *sosis köpek* (собака-сосиска).

1. *dachshund / dakhund / daksund*

В связи с тем что подавляющее большинство пород выведено за пределами тюркоязычного региона, прежде всего в странах, где используется латинский алфавит, основной способ именования пород заключается в точном копировании (*dachshund*). Однако в случае сложного написания в оригинале в турецком языке также используется фонетическая транскрипция соответствующей лексемы, в данном случае *dakhund* или *daksund*. Наличие двух вариантов, скорее всего, объясняется тем, что немецкое произношение слова *dachshund* может по-разному восприниматься носителями турецкого языка. В качестве аналогии приведем пример названия породы «русская борзая» на турецком языке — *borzoy* («борзой», не «борзая»).

2. *porsuk köpeği* (барсучья собака)

Таксы были выведены в Германии прежде всего для охоты на барсуков (лексема *dachshund* происходит от немецкого Dachs (барсук) и Hund (собака)). Таким образом, второй распространенный способ именования — калькирование.

3. *sosis köpek* (собака-сосиска)

Внешнее сходство таксы с сосиской стало причиной появления этого «народного» названия породы.

В заключение необходимо отметить, что варианты *dachshund,* реже *dakhund / daksund* используются прежде всего в научной литературе, специальных статьях по собаководству и т. д. Варианты *porsuk köpeği* и *sosis köpek* являются общеупотребительными.

Т.С. Савватеева

Предложения-дейктики как средство выражения модальности в египетском диалекте

Настоящий доклад посвящен рассмотрению формальных и функциональных особенностей предикативных структур в египетском диалекте, в прагматическом отношении представляющих собой дейктики, т. е. языковые единицы, которые имеют значение указания, ориентированы «на внеязыковую действительность, отражаемую в содержании высказывания… и служат для актуализации компонентов ситуации речи» [1, с. 128].

В египетском диалекте посредством данного типа предложений совершается акт прямого указания — либо на объект (1), находящийся в пределах восприятия говорящим и адресатом, либо на сложившуюся ситуацию (2), (3). В этой связи такие высказывания могут характеризоваться как перформативные, т. е. высказывания-действия. Первым компонентом дейктических предикативных конструкций может выступать указательное имя ***ādī*** (اَدي) «вот», предположительно, коптской этимологии [2, с. 1], либо дейктик ***a-hu/-hi/-hum*** «вот он (أَهو)/-она (أَهي)/-они (أَهم)», в составе которого выделяется личное местоимение 3-го лица.

(1) *ādī* ṭaba’-u w-*ādī* aklit-u
вот тарелка-его, а вот еда-его
Вот его тарелка, а вот — еда.

(2) *ādi*-nta b-ti’mil kull-i l-ḫeer
вот ты PX-делаешь всё ART-добро
Вот ты делаешь только добро.

(значение постоянного характера действия передается префиксом *b(i)*-);

(3) *w-ādī* kamān il-’arabiyya it’aṭṭalit
и вот еще ART-машина сломалась-она
А вот еще и машина сломалась.

Анализ собранных примеров из драматургических произведений и аудиопередач на египетском диалекте подтверждает, что употребление предложений с дейктиками *a-hu/-hi/-hum* служит для пояснения сказанного или для указания на результат — ситуацию, возникшую как следствие событий, известных говорящему, т. е. данные высказывания выполняют функцию аргументации (4), (5). Таким образом, выделяется два типа предложений-дейктиков: дейктические высказывания прямого указания и поясняюще-результирующие дейктические высказывания.

(4) *a-hu* gāy ḥāl-an
вот-он приходящий сейчас
Он сейчас придет. (Ответ на вопрос «Где он?)

(5) wa-iḏa ma kunti-š miṣaḍḍa'-u, rūḥ is'al
и если NEG был-ты-NEG верящий-ему иди спроси
nāna, *a-hī* kānit ḥaḍra ik-kalām dah
Нану, вот-она была присутствующая ART-речь эта
А если ты не веришь ему, иди спроси Нану, ведь она присутствовала при этом разговоре.

По нашему мнению, описанные средства коммуникативного устройства предложений-дейктиков в египетском диалекте относятся к той области модальности, которая связана с «выражением оценки или психологической позиции говорящего по отношению к высказыванию» [3, с. 13], а также намерением говорящего заявить о себе.

Литература

[1] *Виноградов В.А.* Дейксис // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
[2] *Badawi El-S.*, *Hinds M.* A Dictionary of Egyptian Arabic. Arabic-English. Beirut, 1986.
[3] *Mitchell T.F., al-Hassan S.A.* Modality, Mood and Aspect in Spoken Arabic. London: Kegan Paul International, 1994.

Л.В. Хохлова

Мотивация гиперролей в западных новоиндийских языках (хинди-урду, раджастхани, панджаби и гуджарати)

В докладе предлагается структурная и семантическая мотивация полисемии при маркировании семантических ролей в западных новоиндийских языках. Западные новоиндийские языки относятся к языкам с расщепленной эргативностью. В номинативно-аккузативной сфере для них типична гиперроль «главного действующего лица» — Протагониста, объединяющая единственный актант одноместного предиката с Агенсом двухместного, в эргативной сфере — гиперроль Фактитива, «актанта, обозначающего непосредственного, ближайшего, наиболее затрагиваемого участника ситуации». Эта гиперроль объединяет единственный актант одноместного предиката с Пациенсом двухместного. Семантическая мотивированность гиперролей Прота-

гониста и Фактитива подробно описана в [1, с. 191–193]. К другим семантически мотивированным гиперролям можно отнести также гиперроль Адресата, Рецепиента и Экспериенцера, для которой характерно общее значение Получателя (материальных объектов либо информации). В современных западных новоиндийских языках эта гиперроль кодируется аккузативно-дативным послелогом.

Помимо семантической мотивированности гиперролей, предполагающей наличие общих сем в их значении, в языках существует также тенденция экономичности [1, с. 194]. Следуя этой тенденции, одинаково маркируются прежде всего гиперроли, которые обычно не встречаются в пределах одной предикатно-актантной структуры, например, роли Экспериенцера и Агенса или Пациенса (Темы) и Стимула.

С точки зрения семантической мотивированноти Экспериенцер объединяется с Адресатом и Реципиентом, по принципу экономии — с Агенсом. И то и другое представлено, например, в русском и западных новоиндийских языках. В подлинно эргативных языках, где предикатные актанты кодируются по принципу «одна роль — один падеж», Экспериенцер всегда маркируется отлично от Агенса [1, с. 206].

Возникновение гиперролей может быть мотивировано также историческим развитием языка. В данной работе для описания исторически мотивированных гиперролей в западных НИА использована модель однонаправленного развития метафоризации при выражении падежных отношений в языках мира: пространственные отношения (spatial relations) → человеческие отношения (human relations) → абстрактные (не пространственные) концепты (inanimate relations) [2].

Среди метафорических переносов «пространственные → человеческие отношения» в западных новоиндийских языках выделяются: Начальная точка / Источник → Агенс пассивного предложения; Начальная точка / Источник → Медиатор / Посредник; Локус → Посессор; Локус → Медиатор / Посредник. К метафорам типа «человеческие отношения → абстрактные концепты» относится перенос Бенефактив → Цель. Наибольшее количество внутренних метафорических переносов наблюдается в концептуальном поле «человеческие отношения». К ним относятся: Реципиент → Экспериенцер; Агенс → → Посессор; Рецепиент → Агенс в большинстве конструкций долженствования; эргативный Агенс → Агенс в некоторых конструкциях долженствования; Реципиент — Пациенс.

Литература

[1] *Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 336 с.

[2] *Heine B.*, *Claudi U.*, *Hünnemeyer F.* Grammaticalization. A conceptual framework. Chicago, IL: Chicago University press, 1991. 318 p.

[3] *Narrog H.* The grammaticalisation chain of case function. Extension and reanalysis of case marking vs. universal grammaticalisation // Perspectives on Semantic Roles. Silvia Luraghi & Heiko Narrog (ed.). John Benjamins Publishing Company, 2014. Pp. 69–98.

История, источниковедение и историография Древнего и Средневекового Востока

А.А. Вигасин

Древнеиндийский алкоголь

У греческого писателя Афинея (II–III вв.) есть такое сообщение (Deipn. I.27 d): «По словам Хареса Митиленского (участника похода Александра Македонского. — *А.В.*), среди индийцев почитается божество Сороадей (Σοροαδείος), по-гречески это значит οἰνοποιός (податель вина, винодел. — *А.В.*)». Фрагмент этот не раз привлекал внимание индологов, которые угадывали во второй части слова санскритское deva (бог). Впрочем, скептики указывали на то, что персонаж «Сурадева» в индийских источниках не отмечен. Поэтому предлагалось иное отождествление — с солнечным богом Сурьей (Sūryadeva). Однако это явно противоречит греческому переводу.

Представляется, что загадочный Σοροαδείος очень точно соответствует богине напитка surā. Звук «u» в индийских словах греки часто передавали через омикрон: Candrag**u**pta — Σανδρακ**ό**ττος, Pāṭalip**u**tra — Παλιβ**ό**θρα. Сочетание οα можно истолковать как попытку передать долгое «а» (ср. Doanas в латинской версии Клавдия Птолемея VII.2.7 = Lanos у Плиния VI.55). Известно, что санскритское devī в разговорном языке превращалось в deī (Lumbinīdevī — Rummindeī, ср. deī в панджаби). Вряд ли должно нас смущать и то, что женское божество фигурирует с окончанием мужского рода. Названия индийских рек, например, — женского рода, а греки меняют их на мужской род. На кушанских монетах мы видим подпись ΣΑΛΗΝΗ (т. е. богиня Селена) под изображением мужской фигуры божества и т. д.

Surādevī, согласно известному мифу, появилась при пахтании Океана богами и асурами (Махабхарата I.16.34; 36; V.100.12). Она олицетворяет напиток surā, который перечисляется вместе с сомой и амритой. Ее часто называют Vāruṇī, считая дочерью бога Варуны (Амаракоша III.3.51). В «Рамаяне» (I.45.36) говорится: «Из вод Океана поднялась Варуни, дочь Варуны». И далее: сыновья Дити (т. е. асуры) ее не приняли, а сыновья Адити (Адитья) ее приняли — поэтому, будто бы, боги и называются словом «суры». То есть

даже само обозначение индийских богов поэт производит от напитка суры — ведь она «радует богов-суров» (suranandinī — Махабхарата I.60.51). В ведийских текстах суру порою противопоставляют соме — сакральному наркотическому напитку. В Тайттирия-брахмане (I.3.3.2-3) говорится: «Сома — наилучшая пища богов, у людей же — сура». Однако суру предлагали и богам; при этом, согласно Ваджасанеи-самхите XIX.1, обращаясь к суре, говорили: «Ты — сома!». Сита обещала после возвращения Рамы принести в жертву тысячу кувшинов суры вместе с мясом и вареным рисом (Рамаяна II.52.89; ср. 55.20).

Сура — опьяняющее питье. Ее восхваляют, например, при церемонии, когда «наилучшей сурой» обливают невесту: ведь сура — символ любовного пыла (Гобхила-грихьясутра II.1.10). Но негативные последствия опьянения тоже хорошо известны — уже в Ригведе (VIII.2.12; 21.14) говорилось о тех, кто, напившись суры, затевает ссоры. По всей видимости, первоначально под сурой имелась в виду yavasurā (Панини II.4.25), т. е. напиток из ячменя (какая-то разновидность пива), но впоследствии обычно подразумевались более крепкие напитки. Дхармашастры Ману (XI.95) и Вишну (XXII.82) выделяют три вида суры: из муки, из меда, из сахарной патоки. Мука при этом использовалась рисовая. Страбон (XV.1.53), пересказывая Мегасфена, писал, что индийцы вина (οἰνόν) не пьют; лишь на жертвенных церемониях они пьют вместо ячменного напитка изготовленный из риса (ἀπ’ ὀρύζης ἀντὶ κριθίνων), т. е. рисовую водку. Это, конечно, сура.

Так как в Индии не растет виноград, вино было лишь импортное. Однако индийцы знали много видов алкогольных напитков: из фиников, из сока фруктов или из цветов — в широком смысле слова все они могли быть причислены к surā. У Космы Индикоплова (XI.11) говорится, что индийцы вместо вина пьют сладкий сок кокосового ореха, который называется у них ῥογχοσοῦρα. Речь, видимо, идет о перебродившем кокосовом молоке — этот напиток (nārikela) в санскритских текстах причисляется к слабоалкогольным (madya — Вишну-смрити XXII.83). Приводимое Космой индийское слово, очевидно, оканчивается на surā. Можно думать, что начало его соответствует одному из названий кокоса — lāṅgalī. В Амаракоше (II.4.168) сказано: nālikeras tu lāṅgalī, и средневековый комментатор Махешвара поясняет, что могут быть фонетические варианты с r или l: nālikera — nārikera — nārikela. Слово, которое имел в виду Косма, предположительно могло бы выглядеть как rāṅga [rī или lī?] surā.

Е.В. Гордиенко

Выбор духа-покровителя как веха в истории местности на юге Вьетнама в XIX в.

До XVII в. земли крайнего юга современного Вьетнама населяли кхмеры, и лишь с начала XVII в. вьетнамские крестьяне начали постепенно заселять земли по реке Сайгон и дельту Меконга. К концу XVII в. здесь сложилось значительное вьетнамское население, а также проживали многочисленные китайские переселенцы. С XVII в. на юге современного Вьетнама также возросло присутствие европейцев — миссионеров, путешественников, торговцев, пиратов. К концу XVII в. вьетнамцы захватили кхмерские земли по левому берегу дельты Меконга, включая территории по течению реки Сайгон [1, с. 62–263; 2, с. 89–93; 3].

В общинном доме квартала Тхангтам города Вунгтау, находящегося в устье реки Сайгон, нам удалось узнать больше об истории этих мест (во время полевых исследований культа духов в течение 2018 г.).

В начале XIX в. для защиты от пиратов побережья, устья реки Сайгон и самого города Сайгон, расположенного выше по течению, в устье реки были устроены гарнизоны. Благодаря появлению укреплений удалось обеспечить безопасность торговли на реке Сайгон. Командиры гарнизонов получили земли и основали на них поселения (ныне кварталы города Вунгтау). В 1820 г. был построен общинный дом, который служил местом собраний, принятия важнейших решений и проведения церемоний в честь духов-покровителей местности. Вероятно, сразу после смерти командиров гарнизонов сложился их культ. До настоящего времени они почитаются как духи-покровители города наряду с другими духами и божествами вьетнамского народного пантеона.

Почитание полководцев начала XIX в. органично вписалось в традиционную систему верований, поскольку культ полководца-защитника во Вьетнаме имеет многовековую историю. Кроме того, командиры гарнизонов почитаются как основатели поселений, ныне кварталов города. Вероятно, речь идет не об основании поселения, а об обустройстве безопасной жизни местных жителей, благодаря чему начался рост поселения и приток переселенцев в эту местность, продолжающиеся и в настоящее время. Это свидетельствует о том, что налаживание мирной жизни в устье реки Сайгон стало более важной вехой в истории этих мест, чем основание поселения (кхмерами и позднее вьетнамцами).

По-видимому, до полководцев в данной местности уже почитались духи-покровители, ведь вьетнамцы населяли эту область уже два

века. Однако полководцы сменили их на алтаре, поскольку их вклад в жизнь местных жителей был достаточно весомым. Строительство укреплений и борьба с пиратством стали первым шагом к обустройству общинной жизни будущего города. В настоящее время старожилы Вунгтау, участвуя в церемониях поклонения духам полководцев в общинном доме, верят в способность этих духов активно воздействовать на жизнь живых людей и поэтому обращаются к ним за покровительством, с мольбами о мире, просят защиты от наводнений, эпидемий, неурожаев. Вместе духами полководцев почитаются также герои и жертвы недавних войн.

Таким образом, почитание духов командиров гарнизонов начала XIX в. отсылает нас к важной вехе в истории Вунгтау — началу безопасной жизни в этих землях. Почитание этих духов оставалось значимым для населения Вунгтау в течение двух веков, благодаря чему общинный дом и его территория сохранились в годы антирелигиозной политики (1970–1980) и при застройке города в наши дни.

Литература

[1] *Деопик Д.В.* История Вьетнама. Ч. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 320 с.
[2] История Кампучии: краткий очерк / под ред. Ю.Я. Михеева (отв. ред.), Ю.П. Дементьева, В.А. Кожевникова. М.: Наука, 1981. 252 с.
[3] *Новакова О.В.* Крест и Дракон: у истоков вьетнамской католической церкви (XVI–XVII века) / отв. ред. П.Ю. Цветов. М.: Ключ-С, 2012. 303 с.

М.В. Грачев

Частная торговля с иностранцами в Японии X–XII вв.: государственная политика и реальность

В начале X в. усилиями императора Дайго (прав. 897–930) и его единомышленников были предприняты масштабные преобразования. Строгий контроль торговли с иностранцами оказался среди приоритетных задач, став неотъемлемым компонентом государственной политики.

Государство, вознамерившееся пресекать любую частную инициативу во внешней торговле, установило правила посещения иностранными негоциантами Японии, запретив при этом японцам покидать страну под угрозой жесточайших кар. Иноземный гость, пожелавший организовать торговое предприятие в Японии, был обязан пребыть на остров Кюсю, где располагалась управа Дадзайфу, обладавшая широким кругом полномочий, включая контроль над иностранцами. От иноземцев требовали соблюдения обязательных процедур. Все их товары подлежали учету и размещались в государственных складах,

а ответственные чиновники управы Дадзайфу производили оценку стоимости товаров, исчисляли размер таможенной пошлины, определяли цену на предметы торговли и т. д. В ведении Дадзайфу находились вопросы выдачи разрешений на торговлю (оная должна была осуществляться в строгом соответствии с установленными ценами). Иноземным купцам надлежало расквартироваться в гостевом доме, контролируемом государственными служащими. Этот дом, будучи своеобразным гостиничным комплексом, обладал широкой инфраструктурой, и иностранцам предписывалось без крайней необходимости не покидать его территорию. Торговые сделки также должны были проводиться непосредственно в гостевом доме. Последующий визит в Японию с целью нового торгового предприятия дозволялся только через несколько лет (так называемый период ожидания). Нарушение этого правила возбранялось.

Насколько реализуемыми на практике оказались вышеозначенные регламенты? Какую информацию о реальном положении дел в области частной торговли с иностранцами в Японии в X–XII вв. можно почерпнуть из источников?

Прибытие иностранных купцов в Японию не всегда осуществлялось на остров Кюсю (роль Дадзайфу как ведущего ведомства в области внешней торговли постепенно ослабевает). Негоцианты X–XII вв. пользовались мореходными путями, сформировавшимися еще во время существования государства Бохай (698–926), и многократно посещали Японию в обход острова Кюсю (особенную популярность приобрели морские пристани провинции Этидзэн).

Сановные персоны демонстрировали интерес к иноземным товарам и оказывали протекцию заморским гостедворцам, нарушая существующие запретительные установления, что в итоге привело к краху плана государственного контроля внешней торговли. Придворные чиновники вмешивались в вопросы ценовой политики, устанавливая приемлемые для себя и иностранных гостей цены на их товары. Пользуясь покровительством царедворцев, купцы зачастую не придерживались предписанных им «периодов ожидания», нарушали режим пребывания в гостевых домах и рисковали вступать в противоречия с провинциальными властями.

Среди должностных лиц Дадзайфу процветало мздоимство. Они практиковали самопроизвольные конфискации товаров у иноземных гостей, промышляя и иными преступными схемами личного обогащения. История Тайра Тадамори (1096–1153) — инициативного управляющего поместьем отрекшегося императора — весьма показательна, поскольку Тадамори баснословно разбогател на незаконной частной

торговле. В отличие от Тадамори, так и не получившего наказания за свои беззакония, участники преступного сговора (среди них обнаружились помощник управителя Дадзайфу и управитель провинции Цусима), организовавшие незаконную торговлю с киданями, поплатились за свои деяния.

И.А. Зайцев

Министры-командиры бирманского войска в эпиграфике Пагана XII–XIII вв.: титулы, участие в военных кампаниях

Рассмотрим вопрос иерархии командиров бирманского войска государства Паган (1044–1368) в период XII–XIII вв. В качестве источника послужили памятники бирманской эпиграфики — надписи на каменных стелах, расположенные на территории древнего города Паган.

В иерархии управления армией Пагана ключевые командные посты занимали придворные министры, приближенные к правителю Пагана. Высокий социальный статус этих людей и предполагаемое отношение к армии можно определить по целому ряду особенностей, указанных в текстах памятников эпиграфики. Назовем их.

1. Обладание почетными титулами

В источниках встречаются неоднократные упоминания **индианизированных** титулов, указывающих на космологическую связь их обладателя с войском. Наиболее распространенным из них является Сатуйингабоу (санскр. *caturangapala*) — «командир четырех видов войска». Также часто встречается титул Махасенапати (санскр. *mahasenapati*), известный из реалий древней Индии. Он указывает на высокий социальный статус его носителя.

2. Участие в военных походах

Памятники бирманской эпиграфики содержат сведения об участии придворных министров в различных военных кампаниях. Так, в 1280 г. министр Индаписэйа был отправлен паганским правителем Наратихапэтэем на защиту крепости Нгасхаунчжан, которая подверглась нападению со стороны монгольских войск. В 1296 г. министр Йазатинчжан был отправлен в нижнюю Бирму для подавления вооруженного восстания *монов*. Но эти министры не обладали почетными индианизированными военными титулами.

3. Получение награждения от правителя за успешную военную кампанию

В надписях встречаются примеры, которые свидетельствуют о существовании системы царских награждений за успешную военную

кампанию. Например, в тексте надписи из деревни Миннанту, расположенной в археологическом музее Пагана, сказано, что некий Лэкхана Лэвэ воевал с г. Тэгауном и за храбрость получил в награду земельный надел.

Из рассмотренного материала можно сделать выводы: в средневековом бирманском обществе времен Пагана (1044–1368) командование войском могло осуществляться приближенными к правителю придворными. Их статус и отношение к армии могли определяться почетными титулами, участием в военных кампаниях и получением наград за успешные военные кампании. При этом на основе эпиграфических надписей невозможно провести четкую грань между «военными» и «гражданскими» войсковыми командирами. По-видимому, система командования средневековой армией не предусматривала такого четкого деления ее командиров.

К.Д. Никольская

У истоков европейского востоковедения: южноиндийские конспекты Георга Якоба Кера

1. Архив Георга Якоба Кера (1692–1740), одного из первых европейских востоковедов, хранящийся в фондах РГАДА, содержит материалы, сообразные разносторонним интересам ученого. Помимо многочисленных писем в нем присутствуют рукописи и конспекты разных лет на самые неожиданные темы.

2. Среди таких конспектов есть несколько листов с текстами (РГАДА, ф. 191, д. 42, л. 3–8), содержащими описание южноиндийских земель в районе Транкебара. Большая часть материалов касается темы языка (языковая ситуация в регионе, общие сведения о так называемом малабарском языке, парадигмы и т. п.) и проблем письменности. Эти материалы перемежаются сведениями о политической ситуации на индийском Юге, научных дисциплинах индийцев, данными об индийской медицине. Сам Г.Я. Кер в Индии никогда не бывал, да и вообще не выезжал за пределы Европы. Откуда же в его руки попали эти сведения? Ответ на этот вопрос может дать подробный анализ документа.

3. Рукопись содержит многочисленные помарки и исправления. Сам конспект сопровождается большим количеством приписок и комментариев на полях. В отдельных случаях эти приписки оказываются разъяснениями самого Кера к содержанию записей. Большая же их часть плохо согласуется с основным текстом и касается иных тем (впрочем, тоже южноиндийских). Эти детали ясно демонстрируют, что

конспект делался не для других, но предназначался исключительно для личного пользования.

4. Среди пометок на полях ясно читается имя *B. Ziegenbalg*. Бартоломеус Цигенбальг (1682–1719) — фигура знаковая и для истории европейской индологии, и для миссионерского движения в Индии. Именно ему европейцы обязаны первыми подробными сведениям об индийском Юге и тамильском языке. Как и Г.Я. Кер, Б. Цигенбальг был выпускником университета в Галле, откуда происходила большая часть миссионеров Транкебара. Учитывая разницу в возрасте, Кер и пастор вряд ли были соучениками, однако, возможно, состояли в переписке: в РГАДА хранятся два письма, свидетельствующие о живом интересе Георга Якоба к южноиндийским реалиям (РГАДА, ф. 191, д. 141, л. 112–113; РГАДА, ф. 191, д. 141, л. 133–134) и о его эпистолярных контактах с миссионерами.

5. При ближайшем рассмотрении существенная часть текста оказывается рукописным воспроизведением сообщений из Транкебара, которые были опубликованы А.Г. Франке, идеологом миссионерской деятельности университета Галле, в «Отчетах Датской королевской миссии» от 1713 г. Местами записи Кера копируют эту публикацию дословно. Однако некоторые особенности рукописи не позволяют считать конспекты полной копией отчетов, прежде всего потому, что в тексте Кера нарушена логика последовательности тем из публикации. Создается ощущение, будто в его распоряжении были не печатные материалы, а разрозненные бумаги, которые он торопился скопировать. Кроме того, записи Кера включают в себя ряд сюжетов, отсутствующих в отчете, но обнаруживаемых в письмах пастора к разным лицам (список индийских наук, перечень распространенных болезней и т. п.). Комментарии на полях рукописи не все ясно читаются, и они не всегда связаны с самим повествованием. Многие из них представляют собой списки тамильских слов, имен богов, терминов и т. п. Часть тамильской лексики из записок на полях позднее повторяется в диссертации Г.Я. Кера (РГАДА, ф. 191, д. 59).

6. В тексте присутствует некоторое количество вымаранных слов и выражений. Вымараны они тщательно, но в некоторых случаях частично видно то, что было записано прежде. Зачеркнутые выражения часто не тождественны тому, что есть в официально опубликованном материале. Эту небрежность можно было бы объяснить рассеянностью Кера. Однако такое объяснение кажется не слишком убедительным. Часть исправлений в тексте свидетельствует о том, что Кер при копировании случайно перепрыгивал через строчку вверх или вниз, затем зачеркивал. Или же помарка оказывается вставкой пропущенной

при копировании фразы. Такого рода оплошности более вероятны при переписывании рукописного, нежели печатного текста.

7. Вероятнее всего, основу для настоящей рукописи действительно составили отчеты, известные по публикации 1713 г. К ним добавлены сведения из личных писем Цигенбальга. В то же время и характер компоновки материала, и особенности помарок позволяют думать, что Кер работал не с официальными изданиями. Стоит вспомнить, что он учился в университете Галле, где преподавал А.Г. Франке, публиковавший отчеты Датской королевской миссии и получавший основные материалы из Индии. Значительная часть личных писем Цигенбальга также адресована ему. В таком случае ничто не мешает предполагать возможность знакомства студента Кера с оригиналами рукописями отчетов и писем Цигенбальга, которые лишь впоследствии были упорядочены и опубликованы.

Г.С. Попова

Краткая история изучения *Чжань-го-цэ* («Стратегии Сражающихся царств», III в. до н. э.)

Чжань-го-цэ 戰國策 («Стратегии Сражающихся царств») — уникальный исторический источник по периоду Чжань-го (453–221 до н. э.). Он содержит речи и беседы, приписываемые историческим персонажам этого периода. Его составителем считается Лю Сян 劉嚮 (I в. до н. э.). Согласно его предисловию, *Чжань-го-цэ* был составлен им на основе нескольких памятников исторического характера эпохи Чжань-го.

В китайской историографии в разное время переводы *Чжань-го-цэ* были выполнены Мэн Цин-сянем 孟慶祥 (1986), Ван Шоу-цянем 王守謙 (1992), Мяо Вэнь-юанем 缪文远, Моу Вэей 缪伟 и Ло Юн-лянем 罗永莲 (2012) — полные; Чжу Ю-хуа 朱友華 (1987), Сюн Сянь-гуаном 熊憲光 (1988), Чжао Пи-цзе 趙丕傑 (1994) — выборочные [1–6]. Исследованию *Чжань-го-цэ* посвящены две монографии Сюн Сянь-гуана (1988 и 2004), Хэ Цзиня 何晉 (2001) и Лань Кай-сяна 藍開祥 (1991) [5, 7–9].

В работах последних нескольких лет можно отметить повышенное внимание китайских исследователей к филологическим и литературоведческим аспектам, художественной ценности и содержанию приведенных в *Чжань-го-цэ* речей, искусству полемики. Исследования *Чжань-го-цэ* в качестве исторического источника либо его сравнения с другими памятниками, содержащими сведения исторического характера, редки.

В российской историографии полного перевода данного произведения пока нет. В 1968 г. была издана монография К.В. Васильева (1932–1987) «Планы Сражающихся царств», которая на сегодняшний день остается единственным системным описанием памятника в России [10]. Она включает такие аспекты его изучения, как история создания и авторство текста; источники, использованные при его создании; его рассмотрение в качестве исторического сочинения и памятника политической публицистики; содержащиеся в нем сведения о социально-экономической структуре древнекитайского общества в V–III вв. до н. э. Исследование сопровождают переводы фрагментов памятника из следующих разделов: *Дун Чжоу цэ* («Планы Восточного Чжоу»), *Цинь цэ* («Планы Цинь»), *Ци цэ* («Планы Ци»), *Чу цэ* («Планы Чу»), *Чжао цэ* («Планы Чжао»), *Вэй цэ* («Планы Вэй»), *Хань цэ* («Планы Хань»). Краткое описание *Чжань-го-цэ*, помещенное в энциклопедии «Духовная культура Китая» (том 1, 2006), выполнено по материалам монографии К.В. Васильева [11].

В западной историографии существуют два полных перевода *Чжань-го-цэ*. Ранний, однако не получивший известности, первый перевод был выполнен в начале XX в. Б.С. Бонсалем (Bramwell Seaton Bonsall), работавшим уэслианским методистом-миссионером в Китае в 1911–1926 гг. [12]. Название памятника было переведено им как “The Records of the Warring States” («Записи Сражающихся царств»). Текст выполненного им некомментированного перевода в виде машинописной рукописи был опубликован его сыном на сайте Университета библиотек Гонконга (The University of Hong Kong Libraries) в 2004 г.

Более поздний, но получивший широкую известность полный комментированный перевод был опубликован Дж. Крампом (J.I. Crump, p. 1921) в 1970 г. [13]. Ранее в 1964 г. было опубликовано его исследование *Чжань-го-цэ* — “Intrigues: Studies of the Chan-kuo Ts’e” («Интриги: исследование *Чжань-го-цэ*») [14]. В зависимости от интерпретации иероглифа *цэ* 策 в названии он предложил три варианта его перевода: “Books of the Various States” («Книги различных царств»), “Intrigues of the Warring States” («Интриги Сражающихся царств»), “Imaginary speeches on the Warring States themes” («Вымышленные речи на тему Сражающихся царств»).

Общее описание памятника на английском языке приведено в “Early Chinese Texts” (1993). Оно выполнено Цянь-цунь Сюнем 钱存训 [15]. В нем сказано о содержании памятника, предполагаемых источниках, времени создания и личности автора, процессе бытования текста и ранних комментариях, приведены сведения об обнару-

жении фрагментов *Чжань-го-цэ* на бамбуковых планках в Мавандуе в 1973 г., об основных изданиях и исследованиях.

Литература

[1] *Мэн Цин-сян* 孟慶祥. Чжань-го-цэ и-чжу 戰國策譯註 (Перевод и комментарии к Чжань-го-цэ). Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ 黑龍江人民出版社, 1986.

[2] *Ван Шоу-цянь* 王守謙. Чжань-го-цэ цюань-и 戰國策全譯 (Полный перевод Чжань-го-цэ). Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ 貴州人民出版社, 1992.

[3] *Чжань-го-цэ* / Сверка и комментарии Мяо Вэнь-юаня 缪文远, перевод и комментарии Моу Вэя 缪伟 и Ло Юн-ляня 罗永莲. Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ 中華書局出版社, 2012.

[4] *Чжу Ю-хуа* 朱友華. Чжань-го-цэ сюань-и 戰國策選譯 (Выборочный перевод Чжань-го-цэ). Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 1987.

[5] *Сюн Сянь-гуан* 熊憲光. Чжань-го-цэ янь-цю юй сюань-и 戰國策研究與選譯 (Исследование и выборочный перевод Чжань-го-цэ). Чунцин чубаньшэ 重慶出版社, 1988.

[6] *Чжао Пи-цзе* 趙丕傑. Чжань-го-цэ сюань-и 戰國策選譯 (Выборочный перевод Чжань-го-цэ). Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ 人民文學出版社, 1994.

[7] *Сюн Сянь-гуан* 熊憲光. Чжань-го-цэ янь-цзю 戰國策研究 (Исследование Чжань-го-цэ). Чунцин чубаньшэ, 2004.

[8] *Хэ Цзинь* 何晉. Чжань-го-цэ янь-цзю 戰國策研究 (Исследование Чжань-го-цэ). Бэйцзин дасюэ чубаньшэ 北京大學出版社, 2001.

[9] *Лань Кай-сян* 藍開祥. Чжань-го-цэ мин-пянь шан-си 戰國策名篇賞析 (Чжань-го-цэ: художественная оценка литературного произведения). Бэйцзин шиюэ вэньи чубаньшэ 北京十月文藝出版社, 1991.

[10] *Васильев К.В.* Планы Сражающихся царств: исследования и переводы. М.: Наука, 1968.

[11] Чжань го цэ (по материалам К.В. Васильева) // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 1. Философия / под ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова. М.: Восточная литература, 2006.

[12] The Records of the Warring States / trans. by B.S. Bonsall. University of Hong Kong Libraries, 2004.

[13] The Chan-kuo ts'e / trans. by J.I. Crump. Oxford: Clarendon Press, 1970.

[14] *Crump J.I.* Intrigues: Studies of the Chan-kuo Ts'e. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1964.

[15] *Tsuen-hsuin Tsien* (Цянь-цунь Сюнь) 钱存训. Chan kuo ts'e 戰國策 // Early Chinese Texts: a Bibliographical Guide. Berkeley: University of California, 1993. Pp. 1–11.

[16] *Хэ Цзянь-чжан* 何建章. Чжань-го-цэ чжу-ши 戰國策注釋 (Чжань-го-цэ с комментариями). Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ 中華書局出版社, 1990.

[17] *Ян Цзы-янь* 楊子彥. Чжань-го-цэ чжэн-цзун 戰國策正宗 (Истинный Чжань-го-цэ). Бэйцзин хуася чубаньшэ 北京華夏出版社, 2008.

Р.И. Раимов

Некоторые замечания по истории судебной системы Тохаристана в V–VIII вв. по материалам рукописей из коллекции Халили (Khalili)

Рассмотрим особенности функционирования судопроизводства Тохаристана накануне арабского завоевания. В качестве источников используем судебные документы на бактрийском языке из частной коллекции Халили в Лондоне (Khalili collections). Их тексты были опубликованы известным британским иранистом Н. Симс-Уильямсом [1].

Рассматриваемая проблема в западной и отечественной историографии разработана еще недостаточно. В ходе исследования была составлена представительная выборка из нескольких десятков документов, содержащих сведения о судебной системе региона. Их рассмотрение позволило выявить ряд особенностей функционирования судопроизводства как в столичных центрах, так и на периферийных районах.

Юридическая документация Тохаристана в рамках указанного периода составлялась по стереотипному шаблону: после календарного вступления шло перечисление присутствующих свидетелей, суть тяжбы и в конце определялись штрафные санкции. Если свидетели были высокопоставленными чиновниками, также указывались и их титулы. Титулатура в рассматриваемой выборке источников встречается как локальная, так и тюркская. Поскольку вокруг вопроса датировки текстов в историографии нет общепринятого мнения, анализ тюркской титулатуры вкупе с анализом исторического контекста позволяет опровергнуть ряд гипотез по вопросу периодизации этих текстов, например гипотезу Х. Резакхани, согласно которой летоисчисление следует вести от правления кушанского царя Канишки [2, с. 6–8].

Судебные документы, связанные с разрешением какой-либо тяжбы, имели форму гарантийного контракта, когда одна из сторон тяжбы давала в присутствии свидетелей некое устное обязательство, которое разрешало возникший конфликт, и, если необходимо, уплачивала штрафные санкции. Суды представляли собой публичную площадку, куда приглашались свидетели как из числа простых свободных жителей и горожан, так и из числа знати. Судебная система средневекового Тохаристана имела как минимум два уровня: столичный суд и суды локального уровня (сельские, городские, крепостные). Наиболее тяжелые случаи рассматривались в столичных судах при дворе в присутствии представителей правящей администрации. Например,

в документе N одна из сторон в присутствии правителей локальных княжеств (хара Роба, правителя Парпаза) и знати Тюркского каганата (кагана, тапаглик-эльтебера, иналь-тархана) дает устное соглашение не причинять вред имуществу, ирригационным полям, зависимому населению, родственникам и потомкам [1, с. 74–78]. На основании текстологического анализа можно предположить, что заключению контракта предшествовал масштабный кровопролитный конфликт между крупными землевладельцами, что вынудило их обратиться в столицу за судом. В свою очередь, этот случай и ряд других дают основания полагать, что правитель обладал статусом верховного арбитра, как и во многих других традиционных обществах Азии и Африки. В период власти Тюркского каганата на территории Северного Афганистана судебные тяжбы, в которых одной из сторон выступали тюрки, также сопровождались присутствием в качестве свидетелей представителей тюркской знати. Например, согласно тексту документа S, несколько тюрков приехали в периферийную крепость Газ в районе Андара для судебного разбирательства с местными жителями по вопросу собственности. В суде крепости свидетелями выступали сер тюрков и тудун (тюркский наместник) Газа [1, с. 94–96]. В ряде документов в числе свидетелей фигурирует местное божество по имени Вахш, поэтому можно предположить, что институт права был сакрализован.

Стоит отметить высокую значимость письменной культуры и развитость канцелярской практики: судебные решения документировались и в обязательном порядке копировались благодаря существованию развитого юридического делопроизводства. Мы имеем дело с отточенной традицией писцов, досконально знающих административные формуляры и протоколы. Это резко контрастирует с более примитивными системами судопроизводства в соседних Согде и Гандхаре. При этом в источниках отсутствуют ссылки на нормативные документы (законы, религиозные тексты), что может указывать на применение обычного права в судопроизводстве.

Литература

[1] *Sims-Williams N.* Bactrian Documents from Northern Afghanistan, I. Legal and Economic Documents. Oxford: Oxford University Press, 2001.

[2] *Rezakhani K.* Balkh and the Sasanians: Economy and Society of Northern Afghanistan as Reflected in the Bactrian Economic Documents // Ancient and Middle Iranian Studies, eds. Maria Macuch, Dieter Weber and Desmond Durkin-Meisterern, 2010.

М.А. Сюннерберг

Проблема имущественных прав женщин в доколониальном Вьетнаме (подходы в современной мировой историографии)

В истории вьетнамской общественной мысли и, в частности, национальной историографии XX–XXI вв. «женский вопрос» занимает особенно важное место, выходя за рамки собственно проблемы гендерного равенства. Для Вьетнама социально-правовой статус женщины в доколониальное время стал вопросом национальной идентичности. Посредством обращения к женщине можно было характеризовать суть вьетнамской цивилизации как преимущественно воспроизводившую китайскую, тяготеющую к странам Юго-Восточной Азии или же исключительно самобытную. Вопрос о цивилизационной связи с Китаем всегда был и остается одновременно основополагающим и крайне чувствительным.

Именно в социально-правовом положении женщины в XV–XVIII вв. адепты теории самобытности вьетнамской социальной культуры видели доказательство своей теории. Наиболее существенным моментом стал вопрос об имущественном и, в частности, наследственном праве вьетнамок.

Во вьетнамской историографии сложилось устойчивое восприятие изданного при императоре Ле Тхань Тонге (прав. 1460–1497) «Свода законов государственной династии» (вьет. — *Quốc triều hình luật*; также известен как «Кодекс Хонг Дык» или «Кодекс уголовных законов династии Ле») как самобытного правового документа, несущего в себе, в отличие от более поздних кодексов, исключительные для страны черты. Впервые эта точка зрения была высказана французским ученым, автором перевода Кодекса Ле на французский язык Р. Делюсталем.

Наиболее ярко и информативно тезис об исключительно благожелательном отношении законодательства к правам женщин развит в фундаментальной статье известного вьетнамского историка-правоведа Та Ван Тая, посвященной сравнению правового статуса вьетнамок в сравнении с китаянками на основе сопоставления нормативно-правовой базы двух государств (вьетнамские кодексы династий Ле и Нгуен, китайские кодексы империй Тан, Мин и Цин) [1]. В частности, автор на основе ряда статей Кодекса Ле утверждал, что с формальной юридической точки зрения дочери обладали равными наследственными правами с сыновьями, а жены имели схожие с мужьями права на управление семейным имуществом. Та Ван Тай заключает, что Кодекс

Ле был ответной реакцией против патриархальной феодальной системы, утвердившейся в китайских кодексах.

Вслед за ним тезис о более широких имущественных правах вьетнамок в сравнении с китаянками стал расхожим во вьетнамской, и во многом в мировой исследовательской литературе. Сам же Кодекс позиционировался как квинтэссенциея национального характера, отражавшая исконно вьетнамские реалии, наиболее ярко проявившиеся в высоком социальном положении женщины.

Переоценка «мифа о равенстве» имущественных прав, которое якобы существовало в Кодексе Ле и шире — во вьетнамской социальной практике XV–XVIII вв. — стала главным мотивом целой серии англоязычных работ вьетнамской исследовательницы Чан Тует Нюнг из Университета Торонто [2, 3]. Чан Тует Нюнг подчеркивает, что в Кодексе Ле не говорится именно о равенстве деления при наследовании, а само оно обговаривается лишь применительно к ситуации, когда нет завещания и высказанной воли умершего. Далее автор акцентирует внимание на важности изучения именно завещаний, поскольку они гораздо лучше демонстрируют реальную практику наследования, чем кодифицированные законы. Она показывает это на ряде примеров XVIII в., из которых видно, что дочери получали лишь незначительную часть имущества родителей.

С точки зрения методики подачи материала с работами Чан Тует Нюнг перекликаются труды японской исследовательницы Чихиро Миядзавы [4]. Она также апеллирует к конкретным завещаниям, но ей удалось найти те, в которых дочери получали такое же или сопоставимое с сыновьями имущество. Однако в целом она солидарна с предыдущим автором в том, что Кодекс Ле не устанавливал равного наследования между дочерями и сыновьями. При этом она в целом разделяет концепцию корейского исследователя Ю Инсуна о билатеральном характере вьетнамской семьи, при котором вьетнамки обладали имущественными правами и важной ролью проводника в отправлении культа предков [5].

Сложность понимания сути имущественных прав женщин нашла отражение в правоприменительной и судебной практике в колониальный период. Примером этому служат многочисленные противоречащие друг другу постановления судов различных инстанций в первой половине XX в.

В завершение отметим, что рассмотренная проблема — это во многом и проблема источниковедческая, проблема границы применения традиционного типа источников, коими для Вьетнама являются государственные хроники и законодательные документы. В истории

повседневности, которой во многом является вопрос имущественных прав женщин, на первый план выходят более частные локальные материалы, вплоть до семейных архивов.

Литература

[1] *Tạ Văn Tài*. The status of women in traditional Vietnam // Journal of Asian History. 1981. Vol. 15, no. 2. Pp. 97–145.
[2] *Tran Tuyet Nhung*. Beyond the myth of equality // Viet Nam: Borderless Histories. University of Wisconsin Press; 2006. Pp. 121–146.
[3] *Tran Tuyet Nhung*. Familial Properties: Gender, State, and Society in Early Modern Vietnam, 1463–1778. University of Hawai'i Press, 2018. 260 p.
[4] *Miyazawa, Chihiro*. Rethinking Vietnamese Women's Property Rights and the Role of Ancestor Worship in Premodern Society: Beyond the Dichotomies // Weaving Women's Spheres in Vietnam. 2016. Pp. 57–80.
[5] *Insun Yu*. Women's Social Status in the Lê Period Vietnam (1428–1788) // The Journal of Northeast Asian History. 2010. Vol. 7, no. 1. Pp. 41–66.

М.Ю. Ульянов

Жрецы-музыканты *ши* 師 царств Восточной Азии периода Чуньцю (771–453 гг. до н. э.)

Жрецы-музыканты *ши* 師 упомянуты во многих древнекитайских памятниках (не менее 28) разных жанров, повествующих об истории периода Чуньцю [1]. В них описаны различные ситуации с их участием, но не столько в естественной для них «храмовой» культурной среде, сколько в среде «дворцовой», а также в контексте их контактов с представителями новой для периода Чуньцю культурной среды, которая может быть названа «интеллектуальной», т. е. с относившимися к служилому сословию учителями и учениками «массовой» школы (например, Конфуцием). Охарактеризуем наиболее значимых из их числа, многие из которых известны по именам.

Жрец-музыкант ши Куан из царства Цзинь

Жрец-музыкант *ши* Куан 師曠 из царства Цзинь относился к числу наиболее известных и прославленных людей своего времени, поэтому упоминается чаще других жрецов этой группы (в 25 из 28 памятников). Эти произведения относятся к разным периодам, соответственно, он был известен и интересен на протяжении всей древности.

Он жил в первой половине VI в. до н. э. во времена цзиньского Дао-гуна (572–558 гг. до н. э.) и Пин-гуна (557–532 гг. до н. э.), был приближен к ним. Несмотря на слепоту, он некоторое время занимал должность первого министра царства. В *Чуньцю Цзочжуань* он упомянут шесть раз, первое сообщение относится к 559 г. до н. э.,

последнее — к 534 г. до н. э. Возможно, это и есть даты его наиболее интенсивной политической деятельности. От природы он был наделен особыми способностями в музыкальной сфере, прославился как виртуозный музыкант, который исполнял ритуальные мелодии на *цине* 琴 (семиструнный щипковый музыкальный инструмент) и на *сэ* 瑟 (щипковый инструмент в двадцать пять струн). Ему приписывалось создание ряда широко известных в период Чуньцю музыкальных произведений (*Янчунь* 阳春, *Байсюэ* 白雪 и др.).

Жрецы-музыканты ши царства Лу

В источниках упоминаются семь жрецов *ши* из царства Лу. Больше, чем из какого-либо иного царства.

1. Раньше других жил жрец-музыкант *ши* Цунь 存 — он входил в свиту луского Сюань-гуна (608–591) и сопровождал его во время поездок по царству, например, для ловли рыбы и совершения соответствующей церемонии: «раскладывания рыбы».

2. Наиболее известным является жрец *ши* по фамилии Сян. Многочисленные упоминания о нем сохранились благодаря тому, что с 523 г. до н. э. он обучал Конфуция игре на струнном музыкальном инструменте *цине*.

3. В *Луньюе* упомянуты имена двух жрецов-музыкантов: Чжи 摯 и Мянь 冕. Музыку первого Конфуций слушал и ею восхищался, а второго принимал у себя дома и вел беседы в присутствии своих наиболее доверенных учеников.

4. В последующем общение с жрецами-музыкантами *ши* продолжали и ученики Конфуция. В *Шицзи* («Исторические записки») и *Лицзи* («Записи о ритуале») рассказано о диалоге между жрецом-музыкантом *ши* И 師乙 и Цзы-гун, в котором он излагает мнение представителя духовенства по поводу каждого из разделов *Шицзина* («Канон песен»).

В *Гоюй* (гл. «Речи царства Лу», 2) упомянут луский жрец-музыкант *ши* Хай 亥, служивший при поминальном храме одного из представителей высшей знати, который дал оценку поведения некой добродетельной женщины.

В *Шицзи* (гл. 33) упомянут луский жрец-музыкант *ши* Цзи 師己 (517 г. до н. э.), который предсказал бегство *гуна*.

Жрецы-музыканты ши царства Вэй

Жрец-музыкант *ши* 師 по имени Цао 曹 жил в царстве Вэй в период правления вэйского *Сянь-гун* (576–559 гг. до н. э.). Его имя упомянуто в *Шицзи* (гл. 37 «Наследственный дом вэйского Кан-шу») и в *Чуньцю Цзочжуань*. В 559 г. до н. э. он исполнил строфу из оды *Цяоянь* 巧言 («Ода клеветникам»). В ней содержалось пори-

цание клеветникам. Она была исполнена во время трапезы государя царства по его повелению с некоторыми представителями знатных и влиятельных родов в качестве намека им. Жрец исполнил песню таким образом, чтобы не просто донести идею своего государя, но и так, чтобы вызвать сильные эмоции, буквально гнев у членов клана Сунь и тем самым спровоцировать их на выступление против своего государя, *гуна* царства Вэй. Ранее жрец должен был обучать его наложницу музыке, за замечания ей был им побит, за что и попытался отомстить.

Известен жрец-музыкант *ши* 師 Цзюань 涓, который служил при вэйском Линь-гуне (534–493 гг. до н. э.). С ним встречался и полемизировал о сути государственных песнопений жрец-музыкант *ши* Куан из царства Цзинь.

Жрецы-музыканты ши царства Ци

Особенность сообщений о жрецах-музыкантах *ши* из царства Ци заключается в том, что они упомянуты в источниках без указания имени. Из биографии Конфуция, сохраненной в *Шицзи* (гл. 37), известно, что Конфуций, находясь в царстве Ци в 517–510 гг. до н. э., продолжал свое музыкальное образование под руководством старшего жреца-музыканта (*дашй* 大師) царства. В *Мэн-цзы* (гл. «Лян Хуй-ван», 2 梁惠王下) упомянут, видимо, тот же старший жрец-музыкант царства Ци, живший при циском государе Цзин-гуне 景公 (547–490 гг. до н. э.), который упомянул о том, что он создает музыкальные произведения не только для церемоний, но и для развлечения государя.

* * *

Сохраненная в источниках большая совокупность данных о жрецах этой группы дает возможность составить представление об их деяниях и достаточно подробно описать сферы их служебной и внеслужебной деятельности [2].

Литература

[1] *Ульянов М.Ю.* Ши 師 в период Чуньцю (771–453 гг. до н. э.) — жрецы или «наставники»: трудности перевода и их преодоление // Прикосновение к вечности: сб. ст. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2017. С. 37–49.

[2] *Ульянов М.Ю.* Жрецы-музыканты группы *ши* 師 периода Чуньцю (771–453 гг. до н. э.): должностные обязанности и место в культуре // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тез. докл. науч. конф. (Москва, 16 апреля 2018 г.). М., 2018. С. 22–25.

М.Ю. Ульянов

Основные этапы складывания классической яванистики в Нидерландах XIX в.

Современное индонезиеведение, по крайней мере, в нашей стране, основано на преподавании и изучении индонезийского языка (исторически — варианта малайского). Знание индонезийского открывает доступ к изучению современной индонезийской истории и культуры, но, чтобы исследовать классику, необходимо изучать источники на языках крупнейших народов Индонезии. Прежде всего, на яванском — языке крупнейшего этноса с наиболее древней историей государственности и с богатейшей культурой [1].

Значимость яванской традиционной культуры в изучении Индонезии настолько велика, что это предопределило появление внутри индонезиеведения яванистики как отдельного научного направления. Яванистика — это комплексное направление, изучающее язык, историю и культуру яванцев, жителей центральной части острова Ява, — государствообразующего этноса современной Индонезии. Оно базируется на изучении яванского языка разных периодов. Академические исследования в этой сфере нацелены на изучение и перевод памятников Средних веков, созданных на средневековом литературном языке *кави*, и Нового времени, созданных на новояванском языке.

В европейской традиции изучения яванского культурного наследия можно выделить две крупных эпохи: 1) «зарождения» — время накопления данных (XVII–XVIII вв.), распространения «страноведения» и «натурализма»; 2) «классической яванистики», которая начинается с первой половины XIX в.

Классическая яванистика формировалась в Нидерландах в течение XIX в. Ее возникновение имело три начала: административное (чиновничье), религиозное (миссионерское), академическое (научная деятельность ученых).

На этапе формирования особая роль принадлежит религиозной составляющей, связанной с переводом Священного Писания на яванский язык. Это объясняется тем, что изучение истории и культуры какого-либо восточного народа начинается с изучения языков. Поэтому классическое востоковедение предполагает наличие мощного филологического фундамента, прежде всего лингвистического, в виде словарей, грамматик и учебных пособий, необходимых для его дальнейшего развития. В культурных условиях начала XIX в. их появление было следствием решения еще не академических, а религиозных за-

дач, связанных с переводом Библии. Именно задача перевода на восточный язык этого сложнейшего и основополагающего памятника европейской культуры порождала проблемы, процесс решения которых, в конце концов, и приводил к становлению научного языкознания. Поэтому в востоковедении столь много внимания уделяется истории переводов Священного Писания на восточные языки.

Кроме перевода Библии на формирование классической яванистики влияли попытки административным путем обязать чиновников изучать яванский язык, но после их открытого саботажа наиболее эффективным оказалось создание трех школ для подготовки чиновников: в яванском городе Суракарте, в нидерландских городах Бреде и Дельфте, а затем и открытие индонезийского направления в Лейденском университете [2–4]. Появление этих устойчивых образовательных структур и создало благоприятные условия для формирования «академической среды», в рамках которой стало возможным возникновение классической яванистики, а значит, подлинно научное изучение яванского культурного наследия.

Приведем периодизацию истории формирования классической нидерландской яванистики:

Эпоха зарождения

I. Донаучный и ранненаучный этап накопления данных о языке в рамках «страноведения» и «натуралистики» .

1646–1706 гг. От первого яванского лексикона до создания первого полноценного яванско-нидерландского словаря.

1706–1778 гг. От первого словаря до образования «Королевского батавского общества культуры и наук» (Koninklijk Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen).

II. Переходный этап от «натуралистики» к «классике».

1778–1808 гг. Начало формирования культурной среды вокруг «Батавского общества» и его журнала «Труды Батавского общества культуры и науки» *(*Verhandelingen van het Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen).

1808–1818 гг. Усилия французской бюрократии по обучению чиновников яванскому языку; административная и научная деятельность англичан (в лице С. Раффлза и его единомышленников) по выявлению и изучению яванского культурного наследия.

Эпоха формирования

III. Первый этап. Зарождение научной яванистики.

1819–1831 гг. Предпосылки и первые результаты. Административная попытка наладить обучение чиновников яванскому языку в школах при *кратонах* в Джокъякарте и Суракарте (1819). Первый перевод

Библии Готлоба Брюкнера (1820–1829–1831), его же первая грамматика (1830), грамматика яванского языка И. Герике (1831).

1832–1835 гг. Открытие Института яванского языка в Суракарте (1832).

IV. Второй этап. Создание педагогических институций в Нидерландах.

1836–1842 гг. Открытие школ по подготовке чиновников для службы в Ост-Индии в г. Бреде (1836), в г. Дельфте (1842), начало преподавания яванского и изучения древнеяванского (*кави*) языков

1843–1850 гг. Переводы И. Герике из Нового и Ветхого заветов; публикация первого «Большого Яванско-нидерландского словаря» И. Герике и Т. Роорды.

V. Третий этап. 1851–1875 гг. Переход к «академизму».

1851–1863 гг. Возникновение академических структур: создание в Дельфте Королевского института языкознания, страноведения и этнографии *(Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde* (KITLV, 1851), начало выпуска его журнала «*Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*». Полный перевод Библии И. Герике (1854), создание альтернативного (латинизированного) яванско-нидерландского словаря П. Янца (1857).

1864–1875 гг. Возникновение академического центра в Лейденском университете, развертывание академической деятельности.

Литература

[1] *Кукушкина Е.С.*, *Ульянов М.Ю.* Нужна ли яванистика индонезиеведам: о месте яванистики в индонезиеведении // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2020. № 3.

[2] *Kenji Tsuchiya.* Javanology and the Age of Ranggawarsita: an Introduction to Nineteen-Century Javanese Culture / Reading Southeast Asia. Ithaca, 1990.

[3] *Kraemer H.* Het Instituut voor de Javaansche Taal te Soerakarta // Djawa. 1932. Vol. 12, no. 6..

[4] *Uhlenbeck E.M.* A critical survey of studies on the languages of Java and Madura. S·Gravenhage. 1964.

К.В. Хазизова

О некоторых причинах вооруженного выступления военных чиновников в государстве Корё в 1170 г.

В середине XII в. военные чиновники в государстве Корё испытывали как социальные, так и политические притеснения. Военным не только было отказано в праве занимать высшие военные командные посты, но и фактически в возможности получать престижные высшие

гражданские должности в правительстве и министерствах. Они оказались как бы заперты в рамках системы, из которой не было выхода. В начале XII в. в стране был учрежден государственный экзамен на военные должности, аналог гражданского экзамена *кваго*, который позволил военным чиновникам получать посты в зависимости от собственных талантов, что резко повысило уровень образованности офицеров и подготовки солдат, равно как и престиж военной службы. Однако вскоре под давлением ряда гражданских чиновников этот экзамен упразднили [1, с. 87, 102].

В период правления вана Ыйджона (1147–1170) положение военного чиновничества еще сильнее ухудшилось. Ыйджон не был талантливым правителем, королевским обязанностям он предпочитал развлечения в обществе приближенных гражданских чиновников и дворцовой челяди, которые становились все более заносчивыми и открыто притесняли военных.

Первыми недовольство начали высказывать офицеры королевской гвардии *Кёллён*. Правитель привлекал в эти отряды преимущественно людей незнатного и неясного происхождения в надежде, что они будут чувствовать себя обязанными ему и потому поддержат в любой ситуации. Однако одновременно ван продолжал без необходимости пренебрегать родовитыми военными чиновниками и благоволить к влиятельным гражданским сановникам, что только подогревало недовольство как высших офицеров, так и солдат. В итоге осенью 1170 г. вспыхнул мятеж военных чиновников во главе с военачальниками Чон Джунбу, Ли Го и Ли Ыйбаном, поводом к которому послужило происшествие в буддийском храме Похёнвон, когда опьяневший ван заставил охранявших его военных чиновников драться на кулаках [2, с. 78–79, 440]. Проигравший в этом поединке получил пощечину от одного из гражданских чиновников и упал, а кто-то из придворных сановников «в шутку» поджег длинную бороду Чон Джунбу, чтобы развлечь приближенных вана, чем публично унизил его. В результате вооруженного выступления, проходившего под лозунгом «Убивать всех, кто носит шляпу гражданского чиновника!» [1, с. 83, 440], были уничтожены более 50 гражданских чиновников и придворных, а ван Ыйджон был вынужден отречься от престола в пользу своего брата Мёнджона (1170–1197).

Следует, однако, подчеркнуть, что ненависть военных чиновников была направлена не против всего гражданского чиновничества в целом, а лишь против придворных сановников и ближайших приспешников вана, оказывавших реальное влияние на ухудшение положения в стране и активно содействовавших принижению военного чинов-

ничества, и, как только страсти поутихли, истребление гражданских чиновников практически прекратилось. Тем не менее это было только началом 100-летнего периода военной диктатуры, ставшего поворотным в истории Корё.

Литература

[1] *Волков С.В.* Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999.

[2] Корёса (История [государства] Корё): в 30 т. Т. 28 «Биографии, [часть] 9». Пусан: Минджок мунхак, 2006.

Африканистика

Н.В. Громова

О неглагольной предикации в языках банту

При явном преобладании финитных глагольных предикатов в языках банту фиксируется особый способ неглагольной предикации. Под неглагольной предикацией подразумевается специфический прием оформления именного сказуемого. Сущность такой предикации заключается в присоединении к имени существительному специального показателя.

Как считает Я.Г. Тестелец, предложения со связкой или с каким-то грамматическим элементом, аналогичным по функции связке, в разных языках обычно выражают один и тот же круг значений. Это предложения двух видов: бытийные, или экзистенциональные, утверждающие существование определенных объектов; и идентифицирующие, или предложения тождества, утверждающие, что два языковых выражения обозначают один и тот же референт [1, с. 249].

В языках банту в основном представлены идентифицирующие или «эквативные» (по классификации К. Хенгевальда [2, pp. 125–126] неглагольные предикации, которые маркируются специализированной связкой, занимающей позицию препрефикса. Так, в языке зулу: umfazi ‘жена’ > **ng**umfazi ‘это есть жена’, в языке шона: amai ‘мать’ > **nd**amai ‘это мать’, в сото: munna ‘человек’ > **ki**munna ‘я человек’, в суахили: mwalimu ‘учитель’ > **yu** mwalimu ‘он учитель’.

Подобные образования в языках банту получают различные дефиниции. К. Док считает, что любое слово в предикативной функции входит в одну общую часть речи — копулятив [3, p. 199]. А. Коуп не считает копулятивы отдельной частью речи, а определяет их как номино-вербальные конструкции, функционирующие в качестве глаголов [4, p. 78]. А.Д. Луцков называет это грамматическое явление в языке зулу предикативной формой существительного и других частей речи [5, с. 121].

Показатель-препрефикс передает грамматическую семантику глагола-связки «есть», формы бытийного глагола «быть». Различные виды неглагольных предикаций представлены конструкциями, которые можно подразделить на несколько формальных типов. Так, глагольная предикация выражается в языках банту различными формантами, например ng- или y- в зулу, ki в языке сото, nd- в шона, ndi- или ni в суахили. Такую же функцию выполняют глагольные показатели субъекта: в язы-

ке зулу **si**abantu ‘мы люди’ (ср.: **si**hamba ‘мы идем’), в языке суахили **tu** watu ‘мы люди’ (ср.: **tu**naenda ‘мы идем’), mlango **u** hapa ‘дверь/выход здесь’ (mlango **u**mefungika ‘дверь закрывается’) и др.

В некоторых случаях предикативность выражается элизией начальной гласной, что характерно для юго-восточного языка зулу, например: umuntu **om**khulu ‘человек большой’ > umuntu **m**khulu ‘человек есть большой’. Подобная маркированность неглагольной предикации не встречается в языках восточного ареала, в которых префиксы не имеют инициальной гласной. При этом «связочные» элементы могут оформлять не только существительное, но и слова других разрядов. Так, на роль предиката могут претендовать местоимения — в языке зулу: mina ‘я’ > **yi**mina ‘это я’, в суахили: mimi ‘я’> **ndi**mi ‘это я’, прилагательные — зулу: izwi elihle ‘голос красивый’ > izwi **li**hle ‘голос красив’, dirisha wazi ‘окно открытое’ > dirisha **li** wazi ‘окно открыто’, наречные формообразования — зулу: abafana **ba**phezulu ‘дети (они есть) наверху’, суахили: kiti **ki** huko ‘стул (он есть) там’ и др.

Носителем предикативных признаков является высказывание в целом. Комбинация граммем выражает в такой конструкции «настоящее время + индикатив + утвердительность».

Особенность неглагольных предикативных конструкций заключается в их способности выражать темпоральную референцию, например в языке зулу: ingonyama **iyi**kati ‘лев — кот’ > ingonyama **yayi**kati ‘лев был котом’, ingonyama **izoy**ikati ‘лев будет котом’.

Контрастирующая интерпретация высказываний с неглагольной предикацией выражается в зулу с помощью негативного маркера a-/aku-: singabafundi ‘мы ученики’ > **a**singabafundi ‘мы не ученики’, izinkomo zilapha ‘скот здесь’ > izinkomo **a**zilapha ‘скот не здесь’, ngabafazi ‘это женщины’ > **aku**ngabafazi ‘это не женщины’.

В языках восточной зоны такая временная парадигма не фиксируется, но они могут передавать соответствующие значения аналитическим способом с помощью вспомогательного глагола «быть», например, в суахили: yu babangu ‘он мой отец’ > alikuwa babangu ‘он был моим отцом’, atakuwa babangu ‘он будет моим отцом’. Отрицательный аналог связки ni представлен в суахили общей формой si, а согласуемые по именным классам показатели предикативности (= субъектные маркеры) отрицаются так же, как и в зулу, с помощью негативного префиксального форманта, в суахили ha-: yeye ni mtoto ‘он ребенок’ > yeye **si** mtoto ‘он не ребенок’, tu tayari ‘мы готовы’ > **ha**tu tayari ‘мы не готовы’.

Для бантуязычного ареала, включающего восточную и центральную Африку, где суахили является языком лингва франка, характерен

еще один способ выражения неглагольной предикации с семантически пустой связкой iko ‘нечто находится там’, состоящей из показателя 9-го класса i- плюс локативный релятив 17-го класса -ko: wapare iko smart ‘люди этноса паре умны’, Juma iko muzuri ‘Джума красив’, iko mambo leo? ‘как дела сегодня’.

Таким образом, можно фиксировать три основных типа неглагольной предикации:

а) конструкции с морфонологически немотивированным показателем предикативности ng-, nd-, ndi-, ni, y-;

б) конструкции с субъектными глагольными согласователями, выполняющими предикативную функцию;

в) конструкции с элизией начальной гласной двуслогового префикса.

Неглагольная предикация особенно ярко и полно представлена в языках юго-восточной зоны, но обнаруживается в той или иной более редуцированной форме по всему бантуязычному ареалу.

Литература

[1] *Тестелец Я.* Г. Введение в общий синтаксис. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 797 с.
[2] *Hengeveld K*. Non-verbal predication: Theory, typology, diachrony. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1992.
[3] *Doke C*., Text-book of Zulu grammar. London, 1931.
[4] *Cope A.T.* Nomino-verbal constructions in Zulu // African Languages Studies. Vol. IV. London, 1963.
[5] *Луцков А.Д.* Основы грамматики языка зулу. М.: Муравей, 2003. 254 с.

Е.Н. Касимовская

Всемирный обзор ценностей в дискурс-анализе современной Африки

Термин «дискурс» в последнее время получил широкое распространение за рамками лингвистической теории. Вслед за французскими постструктуралистами 60-х годов прошлого столетия этот термин стали употреблять для определения некоего образа мышления, восприятия окружающего мира, ценностных суждений и того, как они проявляются словесно. В этом смысле дискурс-анализ стал неотъемлемой частью качественных исследований социально-экономических процессов, плохо поддающихся количественному измерению.

Не будет преувеличением заметить, что информация и количественные показатели по странам Тропической Африки зачастую носят

фрагментарный, отрывочный характер, а первичные исследования в большинстве своем преследуют конкретные цели и закрыты для широкой публики. В этих условиях дискурс-анализ результатов опросов населения в странах Тропической Африки может представлять большой исследовательский интерес. Всемирный обзор ценностей (World Values Survey) — долгосрочное крупномасштабное исследование эволюции взглядов, убеждений и ценностей на основе первичных опросов населения разных стран мира и более 600 индикаторов, реализуемое международной группой ученых начиная с 80-х годов прошлого столетия. Первая волна (1981–1994) охватила всего 11 стран, куда вошла лишь одна африканская страна — ЮАР. На данный момент исследователями реализованы 7 волн, в ходе которых охвачены уже 120 стран мира и 94,5 % населения мира. Данные по всем волнам доступны в онлайн-режиме на сайте проекта https://www.worldvaluessurvey.org.

Страны Тропической Африки представлены в нескольких волнах, причем анкетирование и интервью проводились на языках респондентов, что позволяет не сомневаться в однозначности понимания вопросов анкеты. К примеру, в Гане, участвовавшей в проекте в двух волнах (2007 и 2012 гг.), опросники предлагались на четырех местных языках эве, акан (диалект тви), дагбани и хауса. В Зимбабве анкетирование проводилось на языках ндебеле и шона (68,5 % интервью). С точки зрения охвата исследованием стран Тропической Африки такие страны, как ЮАР и Нигерия, представлены в шести из семи волн, что дает возможность провести сравнения ответов на вопросы анкеты в долгосрочном периоде и на этой основе определить вектор эволюции ценностных суждений. Зимбабве присутствует в четырех волнах, в том числе и в последней (2020).

Гана, Руанда и Эфиопия охвачены двумя волнами с разрывом примерно в 10 лет. А такие страны, как Танзания, Уганда, Мали, Буркина Фасо, Замбия, приняли участие лишь в одной волне в разные годы. К сожалению, это не дает возможности проследить потенциальные изменения во взглядах участников опросов путем сравнения во времени, но можно сопоставить полученные данные с соответствующими суждениями опрошенных в других странах путем критического дискурс-анализа, предполагающего историческую и культурную обусловленность способов понимания и репрезентации мира и себя. В качестве иллюстративного примера приведем сравнение суждений в срезе традиционных ценностей респондентов Ганы в разные периоды времени (2007 и 2012 гг.). Шесть вопросов касались базовых суждений о степени важности семьи, друзей, религии, работы, поли-

тики и свободного времени. Доминирующими продолжали оставаться базовые традиционные ценности (более 90 % опрошенных отметили как очень важные): семья, работа, религия.

Исследования Нигерии носят более продолжительный характер и охватывают период с 1990 по 2018 г. И здесь также наблюдается схожая картина — неизменность превалирования традиционных ценностей (семья, работа, религия). Однако нигерийские респонденты демонстрируют заметный сдвиг в признании значимости политики в их жизни: в 1990 г. этот фактор назвали очень важным всего 19,8 % опрошенных, а в 2018 г. — почти 35 %. В Гане же, напротив, люди остаются сравнительно индифферентными к политической включенности: как очень важную эту позицию отметили 22,5 % опрошенных. Данный вывод подтверждается и уточняющими пунктами анкеты на языке хауса: Yanzu ina son ka dubi wannan katin.Zan karanto maka wasu harakokin siysasda da mutane zasu iya gudanarwa,kuma son ka fada mini, ga kowani daya,ko k taba yin wani a cikin waddan nan ababan, ko zaka iya yi,ko baza kayi ba acikin kowani hali. Shiga yajin aiki \ Now I'd like you to look at this card. I'm going to read out some forms of political action that people can take, and I'd like you to tell me, for each one, whether you have done any of these things, whether you might do it or would never under any circumstances do it. Joining strikes. Более 70 % опрошенных ответили, что никогда не будут этого делать. Аналогичный ответ дан и на вопрос об участии в мирных демонстрациях. Похожая картина наблюдается и в Зимбабве: очень важной частью жизни считают политику только 24 %.

Таким образом, данные всемирного обзора ценностей являются важным источником феноменологических исследований в области африканистики и базой для проведения дискурс-анализа в различных областях социальных наук, как то лингвистика, политология, социология и др. Страны Тропической Африки, принявшие участие в проекте всемирных ценностей, пока продолжают демонстрировать превалирование традиционных ценностей и ценностей выживания. Секулярные ценности и ценности самовыражения все еще незначительно распространены среди африканцев.

С.Л. Кравченко

Заимствования в амхарском политическом дискурсе

Значительную часть словарного состава любого языка образует заимствованная лексика. Лингвистические исследования показывают, что этот богатый и постоянно пополняемый пласт словаря своеобра-

зен: он неравномерно заполнен отдельными классами слов, единицы его вступают в сложные взаимоотношения с исконным словарным богатством языка и специфически используются в сферах общения.

В данной статье рассматриваются закономерности функционирования одного из морфологических классов заимствованных единиц амхарского языка — имен существительных и прилагательных — в общественно-политических текстах.

Материал для исследования черпался из словарей, а также из текстов газетно-публицистических жанров. Такой подбор источников иллюстративного материала не случаен. Как показывают исследования, пресса в современных условиях представляет собой один из основных посредников в миграции слов из одного языка в другой.

Амхарскому языку свойственна тенденция к обмену главным образом словами-наименованиями, к заимствованию преимущественно имен существительных, от которых затем уже в заимствующем языке образуются по мере необходимости прилагательные: *ekonomi* ‘экономик’, *industri* ‘промышленность’, *program* ‘программа’, *plan* ‘план’, *investment* ‘капиталовложение’, *protokol* ‘протокол’, *ripublik* ‘республика’.

Семантика активно употребляемых в политической жизни иностранных прилагательных довольно ограничена: это в большинстве случаев достаточно распространенные в языке слова, многие из которых являются интернационализмами: *global* ‘глобальный’, *sošiyal* ‘общественный, социальный’, *federal* ‘федеральный’.

Необходимо отметить, что большинство заимствованных прилагательных, используемых в общественно-политических текстах, употребляются в своем прямом значении и не участвуют в процессах метафоризации.

Анализ заимствованных имен прилагательных, используемых в политических текстах в амхарском языке, показывает, что большинство имен представляют собой полноформатно заимствованные из других языков единицы, которые служат определением к другому, например: *yärepublik parti* ‘республиканская партия’, *yäpolätika təbəbbər* ‘политическое сотрудничество’, *yäindustri ədgät* ‘промышленный рост’.

В амхарском языке функцию относительных прилагательных, как правило, выполняют имена существительные, оформленные формантом уä-, который является своего рода морфологическим выражением связи двух имен, первое из которых служит определением к другому, например: *yäpolätika awwäqaqär* ‘политическая устройство’, *yäinvestment fəssät* ‘инвестиционный поток’, *yäplan ləmat* ‘плановое развитие’.

Большое количество прилагательных состоит из иноязычного слова и амхарского словообразовательного форматива, при этом выбор амхарских словообразовательных средств для образования таких гибридов невелик. Это в первую очередь деривация с помощью суффикса -awi, при добавлении которого к существительному образуются относительные прилагательные: *ekonomiyawi maəkäb* ‘экономические санкции’, *industriyawi əqawočč* ‘промышленные товары’, *stratäjiyawi alama* ‘стратегическая цель’.

Изучение особенностей функционирования заимствованных прилагательных позволяет заключить следующее: амхарский язык не воспринимает эти имена как прилагательные и находящиеся в позиции определения имена оформляются использующимися для их образования характерными для амхарского языка способами: формантом yä- или суффиксом -awi, например: *yätaktik*, *taktikawi ləyyunnät* ‘тактические разногласия’, *yäfederal*, *federalawi akalat* ‘федеративные органы’.

Известно, что в периоды, когда язык претерпевает более или менее значительные изменения, обусловленные внешними факторами, главным образом изменениями в социальной структуре общества, речь полна инноваций, конкурирующих и между собой, и с традиционно существующими единицами. В этих условиях сосуществование дублетных форм, в частности, лексических, неизбежно. Эта избыточность временна: в дальнейшем либо один из дублетов вытесняется из речи, не принимается языком и делается в лучшем случае вспомогательным средством, играющим роль варианта регулярной лексической единицы, либо происходит семантическая и стилистическая дифференциация тождественных единиц. Такое соседство двух синонимичных единиц наблюдается в амхарских общественно-политических текстах: *plan — əqqəd* ‘план’, *ekonomi — mə¢¢ane habt* (*mə¢¢ane* мера, *habt* богатство) ‘экономика’, *program — märha gəbər* (*märha* указание, *gəbər* дело, занятие) ‘программа’, *global — hulläп aqqäf* (*hulläп* все, *aqqäf* охватывающий) ‘глобальный’, *yäsošiyal — mahbärawi* ‘социальный, общественный’, *stratäjiyawi — səltawi* ‘стратегический’.

Таким образом, современное состояние амхарского языка, достаточно развитая грамматическая и словообразовательная системы, а также огромный запас лексики позволяют широко использовать внутриязыковые ресурсы для обозначения новых реалий и понятий.

Э.С. Львова

Первые подходы к преподаванию культуры народов Африки в МГУ (лекции В.Н. Харузиной в начале XX в.)

Изучение и преподавание истории и культуры африканских народов в МГУ началось относительно поздно. Лишь в 30-е годы прошлого века были прочитаны спецкурсы Рейснера и Гинзбурга на кафедре истории колониальных и зависимых стран. Но эти процессы были подготовлены учеными МГУ еще в конце XIX — начале XX вв. Начиналось знакомство с Африкой и преподавание ее истории и культуры с работы Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Первым включил эти проблемы в курс лекций «Землеведение» Д.А. Анучин. Его начинание было продолжено В.Н. Харузиной. Еще до преподавания она писала рецензии на труды современников — немецких африканистов, очерки о Восточной Африке.

В.Н. Харузина довольно широко использовала африканские материалы в лекциях по общей этнографии. Их В.Н. Харузина читала в нескольких высших учебных заведениях — в Императорском московском университете (где она также вела семинарские занятия), на Высших женских курсах, в Московском археологическом институте. Эти лекции были опубликованы несколькими выпусками в 1905, 1907, 1909 гг. (один из них представляет собой записи лекций ее слушателями). Оставаясь в рамках господствовавших тогда представлений, она пыталась выйти из-под их влияния: критически относилась к «хамитической теории»; подчеркивала разнообразие культур «негров»; признавала их недостаточную изученность и ставила перед африканистикой четкие задачи.

В 1905 г. ею были подготовлены к изданию лекции ее безвременно умершего брата, работавшего в Императорском московском университете, для которого она подготовила обширную библиографию (573 названия), включив практически все существовавшие к тому времени записки путешественников по Африке и труды африканистов. В 1919 г. ею были изданы «Африканские сказки» — в то время русский читатель мог ознакомиться с африканским фольклором лишь в одном издании, посвященном зулусским сказкам.

В.Н. Харузина продолжала читать лекции в Московском университете до 1921 г. Они были переизданы в 1941, а затем в 2007 г. Ее работа, как и деятельность ее братьев-этнографов Н.Н. и А.Н. Харузиных, составила важный этап в изучении и преподавании африканистики в Московском государственном университете.

Н.Т. Петренко

Современные тенденции в процессе пополнения лексического состава языка суахили

Пополнение словарного запаса языка суахили происходит постоянно, причем быстрыми темпами. Неологизмы возникают для обозначения новых реалий на фоне стремительно развивающихся процессов внутри самих стран, говорящих на суахили, так и под влиянием мировых тенденций общественно-политической жизни, научно-технического прогресса, культурного обмена и т. д.

1. Одной из продуктивных моделей образования новых слов в суахили является **словосложение.** В языке давно закрепились составные слова, некогда возникшие как неологизмы. Как правило, это два корня, взятые целиком из некоторых частей речи, чаще всего существительных: *msumeno* ‘пила’ (*msu* ‘большой нож’ + *meno* ‘зубы’); *kikuzasauti* ‘микрофон’ (*kikuza* ‘увеличитель’ + *sauti* ‘голос’). Это может быть сочетание основы глагола с существительным: *bunguabongo* ‘викторина’ (*-bungua* ‘дырявить; подтачивать’ + *bongo* ‘мозги’), либо существительного с прилагательным, образованным от глагольной основы: *boyaokozi* ‘спасательный жилет’ (*boya* ‘поплавок’ + *okozi* ‘спасающий’).

Методом словосложения строятся и современные неологизмы, в том числе большое количество терминов: *utandawazi* ‘глобализм’ (*utanda* ‘простирающаяся местность’ + *wazi* ‘открытый’); *hatimiliki* ‘авторское право’ (*hati* ‘документ’ + *miliki* владение’); *baruataka* ‘спам’ (*barua* ‘письмо’ + *taka* ‘мусор’); *adabulugha* ‘нормативная лексика’ (*adabu* ‘этикет, учтивость’ + *lugha* ‘язык’); *msimbomilia* ‘штрихкод’ (msimbo ‘код, шифр’ + *milia* ‘полосы, линии’); *lughamawasiliano* ‘лингва-франка’ (*lugha* ‘язык’ + *mawasiliano* ‘общение, коммуникация’).

Нередко при образовании терминов берутся лишь сокращенные основы исходных слов: *rukono* ‘мобильный телефон’ (*runinga* ‘телевизор’ + *mkono* ‘рука’); *barafuto* ‘глетчер’ (*barafu* ‘лёд’ + *mto* ‘река’); *hataza* ‘патент’ (*hati ya kukataza kuiga* ‘документ, запрещающий подражание’); *mtukati* ‘брокер’ (*mtu wa kati* “человек середины’); *kitimaguru* ‘инвалидное кресло’ (*kiti* “стул’ + *magurudumu* ‘колеса’).

2. В процессе образования новых слов в языке суахили активно используется **суффиксальный способ**, особенно в формировании прилагательных. На смену определительным конструкциям приходят неологизмы более компактные и емкие, как правило, не требующие согласования: *elekezi* ‘направляющий, ориентирующий’ (ср.: *-enye kuelekeza*); *nadharishi* ‘теоретический’ (от *-nadharisha* ‘теоретизи-

ровать’); *patanifu* ‘гармоничный’ (от *-patana* ‘быть совместимым’); [*athari*] *tokezi* ‘побочный [эффект]’ (от *-tokeza* ‘выдаваться, торчать’); [*mazingira*] *wezeshi* ‘конструктивная, деятельная [атмосфера]’ (от *-wezesha* ‘содействовать, способствовать’); [*nishati*] *jadidifu* ‘возобновляемая [энергия]’ (от *-jadidi* ‘пролонгировать’). Иногда суффиксальным методом образуются новые глаголы: *-dogesha* ‘уменьшать’ (от *-dogo* ‘маленький’); *-sasisha* ‘делать современным’ (от *sasa* ‘сейчас’); *-bidhaisha* ‘способствовать коммерциализации’ (от *bidhaa* ‘товар’).

3. Метод калькирования лексики по-прежнему актуален, хотя активно идет процесс замены иностранных заимствований словами из родного языка или его диалектов: *kompyuta* → *tarakilishi* ‘компьютер’; *televisheni* → *runinga* ‘телевизор’; *intaneti* → *mtandao* ‘интернет’; *fanicha* → *samani* ‘мебель’.

4. Новая лексика возникает путем **переосмысления,** расширения значений уже существующих слов в языке: *kipanya* ‘компьютернная мышь’ (от первоначального значения ‘маленькая мышь’); *barakoa* ‘[медицинская] маска (от значения ‘чадра’).

5. В отдельных случаях встречаются **авторские неологизмы,** не фиксируемые словарями, смысл которых довольно легко определяется этимологией исходных слов или контекстом. Например, слово *domokrasia* ‘псевдодемократия’ образовано автором в противопоставление известному термину *demokrasia* ‘демократия’, первые два слога которого заменены на слово *domo* рот’.

Характерным свойством языка суахили является его уникальная приспособленность к грамматической ассимиляции. Пополняя свою лексику за счет иностранных заимствований, суахили легко и гибко их ‘осуахиличивает’ (*-swahilisha*), встраивая в свою языковую модель и подчиняя своим грамматическим нормам. Многие лингвисты, поддерживая и поощряя практику формирования новой лексики, в то же время подчеркивают недопустимость излишней поспешности в процессе образования неологизмов. Например, термин ‘смартфон’ пока не имеет закрепившегося эквивалента в суахили. В качестве одного из вариантов обсуждается слово *runulishi* как комбинация двух сокращенных основ − *rununu* ‘мобильный телефон’ и *tarakilishi* ‘компьютер’. Такой неологизм можно считать удачным, так как он сформирован с учетом внешнего сходства с данным предметом и отражает суть его предназначения, хотя на взгляд некоторых специалистов не очень вписывается в фонетические нормы языка. Предлагается более благозвучный вариант на основе тех же составляющих — *rununulishi*. Какая из этих лексем ‘вживется’ в язык суахили и станет неотъемлемой частью его словаря, покажет время.

В.Я. Порхомовский

Хамитская теория в африканском историческом языкознании

Хамитская теория на протяжении длительного времени занимала видное место в африканистике. Сам термин восходит к библейской классификации народов, потомков патриарха Ноя. Хамитам посвящены многочисленные публикации. Объем настоящей работы не позволяет представить даже краткий обзор этой литературы, охватывающей в их единстве лингвистические проблемы вместе с вопросами физической, социальной и культурной антропологии. Упомянем лишь, что значительный вклад в эту проблематику внес основатель отечественной школы африканистики Дмитрий Алексеевич Ольдерогге (1903–1987). В настоящем докладе мы ограничимся рассмотрением роли хамитской теории в контексте проблем отдаленного родства языков, а именно выдвижения гипотез в области генетической классификации языков в условиях отсутствия или лишь начального этапа сравнительно-исторического анализа соответствующих языков и языковых групп в соответствии со стандартными принципами лингвистической компаративистики.

Ключевую роль здесь сыграл крупнейший немецкий специалист по африканским языкам Карл Майнхоф (1857–1944), автор фундаментальных трудов по сравнительной грамматике языков банту, который предложил концепцию хамитской семьи языков, составляющей вместе с семитскими языками семито-хамитскую макросемью. Важнейшим критерием для отнесения языков к хамитским он признавал наличие в них категории грамматического рода. Разумеется, подобный типологический критерий не может быть принят в рамках компаративистской парадигмы. По всей видимости, при выборе критерия своей классификации Майнхоф опирался на опыт бантуистики, поскольку категория именных классов в языках банту в какой-то мере может считаться типологической параллелью для категории грамматического рода.

Хамитская концепция Майнхофа была отвергнута известным американским лингвистом Джозефом Гринбергом (1915–2001), предложившим свой вариант классификации, в котором языковые группы, составлявшие у Майнхофа хамитскую ветвь, рассматривались как отдельные независимые ветви семито-хамитской семьи. При этом он предложил заменить название этой семьи на афроазиатскую, чтобы исключить из лингвистической номенклатуры сам термин *хамитские языки*. Отметим, что в отечественной компаративистике широко распространен предложенный крупнейшим российским востоковедом

Игорем Михайловичем Дьяконовым (1915–1999) вариант этого названия — *афразийские языки*, чтобы не возникало впечатления, что речь идет о языках Африки и Азии в целом. Гринберг считал необходимым отказаться от внеязыковых критериев. Но поскольку африканистика была еще очень далека от постановки приоритетной задачи установления регулярных фонетических соответствий, ему пришлось привлекать типологические критерии в области грамматики, а также опираться на разработанный им метод «массового сравнения» (*mass comparison*), который в известной мере также следует относить к области типологии. При этом предложенная Гринбергом внутренняя классификация семито-хамитских (афроазиатских) языков способствовала значительному ускорению прогресса в области семито-хамитской компаративистики, поскольку в отличие от поверхностного сравнения семито-хамитских (афроазиатских) языков в целом, в фокусе внимания африканистов оказались достаточно компактные группы, впервые выделенные Гринбергом в рамках афроазиатской семьи и ставшие преимущественными объектами интенсивных полевых исследований.

Сказанное выше свидетельствует о том, что типологический подход, в принципе противоречащий строгой компаративистской парадигме, может выполнять важную, даже необходимую эвристическую функцию при изучении отдаленного родства языков. Так, нельзя отрицать, что в столь популярной среди историков и лингвистов лексикостатистике (или глоттохронологии), как в первоначальной версии Морриса Сводеша, так и в более поздних вариантах типологии принадлежит достаточно значительная роль, что не вполне очевидно на первый взгляд, поскольку речь здесь идет не о грамматике, а о лексике. В принципе, можно указать на определенные аналогии и на начальных стадиях ностратического языкознания. В заключение отметим, что имеются некоторые основания предполагать сходную ситуацию для современного этапа развития проекта LESEWA, т. е. изучения языков Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки, разрабатываемого в Санкт-Петербурге и Москве с 1990 г.

А.П. Ренжин

Дифференцированное маркирование объекта в амхарском языке

Дифференцированное маркирование объекта (DOM от английского *Differential Object Marking*) — широко распространенное в современном амхарском языке явление, когда морфологическое оформление объекта определяется значением одного или нескольких признаков

именной группы (ИГ). Средством DOM в современном амхарском языке является особый маркер (частица *-n*), в грамматиках амхарского языка называемый суффиксом винительного падежа (определенного аккузатива).

Приоритетными факторами выбора средства дифференцированного маркирования объекта в современном амхарском языке являются его определенность и в какой-то мере специфичность, при этом определенные и специфически неопределенные именные группы получают аккузативное маркирование, а неопределенные прямые объекты остаются в номинативе.

В следующих примерах объекты отличаются значениями категории определенности: в примере (а) ИГ определенная, в примере (б) неопределенная и в примере (в) ИГ специфически неопределенная:

а) Ayyɛlɛ mɛṣhafun yanɛbbal ‘Айеле книгу (определенную) читает’;

б) Ayyɛlɛ mɛṣhaf yanɛbbal ‘Айеле книгу (какую-то) читает’;

в) Ayyɛlɛ mɛṣhafočč̣ən yanɛbbal ‘Айеле книги (специфически неопределенные) читает’.

На выбор средства маркирования прямого объекта влияет не только определенность, но и референциальный статус объекта: а) Айеле читает конкретную, единственную в своем роде книгу, которая воспринимается как референт слова mɛṣhafu; б) существует предмет, которым является книга, и Айеле ее читает; в) существует объект, снабженный суффиксом множественного числа, которым являются книги, и Айеле их читает. И хотя данный объект не является в строгом смысле референтным, он обязательно маркируется аккузативом.

Иерархию определенности можно представить в виде следующих ступеней: местоимения (личные, указательные, возвратные, вопросительные (кроме *mən* ‘что?’) > имена собственные > ИГ, оформленные определенным артиклем или притяжательным местоименным суффиксом > ИГ, содержащие указательные местоимения > ИГ, содержащие «исчерпывающие» кванторы типа hullɛtu «оба» > ИГ, содержащие генетивный посессор, или так называемый эфиопский изафет > атрибутивные группы с субстантивированным числительным (квантором) или прилагательным > имена, снабженные суффиксом множественного числа > специфически неопределенные ИГ > неопределенные ИГ. При этом следует отметить, что чем левее располагается объект в иерархии определенности, тем выше у него шанс получить аккузативное маркирование.

Расположение объекта относительно глагола также можно считать лицензором DOM в амхарском языке. Немаркированный объект располагается строго в предглагольной позиции, и между ним и глаголом

не допустимы ни подлежащее, ни другие дополнения, ни обстоятельства, в то время как при маркированном объекте порядок слов может меняться: объект — субъект — глагол, например: ləjun wəššaw nɛkkɛsɛ.

У немаркированных объектов, не имеющих показателя числа, наблюдается нейтрализация числового противопоставления, и они могут интерпретироваться как единичные объекты, так и множественные: ləju muz gɛzza ‘Мальчик купил банан/бананы’.

Еще один параметр дифференцированного маркирования прямого объекта в современном амхарском языке представлен объектным согласованием:

šəmagəllew hasabun tɛqɛbbɛlut ‘Старик план (аккузатив) принял его (объект)’.

В этом высказывании прямое дополнение стоит в аккузативе, а глагол имеет показатель объектного спряжения (объектный суффикс), который в роде и числе согласуется с аккузативом. Этот пример показывает, что аккузативное маркирование и маркирование предиката могут быть совмещены и в результате составлять двойное маркирование. При этом нужно отметить, что маркирование аккузатива и объектное согласование являются независимыми, хотя и связанными процессами. Так, объект, выраженный неопределенной ИГ, не получает аккузативного маркирования и не может контролировать объектное согласование (а), а определенная ИГ в объектной позиции получает аккузативное маркирование и может (но не обязательно) быть контролером объектного согласования предиката (б).

а) Ayyɛlɛ wəha ṭɛṭṭa ‘Айеле попил воды’;

б) Ayyɛlɛ wəhawn ṭɛṭṭa(w) ‘Айеле выпил воду’.

В амхарском языке встречается и такой феномен, как «аккузатив при пассиве»: afrikawyan nɛṣannɛtaččɔwn bɛbaəd tɛgɛffɔw nɛbbɛr ‘Свобода африканцев была попрана иностранцами’ (*букв.* ‘Африканцы их свободу иностранцами они были лишены’). В этом предложении слово afrikawyan ‘африканцы’ является субъектом, слово nɛṣannɛtaččɔwn ‘их свобода’ стоит в объектной позиции и имеет аккузативное маркирование, а глагол употреблен в страдательном залоге tɛgɛffɔw nɛbbɛr ‘были лишены’ (от tɛgɛffɛfɛ ‘быть отнятым, лишенным’).

Ю.Г. Суетина

Неологизмы в языке СМИ на хауса

Язык хауса, являющийся третьим по численности говорящих на нем языке Африки (после арабского языка и суахили), относится к числу быстро развивающихся языков. Особенно это утверждение

верно для его лексического состава и в первую очередь для языка СМИ. Если в 30-х годах прошлого столетия сотрудники Бюро переводов на хауса в г. Зарии пополняли язык хауса заимствованиями из английского языка и арабского, пользующегося большим престижем у мусульман хауса, то в последние десятилетия число заимствований резко сократилось. Конечно, они встречаются и теперь, в основном англицизмы, например, *komfuta* ‘компьютер’, *kontaina* ‘контейнер’, однако они носят единичный характер. Вполне возможно, что хауса с их стремлением к пуризму в языке со временем заменят эти заимствования словами своего языка, как это произошло со словом «интернет»: в СМИ на хауса заимствование *itanet* ‘интернет’ встречается наряду с *yanar gizo* ‘паутина’, *salula*.

В настоящее время можно выделить следующие способы создания неологизмов в языке СМИ.

1. Калькирование. Этот способ не является продуктивным, но созданные таким образом неологизмы постоянно встречаются в языке: *meeting at the summit* > *taron k’oli* (собрание + вершина) ‘саммит’, *bud’ad’d’iyar wasik’a* ‘открытое письмо’.

2. Создание неологизмов по существующим в хауса словообразовательным моделям. Этот способ также не может считаться продуктивным, поскольку неологизмы, созданные по этим моделям, весьма малочисленны и относятся преимущественно к семантической группе «имя деятеля» и весьма незначительное число — к «имени места действия»: *manazarci* ‘исследователь’ < *nazarta* ‘исследователь’, *masharhanci* ‘колумнист, обозреватель’ < *sharhi* ‘статья’. В последнем случае образование имени деятеля осуществляется через некий фантомный глагол *sharhanta*, образованный от слова *sharhi* с помощью суффикса -ta, и который в языке не существует. Следует добавить, что суффиксальное глагольное словообразование в хауса вообще малопродуктивно, поскольку любой глагол может быть образован от любого существительного с помощью глагола *yi* ‘делать’. К неологизмам со значением «место действия», можно отнести *matatar mai* ‘нефтеперерабатывающий завод’ < *tata* ‘очищать’ + *mai* ‘нефть’, *matsaya* ‘позиция’ < *tsaya* ‘стоять’ наряду с давно существующим в языке словом *matsayi* ‘позиция, статус’.

3. Описательный перевод. Этот способ пополнения словарного состава хауса уже давно считается продуктивным. Наглядным примером такого описательного перевода могут служить такие слова, как *mai tsatsauren ra’ayin musulunci* ‘исламский экстремист’ (досл. имеющий твердое мусульманское мнение), *taron k’asa da k’asa* ‘международная конференция’ (конференция страна и страна), *rumfar zab’e*

‘избирательный участок’ (палатка + выборы), *takardun cancanta* ‘верительные грамоты’ (бумаги + соответствие), *k’aramin jakada* ‘консул’ (маленький посол), *gas mai sa hawaye/kwalli* ‘слезоточивый газ’ (газ, вызывающий слезы), *takunkumin rufe fuska* ‘медицинская маска’ (намордник закрывать лицо), *gangami* ‘небольшой барабан, которым собирали народ’ > ‘митинг’, *tarho tafi da gidanka* ‘мобильный телефон’ (телефон иди со своим домом).

4. Создание семантических неологизмов. Этот способ пополнения словарного состава языка хауса и в первую очередь языка СМИ можно считать наиболее продуктивным: *habaka* ‘увеличиваться в размерах, подходить (о тесте)’ > ‘развиваться’, *tattauna* интенсивная форма глагола *tauna* ‘жевать’> ‘обсуждать’, *jefa kuri’a* ‘бросать жребий’ > ‘голосовать’, *b’alle* ‘отвязывать, развязывать’ > ‘выходить из состава…’, *zaure* ‘помещение в доме, где собирают гостей’ > ‘зал заседаний’, *takunkumi* ‘намордник’ > ‘санкция’.

Характерной чертой языка СМИ на хауса является большое количество фразеологических оборотов, что нехарактерно для СМИ на русском и других европейских языках. И тут уместно вспомнить слова немецкого африканиста Й. Лукаса, который писал, что для африканца важно не только то, что сказано, но и то, как это сказано. Так, *‘yantacciyar k’asa* ‘независимое государство’ практически повсеместно было заменено фразеологизмом *k’asa mai cin gashin kai* (страна, поедающая волосы головы), *k’asashe matalauta* ‘беднейшие страны’ (страны бедняки) — *k’asashe ‘yan rabbana ka wadata mu* (страны дети моего отца ты обеспечь нас), *sabunta* ‘реконструуировать’ — *maida tsohuwa yarinya* (превратить старушку в девочку), *hanyar jirgin k’asa* ‘железная дорога’ (дорога поезда) — *layin dogo* (линия длинного), *rikici mai muhimmanci* ‘серьезный конфликт’ — *kai ruwa rana* (нести воду на солнце) и множество других. Неудовлетворительный результат — это *taka kara bai karya ba* ‘наступил на соломинку, а она не сломалась’ и множество других. Наряду с выражением *gas mai sa hawaye* ‘слезоточивый газ’ и даже чаще употребляется фразеологизм *barkonon tsohuwa* (перец старушки).

В последние годы в языке СМИ зафиксировано разрушение фрезологизмов и изменение их значения. Так, фразеологизм *labari mai gama gari* ‘хорошо известная новость’ сократился до *gama gari* и приобрел значение ‘всеобщий’: *yajin aikin gama gari* ‘всеобщая забастовка’. Слово не существует в языке вне кирари — развернутого эпитета — судьи: *kuliya manta sabo*. Первое слово этого кирари *kuliya* заменило слово *kotu* ‘суд’ в выражении ‘отдать кого-либо под суд’: *gurfanad da*

wani mutum gaba kotu = gurfanad da wani mutum gaban kuliya. ‘*Yan bindiga dad’i* ‘бандиты’ (дети ружье удовольствие) в настоящее время встречается только в виде *‘yan bindiga*.

М.Р. Урб

Территориальные варианты языка африкаанс

В системе языка африкаанс выделяются следующие три основные разновидности: африкаанс восточной границы (Oosgrens Afrikaans), каапский африкаанс (Kaapse Afrikaans), африкаанс Оранжевой реки (Oranjerivier-Afrikaans). Термин *диалект*, по мнению ряда южноафриканских ученых (Х. дю Плесси, М. фан Ренсбург, В. Веб), не совсем подходит к языковому континууму языка африкаанс, так как он рассматривается только как территориальный вариант языка. Они предпочитают использовать термины variëteit/variant/soort ‘разновидность/вариант/вид’, поскольку речь идет о разновидностях не только территориальных, но и этнических. Такая точка зрения доминирует в южноафриканской лингвистике. В отдельных исследованиях встречается термин *геолект*, для которого характерны размытые границы и определенные социальные и этнические черты (Е. Котзе), а также понятие *диалектный кластер* или *континуум* (Ф. Понелис). Особенность социолингвистической ситуации в пространстве языка африкаанс заключается в том, что фонетические, грамматические и лексические характеристики каждого из трех вариантов детерминируют конкретный район/территорию Южной Африки и конкретную группу населения.

Официальным языком Капской колонии на протяжении XVII и XVIII вв. был нидерландский, распространение которого ограничивалось привилегированными слоями общества, т. е. служащими Ост-Индской компании, которые прибывали в Южную Африку. Параллельно с нидерландским языком в условиях регулярных социальных контактов между постоянными жителями колонии (белыми и небелыми) формировалось разговорное койнэ, которое в скором времени стало восприниматься как основное средство устного общения среди европейских иммигрантов, койкой и рабов. Социальное неравенство этих трех групп населения явилось причиной их обособленности, которая привела к возникновению трех вариантов языка африкаанс.

Африкаанс восточной границы начал складываться на Каапском полуострове в XVII в. в среде свободных граждан европейского происхождения, так называемых фрейбюргеров (*vryburgers*), которые бесплатно получили землю от Компании и поселились на восточной

границе колонии. Фрейбюргеры были носителями разных нидерландских диалектов и при языковом контакте с другими европейскими иммигрантами, которые говорили на искаженном нидерландском, начался процесс унификации языковых норм. Впоследствии это привело к упрощению грамматической структуры нидерландского языка, что, в свою очередь, способствовало возникновению основных различий между будущим языком африкаанс и складывавшимся в то время литературным нидерландским языком. Создавая литературную норму языка африкаанс, члены «Общества истинных африканеров» ориентировались на африкаанс восточной границы, при этом они привносили в язык большое количество неологизмов, чтобы избежать английских заимствований, и часто использовали нидерландские грамматические конструкции. В настоящее время африкаанс восточной границы в своем первоначальном виде используется в африканерской общине в Аргентине и в Анголе.

Каапский африкаанс возник в среде рабов, которых завозили на Каап из нидерландских колоний в Юго-Восточной Азии. В языковом пространстве Каапа рабы, осваивая язык колонии, привносили в него элементы из малайско-португальского пиджина, их основного средства коммуникации. Впоследствии некоторые из этих элементов через африкаанс восточной границы вошли в современный литературный африкаанс. Большинство рабов были мусльманами, что во многом повлияло на некоторую культурною самоизоляцию этой группы населения. Первые письменные источники на африкаанс (переводы фрагментов Корана и других священных книг) появились именно на каапском африкаанс с использованием арабской графики. В современных условиях каапский африкаанс распространен в провинциях Западный и Восточный Каап среди цветных, потомков рабов смешанного происхождения.

Африкаанс Оранжевой реки возник в результате языкового контакта между нидерландскими поселенцами и койкой на Каапе. Потомки койкой переселились в XVIII–XIX вв. из колонии на северо-запад региона, где многие из них оседали в районе Оранжевой реки. Африкаанс этой группы населения вобрал в себя основные черты африкаанс восточной границы, но при этом отличается рядом особенностей, характерных для языков койсанской группы. Большую роль в развитии и сохранении этой разновидности языка сыграла миссионерская деятельность Моравских братьев, которые работали среди койкой и проповедовали на африкаанс Оранжевой реки. В настоящее время на африкаанс Оранжевой реки говорят в провинции Северный Каап в Южной Африке и на юге Намибии.

В современной языковой ситуации Южной Африки рассмотренные выше территориальные варианты языка африкаанс вышли за пределы их исторически сложившихся границ, скорее они условны и распространены на гораздо больших территориях страны. Названия разновидностей языка сохраняются лишь в силу традиции. Сейчас наблюдается постоянный и непрерывный процесс взаимного обогащения этих вариантов языка и стремление к единому стандарту, но при этом сохраняются их отличительные грамматические черты и жизнестойкость.

О.Э. Милюкова

Распределение сельскохозяйственной лексики по именным классам

Отраслевая лексика языка и особенно лексика, связанная с ведением сельского хозяйства и ее основными видами — животноводством и земледелием, является одним из самых информативных пластов, сохраняющим в себе ценные данные об истории и географических условиях проживания народа, особенностях ведения хозяйства, архаических явлениях в области языка и т. д.

В рамках реконструкции лексико-грамматической структуры малоизученного языка кереве представляется актуальным изучение семантической группы слов, относящихся к сельскохозяйственной тематике, в частности, анализ их распределения по именным классам.

Довольно объемную семантическую группу слов аграрно-животноводческой лексики языка кереве можно разбить на несколько семантических подъядер: номинации профессий, названия орудий земледелия, возделываемых культур, продуктов питания, аграрных работ; названия крупного и мелкого рогатого скота, инструментарий, продукты животноводства и т. д.

В качестве демонстрации распределения сельскохозяйственной лексики кереве по именным классам прежде всего рассматриваются классы, отмеченные признаком сингулярности.

1-й именной класс характеризуется наличием признака одушевленности и включает в себя наименования людей. Среди прочего сюда входят названия лиц по роду деятельности, в частности, номинации, связанные с сельским хозяйством, например: omulimi ‘крестьянин’.

В лексико-семантический корпус 3-го именного класса входят понятия, относящиеся к окружающей человека среде и его сельскохозяйственной деятельности. Примером номинаций, связанных с аграрной тематикой, могут служить такие понятия, как: omukunu ‘плодовое

дерево’, omugobe ‘бобовое растение’, omutaba ‘коромысло’, omuhulizyo ‘свист, с помощью которого успокаивают коров во время утренней дойки’, omukoka ‘поле, засаженное бататами’, omulamba ‘1. банановый сок, 2. вкусное недозревшее пиво’.

Лексическая семантика 5-го класса отличается разнообразием, при этом основная часть относящихся к нему существительных обозначает круглые или овальные по форме предметы. К 5-му классу принадлежит большой объем номинаций растений и плодов, например: ilabho ‘фрукт’, ibhabhi ‘трава’, iti ‘дерево’; названия напитков: ihira ‘пиво из бананов двухдневной выдержки, готовое к употреблению’.

7-й класс представлен такими лексическими группами, как названия конкретных предметов, частей тела, животных и растений, номинации территорий, заимствования и др. Среди лексем, относящихся к 7-му именному классу, достаточно распространены наименования предметов, используемых в сельском хозяйстве: ekisahi ‘сосуд для молока’, ekitanda ‘силок для содержания цесарок’, ekitara ‘большая корзина для зерна’; в определенном объеме представлены названия скотины и домашней птицы: ekikuhwe ‘цесарка’, ekinami ‘барашек’, ekimasa ‘нетель’. Также встречаются такие абстрактные понятия на сельскохозяйственную тему, как ekihimbo ‘единоличный выпас скота’.

Основное содержание лексической семантики 9-го класса составляют наименования домашних и диких животных, а также других представителей фауны. Помимо того, здесь обнаруживаются названия предметов обихода и орудий труда, небесных тел, отдельных растений и их частей, названия частей тела человека, существительные с абстрактным значением. Можно привести следующие примеры понятий, связанных с земледелием и скотоводством: embuzi ‘коза’, engkokolu ‘петух’, endimirankazi ‘плеяда звезд как ориентир начала полевых работ’, emfuka ‘мотыга’, enkoni ‘посох пастуха’, emengo ‘камень для растирания зерна’, ensambu ‘ферма’.

План содержания 11-го класса отличается достаточно большим списком собственно лексических значений, наиболее существенными из которых являются названия тех или иных предметов тонкой или удлиненной формы: olusabuzyo ‘вытянутый сосуд для хранения воды или продуктов’, orugega ‘вид плоской длинной корзины’, olufwo ‘желудок домашних животных, наполненный пищей’, orukondo ‘узкая тропа вдоль засеянного поля для прогона скота и засаженная деревьями’.

12-й именной класс языка кереве прежде всего отмечен значениями диминутивности. Большого количества сельскохозяйственных лексем в данном классе не обнаружено, однако стоит упомянуть о таком термине, как akatiruzo ‘палочка для закрывания крышки корзины с сорго’.

Лексическая семантика 14-го класса неоднородна, к этому классу принадлежат названия конкретных предметов, но наиболее распространенным лексическим значением является абстрактное значение, например ‘obuyobe земледелие’. 14-й класс достаточно широко представлен номинациями продуктов земледелия и животноводства: obusangaza ‘сушеное мясо’, obubisi ‘мясо желудка коровы´, obutongola ‘пиво из первого урожая бананов’, obukanza ‘пивной осадок, употребляемый в пищу’, изредка встречаются локативные значения: obukaziro ‘место для сушки мяса’.

В.С. Шатохина

Пословицы суахили в письменном дискурсе

Исследования современных ученых показывают, что в «речевом узусе многие традиционные паремии не только хорошо узнаваемы, но и активно используются в трансформированном виде» [1, с. 10]. Пословицы не просто умело подстраиваются под современную реальность, но и убедительно доказывают многоаспектность своего употребления: особое внимание ученых на современном этапе развития паремиологии привлекает анализ функционирования пословиц не только в фольклоре, но и в современной художественной литературе, медийных текстах, рекламе, социальных сетях, смс-переписке. Суахилийские паремии не стали исключением и продолжают демонстрировать свою актуальность в современном устном и письменном дискурсе.

В качестве примеров употребления пословиц суахили в художественных текстах нами были выбраны несколько произведений художественной литературы: эпос *Liyongo Fumo* («Лионго Фумо»), *Mazungumzo ya usiku* («Вечерние беседы», 1978), *Duka la kaya* («Деревенская лавка»), *Nagona* («Нагона», 1990) и *Nguvu ya sala* («Сила молитвы», 1999). В каждом из них в большей или меньшей степени присутствуют паремии. Например, так звучит диалог главной героини с матерью:

“Lazima uwe na makini ukitembea barabarani, alinishauri mama.

“Nimesikia mama,” nikajibu kwa upole kisha nikaongeza, “lakini si baba husema kuwa Mungu ndiye anayeyaongoza maisha yetu?”

“Ni sawa asemavyo babako lakini haina maana tusiwe na makini; Mungu humsaidia anayejisaidia”, alijibu mama.

«Тебе следует быть внимательной, когда гуляешь по улицам», — посоветовала мне мама.

«Я слышала, мама, — ответила я спокойно, а затем добавила, — Но разве папа не говорит всегда, что это Бог руководит нашей жизнью?»

«Да, так говорит твой отец, но это не значит, что нам не нужно быть внимательными. На Бога надейся, а сам не плошай», — ответила мама.

Довольно продуктивно употребление паремий и в современных публицистических текстах. Для анализа были выбраны интернет-страницы издания BBC в Instagram, официальный сайт Deutsche Welle Idhaa ya Kiswahili, а также его страничка в Facebook. Были использованы как опубликованные полноценные статьи, так и короткие публикации, а также были приняты во внимание ссылки на видеоролики указанных выше изданий, в том числе на канале YouTube, и материалы прямых эфиров радио Deutsche Welle.

Проведенное нами исследование подтверждает тот факт, что суахилийские пословицы не теряют своей популярности и продолжают доносить житейскую мудрость не только читателю художественной литературы, но и активно используются в массмедиа, а значит, доступны и понятны широкому кругу современных носителей языка суахили.

Литература

[1] *Мокиенко В.М.* Аспекты исследования славянской паремиологии // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 4–26.

Методика и практика преподавания восточных языков

Л.В. Васильева

Обновление и переработка учебных материалов для работы в дистанционном формате (на примере преподавания разговорного аспекта)

На фоне разразившейся весной 2020 г. пандемии коронавируса нового типа дистанционные формы ведения занятий стали новой повседневной реальностью. Внезапный и очень стремительный переход в режим онлайн способствовал мобилизации имеющихся у преподавателя знаний и опыта для приведения содержания занятий в соответствие с новыми формами. Приведем несколько примеров того, как потребовалось адаптировать привычные учебные материалы по устному аспекту японского языка на средних и старших курсах.

Программа обучения по устному аспекту японского языка на 3-м курсе ИСАА МГУ предполагает овладение навыками устного перевода в разных официальных ситуациях. Такой перевод требует хорошего знания и доведенного до автоматизма умения использовать ряд устойчивых клише и выражений, а также определенных грамматических форм. На занятиях в аудитории для отработки таких клише используются разные упражнения из базового учебника, многие из которых требуют от обучающихся работы по памяти, без опоры на текст. В аудитории контролировать, насколько успешно студент справляется с задачей запоминания и правильного использования значительного объема информации, можно легко: повторение заученных дома клише проводится при закрытых книгах, при этом преподаватель может использовать те материалы для повторения, которые есть в учебнике. В режиме онлайн при выключенных по разным причинам видеокамерах студентов такой вид работы становится неэффективным: у студентов всегда остается возможность работать не по памяти, а глядя в учебник с подсказками. Решением проблемы стала переработка заданий и упражнений учебника на основе собранных автором за годы переводческой практики материалов разнообразных форумов и международных встреч, где необходимые студентам клише встречаются в другом информационном контексте. Такой подход потребовал больше сил и времени для подготовки

преподавателя к каждому занятию, но позволил уйти от прямого цитирования упражнений и примеров из учебника без ущерба задаче освоения необходимых клише.

Еще одна важная составляющая обучения студентов навыкам устной речи — аудирование. При переходе из аудитории в онлайн мы получили дополнительный бонус в виде постоянного наличия передающей аппаратуры и возможности просмотра и прослушивания любых материалов через интернет в любое время. Однако из-за разного качества связи и скорости передачи этих материалов в режиме общего просмотра привычные для аудиторных занятий формы работы, например, «теневой повтор», запись со слуха и заучивание за короткое время новостных сообщений с подражанием речи диктора и т. п., тоже пришлось изменить. Так, для тренировки произношения и интонации в режиме «теневого повтора» приходится рассылать нужные файлы с материалами на почтовые адреса студентов, давать задание на самостоятельную проработку фрагмента в течение отведенного времени и затем проверять результат работы каждого студента, часто не слыша при этом оригинал. Недостаток такого формата работы — невозможность проконтролировать и поправить студента в процессе подготовки, поэтому это упражнение можно выполнять только со студентами, ранее уже работавшими в режиме «теневого повтора» в аудитории.

Переход в онлайн создал дополнительные преимущества и для отработки навыков реферирования и перевода текстов с русского языка на японский с листа: во-первых, все участники занятия могут, отключив микрофоны, одновременно с отвечающим проговаривать вслух перевод предложенного фрагмента, что, на наш взгляд, более эффективно, чем мысленное проговаривание своего варианта. Кроме того, у преподавателя появилась возможность моментально делать видимые всем пометки в тех местах, где перевод, предлагаемый студентом, требует исправления или где может быть предложен альтернативный вариант перевода: возможность графической разметки текста в режиме совместного просмотра документов есть на разных платформах для онлайн занятий, например, на платформе Zoom.

Переход из аудиторий в онлайн осложнил работу и преподавателей, и студентов, особенно в первое время. Однако новая реальность также способствовала развитию большей креативности всех участников учебного процесса и стимулировала к поиску его новых форм и возможностей.

Е.Ю. Бессонова

Роль бумажного носителя информации в процессе проведения практических онлайн-занятий по японскому языку

Онлайн-обучение дает возможность увеличить интенсивность преподавания, в результате практических дистанционных занятий по японскому языку удается достичь значимых показателей, так как онлайн-обучение расширяет спектр возможных средств обучения.

При проведении практических занятий в режиме онлайн мы не только задействовали технические возможности компьютерной коммуникации, а именно виртуальную рабочую доску, быстрый доступ к обучающему видео- и аудиоряду и т. п., но и не отказались от традиционных форм работы с бумажными носителями информации, т. е. во время проведения дистанционных занятий были задействованы и цифровые технические возможности, и бумажные носители информации, а именно учебник, дополнительные учебные материалы, предварительно распечатанные на компьютере, рабочие тетради и т. п. При этом приблизительно две трети времени отводилась на работу с бумажными носителями. На наш взгляд, возможность использовать бумажные носители помогает оптимизировать процесс онлайн-обучения, разнообразить формы работы на занятии.

Перед началом нового учебного года Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии поставило регионам задачу обеспечить всех школьников младших и средних школ планшетными компьютерами, задача на середину марта 2021 г. была выполнена на 98 % [1]. Одновременно была дана установка на то, что образовательные учреждения должны разъяснять школьникам и их родителям/опекунам вопросы безопасного использования интернет-пространства и требовать соблюдения санитарных норм, например, ограничивать время постоянного нахождения за монитором компьютера 30 минутами.

Данная новость и мониторинг процессов цифровизации образования позволяет сделать промежуточный вывод, что заметной становится тенденция на исключение из процесса обучения бумажных учебников и тетрадей. В докладе нами рассматривается возможность оптимизации практических онлайн-занятий без выведения бумажных материалов из учебного процесса, а наоборот, за счет интеграции их в дистанционный процесс проведения практических занятий.

Литература

[1] Сайт компании NHK, статья «新学期 小中学生1人1台タブレット端末 全国98%の自治体が整備» («К новому учебному семестру 98 % органов мест-

ного самоуправления обеспечили школьников младшей и средней школы планшетами»). Available at: https://www3.nhk.or.jp/news/html/20210317/k10012920291000.html (accessed May 30, 2021).

А.В. Германович

К вопросу о преподавании перевода и формах контроля при дистанционном обучении на 4-м курсе бакалавриата

Совершенствование навыков перевода является важным аспектом преподавания восточного, в том числе арабского, языка на последнем курсе бакалавриата. В условиях пандемии этот вид преподавательской работы, как и другие, осуществляется в дистанционном режиме. Однако дистанционная форма обучения заметно ограничивает контакт преподавателя со студентами, сужая возможности обратной связи и, соответственно, возможности контроля. Нередко студенты во время занятия «прячутся» за своими аватарами, а то и просто выходят из коллективного чата, что не позволяет преподавателю получать необходимую обратную реакцию аудитории.

В этой ситуации в ходе аудиторных занятий и экзаменов (в качестве одного из аспектов) мы начали активно применять такой вид работы, как устный перевод арабского текста с листа, без предварительной подготовки. Эта форма обучения и контроля, на наш взгляд, оказалась весьма эффективной. Преподаватель на дистанционном занятии или экзамене в режиме демонстрации экрана предлагает студенту перевести с листа незнакомый арабский текст, причем по абзацам: ни сам студент, ни другие присутствующие не должны заранее видеть последующие части текста. В случае необходимости преподаватель подсказывает студенту значение незнакомых слов. Полученный перевод затем обсуждается в аудитории.

Формат перевода с листа как на обычных занятиях, так и в качестве одного из аспектов экзамена имеет, на наш взгляд, весьма существенные достоинства.

Во-первых, он обеспечивает необходимый рабочий контакт между преподавателем и студентами, позволяя преподавателю более отчетливо, чем при самостоятельной работе учащихся дома или в классе, видеть, насколько быстро и свободно тот или иной студент ориентируется в новом, незнакомом тексте, понимает его синтаксис. Кроме того, перевод с листа без подготовки сразу показывает, в какой мере учащийся владеет пройденной лексикой: ведь, получая от студента готовый перевод, сделанный дома или в классе с использованием сло-

варя, преподаватель практически не имеет информации о том, какие арабские слова студент знает, а какие искал в словаре.

Во-вторых, перевод с листа приучает студента опираться исключительно на собственные силы и не надеяться на постороннюю помощь.

В-третьих, он практически исключает возможность использования студентом переводческих компьютерных программ типа google-переводчика (такая возможность возникает при использовании электронных обучающих систем — Moodle и др.). К сожалению, попытки использования google-переводчика отдельными студентами были нами зафиксированы и при выполнении ими домашних заданий по переводу в ходе учебы, и на экзаменах, когда тексты для перевода высылались студентам на дом.

«Иногда я не совсем понимаю арабский текст или у меня не получается складно выразить мысль по-русски, поэтому я включаю google-переводчик: это быстрее и легче», — сказал нам один из студентов.

Отметим, что в последнее время качество работы google-переводчика в его арабско-русской версии значительно повысилось: программа научилась учитывать контекст и использовать довольно сложные переводческие трансформации.

Ни в коем случае не выступая против применения современных технологий, в том числе в переводе, подчеркнем, что использование компьютерных программ, на наш взгляд, не должно замещать собой выработку у студента навыков самостоятельного перевода, умения четко и адекватно передавать содержание переводимого текста.

Опасение, что кто-то из учащихся воспользуется компьютерной программой при переводе заданного на дом текста, отнюдь не означает необходимости отказа от домашних заданий по переводу. Вместе с тем представляется целесообразным несколько усложнить такое задание, предложив студентам материал для перевода не в виде текстового файла или «картинки» (современные переводческие программы сами или в комбинации с другими, справляются практически с любыми форматами), а, например, в виде аудиофайла на арабском языке, который студент сначала записывает по-арабски (как правило, от руки), а затем уже переводит. Если при этом он захочет воспользоваться переводческой программой, ему придется печатать арабский текст, что связано с дополнительными затратами времени и сил. Как альтернативный вариант можно предложить студенту в качестве домашнего задания перевод усложненного текста с большим количеством художественных образов и метафор, способных поставить в тупик компьютерную программу. В любом случае, преподавателю целесообразно самому «прогнать»

предложенный им студентам текст через google-переводчик и при проверке задания иметь этот вариант перевода под рукой для сравнения.

Современные технологии предлагают использовать для контроля выполнения студентами экзаменационных заданий в онлайн-режиме специальные, так называемые прокторинговые программы (они внедряются сейчас в ряде вузов, например, в НИУ ВШЭ; в МГУ, насколько нам известно, эти программы применяются, в частности, на вступительных экзаменах в магистратуру на экономическом факультете), однако они весьма затратны, поэтому хорошей альтернативой на данном этапе представляется использование таких несложных методик, как перевод с листа.

А.В. Громова

Путешествие в Персеполь: новые мультимедийные ресурсы для иранистов-историков

«Как бы хотелось, чтобы у нас была машина времени! Отправились бы мы посмотреть, как жили мидийцы! Сейчас мы отправимся в очередное путешествие в прошлое, чтобы узнать, что происходило в древности…» С такого объявления о начале воображаемого тура в Персеполь начинается одна из передач Madrese-ye televizyoni ‘Телешколы’ по «Общественным наукам» (https://www.telewebion.com/tags/tvschool-9900, http://tv7.ir/tvschool). Сейчас по всем школьным предметам выходят в эфир программы, основанные на учебниках, созданных под контролем Организации по изучению и планированию образовательного процесса при Министерстве образования и воспитания Исламской Республики Иран.

Степень аутентичности предлагаемых текстов выделяется как один из важнейших критериев оценки современных дидактических материалов по персидскому языку, а при анализе стратегий и методик преподавания подчеркивается значение комплементарности разных частей, используемых УМК [1, pp. 399–406]. В пятерке принципов «5С» — т. е. среди стандартов для изучения иностранного языка в XXI в. — особое внимание уделяется лингвокультурной составляющей, подчеркивается решающая роль знаний реалий изучаемой страны в установлении успешной коммуникации, необходимость анализа и осознания различия традиционных практик и структурообразующих элементов культуры своей и изучаемой страны, готовность к взаимодействию в многоязычной среде.

Для решения этих задач как нельзя лучше подходит совмещение работы, во-первых, с аутентичными учебниками (http://chap.sch.ir/),

которые оснащены специально разработанными для них словарными подборками и тренингами, лексическими, грамматическими и переводными упражнениями, а также заданиями на развитие навыков монологического выступления, и, во-вторых, с ежедневно пополняющейся базой уроков существующей уже больше года «Телешколы», которая является оптимальным форматом аутентичного учебного видео, так как речь идет об оригинальном контенте, созданном для носителей языка, но для учебных целей.

Для изучающих персидский как иностранный большой поддержкой оказывается доступ к исходному текстовому материалу, там образом часть передачи может анализироваться после предварительной подготовки и отработки текстов и закрепления лексики, и только часть аудирования приходится на распознавание спонтанной речи.

Истории Древнего Ирана посвящены два модуля в формате путешествия по древним городам Хамадан, Пасаргады, Персеполь, Керманшах [2, pp. 46–65] и в виде подробного рассказа о становлении империй Ахеменидов, Аршакидов и Сасанидов, особенностях их административного устройства, о социальном строе, экономическом укладе, а также о религиозных верованиях, развитии наук и искусства, культуре повседневности в доисламскую эпоху [3, pp. 117–154]. Последовательное изучение материалов разного уровня сложности позволяет освоить необходимый минимум сначала в игровой форме, а затем в более серьезном ключе изучить отдельные тематические блоки и расширить словарный запас.

Среди сильных сторон учебных оригинальных видео в комплекте с аутентичными текстами можно выделить:

1) сочетание разного темпа при зачитывании отрывков учебника и при живой беседе, что помогает совладать с восприятием разных темпов речи;

2) переход с официального регистра на стандартный разговорный персидский и обратно, что позволяет сравнить значительно разнящиеся на фонетическом уровне и в плане базового порядка слов функциональные стили;

3) приглашение нескольких ведущих, что дает возможность сравнить различные идиолекты и индивидуальные речевые и артикуляционные особенности носителей;

4) чередование диалоговой и монологической формы, что позволяет лучше изучить и точнее воспроизводить интонационные конструкции и разные паттерны фразового ударения;

5) богатство арсенала клише, фразеологизмов, этикетных слов и идиоматических оборотов, традиционно используемых при публич-

ном выступлении и в ходе презентации, что закладывает основы подготовки монологического выступления на персидском языке.

Исторические сюжеты не сводятся только к рассказу о славном прошлом древнего Ирана: в «Телешколе» ярко показаны особенности природы и географии изучаемых мест, распространенные там обычаи и традиции, народные промыслы, местная кухня, что, несомненно, обогатит страноведческий культурный багаж ираниста любого профиля подготовки.

Литература

[1] *Shabani-Jadidi P.*, *Sedighi A.* Teaching Persian to Speakers of Other Languages // The Oxford Handbook of Persian Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 388–410.

[2] *Motāle'āt-e ejtemā'i*. Čahārom-e dabestān. Tehrān: Edāre-ye koll-e nezārat bar našr-o towzi'-e mavād-e āmuzeši, 1399 (2020). 99 s.

[3] *Motāle'āt-e ejtemā'i (madani, joqrāfiyā, tārix)*. Pāye-ye haftom-e do[w]re-ye avval-e motevasset. Tehrān: Edāre-ye koll-e nezārat bar našr-o towzi'-e mavād-e āmuzeši, 1399 (2020). 154 s.

Б.А. Захарьин

Обновление и переработка учебных материалов для преподавания в дистанционном режиме: межъязыковые грамматические аналогии как методический прием

Несмотря на генеалогическую преемственность, в структурном отношении санскрит и хинди демонстрируют принадлежность к противоположным «полюсам» на типологической шкале Гринберга: санскрит, с его высоким индексом синтеза и низкими показателями аналитичности и агглютинации, — образец синтетического фузионного языка, а хинди, принадлежащий к языкам «флективно-аналитического» типа, характеризуется достаточно высоким уровнем агглютинации [1, с. 236, 262]. Считается, что при подобных несходствах систем преподавание санскрита студентам, изучающим хинди, должно наталкиваться на весьма значительные трудности. Правда, сложности при реализации задач преподавания несколько уменьшаются для таких языковых сфер, как графика и лексикология, так как, с одной стороны, хинди и санскрит объединяет общая графическая система (алфавит «деванагари»), а, с другой, санскрит, уже весьма долгое время остающийся важнейшим «двигателем» традиционной индийской культуры, является неисчерпаемым источником прямых заимствований и калькированных неологизмов, обильных в лексической системе хинди и,

следовательно, хорошо знакомых учащимся. Но и при принятии во внимание действия этих облегчающих усвоение материала факторов собственно грамматические аспекты межъязыковых отношений, как предполагается, способствуют сохранению трудностей с санскритом как вторым языком у лиц, изучающих хинди.

В этой связи важно то, что уже в недрах классического санскрита как эталонного фузионного языка формировались и постепенно функционально укреплялись разнообразные аналитические конструкции, выстроенные по моделям, близким к тем, которые характерны и для хинди. Особенно показательны аналогии, выявляемые в сфере глагола. — Так, для обозначения «ближайшего будущего» и в санскрите, и в хинди используется модель ‘имя деятеля / отглагольное прилагательное + лично-числовые формы презенса глагола «быть»’ [2, pp. 335–336; 3, с. 111]. — Сравни скр. *likhitāsmi* (< *likh-i-tā* Nom Sg «писатель / пишущий» + *as-mi* 1 Sg Pres. «есмь») и х. *likh-n-e vāl-ā* («пишущий») + *h-ai* (3 Sg Pres. «есть») в значении «вот-вот напишет, собирающийся написать». Таким же образом для обозначения претерита в классическом санскрите использовались не только являвшиеся свободными вариантами синтетические перфект, аорист и имперфект, но и полуаналитические построения вида «презенс глагола + неизменяемая частица *sma*»: например, *ga-ccha-ti* «идет» + *sma* = «шел».

В хинди частичную аналогию таким структурам составляют конструкции «имперфекта», образуемые сочетанием имперфективных причастий с претеритом глагола «быть» — например, *jā-t-ā* «идущий/шедший» + *th-ā* «был» = «шел». Подобный структурный параллелизм с конструкциями хинди демонстрируют и другие аналитические построения санскрита — сопоставимы, например, «описательный перфект» в санскрите и перфект хинди; аналогичные схождения между аналитическими формами двух языков наблюдаются и в других случаях.

Многолетний опыт преподавания санскрита как второго восточного языка в группах хинди свидетельствует о том, что на начальном этапе преподавания опора на структурное сходство аналитических построений в двух языках устраняет определенные трудности, возникающие в процессе обучения, и позволяет обучаемым с большей легкостью воспринимать, анализировать и запоминать нужные формы и правила их употребления.

Литература

[1] Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982.

[2] *Whitney W.D.* Sanskrit Grammar. 2nd Indian ed. Delhi; Varanasi; Patna: Motilal Banarsidass, 1969.
[3] *Кочергина В.А.* Учебник санскрита. М.: Филология, 1994.

Е.А. Оганова

О новых принципах взаимодействия студента и преподавателя в процессе обучения восточному (турецкому) языку

Фундаментальное академическое образование, в том числе и обучение иностранным языкам, при сохранении своих незыблемых основ и следовании годами и даже веками опробированной методике может и должно отвечать изменяющимся условиям жизни. В результате стремительного развития технического прогресса XXI век для образовательной среды стал временем новых уникальных возможностей: взаимодействие обучаемого и обучающего все больше переходит в интернет-пространство — этот процесс особенно активизировался в период пандемии. В то же время современный преподаватель не может не учитывать изменения в специфике восприятия и запоминания каждого нового поколения студентов, приходящих в вузы [1].

В докладе описываются способы интеграции новых цифровых технологий в традиционный образовательный процесс (на примере изучения турецкого языка в вузе).

Предлагается следующее интерактивное взаимодействие преподавателя и студента: для группы студентов соответствующего курса преподаватель создает платформу (так называемую беседу) в социальной сети (вКонтакте, Фейсбук и пр.) или в мессенджере. Преподаватель регулярно готовит материалы по выбранным категориям (материал должен быть подан максимально компактно и вводиться крупным шрифтом, желательно с выделениями особо значимых моментов с учетом того, что, как показывает опрос студентов, более 60 % реципиентов осваивают материал с экрана телефонов).

В докладе предлагаются и подробно рассматриваются следующие категории для рассылки дополнительного материала (материал в каждой категории должен обязательно иллюстрироваться примером/примерами):

1) как они похожи (сравнение двух слов или словосочетаний, которые часто путают);

2) синонимы (выявление семантических нюансов двух приведенных синонимов);

3) турецкая грамматика в деталях (акцентирование одного грамматического нюанса, например, особенность падежного управления глаголов, порядок присоединения грамматических аффиксов и пр.);

4) разговорный турецкий (слова и выражения, характерные для разговорной турецкой речи);

5) деловой турецкий (слова и выражения, маркирующие деловой стиль общения) — только для студентов 4-го курса;

6) турецкая пресса (слова, выражения, грамматические конструкции, синтаксические фразеологизированные конструкции и пр., встречающиеся в турецкой прессе) — только для студентов 3-го и 4-го курсов;

7) типичные ошибки турецкого языка (приводится и комментируется одна лексическая, грамматическая или орфографическая ошибка из числа наиболее распространенных);

8) слово/фраза дня (для студентов старших курсов рекомендуется вводить фразеологизмы, крылатые выражения, пословицы);

9) это интересно (в этой категории приводится краткая информация лингвокультурологического характера, происхождение слова/выражения и пр.).

Материалы из различных категорий высылаются посредством указанной выше социальной сети или мессенджера; регулярность рассылки (например, 3–4 карточки в неделю) определяется преподавателем и предварительно согласовывается со студентами.

Возможна последующая отработка рассылаемого материала на уроке, например, путем перевода составленных студентами дома примеров, включающих разбираемый лексический или грамматический нюанс.

Предложенная методика требует от преподавателя больших затрат времени и энергии, однако она уже доказала свою высокую академическую эффективность и гармонично дополняет нормативный объем лексического и грамматического материала, вводимого на традиционных очных занятиях.

Литература

[1] *Софронова Л.В.* О парадигме отношений преподавателя и студента в процессе обучения восточному языку в высшей школе XXI века // Актуальные вопросы преподавания китайского и других восточных языков в XXI веке: сб. ст. и докл. участников I Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во «ФЭН», 2017. С. 175–184.

Е.М. Напольнова

Личная сфера говорящего в турецком языке

Каждый язык обладает системой средств для выражения отношения говорящего к окружающим лицам и объектам через включение их в личную сферу говорящего или исключения из нее. По мнению Ю.Д. Апресяна, «в эту сферу входит говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально; некоторые люди; плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы; природа, поскольку он образует с ней единое целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты; боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также всё, что находится в момент высказывания в его сознании. Личная сфера говорящего подвижна — она может включать большее или меньшее количество объектов в зависимости от ситуации» [1, с. 645–646]. Хотя аналогичные вопросы рассматривались в отношении ряда языков и учитываются в типологических трудах, для турецкого языка (ТЯ), как и других тюркских, языковые средства такого рода не исследовались.

При наличии в тюркских языках системы посессивных показателей, предназначенных для указания на фактическую принадлежность объектов, основным средством отнесения неодушевленных объектов к личной сфере говорящего в ТЯ являются указательные местоимения: местоимение *bu* указывает на расположение объекта в сфере говорящего и в поле его зрения; местоимение *şu* указывает на расположение объекта вне сферы говорящего и, как правило, на относительную пространственную близость объекта к говорящему; местоимение o указывает на расположение объекта вне сферы говорящего и на относительную удаленность объекта от говорящего или на расположение его в «пространстве собеседника».

Что касается окружающих лиц, то, в отличие от ряда языков, в ТЯ местоимение *ты* не может считаться средством включения собеседника в личную сферу говорящего, так как используется в отношении широкого круга лиц. Позиция говорящего по отношению к окружающим выражается через использование личных имен, апеллятивов, (псевдо)терминов родства, а средством включения присутствующего в сферу говорящего является использование посессивного показателя 1 л. ед. ч. («мой») в обращениях разного типа. В отношении младших адресатов, требующих «покровительства и защиты» говорящего, показатель «мой» используется с их личным именем или (псевдо)термином родства. Включение старших адресатов в личную сферу говорящего с использованием посессивного показателя «мой» возможно с предварительным использованием уменьшительного показателя. Исполь-

зование говорящим показателя «мой» при обращении к Богу подчеркивает его зависимость от высших сил. Инструментом сознательного исключения присутствующих из личной сферы говорящего является использование в отношении них указательного местоимения 3 л. *şu*.

Общая ситуация с отнесением объектов и лиц к личной сфере говорящего в ТЯ полностью соответствуют ее определению, предложенному Ю.А. Апресяном, но ТЯ обладает специфическим набором используемых для этого языковых средств. Рассматриваемые особенности средств указания личной сферы говорящего должны рассматриваться в процессе обучения иностранным языкам, в особенности восточным, так как их незнание может приводить к существенным коммуникативным ошибкам.

Литература

[1] *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 629–650.

Л.Т. Нечаева

Использование эффекта Б.В. Зейгарник в преподавании иностранных языков

В современной методике преподавания иностранных языков рассматриваются различные приемы обучения. Методисты обратили внимание на возможность создания упражнений и развития вероятностного прогнозирования на основе эффекта Блюмы Зейгарник.

Суть принципа Б.В. Зейгарник в том, что незавершенные дела вызывают в человеке определенное внутреннее напряжение, которое заставляет помнить об этих делах и возвращаться к ним в мыслях снова и снова, поэтому лучше запоминаются незаконченные, еще открытые задания, чем выполненные и законченные.

Б. Зейдарник объясняла это следующим образом: незавершенные действия в случае их прерывания вызывают психическое напряжение. Внимание будет сосредоточено на проблемном вопросе, дальнейшие действия будут восприниматься через призму незавершенных проблем.

Как эффект Б. Зейгарник можно использовать в преподавании японского языка?

Рассмотрим виды учебной деятельности на занятии языком.

1. Обучение иероглифике. Преподаватель предъявляет список пройденных по данному уроку иероглифов, но список неполный. Задание — какие иероглифы данного урока не включены в список?

2. Обучение лексике. Преподаватель задает тему, например, одно из времен года. Просит назвать слова, описывающие данное время года. В какой-то момент, после перечисления, например, 7–9 слов (объем кратковременной памяти по закону Миллера), преподаватель говорит, что достаточно, но просит приготовить продолжение списка слов к следующему уроку.

Таких тем может быть много.

К каждому уроку можно подобрать загадку, которой преподаватель завершает занятие, а на следующем занятии студенты дают ответ. Причём загадки могут быть как на грамматическое правило, которое изучается в данный момент, так и на лексику изучаемой темы.

3. Обучение грамматике. Счетные суффиксы. Преподаватель называет счетный суффикс, например, *mai*, и просит назвать слова, которые считаются на *mai*. Студенты называют несколько слов, затем преподаватель говорит: «Список таких слов продолжим на следующем занятии». На следующем занятии вспоминаются уже названные слова, и студенты называют новые.

В японском языке трудно запомнить счетные суффиксы.

Можно предложить одному студенту составить меню на русском языке на несколько человек, другому перевести на японский и повторить по памяти.

4. Работа с текстом. Предлагается незавершенный ситуативный текст. Дается задание высказать предположение о завершении ситуации, изложенной в тексте.

Использование эффекта Зейгарник способствует развитию вероятностного прогнозирования.

И что еще интересно — могут быть какие-то очень старые незавершенные задачи, которые в своем прямом виде уже забыты. Но свое напряжение они могут сохранять и тем самым влиять на поведение человека. Их желательно вспомнить и завершить, если конечно, такое возможно, так как завершение освобождает энергию человека.

М.К. Поспелова, М.А. Самохвалова

О некоторых методических проблемах преподавания китайского языка у студентов 1-го и 2-го курсов бакалавриата

В рамках программы по китайскому языку в ИСАА предполагается интенсивный курс освоения различных навыков владения языком. Основным подспорьем для работы считается учебник «Практический курс китайского языка», адаптированный несколькими коллективами

авторов для обучения русскоговорящих студентов [1]. Сосредоточимся на методических проблемах, сопутствующих освоению большого объема материала согласно упомянутой программе.

Интенсивный курс иностранного языка позволяет студентам в краткие сроки овладеть достаточно большим объемом материала [2, с. 4]. Учащиеся могут столкнуться с различными проблемами в рамках такой программы: трудность усвоения, стресс, потеря мотивации. Таким образом, перед преподавателем китайского языка на младших курсах стоит важная методическая задача: не только обеспечить «максимальную схему прохождения» материала [1, с. 5], но и помочь студентам в преодолении трудностей, сопутствующих изучению иностранного языка на интенсивном уровне.

В рамках работы со студентами 1–2-го года обучения хотелось бы выделить проблему формирования комплексного подхода к работе учащихся с материалами. Например, зачастую проблемы в освоении иероглифического письма затрудняют освоение и лексики, и грамматики. Планирование занятий, разработка материалов и внимание к разным аспектам работы можно считать ключом к решению проблемы [2, с. 27]. Также очень важно доносить до учащихся цель того или иного упражнения. Так, часто практикуемый «поморфемный» подход, когда преподаватель при изучении новых слов разъясняет студентам значение отдельных морфем, помогает в развитии языкового чутья, понимании различия квазисинонимов (近义词).

Обучение в условиях интенсивной программы может стать серьезным испытанием как для студента, так и для преподавателя. Важным навыком для выпускника является умение совладать с волнением, однако, на наш взгляд, занятия не должны превращаться в сознании учащихся в стрессовую ситуацию. Стресс не является лучшей мотивацией для учебы, а то и вовсе может помешать освоению иностранного языка [3, с. 203]. Вариантом решения такой проблемы можно считать некоторые аспекты суггестопедического метода, направленного на «развитие личности обучаемого» [2, с. 6]. Страноведческие элементы на языковых парах могут стать хорошим подспорьем в рамках этого метода. Однако в связи с плотностью программы реализация такого вида работы не всегда возможна. Для этого можно использовать и другие каналы коммуникаций, например тематические каналы в социальных сетях, в частности Telegram. Интерфейс приложения предлагает общение в комментариях, участие в опросах. На канале можно освещать темы, которые не удалось обсудить на парах, дискутировать с аудиторией в свободном пространстве, создавать непринужденную творческую атмосферу. Студенты должны учиться формировать и до-

носить до собеседника собственную точку зрения, что является важной частью становления их как профессионалов.

Литература

[1] *Кондрашевский А.Ф.*, *Румянцева М.В.*, *Фролова М.Г.* Практический курс китайского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Восточная книга, 2010.
[2] *Китайгородская Г.А.* Методика интенсивного обучения иностранным языкам. М.: Высшая школа, 1986.
[3] *Жабин Д.В.* Влияние факторов стресса на речевую деятельность студентов в условиях обучения иностранному языку // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2.

Л.В. Хохлова

Новая методика преподавания хинди в дистанционном формате: регулярные коллоквиумы с индийскими студентами

При обучении хинди на кафедре индийской филологии ИСАА МГУ традиционный грамматико-переводной метод, состоящий из изучения грамматических правил, расширения словарного запаса, перевода текстов и работы со словарем, сочетается с аудиолингвальным и коммуникативным методами. Аудиолингвальный метод используется только в форме заучивания и повторения стихов известных поэтов, причем на начальных этапах обучения стихи подбираются таким образом, чтобы в них присутствовали предложения с изучаемой грамматикой.

Для закрепления лексики и грамматики любого изученного текста или просмотренного фильма используются ролевые игры, развивающие фантазию и творческие возможности обучаемых. Например, после прочтения какого-либо рассказа студенты «додумывают» его сюжет, дополняя диалогами, отсутствующими в повествовании. Преподаватель может высказываться по поводу содержания реплик студентов, направляя диалог в нужное русло, но не должен исправлять грамматические или лексические ошибки, так как это нарушит правила игры. Устные диалоги дополняются также письменными работами: например, сочинениями о том, что случилось с героями через 10 лет после событий, происшедших в фильме. Студенты с удовольствием играют в ролевые игры и сами охотно придумывают для них сюжеты.

Пандемия ковида неожиданно подсказала новый вариант применения коммуникативного метода, когда диалоги из ролевых игр превратились в реальность. Кафедра индийской филологии установила контакт с преподавателями и студентами Университета им. Джавахарлала

Неру в Дели для проведения регулярных коллоквиумов по вопросам, одинаково интересующим российских и индийских студентов. Такие коллоквиумы можно проводить со студентами 3–4-го курса и магистрантами. При организации дистанционного общения приходится преодолевать некоторые трудности, связанные с расписанием занятий в ИСАА и разницей во времени между Москвой и Дели. Число участников каждого коллоквиума обычно не превышает 6–8 человек (3–4 с каждой стороны), так как увеличение числа дискуссантов не даст каждому из них возможности активно общаться. С обеих сторон присутствуют также преподаватели, время от времени направляющие дискуссию.

Предметом обсуждения на прошедших диспутах были «Семья и брак в России и в Индии», «Роль родного языка в самоидентификации личности в России и в Индии», «Отношения между религиозными общинами в России и в Индии», «Проблемы выбора профессии в России и в Индии», «Будущее хинди в эпоху глобализации», «Связь поколений в России и в Индии».

Тему для обсуждения большей частью предлагает русский преподаватель, иногда индийский преподаватель или студенты. Если тема представляется интересной как русским, так и индийским студентам, все дискуссанты читают выбранные преподавателями тексты, например, 1–2 статьи о том, как изменяется отношение к традиционной семье в среднем классе современного индийского общества. Затем на основании прочитанных статей русские студенты готовят вопросы для индийцев и одновременно продумывают ситуацию в России, чтобы отвечать на вопросы, которые им могут задать индийские друзья. Студенты охотно готовятся к описанным коллоквиумам, так как им хочется хорошо понимать собеседника, правильно, ясно и умно излагать свои мысли.

Описанный метод работы представляется чрезвычайно перспективным, поскольку он дает возможность студентам проявить навыки общения уже не в игровой, но в реальной коммуникативной ситуации, стимулирует творческие возможности личности и коллектива.

Преподавание западноевропейских языков студентам-востоковедам: особенности методики на современном этапе

М.В. Воронцова

Применение дистанционных технологий при работе с текстами по специальности

Одной из особенностей преподавания западного языка студентам-востоковедам является приспособление курса западного языка к тем компетенциям, которые заложены в стандартах для четырех востоковедных профилей — историков, филологов, экономистов и политологов. Современные исследования английского языка определили отсутствие особого пласта лексики, характерного для востоковедных исследований, за исключением особых терминов, связанных с культурой, религией или историей изучаемой страны. То же самое характерно и для французского, и для немецкого языков.

Тексты, с которыми приходится сталкиваться выпускникам ИСАА, стилистически неоднородны. Это и научные исследования типа монографий, где определяющую роль играет индивидуальный стиль автора, и статьи, опубликованные в научных журналах, часто имеющие достаточно унифицированный стандарт. Те, кто связан с более практическими специальностями, читают медийные тексты, стилистически отличные от научной литературы, или анализируют аудиотекст, для которого характерно совершенно другое построение. В деловом общении приходится иметь дело со стандартным построением фраз, но с наличием специфической, характерной для бизнес-языка лексики. Поэтому определить, что считать текстом по специальности для студентов-востоковедов, достаточно сложно. Это стилистически и лексически неоднородный массив текстов, связанных только одним признаком, — это тексты о Востоке. Это разнородные тексты, основное содержание которых определяется их принадлежностью к определенной области научного знания — история, филология, экономика и политология. Поэтому одной из самых трудных задач при преподавании студентам-востоковедам является выделение базовых текстов по специальности, опираясь на которые возможно выделить стилистическую специфику и лексическую базу текстов по специальности.

При использовании дистанционных технологий одним из преимуществ является доступ к большему количеству текстов, одновременное использование нескольких текстов в зависимости от специализации студентов, работа над одним и тем же текстом в нескольких форматах — печатный текст, аудиотекст, видеофрагмент. Большой интерес вызывают у студентов задания на сравнение стилистики, лексики и информационного содержания текстов разных форматов. Другим преимуществом является возможность индивидуальных заданий в рамках одной группы, что повышает мотивацию и позволяет добиться большей концентрации внимания, а также способствует возникновению конкуренции во время занятия.

Наличие большого количества приложений для работы с лексикой вряд ли успешно применимо для развития специальной лексической компетенции. Ментальные карты и другие инструменты, в огромном количестве разработанные для занятий иностранным языком, могут использоваться только в ограниченном объеме, являясь все же индивидуальной склонностью к запоминанию лексики. Запоминание слов в контексте, перевод фрагментов текста, а не отдельных слов является наиболее продуктивным способом работы над лексической разнородностью текстов по специальности. Суть применения дистанционных технологий при работе с текстами по специальности состоит в том, что сеть Интернет открывает гигантские возможности для прочтения или прослушивания с использованием разных типов чтения или аудирования, а также доступ к огромному количеству текстов, в том числе и самых актуальных. Скорость чтения, восприятие текста в целом, поиск тех фрагментов, которых нуждаются в тщательном переводе, — те навыки, развитие которых и проводит в конечном итоге к успешной работе с текстами по специальности в будущей профессии.

М.В. Зиза

Грамматическая компетенция при преподавании в онлайн-формате

Изучение английского языка базируется на непрерывном развитии навыков чтения, слушания, письма и говорения. С их помощью мы получаем и передаем информацию, осуществляем коммуникацию, взаимодействуем с англоговорящим миром. Все эти процессы возможны благодаря одному из важнейших языковых компонентов — грамматике. Устойчивые коммуникативные навыки создаются и развиваются вместе с изучением, отработкой и свободным владением грамматическими средствами во всех четырех видах речевой деятельности.

По определению коллективного документа Совета Европы, грамматическая компетенция понимается как «знание грамматических элементов языка и умение их использовать в речи. Грамматическая компетенция включает способность понимать и выражать определенный смысл, оформляя его в виде фраз и предложений, построенных по правилам данного языка (в отличие от механического воспроизведения заученных образцов)» [1, с. 107–108]. Таким образом, грамматическая компетенция предполагает изучение, владение и постоянное употребление грамматических правил для организации лексических единиц в высказывания, передающие смысл. Источником грамматических правил является грамматика иностранного языка.

В условиях обычного аудиторного занятия, как правило, преподаватель определяет, какой путь продуктивней для усвоения нового грамматического материала: эксплицитный или имплицитный. Выбор зависит от уровня подготовки студентов, уровня сложности грамматического материала, коммуникативных способностей учащихся, тренировочных упражнений, выводящих данный материал в речь, аудио- и видеоматериалов и других факторов.

При работе онлайн имеются некоторые ограничения для отработки продуктивных видов речевой деятельности, особенно говорения. Развитие навыка говорения всегда связано с беглостью, спонтанностью и точностью подбора как лексических, так и грамматических средств. К сожалению, этому препятствуют следующие факторы: отсутствие коммуникативной ситуации, реакции партнеров, экстралингвистической ситуации, которая должна играть побудительную и мотивирующую роль. Очень важен зрительный контакт и живые эмоции преподавателя и аудитории.

При переходе на онлайн-обучение английского языка, а следовательно, и грамматики, для более продуктивного обучения следует соблюдать следующие принципы:

– четкость, ясность, краткость при презентации грамматического материала и заданий для активизации;

– использование контекстуального подхода — применения диаграмм и текстов учебника, аудио и видео материалов. Большая роль отводится так называемому выведенному знанию [2, с. 116], когда учащиеся индуктивно осваивают грамматический материал;

– вовлеченность обучающихся в процесс — использование концептуально аналитических вопросов, переработка материала и «мысли вслух» студентов о месте и роли данного грамматического явления (критическое мышление); предсказание и предвосхищение использования грамматического явления в контексте устном / письменном;

– обратная связь — самостоятельная работа студентов по составлению предложений, миниситуаций, диалогов на новое грамматическое явление и отправка на почту преподавателю; составление устных предложений или небольших рассказов с помощью voki.com или vocaroo.com, составление вопросов для викторин на kahoot.com; персонализация;

– рефлексия — самооценка выполненного грамматического задания, оценка студентов в группе, использование опроса мнения студентов.

Литература

[1] Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка / Департамент по языковой политике, Страсбург. М.: МГЛУ, 2005. 247 с.

[2] *Рябцева О.М.* Формирование грамматической составляющей иноязычной компетенции // Изв. Юж. фед. ун-та. Технические науки. 2010. № 10. Т. 11. С. 116. URL: formirovanie-grammaticheskoy-sostavlyayuschey-inoyazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii.pdf (дата обращения 19.03.2021).

Е.В. Клюкина

Storytelling в онлайн-обучении

Повествование — старейший и наиболее естественный способ донести смысл, мораль, помочь извлечь урок или объяснить, как устроен мир. Истории являются когнитивными актами, имеющими педагогическую ценность, так как знакомы всем с детства и объединяют информацию / содержание / знание, контекст и эмоцию. Среди специалистов в области когнитивной психологии есть мнение, что люди постоянно рассказывают друг другу истории потому, что им больше нечего рассказывать, т. е. когда происходит взаимодействие посредством языка, все наше знание содержится в историях, в механизмах их сочинения и вспоминания. Человеческая память — это собрание историй, которые мы помним, потому что это наш личный опыт, или потому что мы их слышали, или потому что мы их сочинили.

В широком смысле *storytelling* (сторителлинг) определяется как метод воздействия через тексты в форме увлекательных историй, причем цели воздействия могут быть различными, но увлекательность является обязательным условием. При обучении иностранным языкам это повествовательное произведение небольшого объема с интересным сюжетом, который может эмоционально воздействовать на слушателей и способствовать вовлечению их в коммуникацию. Классический сторителлинг — преподаватель подбирает историю с ключевой лек-

сикой, рассказывает ее, ученики отвечают на вопросы, инсценируют историю, делают другие задания — критикуется за слишком большую трудоемкость в плане времени и усилий и слишком маленькую отдачу в плане количества усвоенных лексических единиц.

Однако различные технологии *storytelling* — рецептивные и продуктивные, моно- и многоязычные, сочиненные одним студентом или в парах / группах, устные или письменные — позволяют использовать этот метод на разных этапах изучения языка. На более ранних этапах / в более слабых группах история может сочиняться по опорам, в более продвинутых — самостоятельно. Сторителлинг можно использовать для отработки грамматики (добавление в историю прилагательных или наречий, объединение простых предложений с помощью союзов или причастных оборотов) и/или закрепления определенной лексики.

Преимущества повествования, а именно связная макроструктура с причинно-следственными связями и сигнальной лексикой (*signposting*), а также интересный сюжет облегчают вспоминание. Такая структура требует внимания, поддерживает вовлеченность слушателя; истории, рассказанные от первого лица, позволяют перенести содержание на себя, свой опыт, что добавляет интереса к изучаемой теме.

Эмоциональный компонент особенно важен при обучении онлайн, где отсутствует живое, непосредственное взаимодействие преподаватель — студент, студент — студент, ослабевает их эмоциональная связь, в силу чего может снижаться мотивация учащихся. Обучение онлайн позволяет использовать больше визуального материала, фотографий, картинок, видео, презентаций для иллюстрации или в качестве опоры для рассказа, что может частично компенсировать невозможность видеть жесты и мимику говорящего. Примеры цифрового сторителлинга: виртуальная экскурсия; интервью с известной личностью; рисованное видео; анимация.

Личный опыт использования *storytelling* демонстрирует лучшее запоминание лексических единиц студентами, если они использовали их при сочинении истории, а не в отдельных предложениях, так как автор сознательно отбирает и использует их в контексте, затем произносит (а слушатели слышат), что способствует переносу лексики в коммуникативную ситуацию подобно живому, естественному языку. Другая возможность применения метода — презентация через историю героя. Более персонализированная подача материала также способствует вовлеченности слушателей, провоцирует обсуждение.

Т.Н. Шихзаманова

Использование метода проектов в группах студентов-востоковедов

Среди инновационных технологий нового поколения метод проектов занимает особое место. Он рекомендуется к применению и на уроках, и во внеурочной деятельности.

Учебный проект — совместная учебно-познавательная, творческая или игровая деятельность учащихся, имеющая общую цель, согласованные методы, способы деятельности, направленная на достижение общего результата по решению какой-либо проблемы, значимой для участников проекта. Этот метод направлен на предоставление студентам возможности развивать знания, умения и навыки посредством работы над проектами, нацеленными на решение проблем и вызовов реального мира, с которыми они столкнутся в будущем, что делает процесс обучения более мотивационным.

В работе со студентами-востоковедами по этому методу используется пособие «Познавая Москву» (авторы Т.Н. Шихзаманова, О.А. Павловская). Разработанное на принципах интегративного подхода к изучению иностранных языков, пособие делает возможным использование метода межпредметных проектов.

Каким образом осуществляется работа над проектом? Выполнение задания начинается с постановки проблемы. На этом этапе важно заинтересовать студентов (в форме видео, оживленной дискуссии и т. п.). Задания могут быть разными.

Проиллюстрируем это примерами упражнений из пособия. Студентам предлагается создать веб-странички, рекламирующие экскурсии по Москве или сайт туристического агентства, и сделать их как можно более привлекательными для туристов или же проработать экскурсионный маршрут с указанием мест посещения, времени и видов транспорта. Есть задания, в которых дается детальная постановка проблемы. Например, студентам предлагается создать 10-минутную программу о Москве / православных храмах Москвы / местах отправления культа других религий в Москве.

Для выполнения задания студентам предлагается сделать следующее:

1) обсудить возможное содержание и решить, насколько интересно это будет для зрителей;

2) выбрать пять главных объектов;

3) решить, в какой последовательности будут рассказы о выбранных объектах;

4) определить, сколько времени нужно для каждого рассказа, будет ли интервью, и если будет, то кого интервьюировать;

5) представить свой проект.

После постановки проблемы необходимо разделить студентов на группы по 3–4 человека. Дальнейшую работу студенты выполняют самостоятельно во внеурочное время. Что они должны делать самостоятельно? Во-первых, составить планы работы, определить перечень конкретных действий с указанием сроков и назначить ответственных. Во-вторых, обсудить и обработать собранную информацию. В-третьих, оформить результаты работы. В-четвертых, представить отчет о проделанной работе (презентацию).

Необходимо отметить, что в проекте могут участвовать студенты с различным уровнем владения языком, разными умениями и навыками, стилем работы и т. д., так как работа над проектом предоставляет разнообразные возможности. Студенты более ответственно относятся к работе в команде, поскольку ими руководит желание не подвести свою группу.

В процессе проектной деятельности формируется ряд ключевых умений и навыков: рефлексивные (умение осмыслить задачу), поисковые (исследовательские), умения и навыки работы в команде, менеджерские, коммуникативные и презентационные умения и навыки.

При оценке проектных работ нужно учитывать следующее: как раскрыто содержание проекта в презентации, оригинальность решения проблемы, артистизм и выразительность выступления, использование средств наглядности, технических средств, ответы на вопросы аудитории.

Использование этого метода позволяет проводить конкурс презентаций проектов как внутри группы, так и на курсовом уровне. Поскольку работа по методу проектов имеет относительно высокий уровень сложности, пособие используется в группах третьего курса в шестом семестре. Опыт использования этого метода показал, что он эффективен и интересен для студентов.

Н.В. Резепова

Игровой компонент при формировании терминологической компетенции у студентов-востоковедов

Игровые образовательные технологии стали частью образовательной среды и при очных занятиях, и при дистанционном обучении. Технологии находятся в постоянном развитии, и педагогам нелегко

освоить ту или иную платформу для применения ее на занятиях. Важно осознавать, с какой целью необходимо вводить игровые элементы в образовательный процесс. Игра не будет эффективна, если за ней не стоит определенная образовательная задача и ее результаты не находят практического применения.

Терминологическая компетенция как составляющая профессиональной компетентности входит в число компетенций, особенно эффективно развиваемых посредством игровых компонентов.

На занятиях со студентами-востоковедами эффективно использовать тематические ролевые игры, в ходе которых отрабатывается навык применения терминов. Примером такой интерактивной игры может послужить моделирование деловых переговоров на заданную тему, где не только отрабатывается способность пользоваться понятийным аппаратом сферы делового этикета и страноведения, но и развивается навык применения терминов. Применение деловых игр на занятиях позволяет активизировать внимание студентов, способствует развитию познавательного интереса, творческих навыков, усвоению профессиональных умений и навыков. Воспроизводя работу международных организаций, студенты учатся аргументировать свою точку зрения, задействуют и закрепляют подходящие контексту термины.

Для расширения терминологической базы учащихся можно использовать игры на подбор дефиниций, синонимов или перефразирование. Например, электронные сервисы StudyStack (https://www.studystack.com/), Quizlet (https://quizlet.com), Barabook (https://barabook.ru) предоставляют возможность использовать дефиниции для отработки терминов. Такие игры, включающие и соотнесение понятий, и неоднократное повторение флэшкарточек, и мини-тесты, полезны для запоминания терминов и могут использоваться как на занятиях, так и в качестве внеклассной работы. Руководствуясь принципами активного обучения, преподаватели с помощью онлайн-игр расширяют когнитивные функции обучающихся, увеличивают их вовлеченность в познавательный процесс и соответственно интерес к учебной деятельности.

Эффективным способом овладения терминологической компетенцией являются групповые игры, например, «Снежный ком», «Крокодил», «Эрудит», «20 вопросов». Используя данные игры, важно в виде игровой задачи ставить конкретную дидактическую цель. Эти игры можно применять и для повторения терминов по определенным темам, и для запоминания и закрепления терминов на иностранных языках.

Как показывает сравнительный опыт, внедрение игровых компонентов в учебный процесс способствует не только повышению качества усвоения материала и обогащению терминологического словаря

студентов, но и развитию творческих способностей учащихся и расширению кругозора, что важно для деятельности специалиста в области востоковедения. Методический потенциал игровых элементов раскрывается в возможности введения на занятиях системы активного обучения и реализации проблемных методов обучения. В рассмотренных нами примерах игровые приемы и ситуации выступают как средство стимулирования учащихся-востоковедов к познавательной деятельности, как способ задействования комплексных когнитивных процессов и выработки необходимых компетенций.

Практика показывает, что активное внедрение игровых технологий в образовательный процесс позволяет повысить мотивацию студентов к учебе.

Л.Э. Шихзаманова

Роль культурологического компонента в преподавании английского языка магистрантам-востоковедам

Одна из главных целей изучения иностранного языка состоит в эффективной межкультурной коммуникации, что предполагает не только освоение грамматических правил и значительных лексических объемов, но и понимание менталитета и коммуникативных паттернов носителей изучаемого языка. Перед выпускниками Института стран Азии и Африки открывается перспектива дипломатических и бизнес-контактов, что подразумевает активное взаимодействие с носителями других языков и менталитетов. Все вышесказанное обусловливает актуальность введения культурологического компонента в программу преподавания иностранных языков.

Под культурологическим компонентом мы понимаем привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения, с целью формирования навыков эффективной межкультурной коммуникации. Освоение культурологического компонента происходит, главным образом, посредством сравнения культур и менталитетов. Понятие менталитета в данном случае мы рассматриваем как совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей и ценностных ориентиров, которые присущи тому или иному народу.

В качестве первого пробного опыта введения культурологического компонента мы хотим представить пособие “English Mentality and Culture of Communication”, которое, хотя и связано с изучением менталитета и культуры общения англичан, выступает как основа для после-

дующего сравнения с восточными культурами. Каждый раздел пособия посвящен конкретной английской реалии и объясняет правила эффективного взаимодействия в данной области. В ходе курса рассматриваются особенности ведения светской беседы, лексические индикаторы принадлежности к определенному классу, мобильный и бизнес-этикет, специфика английского чувства юмора, выраженная в таких лингвокультурных концептах, как *understatement* и *self-deprecation*, и т. д. Использующийся видеоматериал позволяет имитировать англоязычную среду, а ряд заданий, моделирующих конкретные коммуникативные ситуации, дает учащимся возможность освоить и отработать модели поведения, традиционные для общения с англичанами.

Мы берем за основу английский менталитет, чтобы на примере его изучения дать магистрантам определенный инструментарий для анализа менталитетов носителей изучаемых ими восточных языков. Специфика программы Института стран Азии и Африки в данном случае дает плодотворную почву, так как группы английского языка обычно состоят из специалистов по разным восточным регионам. Например, у магистрантов появляется возможность обсудить и подробнее изучить ментальные особенности сразу нескольких народов, что позволяет им лучше ориентироваться в культуре коммуникации как в изучаемом регионе, так и в восточных странах в целом.

Изучение данного курса вызвало положительный отклик у магистрантов, так как довольно часто им приходится сталкиваться с колоссальными ментальными различиями при выполнении своей работы. При этом, выработав алгоритм оценки особенностей других культур, они чувствуют себя намного увереннее в межкультурной коммуникации.

О.А. Иванова

Дискуссия как метод обучения иностранному языку студентов-политологов

Умение хорошо анализировать и прогнозировать различные социальные явления, а также владеть навыками аргументированной публичной речи — вот отличительная черта успешных политологов. Одной из возможностей развития критического мышления, освоения навыка ведения аргументированного изложения материала при обучении иностранному языку студентов-политологов является использование на занятиях метода дискуссии.

В ходе подготовки и ведения дискуссии на занятиях со студентами отрабатывается навык работы с информацией. На основе предложен-

ной статьи студенты собирают информацию по обсуждаемой проблеме, фиксируют аргументы за и против, критически их осмысливают, формируя собственную позицию. Далее, используя предложенные средства выражения, которые студенты осваивают на разных этапах обучения языку, отрабатывается, как правильно взять слово, переспросить, уточнить или при необходимости вмешаться в дискуссию, выслушать мнение другого, как грамотно отреагировать на аргументацию других участников дискуссии, аргументированно выразить собственное мнение, привести примеры, предложить возможное решение или компромисс.

Работа в этом направлении начинается уже начальных этапах освоения языка на учебном материале, где проблематика текста позволяет выявить преимущества и недостатки обсуждаемого, формирует выбор собственной позиции и ее представление в группе при обсуждении. На более продвинутых этапах дискуссия может носить спонтанный характер и развертываться после работы с проблемной статьей без указания на дополнительные речевые выражения или вспомогательные упражнения, что демонстрирует степень сформированности отрабатываемых умений и навыков. Следует заметить, что аргументированное ведение дискуссии является одним из показателей развития *soft skills*, которые по некоторым оценкам экспертов составляют 85 % успеха человека в профессии.

Культура Востока

А.В. Кириллов

Основной вопрос практической культурологии

Культурология — это о понимании. Впрочем, можно сказать, что жизнь человека, бытие человечества вообще — тоже о понимании. Понимании мироздания, явлений природы, загадок жизни, развития, социальных явлений, политики государств, своего и иностранных языков, языка женщин (мужчин), максим мудрецов и детского лепета. Вы можете напомнить и про поколенческий разрыв… Некоторые даже связывают понимание с таким трудноопределимым и, пожалуй, ненаучным понятием, как счастье («счастье — это когда тебя понимают»). Однако непонимание или ложное (неполное) понимание — между странами, между властями и народом — приводит к большим и маленьким трагедиям. И к комедиям тоже, поскольку множество комедий основаны на ошибочном понимании положений, чужих действий и слов. Пример — фильм «Зайчик», где герой по фамилии Зайчик, ошибочно интерпретировав фразу: «Протянет этот зайчик месяц, не больше», решает прожить остаток жизни достойным, наполненным смыслом образом.

Чтобы не сводить все к одному слову, придумывают разные термины, определяющие разные области понимания. Ну, скажем, понимание языка — это лингвистика или языкознание. Далее следуют еще более узкие определения. Понимание смыслового значения единиц языка — семантика. Истолкование текстов — герменевтика, установление их подлинности — текстология и т. д.

Но ближе к теме. Мы с вами собираемся поговорить о понимании другой страны — Китая. Помните фразу из любимого фильма: «Да как же тебя понять, коли ты ничего не говоришь»? Конечно, базовый инструмент понимания — язык, в нашем случае — «китайская грамота». Идиоматичность этого выражения имеет расширительное значение. Мы называем «китайской грамотой» любой непонятный текст.

Действительно, китайский язык неимоверно труден, и в том числе из-за неоднозначности иероглифов (в шутку говорят, что китайские тексты можно читать в любом направлении — справа налево и слева направо, сверху вниз и снизу вверх) и их сочетаний («Ма шан хоу» или «Сюэ си цян го»).

«Китайскими» в смысле «непонятным» называют и другие явления, вещи. Например, Chinese puzzle, китайская головоломка. Китай-

ская шкатулка — вещь, которая в действительности гораздо сложнее, чем кажется с первого взгляда. Это нечто мудреное, но все же поддающееся познанию.

Из этого мы и будем исходить.

Вы можете сказать, что достаточно изучать язык, прослушать курсы по экономике, истории, литературе Китая и все будет хао (хорошо). Примерно так и строится университетская подготовка специалистов. Увы, приехав страну, они сплошь и рядом сталкиваются с непониманием основ китайской жизни, имея в виду и политику, и экономику, и общественное устройство. Да и просто поход в ресторан может оказаться серьезной проблемой… А уж посещение музея, театра, храма… Даже люди, прожившие в стране годы, иногда — десятилетия, демонстрируют досадную нехватку не то что знаний — элементарного понимания целых областей китайской жизни.

Китайская нация имеет композитный характер. Она представляет собой сложное сообщество, в котором представлены довольно разнородные этнические элементы. Пример с «региональным подходом» к собеседнику.

Север и Юг, Восток и Запад различаются по физическим данным, языковым нормам, образу хозяйствования, пищевым традициям. Полстраны относится к «лапшеедам», в другой половине живут «рисоеды», и это только самое очевидное различие. Есть еще много других, если говорить о питании, и о них мы говорим позже.

Два типа национального самосознания в одном народе? Представления о «голубой» и «желтой» нации внутри Китая.

Даже в Пекине вы можете обнаружить это многослойное устройство общества. Если вы едете в экскурсионном автобусе по Чанъаньцзе, вы видите один Пекин, и это приводит к довольно забавным умозаключениям «трехдневных» визитеров (пример с российскими архитекторами). На Гулоу вы увидите уже другой город, но даже там ощущение будет совсем разным в зависимости от того, передвигаетесь ли вы по самой улице или по параллельным хутунам / переулкам, которые находятся в каких-то десяти-пятнадцати метрах.

Нужно учитывать, что в разные времена сама Поднебесная была разной, очень разной. Глубокий смысл династийного подхода к китайской истории. Танский и Сунский Китай. Женщины толстые и тонкие. Или возьмем традицию чаепития, которая менялась с очередным завоеванием Китая кочевниками.

И тем не менее мы говорим о некоей статичности Срединного государства. Помните пушкинское «до стен недвижного Китая»? Здесь мы имеем в виду не только внешние стереотипы в восприятии страны,

которая кажется нам застывшей в своем историческом развитии, но и те архетипы, которые делают Китай узнаваемым в веках. Но один ли это дракон — вечный символ Поднебесной, или же есть какие-то более глубинные качества национального характера? Либо же это, скорее, какие-то нравственные, поведенческие рамки, в которых этот характер заключен и которые определяют и его инерцию, и развитие?

И если эти рамки существуют, то что они собою представляют? Это какая-то корневая национальная философия или нечто, что китайцы впитывают с молоком матери?

Существуют ли вообще эти устои? Этот вопрос относится не только к китайцам. Про себя мы говорим, что существуем в рамках христианской морали, православной нравственности, что и отличает русский народ и от Запада, и от Востока.

Можно ли сказать, что для китайцев эта установочная норма — ритуал? Ли шан ван лай, лай эр бу ван фэй ли е? 礼尚往来, 来而不往非礼? (в этикете ценится взаимность). Очень может быть. Или все дело в китайском языке, в его иероглифической природе, которой соответствует определенный тип мышления? То есть язык не только «проговаривает» себя в китайском национальном характере, но и определяет его шкалу, пределы его проявления? Или суть в том, что китайцы едят? Также можно выстроить целую концепцию, которая, кстати, даст ответ на вопрос, почему китайцы такие разные. Просто разный цай (еда) едят, и все дела.

В общем, предмет исследований обширен. Само понятие языка можно трактовать расширительно. Культура может говорить разными языками — архитектуры, живописи, скульптуры. Кухни, имея в виду не тот язык, на котором говорят кухарки, а смысл блюд, пищевых, вкусовых сочетаний… Это тоже весьма обширная тема. Образность народного творчества в чем-то сопрягается, а в чем-то расходится с официальной символикой. И это совершенно нормально, ибо они преследуют где-то схожие, а где-то различные цели. То есть общее — это установка на бисе — изгнание, отторжение зла. Но под злом в разных случаях понимаются разные вещи. Семантический анализ здесь может быть чрезвычайно увлекательным!

Очень интересны те случаи, когда в китайской символике мы устанавливаем, улавливаем привнесенные темы, образы, мотивы… Это взаимное усвоение культурных кодов не столь уж редко и опровергает якобы историческую замкнутость Китая, его закрытость. В прошлом Срединная империя не чуралась культурных обменов с другими странами и народами…

Все же китайцы отдавали приоритет усвоению наследия. Это заповедовал Конфуций.

Д.М. Солодовник

К вопросу о культурном разнообразии и межцивилизационном диалоге (на примере ЮНЕСКО и ИСЕСКО)

Межкультурный и межцивилизационный диалог — это основа мандата ЮНЕСКО, который закреплен в уставе. После Всемирного саммита ООН в 2005 г., в ходе которого главы государств взяли на себя ответственность за развитие межцивилизационного диалога, ЮНЕСКО стало ведущей организацией по претворению этих идей в своей практической работе.

ИСЕСКО (исламский аналог ЮНЕСКО) — специализированная научно-образовательная структура при организации «Исламская конференция» (ОИК), где Россия с 2005 г. имеет статус наблюдателя, принимает самое активное участие в продвижении стратегии ЮНЕСКО по межцивилизационному диалогу.

Обе организации наметили конкретные цели в межцивилизационном диалоге:

– продвижение идей ненасилия и мира через признание многообразия путей развития;

– изучение вклада каждой религиозной системы в межкультурный диалог для предотвращения религиозно-цивилизационного противостояния.

В настоящее время в связи с геополитическими процессами, связанными с переходом к многополярному миру, перед этими организациями стоят проблемы выработки дополнительных аспектов межцивилизационного диалога, как то: право каждой страны суверенно выбирать политико-экономическую, социально-культурную систему развития; защита прав человека с учетом национально-культурной специфики каждого народа.

ЮНЕСКО и ИСЕСКО совместно проводят многочисленные мероприятия, посвящённые межкультурному и межконфессиональному диалогу, например, такие как Всемирный форум по межкультурному диалогу, который проводится с 2010 г. в Азербайджане. Пятый форум состоялся в 2019 г. и был посвящен теме борьбы против насильственных конфликтов. Обсуждение совместных проектов ЮНЕСКО и ИСЕСКО происходит обычно в рамках объединенного комитета.

Программа ЮНЕСКО «Международное десятилетие сближения культур 2013–2022» была принята как раз в ответ на всплески насилия и нетерпимости по отношению к культурно-духовным традициям

разных народов. Программа нацелена на духовные ценности, которые едины во всех вероисповеданиях и светских идеологиях [1].

Стратегическая программа развития ИСЕСКО на 2019–2027 гг. нацелена на перестройку мирового порядка на основе общих морально-этических ценностей, присущих любой цивилизации.

Межрелигиозный диалог рассматривается и ЮНЕСКО и ИСЕСКО в качестве флагманского направления деятельности.

Каждый год 1–7 февраля ООН проводит неделю гармоничных межконфессиональных отношений. Резолюция 65/5 Генеральной ассамблеи ООН призывает государства поддержать идеи межконфессиональной гармонии на основе любви к Всевышнему и любви к ближнему, независимо от собственных религиозных традиций и убеждений [2].

Российская Федерация намерена провести 21 мая 2022 г. Всемирную конференцию по межрелигиозному диалогу под эгидой ООН. Данная конференция приурочена к завершению программы ЮНЕСКО «Международное десятилетие сближения культур 2013–2022». В своих подходах к продвижению диалога культур, религий, цивилизаций Россия действует совместно с ЮНЕСКО и ИСЕСКО.

Литература

[1] Резолюция, принятая Генеральной ассамблеей 17 декабря 2012 г. // Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога, взаимопонимания и сотрудничества на благо мира. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/67/104 (дата обращения 25.03.2021).

[2] Резолюция, принятая Генеральной ассамблеей 20 октября 2010 г. // 65/5. Всемирная неделя гармоничных межконфессиональных отношений. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/65/5 (дата обращения 25.03.2021).

В.Н. Зайцев

Устойчивость культурного генотипа как основа исторической долговечности иранского государства

Иран как отдельная цивилизация существует более трех тысячелетий и как государство — с середины VII в. до н. э. В течение многих столетий географическое пространство, население которого называло себя иранцами, неоднократно подвергалось внешним вторжениям (от нашествий древних кочевников и похода Александра Македонского до интервенций XX в). Вследствие некоторых из них Иран либо становился временно частью неиранских по происхождению империй (эфемерной империи Македонского, эллинистической державы Селевкидов, арабского халифата, монгольской империи в виде одного из ее

улусов — ильханата Хулагуидов империи Тимуридов), либо распадался на ряд самостоятельных государственных образований, после чего неизменно возрождался как суверенный преемник иранских держав прошлого с присущими ему особенными чертами.

Эти многочисленные повороты на историческом пути иранского государства сказывались на этнокультурной идентификации населявших его народов, приводя к смене религиозных верований и традиций. Так, зороастризм, вышедший из древнеиранского язычества, долго сосуществовал в Иране с эллинскими, эллинистическими, христианскими и буддийскими культами, после чего уступил место исламу. Несмотря на многочисленные и существенные утраты и приобретения, Иран сохранил коренные, определяющие признаки своей цивилизации и поныне не утратил своей государственности, в то время как многие соседние народы и царства, включая мощные и богатые, исчезли с исторической сцены.

Есть основания считать, что важнейшим фактором, обеспечившим долговечность этого субъекта мировой истории, был чрезвычайно жизнестойкий иранский культурный генотип, который, преодолевая или абсорбируя всевозможные инородные воздействия, упорно сохранял свою гомогенность. Главное свойство этого генотипа — логоцентризм. Язык и словесность — стержень иранской культуры. При всех изменениях (таких, например, как принятие арабской графики, стихотворной метрики и огромного числа арабских лексических заимствований), происходивших в этом языке от авестийской эпохи до современного фарси (а также дари и таджикского), в его эволюции прослеживается постоянная преемственность, а имя собственное, обозначающее географическое пространство этой культуры и страну, ее унаследовавшую, — Иран — существует с III в. н. э. и восходит к самоназванию древних иранцев (ариа).

Становление этого генотипа началось в эпоху державы Ахеменидов (середина VI — последняя треть IV в. н. э.), в которой сложился особенный, нигде и никогда прежде не существовавший имперский стиль (позднее сходный феномен наблюдался в Римской империи), соединивший в себе достижения нескольких цивилизаций того времени (месопотамской, древнегреческой, древнеегипетской, индийской) с некоторыми элементами кочевой культуры. Выразительным примером этого стиля могут служить архитектура и монументальное искусство ахеменидского Ирана. Роль собственно иранского начала в этом сложнейшем комплексе состояла главным образом в его интегрирующей функции, которая создала первый в истории прецедент равного отношения государственной власти ко всем подданным импе-

рии и еЕ терпимости к языкам, верованиям, обычаям народов и племЕн, покорЕнных персидскими царями. Этот принцип терпимости бы впервые зафиксирован (539 г. до н. э.) в тексте манифеста (на аккаадском языке) основателя империи Кира Великого, записанного на так называемом цилиндре Кира (хранится в Британском музее Лондона), подлинность которого общепризнана.

В последующие исторические эпохи открытость иранской культуры внешним воздействиям (в чем-то на нее похожа русская «всемирная отзывчивость», по выражению Ф.М. Достоевского) в сочетании с чрезвычайно живучей исторической памятью ее носителей (практически всех классов и состояний), их упорной приверженностью всему тому, что принято включать в понятие «иранский дух», обеспечили долговечность иранской государственности, выдержавшей в течение более 2,5 тысячелетий бесчисленные испытания на прочность.

В этой главной своей особенности иранский культурный генотип похож на китайский с тем существенным различием, что второму, в противоположность первому, в течение веков была свойственна герметичность, отгороженность от внешнего мира, которая, по-видимому, препятствовала его эрозии. В силу такой традиционной изолированности и стойкой веры в свое «срединное» положение в ойкумене Китай, как правило, ассимилировал, растворял в себе культуры соседей и пришлых завоевателей, тогда как Иран сохранял их особенности в своем культурном опыте, продолжая в разные эпохи своей истории в той или иной мере исполнять первоначально взятую на себя интегрирующую функцию. Подтверждением этого может служить разнообразие культурного ландшафта современного Ирана.

В.П. Мазурик

О возможности христианско-буддийского диалога в культуре Японии

Первое знакомство японцев с христианством состоялось в середине XVI в. благодаря деятельности св. Франциска Ксаверия, видного иезуитского проповедника, основавшего миссию на юге страны. Однако в результате особенностей политического момента и недостаточной осведомленности европейцев в японской культуре в начале XVII в. христианство было запрещено под страхом смертной казни, и запрет этот сохранялся до 1873 г., когда буржуазное правительство вынуждено было признать важную роль западной цивилизации в современных реформах.

Прибывший в Японию в 1861 г. в качестве приходского священника для русского консульства в Хакодатэ на острове Хоккайдо молодой

иеромонах Иван Дмитриевич Касаткин с самого начала своей деятельности стремился знакомить японцев с духовной культурой христианства, для чего освоил многочисленные стили японского языка и религиозные традиции страны. Очень быстро он понял, сколь сложная задача стоит перед ним. В самой структуре японского языка была отражена совершенно непривычная для него картина мира, в которой отсутствовало представление не только о едином и трансцендентном Боге, но и об онтологической реальности человеческой личности. При этом он заметил в японцах черты, роднящие их с русским крестьянством, и прежде всего веру в Священный канон, Чудо и авторитет подвижников прошлого, традицию благочестивых паломничеств ко святым местам и т. д. Нечто общее с этикой христианства русский проповедник увидел в учении Истины (Дзё:до: синсю:), основанном монахом Синраном в конце XII в. и входящем в категорию школ амидаистского буддизма с культом «благодатной» ипостаси Будды — Амитабхи.

В докладе делается попытка объяснить типологическое родство некоторых фундаментальных положений этой конфессии с христианством, при том что в эпоху ее становления всякие контакты со странами авраамической традиции были исключены. Анализ сосредоточен в основном на двух текстах школы Синсю XIII в. — «Речи краткие, драгоценные» и «Записи скорбящего о ересях».

Общий вывод состоит в том, что даже в качественно отличных от христианства духовных традициях можно и нужно искать точки соприкосновения, чрезвычайно важные для полноценного диалога культур, без которого невозможно не только их взаимообогащение и развитие, но и глубокая внутренняя самоидентификация.

А.В. Кудряшова

К вопросу о «поэтических именах» чайной утвари в традиции «Пути чая»

В традиции японского чайного искусства (чайной церемонии «Путь чая») существует практика присваивать некоторым элементам чайной утвари «поэтические имена» — «гомэй». Далеко не вся чайная утварь удостаивается такого высокого звания. «Поэтические имена» могут получить только особо высоко ценимые художественные объекты и произведения чайного искусства, созданные вручную. При этом чаще всего именами «гомэй» обладают чайные ложечки «тясяку», вырезанные вручную из бамбука; керамические чаши «тяван», чайницы «тяирэ», бамбуковые вазы и керамические

кувшины для хранения чайного листа «тяцубо». Такое называние, как считают японские чайные мастера, помогает лучше раскрыть внутреннюю суть и красоту предмета, составить более полное представление о нем как о высокохудожественном объекте и повысить его художественную значимость.

В чайных встречах мастера обычно используют различную утварь, стараясь как можно реже повторяться. Подбирая предметы в единый «ансамбль» («ториавасэ») и заставляя его звучать каждый раз по-новому, чайный мастер может выразить присущее только ему чувство прекрасного, передать ощущение гармонии и красоты, создать тему для данной чайной встречи. Кроме того, бамбуковые вазы для цветов или чайные ложечки, вырезанные вручную, и чаши, созданные мастером из глины также вручную, хранят на себе отпечаток рук создавшего его человека, его души. До сих пор считается, что вещи, созданные вручную, дарят чувство психологического комфорта, тепла и мягкости, они позволяют глазу и руке отдохнуть и расслабиться. В традиции «Пути чая» это чувство осознания внутренней одухотворенности вещи особенно важно.

В Японии практика присвоения чайной утвари «поэтических имен» широко распространилась начиная с XV–XVI вв. Эти имена присваивались высшими иерархами из экспертного совета сёгуната «до:бо:сю:», специалистами мира искусства — известными художниками, каллиграфами; а в более поздние века — дзэнскими наставниками, чайными патриархами и известными чайными мастерами. Чайные патриархи прошлого, такие как Мурата Сюко, Такэно Дзёо, Сэн-но Рикю, их предшественники, а затем и многочисленные последователи, и ученики оставили после себя богатую традицию дарования «поэтических имен». Предметы искусства, обладающие «поэтическими именами», находятся в государственных и частных коллекциях и собраниях, музеях и галереях искусства. Иногда подобные произведения искусства можно встретить в антикварных салонах и на антикварных аукционах. Даже сейчас, в XXI в., наследники Сэн-но Рикю — чайные патриархи дома Сэн, возглавляющие чайные школы Японии, пользуются правом дарования «поэтических имен» чайной утвари высшего ранга. Многие настоятели дзэнских храмов и монастырей также получают запросы на экспертную оценку и дарование «поэтических имен» предметам чайной утвари. Считается, что именно эти люди обладают достаточным духовным опытом и осознанием действительности для того, чтобы передать словами внутреннюю красоту вещи. Наличие «поэтического имени» значительно повышает эстетический статус предмета [1, с. 45–48].

Чайные ложечки «тясяку» представляют собой особо интересную область исследования, поскольку это один из наиболее ценных объектов, выставляемых для любования во время чайного действа. На церемонии «хайкэн» («осмотра утвари с благоговением») гости любуются не только формой и материалом, из которого сделана ложечка, но и спрашивают ее «го-мэй», а также имя человека, создавшего ее. Форма чайной ложечки в большинстве случаев канонична, однако существуют и отступления от общих правил [2, с. 8–16].

В современной Японии в мире чая «поэтические имена «гомэй» могут представлять собой как традиционные, устойчивые образы и ассоциации, так и необычные, редкие сочетания. Устроитель чайной встречи должен быть внимателен при подборе утвари — одинаковые, дублирующие друг друга наименования использовать в одном наборе утвари для одного и того же мероприятия запрещено.

Литература

[1] *Кудряшова А.В.* К вопросу об эстетике чайной утвари в традиции «Пути чая» // Молодой ученый: международный научный журнал. Спецвыпуск «Японский альманах. Вып. 1». 2017. № 23.1 (157.1). С. 45–48.

[2] *Икэда Хё:а.* Киндай но тясяку («Чайные ложечки из бамбука. Мастера XIX-XX века»). Киото, Изд-во Танкося, 2010. С. 8–16.

К.В. Ермаков

Корейский конфуцианец Чон Дасан о социальной роли музыки

Классик корейского конфуцианства Чон Дасан (1762–1836) оставил после себя обширное письменное наследие, касающееся различных сфер человеческой деятельности. Он является автором ряда трудов по музыкознанию. К числу музыковедческих работ мыслителя следует отнести трактат «Аннон» («Рассуждение о музыке»). Произведение состоит из двух частей и посвящено роли музыки в обществе.

Свои размышления о музыке и ее функциях конфуцианский эрудит излагает исключительно сквозь призму китайской традиции. Так, повествование в «Рассуждении...» начинается с заимствованного из «Шуцзина» («Канона писаний») эпизода, рассказывающего о том, как легендарный китайский император Шунь, сделав Куя (персонажа китайской мифологии) кем-то вроде капельмейстера, поручил ему обучение своего старшего сына. Но как может музыкант быть ответственным за образование? — предлагает читателю задаться вопросом автор трактата.

В качестве объяснения связи между музыкой и воспитанием конфуцианский мыслитель указывает на то, что человек сам собой добрым не становится; нрав смягчается лишь благодаря учебе. Дело в том, что на наше сознание оказывают влияние «семь чувств» (радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть, жадность), которые сменяют друг друга, — и потому человек не находит спокойствия и умиротворения. И вот тут на помощь совершенномудрым приходила музыка: проникая в сознание, она стимулировала кровообращение и приводила слушателей в мирное и радостное расположение духа. Для подтверждения своего тезиса автор вновь обращается к примерам из эпохи правления императора Шуня: именно его мелодия *шао* заставляла начальников ведомств работать слаженно и даже повлияла на Даньчжу, сына императора Яо, таким образом, что он добровольно уступил трон Шуню.

Утрата музыкальной традиции древности, с точки зрения Чон Дасана, привела к ужесточению наказаний, увеличению числа войн, росту недовольства, господству лжи и обмана. Далее конфуцианский теоретик дает пояснение: среди «семи чувств» гнев — это та эмоция, которая легко вспыхивает и которой трудно управлять. Самый простой способ избавиться от гнетущего чувства досады и раздражения — сорвать на ком-нибудь зло, подвергнув этого человека наказанию. Конечно, на время это даст почувствовать облегчение и радость. Но эффект от подобной меры по силе успокаивающего воздействия не идет ни в какое сравнение с прослушиванием музыкального произведения. То же можно сказать и про войну: месть врагу на какое-то время принесет чувство удовлетворения. Однако если бы каждый день исполнялись мелодии древности, то разве возникало бы желание начать кровопролитную битву? Что касается роста недовольства и засилья лжи и обмана, то это, по мнению Чон Дасана, естественная реакция угнетаемого и притесняемого люда на наказания и войны от «людей сверху».

Заканчивается трактат высказыванием из «Ли цзи» («Книги ритуалов») о том, что этикет и музыка должны всегда присутствовать в человеке, не покидая его даже на короткое время. Тезис об имманентности музыки подкрепляется авторским утверждением, что без нее невозможны ни перевоспитание, ни улучшение нравов, ни всеобщая гармония.

Анализ «Рассуждения...» позволяет сделать вывод, что музыка в понимании Чон Дасана призвана сглаживать эмоции, а отнюдь не будоражить их. Современную ему музыку конфуцианский моралист считает непристойной, крикливой, лишенной степенности и пороч-

ной. Это важный штрих к пониманию эстетических воззрений корифея корейского конфуцианства: в эпоху, когда жил Чон Дасан, продолжалось развитие музыкальных жанров в сторону эмоциональной экспрессивности, — и потому обращение автора к «золотому веку», апологетику музыки времен Яо и Шуня и критику современности, можно рассматривать как стремление законсервировать устои, а в идеале — вернуться к истокам. Китайская фактура в данном случае может рассматриваться, с одной стороны, как повод порассуждать о роли музыки в общемировом контексте, с другой стороны — как фон для рефлексии автора на внутрикорейскую специфику.

Юй Цзе

Организация обучения китайскому языку при Российской духовной миссии в Китае в XVIII в.

1. Российская духовная миссия (РДМ, или Пекинская миссия) основана в 1715 г. для духовного окормления албазинских казаков, уведенных в плен цинскими войсками в 1685 г. после осады Албазинского острога на Амуре. Со временем РДМ превратилась в неофициальное дипломатическое представительство России в Китае.

2. Подписание русско-китайского Кяхтинского договора 1728 г. юридически закрепило статус Миссии и открытие при ней русской школы [1, с. 170]. В договоре предусмотрены важные моменты и условия пребывания и обучения русских учащихся в Пекине: их численность, местожительство, содержание, обучение, возможность возвращения в Россию по окончании учебы и др.

3. При комплектовании состава РДМ к ней стали приписывать учащихся. Фактически на ее базе была создана школа русских учеников и студентов в Пекине. По Кяхтинскому договору, русские ученики по прибытии в Пекин должны были проживать в русском подворье. Из академии Гоцзыцзянь — главного высшего учебного заведения императорского Китая — должны были приходить два учителя, чтобы вести на русском подворье занятия с русскими учениками по маньчжурскому и китайскому языкам. Всеми делами, связанными с Россией, занималась Палата внешних сношений, от которой также был назначен чиновник, отвевший за текущие дела русской школы и снабжение учеников одеждой и продуктами. В 1744 г. должность учителя китайского языка была упразднена, а в 1760 г. было принято решение, что для русской школы нет необходимости и в учителе маньчжурского языка. После этого управление делами русской школой перешло к учителям из Лютан (шесть школ) при Гоцзыцзяне.

Надзор за учениками вменялся в обязанность начальнику миссии. Между начальниками миссий, Синодом и Коллегией иностранных дел России, которая осуществляла управление делами российских учеников при РДМ в Пекине, существовала постоянная и довольно насыщенная корреспонденция, благодаря чему в Россию поступала информация не только о поведениях, жизни и учебе учеников, но и сведения о Китае. Информацию предоставляли как сотрудники, так и ученики, в обязанности которых помимо изучения языков также входило исследование общества Цинского Китая и жизни его народов.

4. Насколько эффективно проходил учебный процесс — сложно судить из-за скудности в сегодняшнем научном обороте материалов о работе учителей. Но из писем учеников к курирующим ведомствам России о делах РДМ и школы, можно понять, что отношение цинских учителей к своим обязанностям трудно назвать добросовестным, их методы и подходы с точки зрения сегодняшней методики преподавания иностранных языков тоже не были идеальными. Но ученики старательно изучали предложенные китайскими учителями «Саньцзыцзин» («Троесловие»), «Лунь юй» («Беседы и суждения») и другие учебные материалы философско-политического и исторического содержания. Хотя они не подходили для обучения иностранцев без предварительной языковой подготовки, усердие русских учеников привело к колоссальным успехам: их переводы классических сочинений и трудов, а также исследования Цинского Китая открыли для русского общества возможность знакомства с Китаем, его историей и культурой напрямую, а не из западных источников.

5. Ученики после возвращения в страну становились первыми русскими переводчиками с китайского и маньчжурского языков. Они служили в Коллегии иностранных дел в Петербурге и на русско-китайской границе. Они также стали первыми отечественными китаеведами в Академии наук, первыми носителями и распространителями достоверных научных знаний о Китае. Трудами первых российских китаеведов, прошедших русскую школу РДМ в Пекине в XVIII в., была заложена добротная основа для последовавшего в XIX в. научного прорыва, который вывел российское китаеведение на уровень мировой науки.

Литература

[1] Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. 3: 1722–1729 годы. М.: Наука, 2006. 542 с.

О.А. Машкина

Эволюция научных подходов к оценке роли «кэцзюй» в жизни императорского Китая

1. «Кэцзюй» (科举), или имперские экзамены (как их называют в англоязычной литературе) — это система государственных экзаменов, открывавших путь к чиновничьей карьере. Свидетельства о проведении экзаменов на чиновничью должность присутствуют в документах Ханьской эпохи с III в. до н. э., но в централизованную систему с четкой процедурой проведения «кэцзюй» сложились примерно в VII в. (династия Суй) и просуществовали до своей отмены в 1905 г.

2. «Кэцзюй» был ключевым компонентом конфуцианского образования. Они не только обеспечивали местным элитам доступ в государственный бюрократический аппарат, но и позволяли осуществлять отбор талантов из низов, поддерживая на практике конфуцианский принцип меритократического управления.

3. Экзамены «кэцзюй» наряду с важной ролью в политической жизни имперского Китая оказывали важнейшее влияние на развитие идеологии, этики, культуры страны. От принимающих участие в экзаменах даже на низовом уровне требовалось владение большим объемом иероглифики, знание классической литературы и умение рассуждать о государственных делах с использованием цитат из конфуцианских канонов, служивших эталоном и стиля управления, и стиля изложения.

4. В эпоху Мин с 1487 г. экзамен проходил в виде строго структурированного сочинения на тему государственного устройства, состоявшего из восьми частей, почему он и получил название — «багувэнь» (八股文). Основная часть и заключение сочинения необходимо было написать свободной ритмической прозой, свидетельствующей о литературном таланте претендента. В результате формировалась литературная среда, развивались различные стили стихосложения и искусство риторики.

5. Современные китайские ученые выделяют три этапа научных исследований взаимосвязи «кэцзюй» с культурной и общественной жизнью:

1905–1949 гг. — период фрагментарных исследований; 1949–1979 гг. — преобладание негативных ценностных суждений. Этот этап так определил писатель и литературный критик Лю Шаотан (1936–1997): «На мой взгляд, сочинение “багувэнь” — одного порядка с такими вещами, как поэтические песни жанра “цюй” (曲), бинтование ног, заплетенные в косичку волосы, трубка для курения

опиума. Об этом противно даже думать. Однако если вы спросите меня, что это такое — сочинение “багувэнь”, я сам не очень представляю» [1, с. 1]. Очевидно, что непонимание сути не могло служить основой для объективной критики и оценки роли «багувэнь» и экзаменов в целом.

С 1979 г. ширится круг работ, проникнутых «духом понимания и справедливой оценки», появились солидные научные исследования взаимосвязи литературы и «кэцзюй». Отметим как важную характеристику методического подхода, что под тезисом «понимание и справедливая оценка» китайские ученые имеют в виду «достижение полного понимания всех обстоятельств и исторического фона тех или иных событий прошлого, чтобы, преодолевая барьеры времени, пространства и культуры, создать платформу для диалога с древними, дать справедливую и строгую оценку исторических событий, произведений, читать и понимать исторические труды с этих позиций, избежав тем самым превратного толкования истории» [1, с. 2].

6. Постепенно формируется точка зрения, согласно которой китайские ученые признают позитивную суть системы, а отдельные ее недостатки отбрасывают. В 1992 г. профессор Сямэньского университета Лю Хайфэн ввел в научный оборот понятие «кэцзюеведение», инициировав изучение экзаменов «кэцзюй» в качестве отдельной научной дисциплины.

Литература

[1] 陈文新. 明代文学与科举文化生态. 北京: 高等教育出版社. 2016. 310 с. (*Чэнь Вэньсин*. Литература и культурная среда «Кэцзюй» в эпоху династии Мин. Пекин: Издательство высшего образования, 2016. 310 с.)

А.В. Кириллов

Магические символы на тибетских ключах

1. Замки как одно из великих изобретений человечества. Замки, как и, ключи появились в период накопления у людей излишков и возникновения частной собственности и товарного обмена, т. е. их появление стало важным маркером развития человечества. Историческое, социальное, символическое значение ключей.

2. Уникальный характер тибетских замков как одного из наиболее архаичных типов замков и тибетских ключей как произведения кузнецкого искусства.

3. Форма и орнамент. Фигурные ключи. Часто кузнец наносил орнаментальный узор, который, представляя загадку для нас, легко

«читался» хозяевами. Так, хаотически, казалось бы, нанесенные полукруглые риски изображают ваджру — символ грома. Очевидно, удар грома должен был поразить чужака, заполучившего в свои руки ключ. Тибетский кованый ключ чаще всего очертаниями напоминает человеческую фигуру, и неудивительно, что кузнецы подчеркивали это подобие, выделяя повернутые в стороны «ступни».

4. Сакрализация работы кузнеца, магия как составная часть его занятий. У всех народов кузнецы в силу специфики своих занятий стояли в сельских сообществах особняком, их дома, кузницы располагались на отшибе. Дело, очевидно, было в пожароопасности кузнецкого ремесла. Однако эту прозаичную мотивировку люди дополняли мистическими мотивами, чему способствовали внешние особенности работы кузницы: огонь, дым, искры, шипение металла, погружаемого в воду. Кузнецам, прибегавшим к неким профессиональным обрядам и заговорам, приписывали способность общаться с потусторонними существами. Это имело экономический подтекст: вещь, прошедшая через ритуал, получала как бы дополнительную прибавочную стоимость. Можно предположить, что и тибетцы считали своих кузнецов колдунами, как, например, славяне.

5. «Женский» тип тибетских ключей. Нередко ключ можно сравнить с женской фигурой. На части ключей этот «женский» мотив кованых элементов прямо уточняется последующей гравировкой: на поверхность наносились линии, складывающиеся в очертания грудей или женского нагрудника. Думается, тибетские кузнецы отнюдь не стремились к некоей «порнографии». Напротив, можно предположить, что они производили какие-то магические действия или читали заговор, вкладывая в ключ «душу».

6. При принятии новой религии старые верования нередко поглощаются новым каноном, становясь его обрядным или иконографическим элементом.

7. Образ Великой Праматери на ключах. Можно с большой долей вероятности предположить, что женский образ на тибетских ключах — это Великая Праматерь, одно из древнейших божеств, возникшее в неолите и предшествовавшее складыванию отдельных религий. Это изначальное женское божество, символизировавшее плодородие в широком плане и воплощавшее в себе базовое понимание смысла и сути человеческой жизни, персонифицировалось в женских персонажах различных религий.

8. Культ Великой Праматери у народности мосо, сохраняющей матриархальный строй. Загадка происхождения наси и мосо, прототибетцев.

9. Некоторые предварительные выводы. То, что тибетцы наносили образ Праматери на свои ключи, говорит о почитании ими древнего женского божества, которому в данном случае препоручалась важная функция — охрана имущества, владения. Считалось, что такой ключ обладает высокой надежностью и тот, кто пытался открыть замок, запертый ключом с Великой Праматерью, преступал табуированные границы. Интересно и то, что на сам замок никаких символов не наносилось и «раскодировать» замок не было никакой возможности — ключ, выступающий в роли магического предмета, находился на связке у хозяина.

А.А. Сергеева

Влияние пандемии на результаты обучения иностранных студентов в ИСАА

Пандемия коронавируса оказала серьезное влияние на все сферы, в том числе на образовательную. COVID-19 повлиял и на обучение иностранных студентов в нашей стране, нарушив привычный учебный процесс, что заставило преподавателей в срочном порядке не только осваивать различные онлайн-площадки, но и адаптировать методику и учебные программы под новую реальность.

По данным иностранного отдела ИСАА, в февраль 2021 г. в институте насчитывалось 114 обучающихся из КНР. После завершения основных этапов вывоза Китаем своих граждан бóльшая часть из них вернулась домой. Начиная с 16 марта 2020 г. занятия с иностранными студентами проводятся только в онлайн-формате. Примерно 20 % общего количества наших китайских студентов осталось в Москве, однако и они посещают занятия в удаленном режиме.

Для того чтобы понять плюсы и минусы, а также проанализировать сложившуюся ситуацию и сделать предварительные выводы о результатах дистанционного обучения, нами был проведен опрос трех китайских групп (50 чел., т. е. около 44 % общего числа).

Нельзя сказать, что переход на дистанционное обучение абсолютно негативно отразился на этой категории иностранных учащихся. Большинство опрошенных отмечает наличие ряда удобств данного формата: это относительная безопасность (в КНР были приняты достаточно жесткие карантинные меры), домашняя атмосфера, налаженный быт, отсутствие необходимости тратить средства на аренду жилья и ряд других факторов. Однако иностранные студенты, получающие онлайн-образование на родине, лишены языкового и культурного погружения, возможности налаживания личных кон-

тактов с преподавателями и однокурсниками, а также получения опыта в стране обучения. Большинство студентов говорят об ухудшении своего уровня владения русским языком, а также о необходимости наличия высокой самодисциплины и мотивации для того, чтобы в полной мере усваивать предложенный материал. Около 40 % опрошенных считают, что качество образования в онлайн-формате в целом хуже традиционного очного. Из технических моментов студенты также отмечают не всегда качественную интернет-связь, что приводит к обрывам соединения, плохой слышимости и низкой скорости. Вызывает ряд неудобств и разница между часовыми поясами двух стран — многие занятия в ИСАА МГУ заканчиваются, когда в Китае уже полночь. Китайским студентам не хватает дополнительных занятий по специальности, а также презентаций и других визуальных форм коммуникации с преподавателем.

В перспективе это отчасти может привести к тому, что некоторые семьи и студенты откажутся или уже отказались от возможностей международного образования. Кроме того, ситуацию усугубляет общее падение платежеспособности, опасения по поводу здоровья, а также отдельные случаи расизма по отношению к азиатам в некоторых регионах России.

В.В. Кузнецова

Система социального кредита граждан: традиция или «новая реальность»

1. Идеи, положенные в основу замысла системы социального кредита (ССК) граждан, опираются на ряд традиционных китайских представлений. Это: а) конфуцианская «холистическая» концепция сущности человека, связывающая благополучие человека с его характером и функционированием общества в целом; б) идеи моизма о человеческом долге одинаково заботиться друг о друге и защищать общество на основе справедливости; в) представления легизма о важности законов, строгого их исполнения и контроля над их соблюдением сверху для поддержания социального порядка.

2. В начале периода социально-экономических преобразований для китайского аграрного общества были характерны клановый характер проживания с неформальным подчинением главам больших семей; формальное подчинение главам ревкомов (в «культурную революцию») и парткомов в последующем. В период распространения системы подворного подряда, распада системы народных коммун и формирования комитетов сельских жителей отмечалось воз-

рождение традиционных отношений подчинения в рамках больших семей.

3. Масштабная трудовая миграция и быстрый рост городского населения привели к распаду традиционных социальных связей и горизонтальной сети взаимоотношений и взаимного контроля, успешно функционировавших в китайском обществе на протяжении столетий. В условиях правового вакуума и избирательного функционирования «народных судов» китайское общество столкнулось с распространением мошенничества, обманов и прочих «неправедных» видов деятельности.

4. В XXI в. началось обсуждение и эксперименты по определению контуров ССК. Первые документы, определявшие институциональные контуры ССК, датируются 2003 г. В 2009 г. ряду местных правительств было разрешено провести раунд пилотных экспериментов по введению ССК, в основном в городах, расположенных в приморских районах.

5. В 2013 г. в решениях Ш-го пленума ЦК КПК 18-го созыва введение ССК обусловливалось целями «поощрения честности и наказания нечестности». В 2014 г. Госсовет КНР обнародовал «дорожную карту» строительства комплексной ССК к 2020 г. В 2019 г. был взят курс на создание более комплексной системы, позволяющей «выявлять признаки неправедного поведения до того, как оно может нанести ущерб обществу».

6. Мониторинг реализации масштабного проекта ССК граждан показал, что к началу 2021 г. не удалось завершить строительство комплексной системы ССК. Наиболее комплексное развитие ССК наблюдается в трех провинциях: Цзянсу, Чжэцзян и Сычуань. В провинциях Хэнань, Хунань, СУАР и Тибете этот процесс только начинается [1, с. 4].

7. Социологические обследования показывают, что 80 % респондентов вне зависимости от возраста и места проживания полностью или в большей степени одобряют введение ССК. Лишь 1 % респондентов сообщили, что являются ее противниками. При этом доля одобряющих ССК респондентов в городах выше (82 %), чем в сельской местности (67 %); среди лиц с высокими доходами полное одобрение ССК выше (90 %), чем среди респондентов с низкими доходами (70 %); среди лиц в возрасте 14–30 лет доля одобряющих ССК ниже, чем среди лиц среднего и старшего возраста [2].

9. Хотя понятие ССК получило широкое распространение, система не сформирована: отсутствует общий подход к созданию информационной базы данных о социальном поведении граждан. На

местах сбор информации централизован, но операционная среда представляет собой расчлененную смесь общенациональных и секторных мер, муниципальных пилотных проектов и гибридных государственно-частных соглашений вокруг широко сформулированных целей.

Литература

[1] *Drinhausen K.*, *Brussee V*. China's Social Credit System in 2021: From fragmentation towards integration // Merics China Monitor. 2021, March 3. 24 p.
[2] *Donnelly D.* An Introduction to China's Social Credit System. 2021, Feb. 28.

Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа

А.А. Гаджиева

Языковые особенности казахских пословиц, записанных Н.Н. Пантусовым в Семиреченской области

Собирание и изучение казахских пословиц и поговорок начинается со второй половины XVIII в. Первые образцы казахской народной мудрости были зафиксированы в письменном виде, а затем уже опубликованы в различных изданиях. В числе первых собирателей казахских пословиц и поговорок были такие известные ученые, как Ч.Ч. Валиханов, П.М. Мелиоранский, А.А. Диваев, Н.Н. Пантусов и др.

Несомненно, помимо содержательной стороны пословиц и поговорок научный интерес представляют исследования фонетических, структурно-грамматических и лексических особенностей языкового материала, поскольку это дает возможность понять и изучить историю территориальных особенностей языка письменных образцов, а также процесс формирования норм современного литературного казахского языка.

Известно, что казахские пословицы были собраны в различных областях, населенных казахами, в частности, в Сырдарьинской, Тургайской, Семипалатинской, Семиреченской областях и Оренбургской губернии.

Пословицы, записанные в Копальском уезде Семиреченской области Н.Н. Пантусовым, были опубликованы в Казани в 1899 г. Образцы даны арабицей и кириллическим алфавитом В.В. Радлова с переводом на русский язык. В книге представлены 134 пословицы, в транскрибировании которых принимали участие студенты Семиреченской и Семипалатинской областей. По мнению ученого-тюрколога Н.Ф. Катанова, «это было сделано в интересах науки применительно к тюркским изданиям Академии наук, Казанского Университета и Общества Археологии, Истории и Этнографии» [1].

I. На уровне вокализма и консонантизма можно отметить следующие особенности:

1) соответствие ***-į [u]*** > лит. каз. ***-е***: *бįзäрį* — лит.каз. *безері* ‘питающий отвращение’;

2) появление гласного звука в абсолютном начале слова: *ịсämбä* — лит. каз. *сенбе* ‘не верь’;

3) соответствие ***-ы*** > лит. каз. ***-і***: *мынсыз* — лит. каз. *мінсіз* ‘безупречный’;

4) соотвествие ***[ый]*** > лит. каз. ***[ій]:*** [*быйдай*] — лит. каз. [бійдәй] ‘пшеница’;

5) употребление звонкого ***-б*** в анлауте в соответствии с литературным ***-п***: (араб.) *байда* — лит. каз. *пайда*;

6) употребление ***-с в*** соответствии с литературным ***-ш***: (перс.) *дуспансыз* — лит. каз. *дұшпансыз* ‘без врага’.

II. Гласные второго и третьего слога. Губная гармония.

Как известно, лабиальная аттракция в казахском языке не отражается на письме. Показательно, что в лексемах пословиц губная гармония гласных второго и третьего слога в большинстве случаев зафиксирована на письме: *өзүнө* — лит. каз. *өзіне* ‘себе’; *ụўгўрмөйдị* — лит. каз. *жүгірмейді* ‘не побежит’. Также на уровне единичных фактов встречаются слова с гласными звуками ***-і в*** первом слоге и с лабиальным ***-ў*** во втором слоге, что противоречит законам лабиальной гаромонии казахского языка: *бịтўсị* — лит. каз. *бітісі* ‘прорастание’.

III. Морфонологические особенности.

Морфонологический анализ форм именного склонения позволил установить некоторые отклонения от норм литературного языка. В частности, они были выявлены в оформлении аблатива: *ụамандан* > лит. каз. *жаманнан* ‘от плохого’; *залымдан* > лит. каз. *залымнан* ‘от коварного’.

IV. Лексические особенности.

В пословицах употребляются следующие архаизмы: *торсуk* — лит. каз. *торсық* ‘бурдюк’; *саба* — лит. каз. *саба* ‘бурдюк для кумыса’; *кебентай* — лит. каз. *кебентай* ‘мужская одежда из войлока’; *маржадан* — лит.каз. *маржадан* ‘от женщины’.

Таким образом, обзор языковых особенностей пословиц, записанных в Семиреченской области, позволил выявить некоторые особенности вокализма и консонантизма, а также морфонологическое варьирование в соответствии с литературным казахским языком.

Литература

[1] *Пантусов Н.Н.* Киргизскія пословицы, записанныя въ Копальскомъ уездъ Семиреченской области. Казань: Типо-литографія Императорскаго университета, 1899.

А.А. Ганич

Тифлисские мусульманские училища Алиева и Омарова учений: из истории педагогического проекта царской администрации на Кавказе

Со времени присоединения мусульманских провинций Закавказья к Российской империи начинается активное взаимодействие кавказской администрации с мусульманским населением, проживавшим на данной территории. Основной целью правительства было укрепление южных границ, преимущественно благодаря упрочению позиций этнических элит тюрок-мусульман Закавказья. Важным средством сближения местного населения с социокультурными нормами Российской империи государственная власть видела в сфере религиозного и светского образования.

«Положение о Закавказских училищах» 1829 г. положило начало целенаправленной деятельности правительства в области народного образования в крае. В 1840 г. учреждается Кавказский комитет, занимавшийся вопросами интеграции Кавказского региона в состав империи. Среди многочисленных задач этот межведомственный орган отвечал за постановку и развитие народного образования в крае. В декабре 1844 г. последовало создание Кавказского наместничества с центром в Тифлисе. Политика регионализма, проводимая кавказским наместником князем М.С. Воронцовым (1844–1854), допускала в отношении народного образования и просвещения сохранение «особенностей» в устройстве учебной части согласно «потребностям местных жителей и духу их верования». В 1847 г. было издано «Положение о Кавказском учебном округе», в соответствии с которым он подчинялся непосредственно наместнику, минуя Министерство народного просвещения.

В этот период конфессиональное образование в целом сохраняло свою традиционную структуру. Начальный уровень обучения был представлен примечетными школами — мактабами, существовавшими за счет вакфов и частных пожертвований. Однако теперь школа являлась не только религиозным, но и государственным институтом. Чиновники кавказской администрации видели в ней инструмент не только пропаганды и воспитания, но и подготовки лояльной властям прослойки светского и духовного чиновничества. Для этого было необходимо создать учебные заведения среднего уровня (мадраса), которые давали бы необходимый объем знаний. 18 апреля 1847 г. император Николай I высочайше утвердил устав шиитского, а спустя год,

10 мая 1848 г., суннитского мусульманского училищ. Первоначально, в виде опыта, сроком на два года, чтобы оценить целесообразность их работы как с точки зрения интересов государственной политики, так и с позиции успешной учебно-педагогической деятельности.

По замыслу кавказского наместника, Тифлисские мусульманские училища Алиева и Омарова учений должны были предоставлять детям закавказских мусульман возможность «приобретать познания по законам их веры и изучить русский язык в объеме, потребном для них в общении». Училища находились в ведении закавказских шайх ал-ислама и муфтия и содержались за счет сумм, выделявшихся наместником.

В первое время в каждое училище приглашали двух учителей: одного для мусульманского, а другого — для русского курса. Учебная программа предполагала преподавание русского, «татарского» (азери тюрки), персидского и арабского языков, а также чистописания, истории, географии, арифметики и других предметов на русском языке. Программа обучения и преподавательский состав утверждались кавказским наместником. Училища относились к разряду двухклассных школ, где учебный курс был рассчитан на 6 лет. Обучение русской грамоте и родному языку начиналось одновременно со дня поступления учеников. Численность в первый год работы шиитского училища — до 35 человек, суннитского — 22 человека. В разные годы количество воспитанников то увеличивалось, то сокращалось, что во многом было связано с изменением внутренней обстановки в крае.

Первым попечителем обоих училищ был назначен чиновник МИД, востоковед и знаток ислама Н.В. Ханыков, в 1854 г. его сменил чиновник особых поручений при кавказском наместнике Ф.Е. Булатов, в 1863 г. назначен А.Л. Граф.

Со временем стало очевидно, что учебная программа тифлисских мусульманских училищ не позволяла готовить служителей религиозного культа «высшего звена», которые могли бы занимать должности шайх ал-ислама, муфтия и кади. Необходимость в квалифицированных кадрах резко возросла после учреждения в 1873 г. в Тифлисе закавказских мусульманских духовных правлений шиитского и суннитского учений, а в губернских городах — маджлисов. Желающие получить духовные звания продолжали обучение за пределами Российской империи, в соседних Иране и Османской Турции. Эта практика сохранялась несмотря на существовавший запрет на въезд в пределы империи мусульман, в том числе российских подданных, получивших религиозное образование за границей, введенный еще в 1848 г. Послабления были связаны с осознанием чиновниками того факта, что имевшиеся

учебные заведения не восполняли нехватку исламских образовательных учреждений в регионе. Тем не менее тифлисские мусульманские училища стали одним из первых успешных опытов сотрудничества российской администрации на Кавказе и закавказского мусульманского духовенства в такой тонкой и сложной сфере, как образование и просвещение.

Б.А. Досова

Казахстан и Центрально-Азиатский регион через призму теории комплексов региональной безопасности

Теория комплексов региональной безопасности (ТКРБ) Б. Бузана (Бюзен, Бьюзен) и О. Вейвера была обнародована своевременно, так как теория международных отношений оказалась в определенном методологическом тупике. Доминирующая в биполярный период международных отношений (*мо*) научная парадигма, основанная на мировоззренческих выкладках политического реализма, еще долгое время по инерции продолжала владеть умами ученых. Но все уже начинали понимать, что появилась «трещина» между теоретической и практической составляющей *мо*. Глобального противостояния между антагонистическими лагерями уже не было, а научный мир продолжал изучать проблемы безопасности с позиции доминирования силы в *мо*. Такое сужение понятия безопасности становится неактуальным тогда, когда очевидным становится тот факт, что на повестке дня уже стоят другие аспекты безопасности, связанные с глобальными проблемами и ростом национализма. Такие проблемы, как разрушение окружающей среды, международный терроризм, наркотрафик и т. п., уже невозможно решить или минимизировать с позиции силы. И в связи с тем, что мир потихоньку, но все же движется в сторону многополюсного мира, возникает проблема объединения их под общим «флагом безопасности».

После развала биполярной системы *мо* составляющие идеологических лагерей «расслабились» и сосредоточились на своих страновых и региональных проблемах безопасности. Со временем, сформировавшиеся сильные центры начали «играть» в свои геополитические игры и, «заигравшись», не заметили, что мир становится жертвой новых угроз и вызовов. Теперь, в сложившихся обстоятельствах, встает важный вопрос — а кто же спасет мир, если все заняты исключительно своими делами? ТКРБ, возможно, даст ответ на этот важный вопрос, так как она призывает исследователей понять, что регионы

представляют собой сложные минисистемы и к их изучению следует подходить комплексно, используя концептуальные подходы различных направлений в науке о международных отношениях — реализма, идеализма, неомарксизма и т. д. И как следствие, призывы приверженцев принципа дополнительности, методологического плюрализма и междисциплинарного подхода сейчас актуализируется.

ТКРБ Бузана — Вейвера может стать эффективным методологическим инструментарием для изучения проблем безопасности в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР). По Бузану, региональный комплекс безопасности — «это совокупность акторов, чьи основные процессы секьюритизации и десекьюритизации или оба процесса настолько тесно связаны, что их проблемы безопасности не могут быть разумно проанализированы или разрешены по отдельности» [1, с. 123]. Вот в этом и заключается проблема, так как разнородность стран Центральной Азии по многим характеристикам не дает нам подвести под один знаменатель теоретические выкладки, а значит, выработать единые практические шаги по разрешению проблем региональной безопасности.

Особую трудность вызывает изучение ЦАР в рамках ТКРБ — это то, что комплекс уровней изучения — уровень отдельных стран, региональный и международный, является многосложным для анализа и обобщения. Если начинать с уровня отдельных стран, сразу выявятся некоторые разногласия во внешнеполитических доктринах стран региона, которые усложнят анализ в региональном срезе и не дадут объективных оценок ситуации для международного уровня изучения. Например, сравнив концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 и 2020–2030 годы [2, 3], можно заметить, что в последней Концепции в качестве важных стратегических целей указаны «упрочение лидирующих позиций и продвижение долгосрочных интересов Казахстана в регионе Центральной Азии и «позиционирование Казахстана в качестве активного и ответственного участника международного сообщества, вносящего весомый вклад в обеспечение международной и региональной стабильности и безопасности» [3].

Как мы видим, в документе появились такие словосочетания, как «упрочение лидирующих позиций», «в качестве активного и ответственного участника». На наш взгляд, для РКБ это означает, что Казахстан в ближайшие годы начнет играть более активную роль в системе безопасности своего региона. Как отреагируют на эту активность соседи по ЦАР, сделают ли они правильные выводы, не будет ли это воспринято ими как своеобразный вызов — покажет время.

Ясно одно: Казахстан ставит целью взять на себя ответственность за формирование региональной системы безопасности как неотъемлемой части международной безопасности. Практический результат таких устремлений зависит от изучения уровня отдельных стран, а потом выявления точки соприкосновения на региональном уровне; в конце анализа требуется соотнести региональный уровень с реакцией мирового сообщества на последнем, решающем, международном уровне. А это уже сложная задача для исследователя.

В целом Казахстан и Центрально-Азиатский регион через призму теории комплексов региональной безопасности представляет собой одновременно единый комплекс, но еще полный противоречий, связанных с внешнеполитическими ориентациями стран и геополитическим соперничеством ведущих центров мира в данном регионе.

Литература

[1] *Бобокулов И.* Центральная Азия как комплекс безопасности: теория и практика // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15, вып. 3. С. 122–131. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralnaya-aziya-kak-kompleks-bezopasnosti-teoriya-i-praktika (дата обращения 12.03.2021).

[2] Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 годы. URL: http://kzkazan.ru/ru/vneshnjaja-politika/kontseptsiya-vneshnej-politiki-na-2014-2020/ (дата обращения 12.03.2021).

[3] Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения 12.03.2021).

И.В. Зайцев

Османские документы по истории Аджарии во Владикавказе

В 2005 г. мне удалось поработать в отделе рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева (ныне филиал ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»). Одно из дел (ф. 36, оп. 1, ед. хр. 4) имело заголовок «Материалы времен Шамиля на арабском языке (по справке Агнаева)», однако в действительности это собрание 19 документов, происходящих из деревень Беглети и Горжоми одной казы («Верхняя» Аджария ливы Лазистан за 1289/1290 г. х. (1872/74 гг.).

По данным З. Шашикадзе, Аджарское ущелье было завоевано турками с последующим учреждением там османских административных органов в 60-е годы XVI в. Аджарский санджак поначалу был частью Эрзерумского бейлербейства, в 1609 г. он значится уже

в составе Чилдырского вилайета. По административному реестру империи 1631–1632 гг. ливы Верхняя и Нижняя Аджария значатся в качестве оджаклыка, подчиненного Карсу. Верхняя Аджария (Ачара), или Земо — поначалу самостоятельная лива (санджак) в Ахалцихском (Чилдырском) пашалыке. Область Лазистан включала в себя санджаки Гонио и Батум (официально с 1851 по 1867 г. — санджак Батум). Однако после того как в 1878 г. Батум отошел России, в 1879 г. указом был учрежден новый санджак Лазистан с тремя *казами* (Хопа и Атина, а также Ризе, которая была изъята из санджака Трабзон). К концу XIX в. Лазистан был разделен между этими *казами*, включавшими 6 сельских округов (*нахие*), в которых насчитывалось 364 деревни с населением 138 427 человек.

В деревне Горжом (современное грузинское Горжоми), согласно «Очеркам Чурук-Су и Батума» А. Френкеля (1879), было 278 дворов и проживало 740 мусульман. Доход деревни был весьма значительным: 17 827 от урожая и 389 — подати (250 быков, 200 коров, 20 буйволов, 51 лошадь и 763 барана и козла). В Горжоми находится самая большая в Грузии деревянная пятиглавая мечеть. Она была построена в 1902 г. мастерами-лазами Омером Уста и Уста б. Ахмедом.

В деревне Битлет, по данным А. Френкеля, было 126 дворов и 330 мусульман. Доходы 7 211 и 1 785 (150 быков, 100 коров, 8 буйволов, 15 лошадь и 245 баранов и козлов). Это современное грузинское село Беглети, в котором также сохранилась мечеть. В начале XIX в. в верхней части Аджарисцкалского ущелья эта мечеть считалась главной; туда верующие ходили на молитву со всех соседних селений. Как пишет Р. Барамидзе, мечеть в Беглети оформили в 1920–1921 гг. лазские мастера. По другим данным, построена она была в 1870–1900 гг. (т. е. как в эпоху, к которой относятся владикавказские документы), а в 1334/1926 г. украшена лазскими мастерами Омером Уста и Уста б. Ахмедом (теми же, которые делали мечеть в Горжоми).

Количественно документы из Владикавказа подразделяются на три группы следующим образом. Первые два документа (л. 1–2) — *вакф темессюю* — подтверждение права хозяйственного использования вакуфного имущества в Горжоме. Такие свидетельства выпускались столичным управлением вакфов. Следующие 10 (л. 3–12) так называемые временные документы на владение недвижимостью в Беглете; 7 оставшихся (л. 13–19) такие же документы, но на использование имущества в собственности вакфа (формуляр полностью тождествен приводимому А. Велковым). Судя по печатям, некоторые из них происходят из архива директора вакуфов (*эвкаф мухасебеджи*) в Трабзоне Мехмеда Тевфика.

В документах подробно описываются границы земельных наделов вокруг деревень, их стоимость, владельцы (в Беглете это чаще всего некие сыновья Садыка — Шакир и Эсад).

Вероятнее всего, эти документы оказались во Владикавказе (в одном из центров кавказских владений России) после присоединения Аджарии к Российской империи в 1878 г. в ходе русско-турецкой войны. Как писал годом позже А. Френкель: «Следующие меры могут способствовать в значительной степени к сближению русских с туземцами; а потому к оставлению мысли о переселении в Турцию. Это официальное признание за жителями права собственности на их недвижимые имения и отмена сбора податей и налогов.

Несмотря на особое значение „тапу“ и др. документов, имевших при турецком режиме ограничительное значение, надо полагать, что наше правительство найдет справедливым признать, что недвижимая собственность, находящаяся в фактическом пользовании нынешних владельцев, будет утверждена за ними потомственно…». Очевидно, что османские земельные документы оказались очень нужны горжомским и беглетским мусульманам и после 1878 г. для подтверждения своих земельных прав. Нужно полагать, эти османские бумаги пригодились, однако впоследствии они оказались полностью забытыми и лишь сейчас могут сослужить службу уже как источники по истории земельных отношений в Аджарии османского времени.

А.Ш. Кадырбаев

К вопросу о создании Кокандской автономии

Период становления советской власти в Туркестане был отмечен нарастанием конфронтации между мусульманами и большевиками, когда было жестоко подавлено восстание в мусульманских кварталах Ташкента, направленное против дискриминации коренного населения захватившими власть русскими большевиками. 27 ноября 1917 г. на 4-м Чрезвычайном краевом мусульманском съезде в Коканде по инициативе мусульманских организаций «Шура-и-Улемия» и «Шура-и-Исламия» в целях недопущения революционной экспроприации вакуфных земель — собственности мусульманского духовенства, закрытия мечетей, медресе, шариатских судов, начатых правительством образованной русскими большевиками Туркестанской советской республики (ТСР), и дискриминации коренного мусульманского населения было принято решение о Туркестане как о «территориальной автономии в союзе с Российской республикой,

основанной на федерации», аппелируя к лозунгу о праве наций на самоопределение согласно «Декларации прав народов России», что напрочь отрицает утверждения советской историографии о контрреволюционной, националистической и сепаратистской сущности Кокандской автономии.

В работе съезда, длившегося три дня, участвовали 200 делегатов не только от мусульманских организаций Туркестана, но и от краевой еврейской организации, от союза среднеазиатских (бухарских) евреев, а также от русского населения Туркестанского края. Законодательная власть в Кокандской автономии осуществлял избранный съездом Туркестанский временный совет в составе 54 человек, исполнительную — Туркестанское автономное правительство, возглавляемое деятелями казахского национального движения, членом партии «Алаш-орда» Мухамеджаном Тынышпаевым, затем — Мустафой Чокаевым. Съезд обратился к Совету народных комиссаров — Советскому правительству во главе с В.И. Лениным, разъясняя свою политику и отвергая обвинения в поощрении национальной розни.

Для защиты Кокандской автономии было организовано ополчение из местного мусульманского населения и привлечены в качестве союзников отряды басмачей — мусульманских повстанцев, выступавших под лозунгами защиты мусульманской религии от «неверных». Руководство Кокандской автономии достигло соглашения о совместных действиях с правителями Бухарского эмирата, Хивинского ханства, вассальных от России государств, атаманом Оренбургского казачьего войска А.И. Дутовым, командиром русских казаков в Хиве полковником И.М. Зайцевым и организацией казахского национального движения «Алаш-Орда». Активную поддержку Кокандской автономии оказало правительство Великобритании, направившее в Коканд военных советников и оружие.

Большевики Туркестанской советской республики заявили о непризнании Кокандской автономии, объявив ее контрреволюционной, что привело к перерастанию политического противостояния в военное. Против Кокандской автономии на ее подавление была направлена Красная гвардия, сформированная из русских солдат гарнизонов Туркестана и рабочих. В составе гвардии было много военнопленных Первой мировой войны — немцев и венгров, которым обещали за это возвращение на родину, а также отряды Дашнакцутюн — армянского национального движения, чьи филиалы были в Русском Туркестане. После разгрома Кокандской автономии это привело к погрому дашнаками мусульманского населения в Коканде (особенно пострадала община выходцев из Персии), где после разгрома Кокандской автоно-

мии власть перешла к Кокандскому совету, бывшему до 1919 г. под контролем Дашнакцутюн.

В конце января 1918 г. вооруженные силы Кокандской автономии под командованием курбаши Иргаша были разбиты Красной гвардией, после чего часть руководства Кокандской автономии была арестована, другие бежали. Поражение Кокандской автономии было обусловлено как военной слабостью, так и отсутствием единства между светским правительством Кокандской автономии и басмаческим движением, олицетворявшим воинствующий ислам, а также межэтническими противоречиями среди делегатов и защитников Кокандской автономии.

Таким образом, можно считать создание Кокандской автономии первой попыткой национального строительства в Центральной Азии в советскую эпоху, хотя инициатива эта исходила не от власти Советов, что и предрешило ее быстрое падение. Но неудачный результат — тоже результат.

Т.М. Караев

Современные проблемы кавказоведения. Новый «старый» ориентализм

Тема Кавказа всегда была на повестке дня. Во-первых, его геополитическое положение привлекало внимание политиков всех времен и народов как соседствующих стран, так и стран, казалось бы, расположенных «за три моря». Уже у Страбона, Геродота имеются описания края, протянувшегося от Каспийского до Черного моря. Во-вторых, Кавказ привлекал к себе внимание путешественников, описания и дневниковые записи которых явились первыми, пусть по меркам сегодняшнего дня наивными, но все же первыми информационными сведениями об этом крае. Местных жителей, варваров по определению Геродота, позже стали называть туземцами, необразованными и недостаточно цивилизованными племенами.

Но все же более или менее правдивое описание Кавказа иностранными путешественниками можно условно назвать первой волной ориентализма, их первые описания составляли цивилизационный образ Кавказа.

Истинная научность и системность изучения Кавказа начинается с российских ориенталистов, которые смогли подготовить организационно и профессионально научные экспедиции на Кавказ. Ранее еще декабристы, сосланные на Кавказ, назвали его лабораторией под открытым небом, благодаря им исследования начались под лозунга-

ми гуманизма и научного подхода. Российские ориенталисты стали второй волной, благодаря им Кавказ открывался миру не только своей природной красотой, но и уникальными культурами, разнообразными языками и верованиями, обычаями и способами ведения хозяйства. Универсалистская общность культур народов Кавказа позволила Н.Я. Марру сформулировать «яфетическую» концепцию языков кавказских народов. Оказавшись с точки зрения теоретической и исторической лингвистики неправильной теорией, объективно его труды и исследования в области культурологии кавказских народов дали исчерпывающее представление об общих культурных основаниях народов Кавказа. И, наконец, третья волна ориентализма, представителями которой явились выпускники российских университетов, уроженцы Кавказа, возвращающихся на родину, примкнувшие к кавказоведческим исследованиям. Они и составили плеяду кавказцев (яфетидов по Марру), поведавших миру историю и культуру своих народов. Они первыми для Кавказа сформулировали идею толерантности, что позиционируется как современное цивилизационное достижение. Они первыми предложили концепты мирного бесконфликтного сосуществования народов многонационального Кавказа, концепты заботливого отношения к малым, бесписьменным народам, они первыми убеждали местное население уважать чувства верующих независимо от их вероисповедания.

Исследования, начатые ориенталистами-кавказоведами этой волны, успешно продолжились и в советское время. В последние годы исследования ведутся в области политологии и глобалистики, хотя по-прежнему ждут своих исследователей темы, касающиеся внутрикавказских, региональных культурно-исторических влияний. Современному Кавказу нужны культурно-исторические исследования, способные помочь в современном государственном строительстве и в целом в вопросах социальной философии. Опыт внедрения рыночных отношений во всем мире показывает, что успешнее те модели рынка, которые учитывают историю и культуру.

Литература

[1] *Караев Т.М.* Россия и Кавказ. Проблема культурной ориентации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 56–67.

[2] *Караев Т.М.* Яфетический Кавказ: историко-философское разнообразие и единство. М.: Макс-Пресс, 2019. С. 10–55.

Е.Н. Касимовская

Гендерный разрыв в странах Центральной Азии

Принято считать, что чем более развита страна в экономическом и политическом смысле, тем меньше различия в положении полов во всех сферах жизни, тем более активную роль играют женщины в национальном развитии своей страны и тем меньше гендерный разрыв (Gender Gap).

Методология оценки гендерного разрыва была впервые представлена в 2006 г. на Всемирном экономическом форуме. В основе одноименного композитного индекса лежат четыре критерия (субиндекса): участие женщин в экономике и их положение на рынке труда; доступ к образованию; состояние здоровья женской части населения, вовлеченность женщин в политику и управление страной. И если по первым трем позициям за последние 20 лет был достигнут существенный прогресс, то по критерию представительства женщин во власти сохраняется существенный диспаритет. Согласно последнему ежегодному докладу «Global Gender Gap Report 2020» (http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2020/dataexplorer), охватившему 153 страны, гендерный разрыв в политической сфере покрыт всего на 24,7 % в глобальном масштабе. Таким образом, одной из главных проблем современности остается недостаточная включенность женщин в политику, в управление страной.

Страны Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Туркмения) представлены в вышеупомянутом рейтинге частично и занимают далеко не первые места. Бессменным лидером в рейтинге гендерного равенства выступает Исландия (88 %). В группу топ-10 вошли также Норвегия (84,2 %), Финляндия (83,2 %) и Швеция (82 %). Казахстан занимает 72-ю позицию с гендерным разрывом, покрытым на 71 %, Киргизия (93-е место) обеспечивает гендерное равенство на 68 %, а Таджикистан (137-е место) — на 62 %. Причем, согласно данным обзора, позиции всех трех стран по сравнению с 2006 г. ухудшились. Узбекистан и Туркмения в рейтинге ВЭФа отсутствуют. Для сравнения Россия занимает 81-ю позицию, несколько уступая Казахстану.

Попробуем оценить ситуацию в странах Центральной Азии с точки зрения вовлеченности женщин в политику, провести некоторые межстрановые сопоставления и выявить основные тренды. Рискнем также высказать предположение, что между уровнем развития страны и присутствием женщин во властных структурах может существовать обоюдная связь, а сокращение гендерного разрыва зависит не только

от уровня социально-экономического развития страны, но и от социальной мобильности населения в постсоветском пространстве и институциональных «социальных лифтов», создаваемых, прежде всего, на законодательном уровне. Источником статистической информации послужила онлайн-база данных Всемирного Банка Gender Statistics (https://databank.worldbank.org/source/gender-statistics), а также база данных Всемирного обзора ценностей (https://www.worldvaluessurvey.org). Гендерная статистика Всемирного банка по странам Центральной Азии охватывает период с 1996/97 по 2020 г., а интересующий нас показатель представительства женщин в парламенте представлен по Казахстану, Киргизии, Таджикистану, Узбекистану и Туркмении. Во всех странах Центральной Азии наблюдается значительное вовлечение женщин в управление страной: в Казахстане доля женщин в парламенте увеличилась с 13 % в 1996 г. до 27 % в настоящий период. Самый заметный рывок наблюдается в Узбекистане — там представительство женщин возросло с 6 % в 1997 году до 32 % к 2020 году, и это самый высокий показатель для стран региона. В Киргизии, Таджикистане и Туркмении данный показатель равен соответственно 19, 23 и 25 %. Для сравнения: среднемировой уровень присутствия женщин в парламенте составляет 25 %. В России этот показатель равен 15 %.

Для проверки гипотезы о влиянии гендерной составляющей на экономическое развитие страны проведем корреляционный анализ временных рядов. В качестве интегрального показателя развития страны будем использовать ВНД на душу населения. Поскольку гендерный фактор имеет процентное измерение, дополнительно оценим возможную взаимосвязь исследуемых параметров коэффициентами Спирмана и Кендалла. Из пяти рассмотренных стран лишь для Туркмении принимается нулевая гипотеза об отсутствии связи между представительством женщин во власти и результатами экономического развития. В Казахстане и Таджикистане фиксируется наиболее сильная положительная корреляция. В случае Киргизии и Узбекистана связь также положительна и статистически значима на *p*-уровне 0,05 (международная система показателей расчетов).

Однако необходимо отметить некоторые противоречия между формальным количественным анализом и результатами первичных опросов, содержащихся во Всемирном обзоре ценностей, в котором представлены лишь Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Интегральная оценка гендерной составляющей в политике предложена известным социологом Кристианом Вельцелем (WOMPOL-Welzel equality-2: Gender Equality: politics). В ее основе лежат ответы на целый ряд вопросов, касающихся участия женщин в политических процессах.

Так, в Казахстане, принявшем участие в двух волнах исследований (2010–2014 и 2017–2020), отмечается рост доли тех, кто считает, что гендерное равенство в политической сфере растет (27 и 38 % соответственно). А в Киргизии, принявшей участие в трех волнах исследований, наблюдается обратная тенденция: увеличивается доля тех, кто считает, что гендерное равенство в политике не реализуется. Аналогичный тренд складывается и в Таджикистане.

Т.К. Кораев

Памятники персоязычного историописания Центральной Азии и русский академический перевод: историографический обзор

Значение хроникальных и агиографических произведений на новоперсидском языке (*фарси-йи дари*), создававшихся на территории Центральноазиатского региона (прежде всего, на землях современных Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана) невозможно переоценить. Новоперсидский с X в. стал вторым по значимости средством самовыражения местных интеллектуалов после арабского, который сохранял лидирующие позиции до монгольского нашествия, а во многом и после него. Восточно- и североиранские языки, ранее распространенные в регионе, на протяжении первых веков хиджры (VII–IX вв.) вышли из широкого употребления в качестве письменных и не стали орудиями значимых литературных традиций, что обусловило тем большее значение персидского в противовес арабскому как языка традиции, претендовавшей на автохтонность и связь с доисламским прошлым.

Неслучайно фарси-йи дари (парси) оказался под покровительством Саманидов, которые в начале X в. поощряли его использование в придворной поэзии, а в середине X в. заказали переводы-переработки величайших памятников арабского историописания и коранической экзегетики (летописи и толкования ат-Табари), а также ряда популярных сочинений по медицине, богословию, географии и др. Однако становления оригинальной хронистики пришлось ждать до середины XI в., причем основным очагом ее формирования (по крайней мере, исходя из дошедших до нас ее образцов) послужила не столько Центральная Азия (области Мавераннахр и Фергана), сколько Иран (области Хорасан и Систан). Жестко разграничить эти два ареала персидской культуры весьма затруднительно, тем не менее в наш обзор памятники, создававшиеся во втором из них, могут быть включены только с большими оговорками.

Самые ранние примеры новоперсидского историописания в Мавераннахре (где персидский язык рано получил широкое распространение, прежде всего в долине Зарафшана), относятся уже к первой половине XII в. В дальнейшем они будут расти количественно и качественно на протяжении XIII–XV вв. Монгольское владычество не произведет в этом смысле перелома, поскольку тенденции, давшие о себе знать уже при Караханидах и Ануштегинидах, продолжатся и при Чагатаидах, и при Тимуридах. Более того, гегемония Чингисидов, в окружении которых, а затем и среди членов самого «Золотого рода» было немало персоязычных, во многом способствовала закреплению позиций персидского языка как письменного в областях, расположенных по системе Шелкового пути, протянувшейся от восточной к западной Азии (с центральными сегментами в Таримском бассейне и междуречье Сырдарьи и Амударьи), хотя и способствовала на низовом уровне распространению тюркских диалектов среди как оседлого, так и кочевого населения этих регионов (за счет диалектов персидского и малых восточно- и североиранских языков).

Персидское историописание с наступлением Нового времени стало для зарождающегося западного востоковедения настоящим кладезем знаний о мифоэпическом и историческом прошлом Передней и Средней Азии (первые полнотекстовые переводы хроник и географий относятся к эпохе Возрождения). Российская наука в этом отношении, как и во многих других, приняла эстафету у романо-германской академической традиции. Однако персоязычные памятники, созданные на землях региона или посвященные тем или иным периодам его истории, стали достоянием как европейского, так и русского читателя далеко не сразу. Серьезные сдвиги в этом отношении произошли в XX в., в особенности после установления советской власти и принципиального пересмотра историографического видения, связанного с учреждением и дальнейшим функционированием научно-академической среды СССР. Решающими стали 1930–1970-е годы, когда на русский язык были полностью или частично переведены важнейшие памятники исторической мысли и документальные комплексы, освещающие преимущественно временной отрезок с IX по XVIII в. (начиная с тахиридской и саманидской и кончая шейбанидской и аштарханидской эпохами).

Т.М. Махаматов

Поиски основ национальной идентичности центрально-азиатских республик

Мы живем в начале эпохи неоглобализации, когда импульсы мировой эволюции исходят не из одного — западного — центра, как было лет 20 назад, но из восточных и южных центров. В этом и состоит одна из сущностных особенностей эпохи неоглобализации — в многополярности современного мироустройства, в котором в диалектическом взаимовлиянии находятся восточная и западная цивилизации.

Качественность, устойчивость и гибкость каждого центра зависит от осмысленной интеграции каждой страны в тот или иной центр неоглобализационного процесса.

Согласно философу Спинозе, свобода есть познанная необходимость. Народы центральноазиатских стран, к которым относятся таджики, туркмены, узбеки, казахи, россияне и другие национальности и народности, осмысленно, на основе своих культурно-цивилизационных достижений, а потому и свободно включаются в евразийский интеграционный процесс. В наше время как закономерное продолжение нашего интеграционного прошлого в научной, литературно-художественной и хозяйственной областях поддерживается тесная взаимосвязь. Но сегодня она осуществляется на основе государственной политики, опирающаяся на взаимное уважение национальной идентичности.

Здесь, на наш взгляд, следует рассмотреть логику основных этапов эволюции национально-этнической идентичности.

Первым этапом формирования национально-этнической идентичности было формирование литературы на языках народов Центральной Азии [1]. Например, благодаря творчеству Аль Бируни, Ибн Сина, Омар Хайяма, Джелалиддина Руми, политике Самани и других, формировался фарси-мусульманский цивилизационный мир. Под влиянием поэтического, градостроительного, политического и хозяйственного творчества этого мира начал образоваться тюрко-мусульманский цивилизационный мир, где литературным языком становится тюрки.

Вторым этапом можно считать образование союзных республик в составе СССР, благодаря чему, хотя и в сильном подчинении центральной власти, на карте мира возникают Казахская, Киргизская, Таджикская, Туркменская и Узбекская республики. До этого периода названия государственных образований не были связаны с этническими названиями населения этих государств. Создание суверенных госу-

дарств в рамках СССР способствует уже системному формированию национально-политической идентичности.

Третий этап национальной идентичности народов центральноазиатских республик начинается с приобретением полной независимости, превращением их в субъекты мировой политики.

Дальнейшее развитие полноценной национально-политической, культурно-цивилизационной идентичности этих народов определяется во многом уровнем евразийской интеграции. У народов центральноазиатских государств имеется огромная культурно-цивилизационная основа для интегрирования. Как свидетельствуют центральноазиатские эпосы «Манас», «Алпамыш», «Гуругли», «Сказание о Сиявуше» и др., на торжества или обсуждение важных проблем собирались соседние народности — киргизы, таджики, туркмены, узбеки и другие.

Следует отметить еще один важный момент, необходимый для позитивного интеграционного процесса как в постсоветском центральноазиатском регионе, так и всей Евразии. Это касается роли России. Она была и остается политико-экономическим, культурно-цивилизационным пространством, способствующим реализации внутренних потенциалов всех народов постсоветского пространства. На наш взгляд, действительная прогрессивная и демократическая интеграция должна, прежде всего, опираться на интеграционные связи с Российской Федерацией.

Литература

[1] *Мамедзаде И.Р.*, *Махаматов Т.М.* От религиозно-этнической цивилизации к глобальной: цивилизация тюрко-мусульманского мира // Век глобализации. 2020. № 4 (36). С. 36–46.

Н.Т. Нурулла-Ходжаева

Мусульманский космополитизм

С ранних веков анонсирования ислама первые мусульманские общины сохраняли прочные духовные, эстетические и культурные связи с собственной культурной средой. Столетия спустя, центры этой религии: Мекка и Медина, оставались городами в далекой пустыне, однако они одновременно устанавливают прочные связи с новыми центрами космополитической Евроафриканской ойкумены: от Кордовы до Самарканда, или иначе городами-космополитами на землях от Тагуса до Оксуса (это если мы немного перефразировать знаменитую формулу Маршала Ходжсона, от Нила до Оксуса) [1].

Основные элементы мусульманского космополитизма становятся очевидными, возможно, тогда, когда Ибн Халдун (1332–1406) встретил Тимурланга (1336–1405) у стен Дамаска в 1402 г. Великий философ-социолог после этой встречи в своей «Мукаддима» ввел стандарт для представления всей человеческой истории. Это заселенный мир, та самая ойкумена: от Нила до Окса, включавшая также Средиземноморье и Индийский океан. Конечно, космополитизм был и до ислама, однако исламский космополитизм отличается тем, что он соединил афроевразийскую ойкумену как центр первой космополитической мировой системы [2].

Многочисленные мусульманские сообщества оформлялись благодаря активным религиозным, торговым, интеллектуальным и политическим коммуникациям по всему оговоренному пространству. Возможно, правильно будет заявить, что как таковых мусульманских империй в плане сегодняшнего понимания империй не было. Поскольку империя, согласно бытующим дефинициям, это «крупное государственное образование, созданное путем присоединения (мирного или, чаще, военного) ранее независимых территорий (стран и народов) к первоначальному ядру, где сосредоточена центральная власть» [3, с. 124]. В контексте ислама признания ядра вряд ли возможно, так как эта религия поощряла скорее содружество, представляемое как халифат, султанат или же королевство. Каждая из этих единиц сохраняла дух внутреннего постоянного интеллектуального дискурса, который циркулировал по евроафриканской ойкумене, параллельно с этим сохранялось чувство внешней состязательности с другими такого рода государственными единицами.

В таком интенсивном потоке греческая философия повлияла на возникновения исламского *фалсафа*, индийские цифры синтезировались с китайским декором — все это развилось под влиянием ислама. Например, астролябия, хотя и не была изобретена мусульманами, стала инструментом, представляющим общий научный интерес. Как заметил Аль Бируни (XI в.), не столь важно, что византийцы первыми использовали астролябию; этот инструмент стал мусульманским, когда благодаря ему было определено время молитвы. Тем оппонентам, которые пытались возражать против использования «христианского» инструмента, Аль Бируни говорил: «Византийцы тоже потребляют пищу. Тогда не подражайте им в этом!». Тем самым для Бируни, как и для большинства исламских интеллектуалов, то, что делало науку, культуру или политические структуры конкретно мусульманскими, было не происхождение, а скорее целенаправленная работа во благо. В такой среде иностранцев не только не исключили, но и приветство-

вали, прежде всего благодаря возможности разнообразить имеющиеся навыки. Например, к реализации многочисленных проектов по строительству в Самарканде в столице Амир Тимура были подключены иностранцы. И здесь речь идет не только об искусных мастерах из Азербайджана, Фарса, Индостана, Хорасана и других мест. Великолепные голубые купола знаменитой Биби Ханым возводились под руководством двух иностранцев из еще более далеких земель: Ходжа Махмуда Давида и Мухаммеда Дисельда.

Говоря о Самарканде, можно сказать, что этот город наряду с другими городами-космополитами способен представлять главную отличительную черту мусульманского космополитизма. Это та самая обширная дуга городов, которая была своего рода стержнем космополитических сетей по всему *Дар ал Ислам*.

Литература

[1] *Ходжсон М.Дж.С.* История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней / пер. с англ. А.Н. Гордиенко, И.В. Матвеева, Н.В. Шевченко. М.: Эксмо; Наше слово, 2013.

[2] *Нурулла-Ходжаева Н.Т.* Проблемы космополитизма и альтернативности в истории народов Центральной Азии // Вестник МГИМО – Университета. 2015. № 3 (42). С. 103–111.

[3] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 124–126.

В.Л. Пархимович

Эволюция конституционного строя государств Южного Кавказа на рубеже XX–XXI вв.

Вследствие уникального геополитического положения Южного Кавказа политические и конституционные процессы в странах этого региона всегда представляли значительный интерес.

Общей особенностью конституционного строя государств Южного Кавказа — Азербайджана, Грузии, Армении — является советское наследие: эти три государства в 1922–1991 гг. были союзными республиками в составе СССР (в 1922–1936 гг. они образовывали Закавказскую социалистическую федеративную советскую республику, учредившую вместе с РСФСР, УССР и БССР Советский Союз) и имели практически идентичные конституционно-политические системы и структуру органов власти. В силу доминирования в политической системе всех стран Южного Кавказа коммунистических партий, являвшихся де-факто региональными филиалами КПСС, органы государственной власти — советы, правительство и суды — находились в подчиненном

положении, имели отчасти фиктивные полномочия и в значительной мере были неэффективными институтами.

Главной задачей постсоветского государственного строительства стран Южного Кавказа стало формирование действенных механизмов конституционного строя и эффективных государственных структур — института главы государства, парламента, правительства, конституционного суда и судов общей юрисдикции. Во всех государствах Южного Кавказа эти сложные процессы проходили в условиях кровопролитных внутригосударственных и межгосударственных конфликтов, неконституционной смены политических лидеров и органов законодательной и исполнительной власти.

Армения, Грузия, Азербайджан стали одними из первых постсоветских государств, которые в ходе относительно свободных и демократических выборных процессов сформировали республиканские парламенты и избрали национальных лидеров, не входивших в состав коммунистической номенклатуры (Левон Тер-Петросян, Звиад Гамсахурдия, Абульфаз Эльчибей).

Любопытно и то обстоятельство, что действующие конституции государств Южного Кавказа были приняты в один год (1995). Эти конституции в первоначальной редакции имели общие черты, и все они были весьма схожи с первоначальной редакцией Конституции Российской Федерации 1993 г. Рассматриваемые конституции декларировали учреждение демократического политического строя, устанавливали президентскую форму правления (все государства Южного Кавказа возглавляли всенародно избранные президенты с широкими полномочиями), создавали однопалатные парламенты и конституционную юстицию (формировались независимые конституционные суды).

Однако под влиянием разнонаправленных внутренних и внешних процессов конституционный строй стран Южного Кавказа уже в начале XXI в. стал подвергаться серьезным изменениям. В настоящее время конституции каждого государства Южного Кавказа существенно отличаются от своих первоначальных редакций 1995 г. Прежде всего необходимо отметить, что Грузия и Армения отказались от президентской формы правления (полномочия главы государства существенно сокращены) и учредили парламентскую республику (политических лидером стал премьер-министр, возглавляющий парламентское большинство). Президент Армении теперь избирается парламентом, срок полномочий главы государства увеличен до 7 лет [1]. С 2024 г. в Грузии глава государства также будет избираться не посредством прямых выборов (коллегией выборщиков), а срок его

полномочий увеличен до 6 лет [2]. И только Азербайджан, неоднократно внося изменения в конституцию 1995 г., расширил полномочия президента и одновременно увеличил срок его пребывания в должности до 7 лет [3].

Видимо, именно такие редакции конституций отвечают в данный момент интересам политических элит соответствующих стран Южного Кавказа. В целом развитие конституционно строя этих стран характеризуется высокой нестабильностью. Модернизация конституционного строя проходит не путем принятия новых конституций, а посредством внесения поправок в конституции 1995 г. Вероятно, в дальнейшем конституционный строй каждого государства этого региона будет иметь еще больше особенностей и носить более специфический характер.

Литература

[1] Конституция Республики Армения: проект. Одобрен Верховным советом РА 12 мая 1995 г. и вынесен на референдум 5 мая 1995 г. для принятия Конституции. Ереван: Наири, 1995. 56 с.
[2] Конституция Грузии [принята 24 августа 1995 г. / вступ. ст. А. Деметрашвили, А. Папуашвили]. М.: ГИС, 1996. 228 с.
[3] Constitution of the Azerbaijan Republic (1995). Baku, 1999. 64 p.

Д.Я. Рахаев

«Отец нации»: И.Г. Чавчавадзе и грузинское национальное движение во второй половине XIX в.

И.Г. Чавчавадзе, грузинский писатель и публицист, выдающийся общественный деятель, родился 27 октября 1837 г. в семье князя Григория Паатовича Чавчавадзе (1811–1852) и княжны Мариам Христофоровны Бебуришвили. В 1848–1851 гг. И. Чавчавадзе учился в тифлисском частном пансионе немецкого педагога Л. Хакке, где, по его словам, заботились не только об умственном развитии, но и о нравственном воспитании молодых людей; в 1852–1856 гг. — в Тифлисской дворянской гимназии, в 1857–1861 гг. — на камеральном отделении юридического факультета Санкт-Петербургского университета. В российской столице грузинская студенческая молодежь под его началом занималась собиранием грузинских книг и рукописей, изучением культурного и духовного наследия Грузии, активно обсуждала проекты развития Грузии. Осенью 1861 г. И. Чавчавадзе, студент 4-го курса университета, вынужден был оставить учебу из-за участия в студенческих волнениях и вернулся в Грузию.

И. Чавчавадзе принял активное участие в грузинской общественной жизни, возглавив национальное движение середины XIX в. В 1860-е годы среди грузинских интеллектуалов, получивших образование в России, возникло движение «Тергдалеулеби» (Испившие воды Терека). Название движению дал обычай: уезжая учиться на север и пересекая Кавказский хребет, студенты символически прощались с родиной — пили воду из Терека. И. Чавчавадзе возглавил «Тергдалеулеби», охватившее широкие круги грузинского общества, его членами были талантливые интеллектуалы (Н. Николадзе, А. Казбеги, Важа Пшавела, А. Церетели, Д. Гогебашвили, С. Месхи и др.). Чавчавадзе и его сторонники активно публиковались в журнале «Цискари» («Заря»), на страницах которого началась реформа грузинского языка и литературы. Здесь впервые были напечатаны произведения грузинских писателей и поэтов: Д. Гурамишвили, А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, А. Церетели и др. В 1863 г. под началом И. Чавчавадзе издавался периодический орган «Тергдалеулеби» — журнал «Сакартвелос Моамбе» («Вестник Грузии») просветительско-демократического направления, оказавший влияние на развитие грузинской прессы. Преемником издания стал основанный И. Чавчавадзе в 1877 г. ежемесячный демократический журнал «Иверия» (в 1886–1906 гг. — ежедневная газета). Чавчавадзе стал первым главным редактором журнала (до 1902), с изданием сотрудничали почти все деятели национального движения Грузии.

В апреле 1863 г. И.Г. Чавчавадзе обвенчался с княжной Ольгой Фаддеевной Гурамишвили (1842–1927). После женитьбы он поступил на государственную службу. В начале 1864 г. в связи с планирующейся в Кутаисской губернии крестьянской реформой И.Г. Чавчавадзе был направлен в Кутаис чиновником особых поручений при кутаисском генерал-губернаторе «для определения взаимных отношений помещиков и крестьян». В 1864–1868 гг. был мировым посредником, затем до 1874 г. — мировым судьей Душетского уезда Тифлисской губернии. Чавчавадзе внес значительный вклад в усовершенствование проекта крестьянской реформы, принимал активное участие в ее осуществлении, подготовил представленный в Закавказский центральный крестьянский комитет документ «Критические замечания по параграфам предварительного проекта местного положения о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в Тифлисской губернии». И.Г. Чавчавадзе считал заботы о просвещении грузинского общества своим наиболее важным делом. В 1871 г. он занялся разработкой проекта национального университета: в преддверии визита императора Александра II в Тифлис на грузинском дворянском

собрании с подачи Чавчавадзе было решено ходатайствовать перед императором об учреждении в Тифлисе университета. Однако присутствовавшие на собрании попросили Александра II открыть военное учебное заведение для детей дворян. В ноябре 1871 г. была основана Тифлисская военная прогимназия.

Оставив государственную службу, И.Г. Чавчавадзе в 1874 г. вернулся в Тифлис и участвовал в создании и работе практически всех появлявшихся в то время национальных культурных и экономических учреждений. Так, в 1875 г. под его началом было основано первое в Грузии кредитное учреждение — Дворянский поземельный банк Тифлисской губернии, что позволило создать необходимую материальную базу для поддержки национальных культурных учреждений: театров, издательств, учебных заведений, а также развития духовной жизни Грузии. Банк субсидировал Общество распространения грамотности, проекты грузинской прессы, театр, оказывал финансовую поддержку частным лицам, в основном студентам. В 1875 г. по инициативе И. Чавчавадзе и С. Месхи в Тифлисе было основано Товарищество издателей грузинских книг, выпускавшее современную грузинскую литературу, книги исторического содержания и учебники, что способствовало повышению уровня образования и популяризации национальной культуры в Грузии. В 1879 г. И.Г. Чавчавадзе призвал грузин поддержать грузин-мусульман, проживавших на территориях, присоединенных к России по Берлинскому трактату 1878 г. Его авторитет в грузинском обществе был так велик, что его называли (უგვირგვინო მეფე / Король без короны, ერის მამა / Отец нации).

Чавчавадзе выступал за введение местного самоуправления в Грузии, участвовал в обсуждении вопроса о введении земства на заседаниях Дворянского собрания Тифлисской губернии. В 1898 г. он выразил свою гражданскую позицию в письме Острожскому епископу Серафиму, с которым был знаком еще со службы того в Тифлисе: «У грузин есть почва, на которой возникают и растут эти добрые чувства, ибо они твердо верят, что Россия явилась их спасительницею и защитницею. То спокойствие, та возможность мирного совершенствования, которые мы обрели под покровительством России, слишком большое приобретение, чтобы нам не дорожить им всеми силами нашей души и нашего сердца. Эта вера в великодушие и бескорыстное заступничество России крепко коренится в грузине, и возникающее из этого чувство глубокой благодарности и представляет собою неиссякаемый родник, способный превратить ростки добрых чувств к России в роскошное древо жизни, осеняющее всё

и вся своими раскинутыми ветвями». В 1905–1906 гг. он являлся членом Государственной думы, где отстаивал демократическую программу и защищал проект отмены смертной казни. В те же годы И.Г. Чавчавадзе возглавил движение за восстановление автокефалии Грузинской православной церкви, куда вошли многие представители грузинского духовенства и общественные деятели. До конца жизни он оставался наиболее влиятельной фигурой в общественной жизни Грузии. 30 августа 1907 г. был убит близ с. Цицамури группой молодых людей (Г. Бербичашвили, Г. Модзгвришвили, Т. Лабаури и др.). Гибель Чавчавадзе вызвала значительный резонанс в грузинском обществе. Похоронен в пантеоне Мтацминда.

Ж.С. Сыздыкова

Центральная Азия между Востоком и Западом

Благодаря своему географическому расположению государства Центральной Азии (ЦА) имеют важное стратегическое значение, так как ее срединное положение обеспечивает возможность налаживания эффективного сообщения между Кавказом, Средним Востоком и Восточной Азией. Центрально-Азиатский регион (ЦАР) еще в период активного действия Великого шелкового пути стал ключевым звеном, соединяющим Запад и Восток. В настоящее же время ЦА по-прежнему находится в зоне интересов различных мировых акторов. То, что внимание сильных государств мира приковано к странам ЦА, объясняется тем, что регион обладает большим потенциалом углеводородных ресурсов, цветных металлов и иных полезных ископаемых, прежде чем речь пойдет о нефти, газе, золоте, уране и др. Все это сочетается с возможностью прокладки удобных международных коммуникаций, что и привлекает ведущие державы мира в регион, здесь сталкиваются интересы Запада и Востока. Среди ведущих государств это США, страны Евросоюза, Россия и Китай, также представлены транснациональные энергетические и транспортные компании из разных частей света.

США и их союзники проводят экономические, политические, а также военные мероприятия с государствами региона. Американцы в 1990-е годы добились того, что через инвестиции в ТЭК сумели выстроить такую модель взаимоотношений, что сумели добиться явного доминирования в регионе. Предпринимаются попытки продвижения НАТО на Восток и попытки активного продвижения нового регионального объединения «Большая Центральная Азия» под эгидой США. В настоящее время в основе региональной стратегии США ле-

жит проект «Большая Центральная Азия», разработанный Фредериком Старом. Суть данного проекта заключается в создании с участием США новую интеграционную зону в ЦА. В основе отношений РФ и США лежит традиционное соперничество великих держав, восходящего ко времени русско-британской «Большой игры».

Китай предпринимает активные действия по укреплению своих позиций в ЦА. И по мере того как происходит смещение глобального центра тяжести в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, также происходит и рост значимости ЦА в качестве геополитического центра Евразии. В последние годы наблюдается рост интереса КНР к ЦАР. Круг интересов Китая широк: начиная от проблем безопасности и до экономического и культурного сотрудничества. Отметим некоторые моменты, которые касаются экономики и безопасности. Среди приоритетных направлений в экономике стоит выделить, прежде всего, внешнюю торговлю, инвестиционную деятельность и использование транзитного потенциала ЦА. И в военной сфере КНР стремится не допустить создания каких-либо военных блоков против нее в данном регионе.

Сложились и развиваются региональные международные организации, которые сегодня активно действуют: речь идет о Евразийском союзе, ШОС, ОДКБ. Стоит отметить, что в этих организациях первые позиции занимает Россия. Главные задачи РФ заключаются в создании зоны своих интересов при сохранении безопасности в регионе, а также в ограничении влияния внешних акторов, таких как США, Китай, которые сегодня наиболее активно и эффективно продвигают свои интересы в ЦАР.

Д.В. Сапрынская

Исследование мусульманских национальных меньшинств в Центральной Азии: современные подходы и научные направления

Востоковедная наука сформулировала немало подходов с использованием вспомогательных дисциплин для анализа положения «ориентального» меньшинства в контексте народов, страны или социальной группы. Сегодня, когда вопросы национальной идентичности получают все большее внимание, а становление независимых государств стран Центральной Азии находится на пороге 30-летней истории, подобная тема представляется актуальной.

Концептуальное определение «отношения к меньшинству», выделение его этнической и религиозной идентичностей прослеживается

с точки зрения периодов в истории отечественного востоковедения, перечисленных ниже.

1. Классическая школа, которую хронологически следует выделить в период присоединения Центральной Азии и вплоть до первых лет советской власти.

Представленная такими исследователями как В.В. Бартольд, А.И. Левшин, Ч.Ч. Валиханов, Г.Е. Грум-Гржимайло и многие другие [2. Бартольд, 1977, с. 23–25]. Этот период — время фундаментальных исследований ученых энциклопедистов. При этом наука служит прикладным целям, согласованным с присоединением региона. Меньшинство в этом смысле объясняется с точки зрения веры: «инородец» как социальная категория характеризует «меньшинство» отличное по вере, не исповедующее христианство.

2. Советская — существующая вплоть до распада СССР. Характерная политизация знания и его созвучность идеологическим представлениям отразилась и на постсоветской научной школе: формационный подход в том числе и к истории «меньшинств» [3. Филимонов, 1983, с. 5–15].

В отношении региона комплексно сформированы научные институты, представлены подразделения АН ССР в каждой из республик. Национальность как категория этнической стратификации используется для определения «меньшинства». Интернациональность при этом нивелирует религиозную принадлежность. Создается определение национальной культуры как таковой.

3. Современные научные подходы.

Актуальные подходы в отечественном востоковедении, по замечанию профессора Л.Б. Алаева, находятся в переходном состоянии: марксистский подход с исключительно экономическим фокусом не представляется достаточным [3. Алаев, 2019, с. 12 — 18]. Более того, можно говорить об обращении ученых к значительному ряду «визуального» материала как в качестве основного источника (исследование фотографических материалов, агитационных плакатов и т. д.), так и с точки зрения изложения результатов исследований. В отношениях меньшинств подобный подход из смежной визуальной антропологии (visual anthropology) или истории искусств (art history) особенно актуален. Однако он представляет скорее общий исторический нарратив, а не парадигму научного знания. То есть формирует форму, а не её содержание. Так, отношение к меньшинству как таковому теперь формируется с множества сторон: правовой, религиозный, национальный, гражданский, культурный, экономический и пр. Что говорит, как о свободе в исследовательском процессе с одной стороны, а с дру-

гой — объективных сложностях в установлении ценности каждого из подходов.

Литература

[1] *Алаев А.Б.* Проблематика истории Востока. М.: Ленанд, 2019. 504 с.
[2] *Бартольд В.В.* Работы по истории востоковедения: в 9 т. Т. IV. М.: Наука, 1977. 969 с.
[3] *Филимонов Э.Г.*, *Баширов Л.А.*, *Керимов Г.М.* Ислам в СССР. Особенности процессасекуляризации в республиках советского Востока. М.: Мысль, 1983. 173 с.

Ш.Д. Хубоншоев

К вопросу о сохранении памирских языков

В Таджикистане после распада СССР под влиянием миграций меняются не только социальная структура, этнический состав и локализация населения, но и, что особенно опасно, языковая структура общества, поскольку глобальные языковые изменения приводят к культурным и политическим катастрофам, таким как утрата национальной самобытности, «ломка» картины мира, разделение на «своих и чужих» и др.

В последнее десятилетие под угрозой исчезновения находятся языки народов Памира. В Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) государственный таджикский язык стал превалировать еще во времена существования Таджикской ССР. После распада Союза появился другой фактор — исчезновению данных языковых групп способствовала миграция. За пределами ГБАО памирцы говорят на таджикском языке, а за пределами Республики Таджикистан в странах СНГ — на русском языке. Переселенцы в обязательном порядке вынуждены выучить язык титульной нации, в противном случае их проживание в стране и интеграция в обществе невозможны. Мигранты овладевают языком принимающей стороны в короткие сроки для того, чтобы иметь достаточный заработок и обеспечить себе приемлемый уровень жизни.

В этом случае мигранты постепенно, если не в первом или втором, то в третьем, четвертом поколениях, неизбежно теряют родной язык. Мы наблюдаем данную картину сегодня. Некоторые дети даже не имеют представления о своей Родине. Родители не желают, чтобы их дети сталкивались с трудностями жизни, которые они когда-то испытывали при миграции, поэтому ставят в приоритет изучение языка. Неудивительно, что некоторые дети вовсе не знают родной язык. Так-

же часто встречаются случаи, когда дети понимают речь родителей, когда те при них говорят на одном из памирских языков, но сами не говорят на нем.

Рассматривая нынешнюю обстановку в ГБАО, мы замечаем, что основное внимание уделяется английскому и русскому, в школах предметы ведутся на таджикском языке.

Местные интеллектуалы, ученые и педагоги способствуют сознательному отношению к родному языку, созданию систем письма, букварей (Alifbo), самоучителей и прочей учебной литературы. Они предпринимают шаги по документированию памирских языков и фольклора, обучению им молодого поколения в школах и воскресных группах, а также способствуют созданию авторской литературной традиции [1, с. 430].

Кроме того, отношение членов общины к родному языку может меняться, и предпочтение может быть отдано более сильному доминирующему языку. При этом происходит унификация и сокращение культурного и языкового разнообразия. В настоящее время заинтересованные стороны применяют разные подходы к проблемам исчезающих иранских языков и их сохранению [1, с. 434].

На данный момент этим вопросом занимается Фонд Ага-Хана. Он создан для поддержания родного языка, изучения литературы на родном языке. Развитие культуры в первую очередь связано с сохранением языка, фольклора. Язык — это выражение индивидуальности, принадлежность к определенному народу. Без родного языка человек не может ощущать себя полноценной личностью. Языковые аспекты миграционных процессов также требуют сегодня пристального внимания и достойной научной рефлексии.

Литература

[1] *Додыхудоева Л.Р.* Памирские языки в условиях языкового сдвига. Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014. С. 430–437.

А.Р. Чедия

Становление Республики Абхазия и Южной Осетии как независимых государств: 30 лет де-факто, 13 лет де-юре

Распад СССР стал отправной точкой к эскалации межэтнических и территориальных конфликтов на постсоветском пространстве. В конце 1980-х годов выявились разногласия, переходившие в про-

тивостояние как союзных республик с центром, так и автономных республик, и областей с союзными республиками.

К концу 1980-х годов в Грузинской ССР (ГССР) нарастали центробежные тенденции, которые привели к стремлению последней выйти из состава СССР. Одновременно с этим автономные образования, находившиеся в составе ГССР, стремились выйти из состава республики. Противоречия между Абхазией и Южной Осетией с одной стороны и Грузией с другой привели к южноосетинской войне 1991–1992 гг. и грузино-абхазской войне 1992–1993 гг. В результате военных действий Абхазия и Южная Осетия фактически стали управляться самостоятельно. На линии соприкосновения конфликтов в 1994 г. были размещены коллективные силы СНГ по поддержанию мира.

В послевоенные годы руководство Абхазии и Южной Осетии неоднократно участвовало в переговорных процессах с руководством Грузии при посредничестве Российской Федерации, однако данные встречи не привели к изменению их статуса [1, с. 10]. Вместе с тем в октябре 1999 г. на основании референдума о независимости была принята декларация о государственном суверенитете Республики Абхазия.

После окончания войны с 1994 по 2000 г. Абхазия фактически находилась в экономической блокаде со стороны Грузии и России. Однако со сменой руководства в Российской Федерации и переориентированием грузинского внешнеполитического курса «на запад» началось послабление в торговом, таможенном и контрольно-пропускном режимах российско-абхазской границы [2, с. 124], а также имело место предоставление российского гражданства населению Абхазии [3, с. 129]. Подобные процессы происходили и в Южной Осетии. Население республики начало получать российское гражданство.

Несмотря на введение миротворческих сил в зону конфликтов неоднократно происходили эскалации военных действий в приграничных районах Абхазии (1998, 2001, 2006). В результате очередной напряженности на де-факто границах Грузии и Южной Осетии в августе 2008 г. началась еще одна фаза противостояния — «Пятидневная война». Объявленная президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым «операция по принуждению к миру» привела к окончанию военных действий и последовавшему признанию независимости Российской Федерацией Абхазии и Южной Осетии 26 августа 2008 г. Российская Федерация подписала ряд соглашений с республиками в разных сферах, в первую очередь в сфере безопасности.

В заключение следует указать, на то, что становление независимых государств Абхазии и Южной Осетии в период с начала 1990-х

годов происходит в крайне сложной обстановке. Вплоть до 2008 г. обе республики были практически полностью изолированы от внешнего мира, однако после признания Российской Федерацией их независимости процесс их де-изоляции был запущен, однако из-за отсутствия международного признания большинством стран мира этот процесс происходит крайне медленно.

Литература

[1] *Шамба С.М.* Переговорный процесс: надежды и разочарования // Абхазия — Грузия: препятствия на пути к миру. Сухум, 2000. С. 4–12.

[2] *Ласария А.О.* Модели регулирования этнополитических конфликтов на Северном и Южном Кавказе: сравнительный анализ: дис. … канд. полит. наук: 23.00.05. М., 2018. 201 с.

[3] *Сляднева Г.В.* Грузино-абхазский конфликт: генезис, современное состояние, перспективы урегулирования (политологический анализ): дис. … канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. 214 с.

Научное издание

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
Москва, 20–29 апреля 2021 г.
Тезисы докладов научной конференции

Публикуется в авторской редакции

Координатор проекта *О. В. Гаврилов*
Корректор *С. А. Серебрякова*
Верстка *Н. Ф. Бердавцева*

Подписано в печать 25.05.2021. Формат 60×90 1/16.
Уч.-изд. л. 16,75. Усл. печ. л. 19,0. Тираж 200 экз.
Изд. № 11724. Заказ №

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
http://msupress.com

Отдел реализации.
Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.